

Общество изучения истории
отечественных спецслужб

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ НА ЛУБЯНКЕ

2025 год

Невидимый фронт:
путь к Победе

(к 80-летию победы советского народа
в Великой Отечественной войне
и окончания Второй мировой войны)

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СПЕЦСЛУЖБ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ
АРХИВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ НА ЛУБЯНКЕ

НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ: ПУТЬ К ПОБЕДЕ (К 80-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны)

Материалы XXIX международной научной конференции
(Москва, 4–5 декабря 2025 г.)

Москва
2025

УДК 94(47).083:084; 94(470)

ББК 63.3(2)7-4

И90

Редакционная коллегия:

А. В. Баранов, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор (Краснодар)

С. Г. Веригин, доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

А. А. Зданович, доктор исторических наук, профессор (Москва)

В. С. Измозик, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Составитель:

А. А. Плеханов, кандидат исторических наук (Москва)

А. В. Усов, кандидат исторических наук, доцент (Владивосток)

И90 **Исторические чтения на Лубянке. «Невидимый фронт: путь к Победе»**

(К 80-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны): материалы XXIX междунар. науч. конф. / Сост. А. А. Плеханов, А. В. Усов. — М.: Издательство Фронткнига, 2025. — 336 с.

ISBN 978-5-6052926-3-0

В сборнике представлены материалы XXIX международной научной конференции «Исторические чтения на Лубянке» на тему: «Невидимый фронт: путь к Победе», посвященной 80-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны, проведенной под эгидой Общества изучения истории отечественных спецслужб при содействии Российского государственного исторического архива Дальнего Востока 4–5 декабря 2025 г. в конференц-зале Центральной универсальной научной библиотеки им. Н. А. Некрасова.

Издание адресовано сотрудникам и ветеранам силовых структур, специалистам-историкам, всем, кто интересуется историей России, историей отечественных и зарубежных спецслужб.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

УДК 94(47).083:084; 94(470)

ББК 63.3(2)7-4

ISBN 978-5-6052926-3-0

© Общество изучения истории
отечественных спецслужб, 2025
© Издательство Фронткнига, 2025
© Коллектив авторов, 2025
© Плеханов А. А., 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ОРГАНЫ И ВОЙСКА ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД в 1917–1941 годах

РАТЬКОВСКИЙ И.С.

Детство и юность Вячеслава Менжинского 7

ИЗМОЗИК В.С.

Коллегия Петроградской ЧК. 1918–1922 гг. 18

ПОПОВ Д.А.

Представление советской разведки о планах Карла Маннергейма
по захвату Петрограда в 1919 г. 28

МОЗОХИН О.Б.

Командировка Ф.Э. Дзержинского в Сибирь 37

ПЛАТОНОВ Ю.Н.

Становление правительственной связи в СССР (1918–1934 гг.) 44

РОГАЧЕВ В.В.

Пересылка секретной корреспонденции почтово-телеграфным ведомством
в период становления Крымской АССР в 1921–1923 гг. (на материалах
Государственного архива Республики Крым) 50

КАРИМОВ О.В.

«Нельзя нарушать принципа объединения военной и военно-морской разведки
в руках РУ Штаба РККА» (Военно-морская разведка в 1920-х годах) 57

БАРАНОВ А.В.

Документы органов ОГПУ СССР как источник по истории подготовки
коллективизации на Северном Кавказе 65

ВОЙТИКОВ С.С.

«Ориентируйтесь на лопату, тачку, грабарку и ручное бурение...» Решение
Июньского 1931 г. Пленума ЦК ВКП(б) о строительстве канала Москва — Волга
и подоплётка легендарной установки Л.И. Когана 73

УСОВ А.В.

Воспитательная работа с кадрами Экспедиции подводных работ особого
назначения (ЭПРОН) на Тихом океане в 1930-е годы 81

КАЛЮЖНЫЙ Р.Г.

Служебно-правовое положение, прохождение службы, воинские звания
командного и начальствующего состава Пограничной и Внутренней Охраны
НКВД СССР (1935–1937 гг.) 87

ТУЖИЛИН С.В.

- Кадровый состав органов и войск государственной безопасности
в отражении японской агрессии у озера Хасан 101

**ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙН****ХЛОБУСТОВ О.М.**

- Истребительные батальоны столичного УНКВД в битве за Москву 107

ПЛЕХАНОВ А.А.

- Особые отделы НКВД СССР: обеспечение режима секретности
и сохранения военной тайны. 1941–1942 гг 116

ПОЛУЭКТОВ И.Б.

- Отдельные аспекты обеспечения безопасности «безымянской группы
 заводов» авиапромышленного комплекса в начальный период
 Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) 125

ТУМШИС М.А.

- Георгий Тыльнер: на фронте борьбы с уголовной преступностью 133

СЛОБОДЯНЮК А.А.

- Об итогах боевой деятельности оперативных групп НКГБ
на временно оккупированной советской территории в 1943 году 142

СОЛОМОНОВА В.В.

- Деятельность НКВД–НКГБ на территории современной Липецкой области
в период Великой Отечественной войны в 1941–1943 гг 150

БЕКМАН Й.

- Антифашистское Движение Сопротивления в Финляндии во время
Второй мировой войны. 1939–1944 гг 157

МАРЧЕНКО Г.В., КОЛЕСНИКОВ С.С.

- «Дзержинская сталь»: воины-чекисты и сотрудники милиции в обороне
Ленинграда в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг 167

СИДОРЕНКО В.П.

- Войска НКВД СССР в боях и на службе в годы
Великой Отечественной войны (к 80-летию Великой Победы) 177

АНИСИМОВ Д.С.

- Кадровый вопрос в Смерш 188

ВЕРИГИН С.Г.

- Радиоигры в противостоянии финских и советских спецслужб
на Карельском фронте в годы Великой Отечественной войны 194

КАШИН В.В.	
Новые детали и версии по делу террориста Шило-Таврина	202
ИВАНОВ В.А.	
«...Сообщили очень важные данные о работе вражеской разведки»: роль старшего уполномоченного Особого отдела НКВД Ильи Васильевича Харченко в разведывательной работе партизан Крыма в 1941–1944 гг.....	211
БЕРНЕВ С.К.	
Гатчинская школа подготовки руководителей карательных органов в случае захвата немецкими войсками Ленинграда	218
КРАЙ К.И.	
Курсы подготовки кадров для органов безопасности будущей Польши в Куйбышеве	225
СТЕПАНОВ А.С.	
Советские контрразведчики и их работа в период проведения Берлинской наступательной операции Красной армии	233
ЛИМАНСКИЙ А.В.	
Развитие системы награждения частей и соединений войск НКВД и присвоения им почетных наименований в годы Второй мировой войны	243
КУТОВОЙ А.А.	
К вопросу о фальсификации пограничной истории периода Великой Отечественной войны	248
ЖАДАН А.В.	
Принципы и методы исследования деятельности органов НКВД СССР по борьбе с преступностью и охране общественного порядка на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны	253
СПЕЦСЛУЖБЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ХХ — НАЧАЛЕ ХХI ВВ.	
КУРЕНКОВ Г.А.	
Защита информации по атомному проекту в средствах массовой информации и литературе в 1945–1946 гг	260
ВАСИЛЬЕВ Ю.А.	
Андропов vs Семичастный	268
ЖАРОВ С.Н.	
Формы и методы борьбы «коллективного запада» против СССР в публичных выступлениях Ю.В. Андропова	275

БЕКМАН Й.

КГБ и Финляндия 280

КУКАРЕКА А.Н.Неутомимый чекист (к 110-летию со дня рождения генерал-лейтенанта
Е.П. Питовранова) 288**РУДНИК С.Н., КОРОЛЕВ Е.В.**Судьба ветерана КГБ Владимира Королева — сотрудника контрразведки
Смерш первого «призыва» 299**УЛЬ М.**Генерал-майор ГРУ Дмитрий Ф. Поляков — «бриллиант» ЦРУ
в советской военной разведке 309**МИРОНЕНКО С.В.**

Генерал Д.Ф. Поляков: анатомия предательства 320

БАНДУРИН С.Г.

Новое — хорошо забытое старое (о дефиниции «пограничные органы») 326

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ 329**КНИЖНАЯ ПОЛКА ОБЩЕСТВА** 332

Ратъковский И. С.

Кандидат исторических наук, доцент

*Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург*

Детство и юность Вячеслава Менжинского

Статья посвящена начальному периоду биографии В.Р. Менжинского, его детским и гимназическим годам. Акцент сделан на семейную историю Менжинских, влиянии семьи на становление его характера. Важным моментом статьи является изложение обстоятельств учёбы Менжинского в 6-й Петроградской гимназии.

Ключевые слова: Менжинский В.Р., Менжинские, 6-я гимназия, Санкт-Петербург.

Вячеслав Рудольфович Менжинский родился 19(31) августа 1874 г. в Санкт-Петербурге в польской дворянской семье православного вероисповедания. Он был шестым ребёнком в семье преподавателя истории Рудольфа Игнатьевича Менжинского (28.09.1835–11.02.1919). Отец Менжинского окончил словесно-исторический факультет Санкт-Петербургского университета в 1859 г. Его выпускная диссертация была на тему: «Первый период борьбы Франциска I с Карлом I (1521–1525)» [1]. После университета он был определён преподавателем истории во Вторую мужскую гимназию Санкт-Петербурга. В 1863 г. Менжинский-старший числился здесь в качестве старшего учителя, получив в июне этого же года чин титулярного советника [2]. За «отлично-усердную и ревностную службу» в гимназии в марте 1866 г. он был награждён орденом Св. Анны II-й степени [2; 28 октября]. Параллельно он преподавал в Мариинском институте. 17 Мая 1864 г. за преподавание здесь был награждён орденом Св. Станислава III-й степени [4]. Это была его первая награда российским орденом. Далее будет вышеупомянутый

орден Св. Анны II-й степени (1866), орден Св. Станислава II-й степени (1871), орден Св. Владимира III-й степени (1883) и ряд памятных знаков: золотой перстень с сапфиром (пожалован Николаем II 12 декабря 1902 года на празднование столетия Пажеского корпуса). Были у него и иностранные награды: Орден заслуг Герцога Петра-Фридриха-Людвига Ольденбургского III-й степени (1889), Сиамский орден Белого слона II-й степени (1902) [5, с. 788].

С 1864 г. Р.И. Менжинский преподаёт в Пажеском корпусе. Именно за преподавательскую деятельность в Пажеском корпусе он получил орден Св. Равноапостольного Князя Владимира III-й степени [6]. Согласно воспоминаниям жены его старшего сына Екатерины Васильевны Менжинской [7], ни в одном из кадетских корпусов Санкт-Петербурга, как указывали его первые биографы Т. Гладков и М. Смирнов, Рудольф Игнатьевич не преподавал [8]. Эта же ошибка относится и к более позднему изданию Т. Гладкова и О. Мозохина [9], а также содержится в работах Л.М. Млечина [10]. В момент окончания службы в 1910 г. он имел чин

тайного советника, что соответствовало гражданскому чину III класса, а также званию генерал-лейтенанта.

Подробное описание его преподавательской деятельности в Пажеском корпусе оставил эмигрант, ранее царский генерал-майор Б.В. Геруа (1876–1942), который был его учеником в данном учебном заведении, а затем коллегой по преподавательской работе: «Историком нашим был Рудольф Игнатьевич Менжинский. Не только нашим, но и предшествовавшим поколениям. Это был старожил вроде лазаретного Кирилла Ивановича Вавенко. Менжинский был высокий, слегка сутулый старик с аккуратной бородкой и в пенснэ, с пробором приглаженных редеющих волос; у него были кошачьи манеры, и с лицом его не сходило выражение презрительности. Пажей, которые ошиблись в ответах, он насмешливо называл “сокровищами” и был не прочь поиздеваться над ними; всем вообще ставил низкие баллы, считая, как священник Селенин, что 9 являлось вершиной оценки, которую заслуживали их ученики. В этом они были правы, так как при их преподавании знать на большее было трудно... В течение двух долгих поколений пажи имели несчастье иметь бесменного и, казалось, бессмертного наставника, для которого история заключалась в хронике событий. Не помню случая, чтобы на уроке истории давались бы схемы и диаграммы, упрощающие усвоение темы или хотя бы была повешена нужная географическая карта. ... Менжинский был поляк. В преподавании это сказывалось, когда доходили до царствования Екатерины II. Не прощая ей раздела Польши, он выходил из себя, если паж назывался Императрицу Великой. Вспыхивал и язвительно шипел на виновного: “Вторая, сокровище, вторая! Сенат не подносил ей титул Ве-

ликой! Садитесь”. И паж садился, зная, что заработал шестёрку или семёрку» [11, с. 54–65].

Как своего преподавателя в Пажеском корпусе отца Менжинского вспоминал и другой известный царский генерал, уже жандармской службы, В.Ф. Джунковский (1865–1938). В первом томе воспоминаний он упоминает, что историю им преподавал Менжинский, «человек весьма педантичный и аккуратный. Рассказывая историю, он отчеканивал, если можно так выразиться, каждое событие. Не мог видеть, когда кто-нибудь развлекался перочинным ножом, и отбирал его у проявившегося, так ножик и пропадал. Сын его в настоящее время, когда я пишу эти строки, стоит во главе ГПУ» [12].

Преподавательская деятельность отца сказалась на интересе Менжинского младшего к истории. Старшая дочь Р.И. Менжинского вспоминала: «У отца была довольно большая историческая библиотека, и любимым занятием Вячеслава, как только он научился читать, было вытащить из отцовского шкафа книгу и уноситься мыслью за героями Плутарха и Тацита, Карамзина и Соловьева. История навсегда осталась его любимой наукой» [13, с.14–15].

Мать Менжинского, Мария Александровна Шакеева (ок. 1843–31.07.1900) была дочерью инспектора Школы кавалерийских подпрапорщиков и юнкеров. Дед Менжинского по материнской линии Александр Венедикович Шакеев (1812–1870) был известным историком, преподававшим античную и средневековую историю в Санкт-Петербургском университете в 1838–1839 гг., а далее в других учебных заведениях столицы Российской империи. Замуж за Р.И. Менжинского она вышла 24 мая 1863 г.

Старший сын четы Менжинских Евгений, родившийся 4 апреля 1864 г., умер в полуторагодовом возрасте 21 октября 1865 г. Следующий ребёнок, дочь Анна, родилась 26 сентября 1865 г. и также умерла в детстве 15 апреля 1870 г. Только родившийся 19 июля 1867 г. третий ребёнок в семье Александр, избежал смерти в детстве. Следует отметить, имеющиеся ошибочные указания биографов Менжинского Т. Гладкова и М. Смирнова, а впоследствии и О. Б. Мозохина, на отсутствие дружеских отношений между Александром и его младшими сёстрами и братом [8, с. 11; 9, с. 8]. На самом деле были тёплыми и крепкими на протяжение жизни братьев и сестёр, о чём сохранились семейные свидетельства со стороны потомков Александра Менжинского [7]. В августе 1885 г. Александр поступил в Санкт-Петербургский университет [14]. В 1889 г. он поступил на службу в Госбанк, позднее заняв должность начальника Особенной канцелярии по кредитной части. Уже в этой должности в 1897 г. коллежский секретарь Менжинский, вместе с инспектором Госбанка коллежским советником А. А. Беретти участвовал в ревизии Гребеневского ссудо-сберегательного общества Опочецкого уезда Псковской губернии. Позднее его ревизионная деятельность на банковском поприще продолжилась и он (уже надворный советник), участвовал в 1902 г. в ревизии 2-го Харьковского общества взаимного кредита и Общества взаимного кредита приказчиков в том же Харькове. Уже после Первой русской революции он участвовал в ревизии Виленского земельного банка [15, с. 52, 58–59]. В 1912 г. он действительный статский советник.

Александр был женат на Ирине Ивановне Менжинской, в девичестве Ярославцевой (20 апреля 1864–22 марта 1937).

Брак был заключён 8 февраля 1904 года, о чём есть как церковно-метрические данные, так и данные свидетельства о браке указанного года, копия которого содержится в деле Александра Менжинского. В нём указывался возраст брачующихся на тот момент: жених — 36 лет, невеста — 40 лет [16, л. 4].

У Александра родилось несколько детей, возможно до заключения официального брака или в предшествующем браке, если он был. В 1893 г. появился на свет Евгений, закончивший позднее Санкт-Петербургский университет [17]. Он был достаточно известным советским историком, автором книг по истории Западной Европы и международным экономическим отношениям. Позднее он женился на Екатерине Васильевне Менжинской. В 1895 г. в семье Александра Менжинских родился Георгий (убит в Ленинграде в блокаду), в 1897 г. — Ольга, а в 1901 г. — Софья [7].

Позднее Александр входил в состав правления Соединённого банка, завода «Богатырь», пивоваренного завода «Ф. Ф. Боте», Рязанского завода сельскохозяйственных машин и т. д. По сообщениям эмигрантских газет, которые уделили ему определённое внимание после назначения в 1926 г. Менжинского на пост председателя ОГПУ, Александр Рудольфович «в Петрограде был хорошо известен в банковских кругах, по своей деятельности в роли директора Союзного Банка, где вместе с б. издателем Торгово-Промышленной Газеты Е. С. Каратыгиным, ныне подвзывающимся у большевиков, играл руководящую роль» [18]. После Февральской революции 1917 г. чиновник особых поручений V класса Министерства Финансов Менжинский был уволен со службы, согласно прошению с 11 Июля [19]. В последующие

годы он находился на различных финансовых постах уже советских учреждений. В 1922 году был членом Правления Госбанка, при этом в Анкете Госбанка в 1923–1924 году он числится даже Директором Госбанка [17, л. 8 об.]. В 1923–1924 гг. работал во Внешторгбанке. С 25 ноября 1925 г. [17, л. 8 об.] находился на незначительной должности в ленинградском отделении Госбанка, получал 90 рублей в месяц. Ф.Э. Дзержинский в записке от 20 июля 1925 г. чекисту Г.А. Русанову, который был откомандирован в ЦК РКП(б) в 1924 г., ходатайствовал о более соответствующей опыту должности А.В. Менжинскому в тресте, банке или ВСНХ [20, с. 616–617]. Несмотря на заслуги перед советской властью, высокие должности брата в ОГПУ, а сына Евгения в Центральном Управлении государственной промышленности, в последние годы жизни он имел материальные проблемы. Только вмешательство младшего брата, руководителя ОГПУ В.Р. Менжинского привело к назначению ему специальной пенсии. Вопрос о пенсии рассматривался в начале января 1928 года. Были собраны материалы на её представление, в том числе в одном из документов на имя Коковицына и А.М. Лежавы указывалось: «Как Вы увидете из анкеты Менжинскому в настоящее время идёт 61-й год. Работать он уже не в состоянии. В виду этого сохранение его на работе невозможно, и единственным материальным выходом из положения является назначение ему пенсии. К Вашему сведению сообщаю, что оклад его в настоящее время составляет 283 рублей (двести восемьдесят три рубля)» [17, л. 7]. В результате Александру Менжинскому была назначена пенсия в 125 рублей [17, л. 2]. Умер Александр Рудольфович от «склероза аорты и сосудов головного мозга»

22 сентября 1930 года [17, л. 3]. Его пенсию в дальнейшем будет получать вдова.

Однако беды после появления здорового третьего ребёнка, сына Александра, не оставили семью Р.И. Менжинского: четвёртый ребёнок вновь умер вскоре после рождения. Родившийся 13 сентября 1869 г. Иван умер 5 апреля 1870 г.

В 1872 г. в семье Менжинских родилась Вера (1872–1944), впоследствии написавшая много воспоминаний о брате. С осени 1917 г. она входила в состав Наркомпроса, одно время заведовала его театральным отделом. Была не только революционеркой, но и лингвистом-переводчиком. Организовала Государственные курсы преподавания иностранных языков, а позднее работала директором Института иностранных языков. «За успешную педагогическую и общественную деятельность директор Государственных центральных курсов заочного обучения иностранным языкам В.Р. Менжинская» незадолго до смерти в 1944 году была награждена орденом Трудового Красного Знамени [21].

В 1874 г. родился Вячеслав Менжинский. После него в семье Менжинских 11 января 1876 г. появилась ещё дочь Людмила, «милочка» как её ласково звали в семье. Она окончила Мариинскую женскую гимназию, а затем продолжила обучение в Женском педагогическом институте. Член РСДРП(б) с 1904 г, до Октябрьской революции она работала учителем в Санкт-Петербурге–Петрограде. Во время Первой российской революции 1905–1907 гг. активно участвовала в работе технической (боевой) секции ЦК. Позднее секретарём ПК РСДРП. Сотрудничала в «Правде», входила в состав первой редакции женского журнала «Работница», выходившего с 1914 г. После Февральской революции 1917 г. работала

в Секретариате ЦК, была членом ПК. После Октябрьской революции — член коллегии Наркомпроса РСФСР. В 1921 г. была назначена заместителем завотдела Работниц ЦК РКП(б), затем председателем Всероссийской комиссии по ликвидации неграмотности. С 1922 по 1926 гг. — член коллегии Наркомпроса УССР, а затем проректор Академии коммунистического воспитания, заместитель заведующего городским отделом народного образования Москвы. Умерла в Москве в ночь на 12 ноября 1933 г. В браке не состояла. Детей не имела.

Следует отметить, что здоровье его матери после рождения дочери Людмилы в 1876 г. было подорвано нервными потрясениями предшествующих лет. Это даже потребовало лечения в Доме призрения душевнобольных, в Удельной (сейчас психбольница им. И.И. Скворцова-Степанова, известная в народе, как «Скворешник») [21]. При этом лечение шло на фоне новой беременности Марии Александровны. Именно здесь родился последний ребёнок — дочь Мария, вскоре умершая. Лечение потребовало времени, но оказалось эффективным, здоровье удалось поправить. Как указывала сама Мария Александровна позднее в письме своей подруге Н.А. Белозерцевой в 1897 году, её лечил И.М. Балинский, а после «смерти моих детей» известный российский психиатр, профессор И.П. Мержеевский (1838–1908), которому она была благодарна как врачу и человеку. Он игнорировал «совершенно уже сознательные оскорблении его, и всегда он оставался верен себе — кроме того у него очень много врождённой деликатности» [23, л. 2–3].

Смерть первых детей повлияла на чету Менжинских: в семье всячески, порою чрезмерно, заботились о здоровье осталь-

ных чад. Особо любим родителями был младший сын Вячеслав: в семье его ласково называли Вяча, Вяченка, Вячуша. Сам же он был очень близок с сёстрами. Как указывала В.Р. Менжинская, Вячеслав «Дружил только с сёстрами, и эта дружба прошла глубокой бороздой через всю его жизнь. В детские годы он особенно близок был с младшей сестрой Людмилой» [13, с. 13].

Большое влияние на Вячеслава и его сестёр в раннем детстве оказала их мать: «Они вместе играли, вместе слушали по вечерам рассказы матери, которая пересказывала им сказки, детские рассказы и художественные произведения. На её столике всегда была какая-нибудь книга, из которой она черпала материал для вечерних рассказов. Она же научила их обоих читать, занималась с ними до самого поступления в гимназию, долго ещё внимательно следила за их гимназическими занятиями. Начитанная и образованная, яркая общественница в молодости, одна из основательниц... высшего учебного заведения для женщин, Бестужевских курсов, она не терпела обывательщины, мещанства, компромиссов» [13, с. 13–14].

В детстве и позднее Вячеслав Менжинский и его сестры, в первую очередь Вера, также дружили с их ровесницей, известной в будущем большевичкой, секретарём ЦК, Е.Д. Стасовой (1873–1966), что в дальнейшем сыграло роль в вовлечении Менжинского в революционное движение и не только. Так Елена Стасова научила его плавать. Мать Менжинского была дружна с Поликсеной Степановной Стасовой (1939–1918), отсюда и дружба их детей. При этом П.С. Стасова была крёстной матерью Вячеслава Менжинского и у них были очень сердечные отношения. «Дорогая тётя Поля» пользовалась всегда

его доверием и любовью. Сам Менжинский впоследствии в переписке с ней отмечал, что любит её не менее, чем её родные дети. В письме 18 марта 1904 года Менжинский писал: «Я очень, очень люблю Вас, дорогая моя тётя Поля... Вы скрасили собой детство, как никто» [24, л. 5–5 об.].

Большинство исследователей биографии Менжинского соглашаются, что здоровье Вячеслава в детстве не было лучшим. Возможно, что это было связано с определённой наследственностью или последствиями тяжёлых родов матери. Отметим, что также часто обосновано указывается, что у всех детей четы Менжинских позднее были проблемы с сердечной системой. Болезненность и опека родителей не могли не сказываться. Поэтому для юного Менжинского характерна была некоторая замкнутость, сосредоточенность на внутренних переживаниях. Общение вне семьи было ограниченным.

Родившийся в преподавательской семье, Менжинский получит классическое образование. Первым его этапом стало обучение в Шестой Санкт-Петербургской классической гимназии, куда он поступил в 1885 г. Гимназия, основанная в 1862 году, была популярным петербургским учебным заведением с ярко выраженным филологическим уклоном [25, с. 3–4]. Укажем на её знаменитых учеников: на инженера-генерала Н. А. Крюкова, который учился там в её 2–5 классах (1862–1866), художника Л. С. Бакста (1866–1924), известного российского и советского юриста М. А. Рейснера (1868–1928), и, наконец, главу Белого движения адмирала А. В. Колчака. Будущий Верховный правитель России учился в гимназии в 1885–1888 гг, закончив три класса из восьми. Отметим, что

Колчак был однокашником Менжинского. Последний момент демонстрирует высокий уровень гимназических требований к ученикам именно в период обучения Колчака и Менжинского. При переводе в 3-й класс, Колчак, получив двойки по русскому и французским языкам, тройку с минусом по латинскому и немецким языкам, тройку по математике, чуть был не оставлен «на второй год». Очевидно, что ему не давались именно иностранные языки, а также латынь с древнегреческим. На повторных устных экзаменах по русскому и французскому языкам он исправил оценки на три с минусом и был всё же переведён в 3-й класс. Будущий адмирал и Верховный правитель Сибири явно неправлялся с подобным давлением программных требований, вскоре перейдя в Морское училище, где требования к обучающимся, были существенно меньшими.

Обучение в Шестой гимназии оставило у Вячеслава тяжёлые воспоминания. В гимназии господствовала зубрёжка. «Древним языкам и математике было предоставлено первенствующее положение; эти предметы считались главными, и особенное внимание обращалось на письменные “практические” упражнения... В виду серьёзных требований, предъявлявшихся ученикам на письменных экзаменах по древним языкам, математике и русскому языку, метод преподавания постепенно свёлся на подготовку учеников к экзамену на аттестат зрелости, а другие стороны в изучении этих “главных” предметов, равно как и прохождение курса “второстепенных предметов”, отошли на второй план. Это обстоятельство имело два крупных следствия. Первое из них заключалось в том, что при изучении древних языков было обращено особое внимание на изучение

грамматических форм языка, а при прохождении математики — на заучивание формул, причём знания учеников оценивались весьма строго. Вторым следствием явилось, что формальные требования министерства вызвали и формальное отношение к делу со стороны преподавателей: изучение предмета сводилось теперь к изучению учебника, приспособленного к министерской программе, так что труд преподавателя заключался в разъяснении текста учебника, в указании способа, как пользоваться им при выполнении письменных работ; в то же время главнейшую целью преподавания ставился контроль познаний учеников. При такой постановке дела уже некогда было думать о всестороннем изучении античного мира, или, по крайней мере, древних писателей; сами учителя понимали невозможность прохождения органического, законченного курса и пропускали в своём преподавании те данные, которые не являлись необходимыми для производства письменных работ» [25, с. 20–21]. Это,

безусловно, сказывалось на восприятии гимназии. Старшая сестра Менжинского вспоминала: «Но даже став взрослее, он говорил, что если ночью у него был кошмарный сон, то это значило, что он видел во сне свою гимназию» [13, с. 15].

Касательно предметов изучения в гимназии, представление о них даёт таблица предметов и часов по ним на 1890 г. [25, с. 30].

Хотя Менжинский в 1893 г. и окончил указанную гимназию с золотой медалью, это стоило ему многих усилий и нервов. Первоначально обучение у него складывалось не просто. Так в первом классе он даже был оставлен на второй год. Отметим, что схожая ситуация была и у Феликса Дзержинского во время обучения в Первой Виленской гимназии. Ситуация с учёбой у Менжинского исправилась лишь позднее. Только спустя время оценки стали хорошими и отличными. «В последних классах гимназии под влиянием талантливого преподавателя древних языков, Вячеслав Менжинский

Предмет	Пригот.	1	2	3	4	5	6	7	8	Итого 1–8 кл.
Закон Божий	4	2	2	2	2	2	2	2	2	16
Русский язык и логика	6	5	4	4	3	3	3	3	4	29
Латинский язык		6	6	5	5	5	5	5	5	42
Греческий язык				4	5	6	6	6	6	33
Математика	6	4	4	3	4	4	4	3	3	29
Физика							2	3	2	7
История				2	2	3	2	2	2	13
География		2	2	2	2					8
Французский язык			3	2	3	3	2	3	3	19
Немецкий язык			3	3	3	3	3	2	2	19
Чистописание и рисование	6	4	4	2						10
Итого	22	23	28	29	29	29	29	29	29	225

усиленно работал над усвоением классических языков и, таким образом, заложил основательный фундамент для своих дальнейших лингвистических занятий. Чтение античной литературы осталось до конца жизни одним из любимых его занятий. Много времени он посвятил и математике, что дало ему впоследствии возможность самостоятельно заниматься высшей математикой» [13, с. 17].

В период обучения в Шестой петербургской гимназии Вячеслав мечтал уже стать врачом, по-прежнему увлекаясь поэзией и чтением. Одним из любимых предметов оставалась история. В списке прочитанных им книг можно увидеть не только известные труды российских историков Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева, но и зарубежные сочинения А. Ламартина, А. Тьера, Ф. Минье. Достаточно рано он проявил интерес к истории Великой французской революции и Парижской коммуны.

Под влиянием работ революционных демократов, как отмечал его биограф Теодор Гладков, уже в 16 лет Менжинский становится убеждённым атеистом, что произошло примерно в 1890 г. Это могло быть следствием определённого негативного отношения Менжинского к изменившимся в гимназии условиям обучения. Восьмой по порядку директор гимназии Д.Н. Соловьев (1843–1909), в прошлом выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, возглавил гимназию как раз в 1890 г. Он находился на этом посту по 1896 г., когда по приглашению К.П. Победоносцева перешёл на должность директора канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода. В период же пребывания на посту руководителя Шестой гимназии Соловьев отличался особой внимательностью к преподаванию в ней

Закона Божьего. «Воспоминания учеников и сослуживцев Д.Н. Соловьева изображают этого директора, как большого любителя церковного пения, который главное своё внимание обращал на гимназический хор и на торжественность богослужения» [25, с. 31]. Характерно, что первым мероприятием Соловьева после назначения на должность, как указывал его сын «... было установление общей молитвы для учеников, которая начиналась ежедневно без четверти девять часов утра. Молитва состояла из чтения нескольких молитвословий всеми учениками и чтения евангелия священником и молитвы перед учением, которая читалась в классе кем-либо из воспитанников по очереди между собою» [25, с. 173]. Таким образом, с 1890 г. в гимназии явно усилился церковный компонент в обучении обучающихся, что могло вызвать ответную реакцию со стороны Менжинского. Об этом свидетельствует записи Вячеслава в личном дневнике (он вёлся под известным латинским изречением «*Gnosco saepe alteri, nunquam tibi*»: «Всегда прощай других и никогда себе», отрывки из которого он переслал позднее своей крёстной П.С. Стасовой в письме от 4 июля 1893 года. Немного иронично дневник фиксировал события-намерения январского дня 1890 года: «Понедельник 27 января. 7 ½–8. Встать сразу, одеться, вымыться, вычистить уши, начистить зубы, помолиться, выпить чаю, не сердиться на Милу за то, что она опаздывает, взять мамину книгу и уехать в гимназию. II часть дня: 8–9. На извозчике — сидеть прямо, дружественно говорить с Милой, прийдя в классы, снять ранец, вынуть французскую книгу, дружественно поздороваться с товарищами. На молитве вести себя сосредоточенно. 9–10. На французском сидеть прямо, написать дик-

товку. Держать перо, как следует, и, не возиться с соседями, а “перекрестясь” составить (неразборчивое слово. — *Прим. авт.*) к четвергу» [24, л. 2–2 об.]. Отметим и другие записи дневника, где фиксировался по дням недели проявление гордости и грубости со стороны автора записей. Неслучайно Дневник Менжинского вёлся под известным латинским изречением «*Gnoscito saepe alteri, nunquam tibi*» (Всегда прощай других и никогда себе) [24, л. 3–4]. Отметим, что в этом же письме Менжинский указывает о своей борьбе с имеющимися у него недостатками: «Мои недостатки и их проявления. Недостатки бывают двух родов: душевые и телесные. Душа состоит из ума, чувства и воли. Я физически слаб, нравственности сомнительной, умственно неразвитый, и совершенно лишённый силы воспитанной воли. Лень составляет основную черту моего характера... Я подлец!» [24, л. 4 об.]. Это уже размышления Менжинского выпускника из гимназии, которые следует считать как пример самокритики с элементами иронии перед авторитетной для него крёстной.

В 1893 г. Менжинский закончил с золотой медалью Шестую петербургскую гимназию. В этот год среди 44 выпускников таких было трое: помимо Вячеслава Михайловича, ещё Ф. В. Гусаров и Н. Петров [25. с. 66]. Как и Менжинский, Фёдор Васильевич Гусаров (1875–1920) будет известным революционером, который участвовал в революционном движении ещё с гимназических лет. Имел медицинское образование. Был членом Санкт-Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», агентом «Искры», членом ЦК РСДРП в 1903–1904 гг. Во время Первой русской революции был руководителем военной организации при Объединённом и Санкт-

Петербургском комитете РСДРП, в работе которых, к слову, участвовала младшая сестра Менжинского Людмила. В дальнейшем Гусаров находился в сибирской ссылке. В период Гражданской войны был участником антиколчаковского подполья в Сибири, при этом именно он в качестве врача зарегистрировал смерть А. В. Колчака, с которым когда-то учился в гимназии в раннем детстве. В отличие от Гусарова, другой золотой медалист Н. Петров совершил научную карьеру ученого-филолога. Отметим, что в выпуск Шестой Санкт-Петербургской гимназии 1893 г. были и другие известные в будущем научные и общественные деятели. Ряд из них выбрали в качестве продолжения образования Санкт-Петербургский университет. Так, туда на историко-филологический факультет поступил Яков Вольф Исаакович Эрлих (1874–1902) [26]. Философ и музыкальный критик, он будет близким другом поэта — «декадента», а затем известного проповедника-сектанта Александра Добролюбова и поэта Владимира Гиппиуса (все трое учились на близких годах обучения в Шестой Санкт-Петербургской гимназии). Заболев психическим расстройством накануне собственной свадьбы, Эрлих вскоре умер в 1902 г. Отметим, что был не единственный случай психических заболеваний среди выпускников гимназии. В этом отношении, например, укажем на брата будущего гетмана Украины П. П. Скоропадского (1873–1945) — Михаила Петровича Скоропадского (1871–1911), выпускника гимназии более позднего 1891 г., а затем студента юридического факультета Санкт-Петербургского университета, которому психиатр В. М. Бехтерев поставил диагноз истероэпилепсии [27, с. 38–40].

Ряд выпускников 1893 г. выбрали в качестве продолжения образования военные учреждения. И если Степан Ипатов, закончивший по первому разряду военно-училищные курсы Московского пехотного юнкерского училища, дослужился в 1917 г. только до полковника, то другой выпускник гимназии указанного года Владимир Владимирович Марушевский (1874–1951) достиг гораздо большего. В период Гражданской войны известный участник Белого движения в России Марушевский в 1919 г. уже был генерал-лейтенантом и практически вторым по значению военным деятелем в Северной области. Именно он определял кара-

тельную политику в Северной области в 1918–1919 годах [28, с. 202, 250, 257, 267, 281, 293, 303, 308], в том числе первым предложил использовать Соловки как место политической ссылки.

Отметим, что позднее Шестую Санкт-Петербургскую гимназию закончат два младших брата Ф.Э. Дзержинского: в 1898 г. — Игнатий, а в 1900 г. — Владислав Дзержинские. Ранее они проходили обучение в Первой Виленской гимназии, но после исключения Феликса Дзержинского из указанной гимназии, вынуждены были перевестись сюда. Позднее они окончат Московский университет.

Литература и источники

1. Центральный государственный исторический архив СПб (далее — ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 10. Д. 85.
2. Сенатские ведомости. — 1866. — 22 сентября.
3. Сенатские ведомости. — 1866. — 28 октября.
4. Сенатские ведомости. — 1864. — 25 сентября.
5. Список гражданским чинам IV класса. Исправлен по 31-е декабря 1858 года. Испр. по 1 сент. 1910 г. СПб, Правительствующего Сената, 1910. — 88 с.
6. Сенатские ведомости. — 1878. — 11 августа.
7. Материалы личного архива И.С. Ратьковского.
8. Гладков Т., Смирнов М. Менжинский. М.: Молодая гвардия, 1969. — 352 с.
9. Гладков Т.К., Мозохин О.Б. Менжинский. Интеллигент с Лубянки. М.: Язуа, ЭКСМО, 2005. — 448 с.
10. Млечин Л.М. КГБ. Председатели органов госбезопасности. Рассекреченные судьбы. М.: Центрполиграф, 2013. — 918 с.
11. Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Том 1. Париж, Танаис, 1969. — 296 с.
12. Джунковский В.Ф. Воспоминания. 1865–1904. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2016–815 с.
13. О Вячеславе Менжинском. Воспоминания, очерки, статьи. М.: Политиздат, 1985–272 с.
14. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 24959.
15. Кузьмин В.Г. Гребенёвское ссудо-сберегательное товарищество Опочецкого уезда: возникновение, развитие и крах кооператива // Псков. 2014. № 41.
16. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. А. 539. Оп. 3. Д. 6435.
17. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 60280.
18. Возрождение. — 1926. — 3 августа.
19. Сенатские ведомости. — 1917. — 26 сентября.
20. Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926 / Сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., МФД: Материк, 2007. — 868 с.
21. Красная звезда. — 1944. — 13 октября.

22. ЦГИА СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 681.
23. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 58. Оп. 1. Д. 52.
24. ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 3. Д. 454.
25. Историческая записка, изданная ко дню пятидесятилетия С.-Петербургской шестой гимназии. (1862 17/IV 1912) // Сост. преп.: К.Ф. Буткевич и Л.П. Николаев. СПб., 1912. — 182 с.
26. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3, Д. 30420.
27. Акименко М.А. «Единственный мой благодетель»: Владимир Бехтерев и Михаил Скоропадский // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имении В.М. Бехтерева. 2005. № 4. С. 38–40.
28. Ратьковский И.С. Хроника белого террора. Репрессии и самосуды (1917–1920). 3-е изд. М., 2018. — 462 с.

Ratkovsky I.S.

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Institute of History of Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg*

Childhood and youth of Vyacheslav Menzhinsky

The article is devoted to the initial period of V.R. Menzhinsky's biography, his childhood and high school years. The emphasis is placed on the Menzhinsky family history, the influence of the family on the formation of his character. An important point of the article is the presentation of the circumstances of Menzhinsky's studies at the 6th Petrograd Gymnasium.

Keywords: Menzhinsky V.R., Menzhinsky, 6th gymnasium, St. Petersburg.

Коллегия Петроградской ЧК. 1918–1922 гг.

Статья посвящена анализу биографий 39 человек руководящего состава Петроградской губернской чрезвычайной комиссии в 1918–1922 гг. с учётом их национальности, происхождения, образования, партийности, начала работы в ВЧК-ОГПУ, репрессий по отношению к ним, участия в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: Петроградская губернская чрезвычайная комиссия (ПГЧК); Председатели ПГЧК; члены Президиума и Коллегии ПГЧК.

Истории Петроградской чрезвычайной комиссии (ПЧК) посвящено немало различного рода литературы. На наш взгляд, наиболее фундаментальным исследованием первых лет её работы является монография группы ленинградских историков конца 1980-х гг.[1]. Отметим также труды ряда авторов, обращавшихся к различным аспектам её деятельности [2]. Здесь можно найти биографические сведения о части руководителей ПЧК в период Гражданской войны (1918–1922 гг.). Если о таких персонажах, как И. П. Бакаев, Г. И. Бокий, Н. П. Комаров, М. С. Урицкий имеются книги или полнокровные статьи [3], то о других руководителях ПЧК есть лишь биографические справки, причём в целом ряде случаев достаточно краткие и неполные. Эти данные часто отрывочны или содержат ошибочные сведения. Этим, в частности, грешил В. И. Бережков, приводя факты без ссылок на источники.

В настоящей публикации мы ставим целью рассказать о председателях и членах коллегии Петроградской ЧК в 1918–1922 гг. Этот временной отрезок выбран нами по следующим сооб-

ражениям. Сегодня значительная часть историков, и мы в том числе, считает период 1917–1922 гг. временем Великой (Второй) Российской революции, начавшейся 23 февраля 1917 г., и закончившейся 30 декабря 1922 г. образованием СССР на I-м Всесоюзном съезде Советов. Последнее событие знаменовало победу большевиков в Гражданской войне и начало нового этапа становления и развития Российского государства. В поисках данных были изучены, кроме имеющейся литературы, материалы трёх архивов: Архив Управления ФСБ по СПб. и Ленинградской области, Центральный государственный архив СПб. (ЦГА СПб.) и Центральный государственный архив историко-политических документов СПб. (ЦГАИПД СПб.). К сожалению, в Архиве Управления ФСБ по СПб. и ЛО не сохранились протоколы заседаний Президиума ПГЧК за 1918–1919 и 1922 гг.

Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (с августа 1918 г. Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должностям) при Совете народных

комиссаров РСФСР была создана постановлением СНК РСФСР 7 (20) декабря 1917 г. Постепенно Чрезвычайные комиссии стали возникать на местах. В Петрограде губернская ЧК (ГЧК) была образована 10 марта 1918 г. в связи с переездом правительства и ВЧК в Москву. Первоначально именовалась Отделом по борьбе с контрреволюцией при Совете комиссаров Петроградской Трудовой коммуны, с 29 апреля 1918 г. — областная ЧК при Совете комиссаров коммун Северной области, с февраля 1919 г. — Петроградская губернская чрезвычайная комиссия (функционировала на правах самостоятельного отдела при Петросовете) [4]. В её составе имелись отделы: по борьбе с контрреволюцией, по борьбе со спекуляцией, иногородний отдел, иностранный отдел, административно-хозяйственный, боевой отряд, вспомогательные подразделения (секретариат, канцелярия, комендатура и др.) [5, с. 181]. К марта 1919 г. в Петроградской ЧК была проведена структурная перестройка. Теперь действовали отделы: секретно-оперативный, общий, следственный, регистрационный, особый и ряд вспомогательных подразделений. На правах отдела работала окружная транспортная чрезвычайная комиссия (ОКТЧК), но подчинявшаяся непосредственно Транспортному отделу ВЧК. На Николаевской (Октябрьской) и Северо-Западной железных дорогах действовали дорожные транспортные чрезвычайные комиссии (ДТЧК). На въезде в город имелись военно-контрольные пункты Варшавского, Балтийского, Детского и Николаевского вокзалов, а также Морской пограничный пропускной пункт [6, л. 51–52]. Кроме этого, в Петрограде контрразведывательной деятельностью с 1919 г. занимались Особый отдел (ОО) 7-й армии

и ОО Реввоенсовета Балтийского флота. В дальнейшем ПГЧК претерпела ещё ряд организационных изменений. На заседании коллегии ПГЧК вместе с представителями ОО ВЧК А.Х. Артузовым и Т.В. Радванским 12 июня 1920 г. было решено ходатайствовать перед Президиумом ВЧК о фактическом слиянии ОО 7-й армии и Петрогубчека [7, с. 31]. В июле 1921 г. было образовано Полномочное представительство ВЧК в Петроградском военном округе (ППВЧК в ПВО) с подчинением ему губЧК в Петрограде, Новгороде, Пскове, Череповце, Мурманске, Карелии, ОО ПВО, транспортных ЧК и войск ВЧК. Одновременно полномочный представитель являлся председателем Петроградской ЧК и начальником ОО ПВО. С 1 марта 1922 г. ПГЧК стала именоваться Петроградским губернским отделом ГПУ (ПГО ГПУ) при НКВД РСФСР.

Во главе Петроградской губернской чрезвычайной комиссии (ПГЧК) стоял председатель и Коллегия. Из состава коллегии выделялся Президиум для коллективного обсуждения и решения наиболее неотложных вопросов. В Президиум входило 3–4 человека. Например, 2 сентября 1919 г. Петербургский комитет РКП(б) утвердил новый президиум Петроградской ЧК в составе И.П. Бакаева, Н.П. Комарова, Г.И. Благонравова [7, с. 37]. Коллегия насчитывала в иные периоды (в конце 1919 – начале 1920 гг.) до 8 человек [7, с. 574]. В её состав входили заведующие отделами ПЧК, а также представители Петербургского комитета РКП(б). Она была высшим коллективным органом, который осуществлял право внесудебной расправы. Коллегия проводила специальные заседания и выносила приговоры — от освобождения, выговора, условного срока до заключений в концлагерь и расстрелов.

В заседании могло участвовать два–три члена коллегии [8, л. 262, 281 об.].

Анализ документов показывает, что на деле термины Президиум и Коллегия ПГЧК нередко были синонимами. Например, заголовок дела носит название «Протоколы заседания Президиума Петроградской губернской Чрезвычайной комиссии. 1920 год» [8]. Но в заседаниях участвовали и лица, бывшие членами Коллегии, но не президиума [8, л. 375, 442, 480]. Согласно смете расходов Петроградской ГЧК на 1920, 1921 и 1922 гг. её Коллегия утверждалась в составе Председателя и четырёх человек, начальников отделов или частей (Общей, Административно-Организационной, Секретно-Оперативной, Экономической) [10]. Смета на 1922 г. включила дополнительно зам. Председателя [11, л. 21 об.]. В смете на 1920 г. сначала шёл заголовок о Коллегии ПГЧК, а затем начальник ОО указывался, как член Президиума ЧК по штату ГубЧК [12, л. 87].

Посты председателя Петроградской губернской Чрезвычайной комиссии в 1918–1922 гг. занимали следующие 12 руководителей:

М.С. Урицкий (с 12.03 по 30.08 1918 г.),
Г.И. Бокий (с 31.08 по 10.11 1918 г.),
В.Н. Яковлева (с 10.11.1918 по 01.01.1919 г.),
Н.К. Антипов (с 2.01 по 15.01 1919 г.),
А.К. Скороходов (с 16.01 по 18.03 1919 г.),
С.С. Лобов (с 19.03 по 05.05 1919 г.),
Ф.Д. Медведь (с 05.05 по 22.08 1919 г.),
Г.И. Благонравов, и.о. (с 22.08 по 31.08 1919 г.),
И.П. Бакаев (с 1.09.1919 по 1.09.1920 г.),
Н.П. Комаров (с 1.09.1920 по 14.04.1921 г.),
Б.А. Семенов (с 14.04 по 03.11 1921 г.)
С.А. Мессинг (с 13.11.1921 по 27.10.1929 г.).

Как видно, в ходе Гражданской войны лишь И.П. Бакаев, находился на этом посту в течение года. Шесть человек, не считая Г.И. Благонравова, занимали эту должность от двух недель до трёх с не-

большим месяцем. Это объяснялось не только крайним дефицитом руководящих кадров, но и проблемой взаимоотношений органов ЧК с партийными комитетами. Партийные органы в большинстве губерний регулярно обсуждали вопросы о деятельности местных ЧК, их руководстве, имели право влиять на приговоры, выносимые ЧК. В Петрограде ситуация осложнялась тем, что председателем Петроградского Совета был Г.Е. Зиновьев, один из руководителей РКП(б), с марта 1919 г. кандидат в члены Политбюро ЦК (с марта 1921 г. член Политбюро), председатель Исполкома Коминтерна, стремившийся создать в руководстве города послушную ему команду и неоднократно вступавший в конфликты с другими функционерами.

Членами Президиума и Коллегии ПЧК в эти годы в разные периоды были без учёта руководителей:

Александров (1918–?) [1, с. 177],
П.Н. Амосов (08.1919–02.1920) [13],
Н.А. Бабаев (02.1920–06.1921) [10, л. 1],
В.А. Байковский (08.1918–02.07.1919) [14],
В.А. Васильев (10.1918–12.1918) [15, л. 4об.],
М.В. Васильев (?-12.07.1919) [1, с. 337],
С.П. Восков (03–04.1918) [1, с. 113–114.],
И.М. Жданов (01.08.1919–?) [7, с. 551–552],
В.И. Зоф (02–05.1918) [1, с. 105–106],
С.И. Иванов (15.07.1919–12.1919) [16, л. 4],
А.Н. Комаров-Сергеев (03.09.1918–?) [1, с. 171],
Т.К. Кондратьев (03.1920–?) [1, с. 419],
И.Н. Крайнев (11.1919–03.1920) [17, л. 27об.],
И.Л. Леонов (10.1918–30.09.1919) [1, с. 181],
Ф.П. Нелюбин (09.1918–02.1919) [18, л. 1],
С.Н. Овсянников (26.09.1918–?) [1, с. 160],
Я.Г. Озолин (09.1919–05.1921) [7, с. 555],
С.С. Пилявский (10.1918–07.1919) [19],
А.М. Плужников (03.1918–04.1919) [19],
М.И. Подгайский (08.1919–05.1921) [20, л. 4],
И.В. Попков (22.06.1921–05.04.1923) [9, л. 3],
Б.А. Ратнер (10.1918–03.1919) [21, л. 1],
Н.Ф. Свешников (02.1919–04.1919) [1, с. 253],

П.А. Серов (22.06.1921–10.09.1922) [9, л. 4], Е.Д. Стасова (30 августа 1918–03.1919) [1, с. 180], М.И. Тылочкин (22.10.1921–09.01.1922) [9, л. 5], Н.А. Угланов (26.09.1918–05.1919?) [1, с. 177], Д.Я. Чудин (1918?–08.1919) [22, с. 136–137], Г.И. Чумак (02.1918–не позднее 1919) [1, с. 147].

Здесь также следует отметить высокую текучесть кадров. Из 20 человек, чьё время пребывания в Коллегии ПГЧК удалось установить, лишь четверо находились на этом посту год и более (И.Л. Леонов, А.М. Плужников, И.В. Попков, П.А. Серов). Восемь человек работали здесь более полугода и восемь человек менее шести месяцев. Причинами, как нам представляется, являлась не только крайняя скудость надёжных кадров, требовавшая их переброски в другие регионы или в другие сферы деятельности, но и стремление части этих людей уйти с чекистской работы. Например, П.Н. Амосов, зав. Секретно-Оперативным отделом с августа 1919 г., 23 декабря 1919 г. обратился с просьбой в Петербургский комитет РКП(б): «Исключение меня из членов ПЧК требует мои естественная слабохарактерность и болезненность» [7, с. 549].

По национальности анализ каждой из групп показал, что из одиннадцати председателей ПГЧК русских было восемь, евреев – трое. Среди членов Коллегии русских было двадцать один; евреев – двое, поляков – двое; латыши, украинцы, чехи представлены одним человеком.

По происхождению с учётом имеющихся сведений в группе председателей ПГЧК было семь выходцев из крестьян, два человека из купцов и по одному человеку из мещан и дворян. Среди членов Коллегии выходцев из крестьян было двадцать два, из мещан – трое, из дворян – двое. Относительно одного человека происхождение установить не удалось.

Высшее образование имели два председателя ПГЧК, в том числе высшее юридическое имел один (М.С. Урицкий). Незаконченное среднее имели пять человек и четверо – начальное. Среди членов Коллегии четыре человека получили высшее образование, в том числе трое (Ф.П. Нелюбин, Я. Озолин, С.С. Пилявский) закончили юридический факультет СПб. университета. Среднее образование имел один человек, незаконченное среднее три человека и начальное – шестнадцать человек. Относительно четырёх человек уровень их образования установить не удалось.

Сведения о **партийности**. Все председатели ПГЧК вступили в РСДРП до 1917 г. Наибольший стаж, с 1898 г., имел М.С. Урицкий. Но он после 1903 г. был меньшевиком и вошёл в РСДРП(б) с группой «межрайонцев» в июле 1917 г. Среди членов Коллегии пятнадцать человек вступили в партию до 1917 г., восемь человек в 1917 г. и трое в 1918 г. Старейшим членом партии, с 1898 г., была Е.Д. Стасова. Один человек, В.А. Байковский, до 1917 г. был меньшевиком; двое, И.Л. Леонов и Б.А. Ратнер, вошли в РСДРП(б) с группой «межрайонцев». Для двух человек установить дату вступления в партию не удалось.

Начали службу в органах ВЧК–ОГПУ восемь председателей ПГЧК в 1918 г., двое в 1919 г. и один, Б.А. Семенов – в 1920 г. Из членов Коллегии 16 человек были направлены в ЧК в 1918 г., семь человек в 1919 г., трое в 1921 г. и относительно двух человек данные отсутствуют. Вопрос, **в каком возрасте** эти люди пришли на службу в ВЧК–ОГПУ, выглядит следующим образом. Среди председателей ПГЧК до 30 лет было четыре человека и старше 30 лет – семеро. Самым старшим был М.С. Урицкий. Ему к марта 1918 г. исполнилось 45 лет.

Председатели и члены коллегии ПЧК в 1918–1922 гг.

Исторические чтения на Лубянке. XXIX конференция. 4–5 декабря 2025 г.

Ф.И.О.	Национальность	Происхождение	Образование	Партийность РСДРП (б)	ВЧК-ОГПУ	С какого возраста в органах госбезопасности	Репрессии		Участие в ВОВ					
							1	2	3	4	5	6	7	8
Председатели ПЧК														
1 Антипов Н.К.	русский	Из крестьян	Нез. среднее	1912	С 1918	24	ВМН	—	—	—				
2 Бакаев И.П.	русский	Из крестьян	Начальное	1906	С 1918	31	ВМН	—	—	—				
3 Бокий Г.И.	русский	Дворянин	Нез. высшее	1900	С 1918	39	ВМН	—	—	—				
4 Комаров Н.П.	русский	Из крестьян	Начальное	1909	С 1919	34	ВМН	—	—	—				
5 Лобов С.С.	русский	Из крестьян	Начальное	1913	С 1918	30	ВМН	—	—	—				
6 Медведев Ф.Д.	русский	Из крестьян	Нез. среднее	1907	С 1918	29	ВМН	—	—	—				
7 Мессинг С.А.	еврей	Из мещан	Нез. среднее	1908	С 1918	28	ВМН	—	—	—				
8 Семенов Б.А.	русский	Из крестьян	Нез. среднее	1907	С 1921	31	ВМН	—	—	—				
9 Скороходов А.К.	русский	Из крестьян	Начальное	1906	С 1919	37-39	Убит	—	—	—				
10 Урицкий М.С.	еврей	Из купцов	Высшее	1917	С 1918	45	Убит	—	—	—				
11 Яковлева В.Н.	еврейка	Из купцов	Высшее	1904	С 1918	33	ВМН	—	—	—				
Члены коллегии ПЧК														
1 Александров	русский	Из крестьян	?	?	С 1918	?	?	?	?	?				
2 Амосов П.Н.	русский	Из крестьян	Нез. среднее	1917	С 1919	26	—	—	Умер в блокадном Ленинграде	—				
3 Бабаев Н.А.	русский	Из рабочих	Начальное	1904	С 1919	33	—	—	Директор завода в Ленинграде	—				
4 Байковский В.А.	поляк	Из мещан	Среднее	Меньшевик до 07.1917, 1917	С 1918	23	?	?	?	?				
5 Васильев В.А.	русский	Из рабочих	Начальное	1907	С 1918	32	—	—	На хозяйственной работе	—				
6 Васильев М.В.	русский	Из крестьян	Начальное	?	?	?	Погиб	—	—	—				
7 Восков С.П.	еврей	Из мещан	Начальное	1917	С 1918	29	Умер	—	—	—				
8 Жданов И.М.	русский	Из крестьян	Начальное	1917	С 1919	24	ВМН	—	—	—				

1	2	3	4	5	6	7	8	9
9 Зоф В.И. чех	Из крестьян	Начальное	1913	1918	29	ВМН	—	
10 Иванов С.И. русский	Из крестьян	Начальное	1917	1919	23	ВМН	—	
11 Кондратьев Т.К. русский	Из крестьян	?	1913	?	28	ВМН	—	
12 Крайнев И.Н. русский	Из крестьян	Начальное	1911	1919	26	ВМН	—	
13 Леонов И.Л. русский	Из крестьян	Начальное	С 1911 меньшевик 1914–1917 Межрайонец, 1917	1918	31	ВМН	—	
14 Непобин Ф.П. русский	Из крестьян	Высшее	До 1917	С 1918	28	В заключе- нии 1938– 1939 гг.	Военпорист 2 ранга, погиб?	
15 Овсянников С.Н. русский	Из крестьян	Нез. среднее	1918	С 1918	30	?	?	
16 Озолин Я.Г. латыш	Из крестьян	Высшее	1911	С 1919	28	ВМН	—	
17 Попков И.В. русский	Из крестьян	Начальное	1918	С 1921	30	?	7	
18 Птиявский С.С. поляк	Дворянин	Высшее	1909	С 1918	36	ВМН	—	
19 Плужников А.М. русский	Из крестьян	Начальное	1914	С 1918	36	Искл. из пар- тии, вновь принят в 1939 г.	На хозяйственной работе	
20 Полгайский М.И. еврейка	Из крестьян	Начальное	1913	1919	25	—	Начальник Усоль- ского лагеря НКВД	
21 Ратнер Б.А. еврейка	Из мещан	Нез. среднее	Межрайонец, До 07.1917, 1917	1918	22	1940–1954	—	
22 Сергеев-Кома- ров А.Н. русский	Из крестьян	Начальное	1914	С 1918	31	ОС при НКВД СССР, 1936, 5 лет лагерей.	—	
23 Сёров П.А. русский	Из крестьян	Начальное	1918	С 1921	37	?	?	

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
24	Стасова Е.Д.	русская	Из дворян	Высшее	1898	С 1918	45	—	Редактор журнала, общественная деятельность
25	Тылочкин М.И.	русский	Из крестьян	Начальное	1913	С 1921	29	—	Заместитель главного инженера завода № 75 (г. Юрга Кемеровской области)
26	Угланов Н.А.	русский	Из крестьян	Начальное	1907	С 1918	32	ВМН	—
27	Чудин Д.Я.	русский	?	?	до 1917	С 1918	?	ВМН	—
28	Чумак ГИ.	украинец	Из крестьян	Начальное	03.1917	С 1918	35	?	?

Самым молодым, 24 года, был Н.К. Антипов. Среди членов Коллегии тринадцать человек были моложе 30 лет, двенадцать человек были старше и относительно трёх человек данные пока отсутствуют. Самой старшей была Е.Д. Стасова (45 лет), а самым молодым В.А. Байковский (23 года).

На наш взгляд, представляет интерес вопрос: кто из этих людей продолжил службу в органах ВЧК после Гражданской войны, став профессиональным чекистом? Среди председателей ПГЧК таких оказывается трое из девяти, оставшихся в живых к концу 1922 г.: Г.И. Бокий, Ф.Д. Медведь, С.А. Мессинг. Все они заняли высокое положение в органах ОГПУ–НКВД. Остальные шестеро перешли на партийную и советскую работу. Из 25 членов Коллегии (М.В. Васильев погиб в июле 1919 г., С.П. Восков умер в 1920 г., Д.Н. Чудин был расстрелян в августе 1919 г.) на чекистской работе после 1922 г. ряд лет оставались И.Л. Леонов (с перерывами), А.М. Плужников и М.И. Подгайский. Четыре человека продолжили службу в органах суда и прокуратуры: С.И. Иванов, Ф.П. Нелюбин, Я.Г. Озолин, С.С. Пиляевский. Относительно двух человек сведений нет. Девятнадцать человек перешли на другую работу. Некоторые стали видными хозяйственными руководителями. Один из них, Г.И. Чумак, закончил Ленинградскую консерваторию и в начале 1941 г. был артистом в её хоре [23, л. 2].

Репрессии 1930-х гг. коснулись в разных группах разного числа людей. Наибольший удар пришёлся на председателей ПГЧК. Все девять, оставшихся в живых к концу Гражданской войны, были расстреляны. Из 25 членов Коллегии к ВМН были приговорены десять человек, двое были арестованы, двое в 1937–1939 гг. были исключены из партии. Ф.П. Нелю-

бин находился в заключении с 13 марта 1938 г. по 13 декабря 1939 г. Б.А. Ратнер была арестована 14 июля 1940 г. и находилась в заключении до мая 1952 г. Затем до октября 1954 отбывала ссылку. Реабилитирована 6 ноября 1954 г. Судьба четырёх неизвестна.

В годы Великой Отечественной войны один человек, П.Н. Амосов, скончался в блокадном Ленинграде в 1942 г. [7, с. 550]. Н.А. Бабаев являлся директором завода Электрогазовых приборов (Завод № 850) Главного управления защитных приборов Наркомата миномётного вооружения СССР и был награждён медалью «За оборону Ленинграда» 4 июня 1943 г. [24]. Е.Д. Стасова работала редактором французского и английского изданий журнала «Интернациональная литература», выступала по радио и на предприятиях. М.И. Тылочкин был эвакуирован из Ленинграда и работал заместителем главного инженера завода № 75 (г. Юрга Кемеровской области). Непосредственное участие в войне мог принять один человек, Ф.П. Нелюбин, являвшийся в январе 1941 г. членом коллегии Военного трибунала 128-й стрелковой дивизии Прибалтийского военного округа и военным юристом 2 ранга, что соответствовало званию майора РККА [25]. Но никаких данных о его военной биографии на сайтах ОБД Мемориал, Память народа, Подвиг народа найти не удалось. Известно, что последним сообщением, которое приняли на узле связи 11-й армии в 9.00 22 июня 1941 г. из 128-й дивизии, была телеграмма: «Немецкие танки окружили штаб». Отдельные группы бойцов и командиров вышли из окружения 3 июля 1941 г. [26]. Вероятнее всего, он погиб в первые дни войны.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. По национальному составу в Коллегии ПГЧК имелись представители шести народов. 74,0% составляли русские, на втором месте находились евреи (12,8%), далее шли поляки (5,0%), латыши, украинцы и чехи (по 2,6%). Относительно социального происхождения были представлены в разной степени все основные сословия Российской империи. Первое место занимали крестьяне (76,3%), на втором месте были выходцы из мещан (4 чел. или 10,5%), на третьем — дворяне (3 чел. или 7,9%), на последнем выходцы из купцов (5,3%). Происхождение одного человека пока не установлено. Высшее образование имело шесть человек (16,6%), в том числе юридическое университетское образование четыре человека (11,1%), что в тех условиях следует считать достаточно высоким показателем. Незаконченное высшее и среднее образование имели по одному человеку (2,8% для каждого), неполное среднее — 7 человек (19,5%) и начальное — двадцать один человек (58,3%). Относительно трёх человек уровень образования остался неизвестным. Дореволюционный партийный стаж имели двадцать шесть человек (70,0%), восемь человек вступили в партию в 1917 г. (22,0%), из них четверо ранее уже были членами РСДРП, принадлежа к меньшевикам или к «межрайонцам». Лишь три человека (8,0%) вступили в партию в 1918 г. Год вступления в большевистскую партию двух человек пока не установлен. На работу в ЧК в возрасте до 30 лет пришли 17 человек (47,2%), после 30-ти — 19 человек (52,8%). Для трёх человек данных пока нет. Стали профессиональными чекистами шесть человек (18%). Это свидетельствует о высокой «выгораемости» для людей того времени. В годы «Большого

террора» было расстреляно девятнадцать человек (54,3%), два человека (5,7%) попали в заключение. Один из них, Ф.П. Нелюбин, был освобождён в 1939 г. Два человека, П.Н. Амосов и А.М. Плужников (5,7%), были исключены из партии в 1937 г., но в 1938–1939 гг. восстановлены. Судьбу четырёх человек выяснить не удалось.

Представляется, что по сравнению с другими ЧК периода Гражданской войны Коллегия ПГЧК имела относительно более квалифицированный состав и массовых расстрелов по политическим делам за исключением отдельных периодов: «красный террор» осенью 1918 г., конец 1919 г. (Дело П. Дюкса и его организации), лето 1921 г. (организация В.Н. Таганцева) — не производила. Судебные

приговоры после подавления Кронштадтского восстания в марте 1921 г. выносил ОО 7-й армии. Коллегия ПГЧК (Б.А. Семенов и Я.Г. Озолин) 13 апреля постановила освободить 22 чел., обвинённых в контрреволюционной агитации [27, л. 167–167 об.]. 20 и 22 апреля 1921 г. Коллегия (20 апреля Б.А. Семенов, Я.Г. Озолин, М.И. Подгайский; 22 апреля Я.Г. Озолин, В.И. Ильин, М.И. Подгайский) рассмотрела дела 79 человек. Из них 13 человек — шесть человек, членов Временного ревкома; пять человек командного состава и двое военнослужащих форта № 6 — были приговорены к расстрелу. Остальные, 55 человек, были приговорены к различным срокам заключения, от 6 месяцев до 5 лет, а 11 человек были освобождены [27, л. 187–192].

Литература и источники

1. Кутузов В.А., Лепетюхин В.Ф., Седов В.Ф., Степанов О.Н. Чекисты Петрограда на страже революции. Л.: Лениздат, 1987. — 454 с.; Кн. 1–2. Л.: Лениздат, 1989.
2. Бережков В.И. Внутри и вне «Большого Дома». СПб.: Библиополис, 1995. — 286 с.; Матвеева Н. Следствие по законам революции // Секретные материалы 20 века. 2018. № 24 (514); Измозик В.С., Гехт А.Б. Британский разведчик Пол Дюкс и петроградские чекисты. СПб.: Крига, 2023. — 696 с.; Лопушанский И.Н. Терроризм и террор в Петрограде (1917–1922) // Политическая история России: прошлое и современность. Исторические чтения. Выпуск II. «Гороховая-2», 2005. СПб., 2006. С. 86–99; Рабинович А.Е. Моисей Урицкий: Робеспьер революционного Петрограда // Отечественная история. 2003. № 1. С. 3–21; Ратьковский И.С. Петроградская ЧК и организация доктора В.П. Ковалевского в 1918 г. // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 100–115; *Он же*. 100-летие убийства Урицкого: версии событий // <https://www.nakanune.ru/articles/114209/>; *Он же*. Особенности деятельности Петроградской ЧК по предотвращению террористических актов в период гражданской войны // Политическая Россия: прошлое и современность. Исторические чтения. Гороховая, 2. Выпуск 3. 2006. С. 45–49; *Он же*. Семён Петрович Восков: страницы биографии // Политическая история России: прошлое и современность. Исторические чтения. Выпуск XVIII. «Гороховая-2», 2021. СПб.: Норма, 2021. С. 67–72; Ходяков М.В. «Приходится тратить немало денег для сохранения конспиративности»: Петроградская губернская ЧК периода гражданской войны в материалах финансовых органов // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 7–23, и др.
3. Алексеева (Соболева) Т. А., Матвеев Н. Доверено защищать революцию. М.: Политиздат, 1987. — 252 с.; Ал. Алтаев (М.В. Ямщикова). История Глеба Бокия // Псков: журнал. 2001. № 14. С. 205–218; № 15. С. 203–210; Измозик В.С., Гехт А.Б. Британский разведчик Пол Дюкс и петроградские чекисты. СПб.: Крига, 2023. С. 445–497.

4. Энциклопедия Санкт-Петербурга. URL: <http://www.ENCSPB.RU/object/2860386156?lc=ru> (дата обращения: 13.07.2019).
5. Кутузов В.А., Лепетюхин В.Ф., Седов В.Ф., Степанов О.Н. Чекисты Петрограда на страже революции. Л.: Лениздат, 1987—454 с.
6. Центральный государственный архив СПб. (далее — ЦГА СПб.). Ф. 1963. Оп. 1. Д. 4.
7. Измозик В.С., Гехт А.Б. Британский разведчик Пол Дюкс и петроградские чекисты. СПб.: Крига, 2023. — 696 с.
8. Архив Управления ФСБ по СПб. и Ленинградской области. Ф. 17. Д. 2. Т. 2.
9. Справка Службы регистрации и архивных фондов Управления ФСБ по СПб. и Ленинградской области. № 10/24-И-2758 от 09.06.2025.
10. ЦГА СПб. Ф. 1963. Оп. 1. Д. 4. Л. 16об.; Д. 5. Л. 21об.; Д. 6. Л. 21об.
11. ЦГА СПб. Ф. 1963. Оп. 1. Д. 6.12. ЦГА СПб. Ф. 1963. Оп. 1. Д. 4.
13. Центральный государственный архив историко-политических документов СПб. (далее — ЦГАИПД СПб.). Ф. 1728. Оп. 1. Д. 780254. Л. 1; Д. 780257. Л. 3об.
14. ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 556185. Л. 3; Д. 79792. Л. 3.
15. ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 865856.
16. ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 71794.
17. ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 83395/3.
18. ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 634848.
19. Скоркин К.В. НКВД РСФСР. 1917–1930. М., 2008. — 798 с.
20. ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 101786.
21. ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 250909.
22. Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926 / Сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., МФД: Материк, 2007.—868 с.
23. ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 29265.
24. ЦГА СПб. Ф.Р-7384. Оп. 38. Д. 551.
25. Нелюбин Фёдор Петрович. URL: https://almamater-3.3dn.ru/publ/politrabotniki/neljubin_f_p/9-1-0-453. (дата обращения: 12.02.2025)
26. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. (дата обращения: 19.02.2025)
27. Архив Управления ФСБ по СПб. и Ленинградской области. Ф. 17. Д. 2. Т. 3.

Izmozik V.S.

*Doctor of Historical Sciences, Professor
Bonch-Bruevich St. Petersburg State University of Telecommunications,
Saint-Petersburg*

The Collegium of the Petrograd Cheka. 1918–1922.

The article analyzes the biographies of 36 senior executives Petrograd Provincial Extraordinary Commission in 1918–1922 years taking into account their nationality, origin, education, and party affiliation, the beginning of work in the Cheka-OGPU, repression against them, participation in the Great Patriotic War.

Keywords: Petrograd Provincial Extraordinary Commission (PGCHK); Chairmen of the PGCHK, Members of the Presidium and Collegium of the PGCHK.

Попов Д.А.

*Государственное бюджетное образовательное учреждение «Школа № 887»,
Москва*

Представление советской разведки о планах Карла Маннергейма по захвату Петрограда в 1919 г.

В статье анализируется процесс разработки и изменения планов финского военно-политического руководства, и лично Карла Маннергейма по захвату бывшей столицы России — Петрограда. Анализ проводится в контексте актуальной к тому времени геополитической ситуации в регионе, поскольку в 1918 г. разработка этих планов была тесна связана с руководством Германской империи, а в 1919 г. — с руководством белой России. Особую важность для понимания ситуации представляют агентурные сведения советской разведки, которые позволяют понять, насколько информацией о ситуации владела Советская Россия.

Ключевые слова: Финляндия; Петроград; Маннергейм; Юденич; Гражданская война; захват Петрограда.

В 1918–1922 гг. между Советской Россией и Финляндией прошла серия военных конфликтов, именуемая в Финляндии «племенные войны», а в российской историографии «белофинская интервенция в Карелии». В ходе этих конфликтов боевые действия велись на территории Советской Карелии и области Печенга. Во вторжениях принимали участие как добровольческие, так и регулярные соединения финской армии, а противостояли им местные партизанские отряды, соединения финских коммунистов и части РККА. Крупнейшим вторжением стал Олонецкий поход, начавшийся в апреле 1919 г., а окончательно завершившийся лишь в марте 1920 г. Однако вкупе с этими вторжениями к интервенции можно отнести и планы финского военно-политического руководства, в первую очередь К. Г.Э. Маннергейма, по захвату Петрограда — столицы Советской России. Эти планы разрабатывались с 1918 г. и были частью политики сначала Герман-

ской империи, а затем белой России, но так и не были осуществлены по целому ряду причин. В данной работе мы хотим рассмотреть эволюцию этих планов и то, что о них знала советская разведка, какое понимание замыслов противника было у советской стороны.

По мнению крупного советского историка-финниста В.М. Холодковского, «интервенцией в Эстонии Финляндия Маннергейма нанесла удар правее Петрограда. Он удался, и на очереди был второй удар — левее Петрограда, в Карелии. Третий удар, уже силами армии, Маннергейм намечал нанести по самому Петрограду, надеясь сыграть роль фон дер Гольца в отношении русской революции. Таким образом, весной 1919 г. в Финляндии планировалось два антисоветских похода: один — в Восточную Карелию, другой — на Петроград» [1, с. 64]. То есть намечавшийся Олонецкий поход на Петрозаводск и в южную Карелию был лишь частью общего плана Маннергейма по за-

хвату Петрограда. Такие планы были не новыми — ещё во времена прогерманской ориентации Финляндии разрабатывался план захвата Петрограда, являвшийся частью операции «Шлюссштайн».

Данные по планам Финляндии относительно захвата Петрограда крайне разрознены в исторической литературе и сложно найти источник, где бы эти планы были систематизированы. Рассмотрим же их в порядке появления.

Первые планы по захвату Петрограда у Маннергейма появились, вероятно, ещё в январе 1918 г. По мнению Н.И. Уткина, «стремление Финляндии к расширению своих территорий на восток отвечает интересам Германии и является частью её программы» [2, с. 134]. Финские планы по захвату Архангельской, Олонецкой, части Петроградской губернии и самого Петрограда для получения свободного выхода из Ладожского озера в Финский залив были частью германского плана, суть которого, вероятно, заключалась в помощи Финляндии в захвате этих территорий для их контроля с помощью марионеточного государства — Финляндской империи. Однако чуть позже немцы поняли, что общество не поддержит войну за интересы Финляндии (которые, по идее, соответствовали интересам Германии, но не были понятны широкому кругу германского общества), да и заключённый с Россией Брестский мир был выгоднее немцам, чем очередная война с Россией. Однако тогда, ещё до заключения мира, был разработан план № 6. Поход на Россию, согласно плану, было решено осуществить без формального объявления войны на суше и на море отдельными отрядами в 3–5 тысяч человек, которые могли быть усилены из резерва. Совместно с финнами должны были наступать немцы и шведы, Н.И. Уткин

пишет, что речь идёт о немецких добровольцах. Первым делом, согласно плану № 6, необходимо было оккупировать зоны Ладожского канала и Невы, дабы заблокировать и захватить русский флот в Петрограде и Кронштадте. Так как Брестский мир не был подписан, то Маннергейм планировал, выбив красных финнов из Гельсингфорса, захватить русский флот и там. Белые финны должны были наступать от Выборга на Териоки — Белые острова и Петроград. «После проведения этих операций и захвата всех планируемых территорий Германия должна была заставить Россию подписать с Финлядией кабальный договор о закреплении этих побед новой границей и обязать Россию выплатить крупную контрибуцию. Дальнейшие цели германского плана были направлены на взятие Москвы» [2, с. 135]. Однако эти планы были отложены в долгий ящик из-за подписания Брестского мира — он был выгоднее немцам.

В статье А.Н. Чистикова «Советско-германские отношения летом 1918 г. в исследованиях В. Баумгарта и Х. Хервига (к истории операции «Шлюссштайн»)» рассказывается о планах по захвату Петрограда летом 1918 г. Уже в мае 1918 г. в Германии заявили финнам, что их совместное наступление на Мурман гораздо полезнее для Германии, чем наступление на Петроград. Это вполне объяснимо: именно большевистская Россия заключила с Германией мирный договор, а свержение большевиков могло привести к победе в России белых, которые, вероятнее всего, продолжили бы войну против Германии на стороне Антанты. 25 мая 1918 г. статс-секретарь ведомства иностранных дел Германской империи Р. Кюльман отправил запрос, в котором напрямую писал, что его намерением было отвлечь финнов от Петербурга,

направив их удар на Мурман. Таким образом, это лишний раз подтверждает, что уже в начале 1918 г. в Финляндии разрабатывались планы захвата Петрограда. Однако военная часть германской элиты вполне положительно относилась к захвату Петрограда. Адмирал Х. фон Хольцendorf заявил, что захват Петрограда и Кронштадта мог облегчить продвижение немецких войск, которые двигались бы на Мурманск воевать со странами Антанты, открывая, по сути, Северный фронт Первой мировой войны. В начале июля 1918 г. военные Германии разработали свой план, заключавшийся в наступлении на Петроград, пока политики готовили план совместного финско-русского удара по англичанам на Мурмане. Однако у военных и у Людендорфа были и политические причины разрабатывать план захвата Петрограда — они искренне хотели свергнуть большевистское правительство. В планах немцев по захвату Петрограда участвовали и финские войска — их должны были привлечь к участию в этой операции. Однако заключение добавочного договора 27 августа сорвало планы немцев по захвату Петрограда — выгодные условия договора были полезнее, чем война против Советской России. В этом договоре Германия подтверждала то, что во время операций по борьбе со странами Антанты на севере России со стороны Финляндии не последует нападений на территорию Советской России. Операции немцев и финнов на территории Карельского перешейка, а также к югу и юго-востоку от Ладожского озера без согласия Советского правительства запрещались. На территории, освобождённой немецко-финскими войсками от оккупации войсками Антанты, в скором времени, согласно приложению к договору, должно было быть

восстановлено советское управление. В финском городе Кемь был сосредоточен финский отряд и отряд немцев в 12 тысяч человек. В Рованиеми находилось 5 тысяч немецко-финских солдат. 600 человек были отправлены к озеру Инари, к которому немцы спешно строили узкоколейку от Рованиеми. Весь район северной Финляндии, граничащий с Россией и Норвегией, как и в 1941 г., был под контролем немцев. В середине августа финской армии было приказано через две недели быть готовой к наступлению на Мурман.

Заключение добавочного договора, по сути, спасло Петроград: немцы отложили планы захвата города, которые до этого входили в план операции «Шлюссштайн». Однако многие исследователи считают это молчаливым согласием большевиков на германскую интервенцию. «Ленин в письме к Иоффе как раз и подчёркивал, что обращение к Германии “смешно и называть интервенцией или помощью”. Речь шла <...> лишь о молчаливом допущении независимых от Советской России действий немцев против англичан» [3, с. 140].

После ранения Ленина операция по захвату Петрограда вновь стала актуальной, но ненадолго — ухудшение положения немцев на Западном фронте привело к тому, что 27 сентября операция была отложена в долгий ящик и никогда не была осуществлена.

Итак, если до лета 1918 г. планы финнов по захвату Петрограда завершились ничем из-за объективных причин, то уже летом 1918 г. к этим планам подключились влиятельные в Германии офицеры и политики, но операция вновь сорвалась из-за проигрыша Германской империи в Первой мировой войне. В следующий раз эти планы вновь сыграли свою роль уже зимой 1918 г. Но идеи захвата столицы Советской России не от-

пускали Маннергейма, и, став регентом Финляндской империи, он попытался их осуществить.

Финский историк С. Хентиля писал, что постактивисты (так в финской исторической литературе называли ультраправых националистов, существовавших после окончания Гражданской войны в Финляндии) готовили планы по захвату Петрограда вместе с Маннергеймом [4, с. 161]. Предшествовало этому то, что ещё зимой 1918 г. «Маннергейм обратился к союзникам с просьбой предоставить ему право занять Петроград» [2, с. 139]. После этого, вероятно, в Финляндию прибыл командующий Северным фронтом русской армии белых Н.Н. Юденич, который вербовал бывших офицеров Русской императорской армии в армию белых. Произошло это весной 1919 г. Помимо этого Юденич пытался склонить Маннергейма к захвату Петрограда, обещая взамен признание независимости Финляндии белой Россией, организацию референдума в Восточной Карелии и предоставление Ингерманландии культурной автономии. Маннергейму было предложено руководить всей операцией по захвату Петрограда. Ещё до этого Юденич сообщал через Стокгольм А.В. Колчаку, что с падением Германии открылась возможность образования нового фронта для боевых действий против большевиков через территорию Финляндии.

Можно сделать вывод, что все обещания, данные Юденичем Маннергейму, были голословными. Это следует из записки Бориса Арсеньева, командующего корпусом Северо-западной армии Юденича, составленной 31 мая 1919 г.: «Он, барон Маннергейм, хотел бы содействовать нанесению решительного удара гоподству большевиков в России. Но для того, чтобы русско-финский поход мог

осуществиться, необходимо, чтобы какая-нибудь авторитетная русская власть признала независимость Финляндии, а также, чтобы финскому народу было обещано нечто такое, что могло бы дать ему необходимое воинственное одушевление, необходимый патриотический подъём <...> г-н Гулькевич (Константин Николаевич Гулькевич — агент правительства Колчака в Стокгольме. — *Прим. авт.*) заявил мне, что только хозяин земли русской, т. е. будущее Учредительное собрание или Земский собор, — может решить вопрос такой первостепенной государственной важности, каким является признание независимости Финляндии, и что посему Парижское совещание не только не считает себя правомочным в решении этого вопроса, но даже (тут г-н Гулькевич показал мне телеграмму С.Д. Сазонова) протестует против признания финляндской независимости Англией и С.А. Соед. Штатами. Однако, добавил г. Гулькевич, представлялось бы, может быть, возможным найти выход из положения. Может быть, бар. Маннергейм удовлетворился бы заявлением, что Парижское совещание, не считая себя правомочным решить вопрос по существу, тем не менее, не намерено посягать на независимость Финляндии» [5, с. 59]. Но Маннергейм был непреклонен, он твёрдо заявил, что вопрос о нанесении удара на Петроград может быть решён, только если белая Россия признает независимость Финляндии. Из этого можно сделать вывод, что заявления некоторых историков и публицистов о том, что Маннергейму было наплевать на независимость Финляндии, а главной его задачей была реализация собственных амбиций по «спасению» Петрограда от большевиков, не совсем верны, т. к. план захвата города, по сути, сорвался именно из-за того,

что белые отказались признать независимость Финляндии.

Другим вопросом является то, действительно ли Юденич давал такие голословные заверения Маннергейму и если давал, то когда? С. Хентиля пишет, что эти заверения были даны в июне, но ведь как минимум в течение мая прошли беседы Маннергейма с Арсеньевым, где утверждалось совершенно другое. Это остаётся открытым вопросом.

Далее события развивались стремительно. Маннергейм всё-таки не перестал планировать захват города, вероятно, не без подстреканий странами Антанты, но в новой эдускунте было крайне мало тех, кто выступал за захват города, в основном «за» выступали лишь постактивисты. В начале июля 1919 г. Маннергейму, получившему псевдоним Андерсон, был предоставлен план постактивистов. Его суть заключалась в том, что Маннергейм как регент должен был оттягивать подписание новой Формы правления (республиканской), ибо вряд ли Стольберг, ставший, вероятнее всего, президентом Финляндской Республики, пошёл бы на захват города и на войну с Советской Россией; а пока Маннергейм оттягивал бы её подписание, финские войска выбили бы красных из города и захватили его. Маннергейм одобрил план, но поставил условие: страны Антанты должны поддержать план, поддержать его должны и видные деятели Национальной коалиционной партии (НКП). Паасикиви и Ингман, члены НКП, раскритиковали план, а англичане и французы весьма неопределённо говорили о поддержке планов Маннергейма. 17 июля Маннергейм утвердил новую Форму правления [4, с. 161–162].

Однако на этом планы по захвату Петрограда не закончились. Мысль Хо-

лодковского о том, что участие финнов в гражданской войне в Эстонии и Олонецкий поход были лишь частью плана по захвату Петрограда, подтверждаются телеграммами Маннергейма адмиралу Колчаку за июль 1919 г. В них он писал, что «Помимо гуманной стороны вопроса, взятие Петрограда имело бы большое значение, ввиду значения этого города, как опорного пункта военных действий советской власти в северной России, ввиду сосредоточения в нём всех нитей североевропейской революционной пропаганды. Поэтому финляндскому народу и его правительству далеко не чужда мысль об участии регулярных финляндских войск в освобождении Петрограда. Не стану от вас скрывать, господин адмирал, что, по мнению моего правительства, Финляндский сейм не одобрит предприятия, приносящего нам хотя и пользу, но требующего тяжёлых жертв, если мы не получим гарантий, что Новая Россия, в пользу которой мы стали бы действовать, согласится на некоторые условия, исполнение которых мы не только считаем необходимым для нашего участия, но также необходимой гарантией для нашего национального государственного бытия» [5, с. 64]. Маннергейм предполагал за 10 дней мобилизовать семь дивизий численностью до 100 тысяч человек, необходимых, по его мнению, для захвата Петрограда. Условия Маннергейма, которые онставил Колчаку, были следующие: «Как компенсация за оказанную помощь, Маннергеймом предъявляются следующие требования:

- 1) Признание полной независимости Финляндии,
- 2) Уступка порта в Печенгской губе с необходимой полосой для постройки железной дороги.

3) Рассмотрение в особой конференции впоследствии вопросов самоопределения некоторых карельских волостей, населённых элементами, тяготеющими к Финляндии, причём Финляндия никаких завоевательных целей ни сейчас, ни впоследствии не преследует.

4) Разрешение всех вопросов по уплате за русское казённое имущество, захваченное в Финляндии в 1918 году. По этим вопросам уже работает особая финская и русская комиссии и видимо недоразумений не возникает.

5) На очереди стоит вопрос онейтрализации Балтийского моря, дабы Россия не могла держать там флота, опасного Финляндии, но вопрос этот снят и рассмотрение его отложено. Принципиальное соглашение по изложенному между Маннергеймом и Юденичем уже состоялось» [5, с. 64–65].

Генерал Миллер, который излагал требования Маннергейма Колчаку 22 июля 1919 г., писал, что «принимая во внимание положение правого фланга сибирских армий в настоящее время, учитывая полную необходимость оказать активную поддержку сибирским войскам и недостаточную силу войск Северной области, правительство полагает необходимым принять условия Маннергейма и предлагаемую помощь. В вопросах общего положения России наибольшие жертвы в виде уступки порта на Печенге — являются деталью и выгоды предлагаемой помочи целиком их оправдывают» [5, с. 65]. Переговоры, видимо, шли долго, но закончилось всё телеграммой Колчака Юденичу за 4 ноября 1919 г., в которой он заверял: «Согласен на заключение соответствующего военного соглашения о сотрудничестве русских и финляндских войск, а также дать обязательство, что военные расходы, связанные с совместными

операциями, будут впоследствии оплачены российской казной. Дальше этого не считаю возможным идти и не могу согласиться на объявление “независимости Финляндии”» [5, с. 67]. Вероятно, на этом попытки Маннергейма захватить Петроград закончились неудачей — белые были не согласны выполнить главное требование Финляндии.

Другим этапом плана Маннергейма по захвату Петрограда была высадка финского корпуса в Эстонии для разгрома красногвардейцев. 30 декабря финский корпус в составе примерно 3500 человек высадился в Эстонии. История войны в Эстонии в 1918–1919 гг. требует отдельного исследования, о роли Финляндии в ней отсылаем читателей к монографии Ю. Ниниистё [6, с. 86–148].

Что же знала советская сторона, получая данные от разведки, о готовящихся планах Маннергейма и белых? В Российском государственном военном архиве сохранились Агентурные сведения Сестрорецкого военно-морского контроля Балтийского флота, которые местами вызывают некоторое недоумение. Так, в сводке от 13 января 1919 г. «по не проверенным агентурным данным» финляндские войска готовились начать наступление 15 января. В качестве подготовки к этому наступлению финны хотели выселить из пограничной полосы всех бывших красногвардейцев, «во избежание перехода их на сторону русских войск». В конце сводки автор, однако, указал: «повторяю, что сведения эти мною не проверены, сообщаю их для принятия мер усиленного наблюдения за границей» [7, л. 1]. В сводке от 20 февраля давалась более конкретная информация: нападёт на Советскую Россию отряд, которым будет руководить «русский военный инженер Сахновский», который

по данным разведки был бывшим инженером-полковником, производившим работы в районе Свеаборгской крепости в годы Первой мировой войны. Отряд состоял из 18 тысяч человек, в качестве командиров выступали «в основном русские офицеры», а среди солдат было много добровольцев разных национальностей (как отмечалось, среди них «много шведов»). Разведка совершенно верно выяснила, что в формировании этих отрядов основную роль играл Юденич, который «намечен на одну из высших командных должностей». Считалось, что наступление начнётся 27 февраля — «в день празднования годовщины Российского переворота (имеется в виду Февральская революция. — Прим. авт.), а Петроград должен был быть занят к 1 марта. Разведка докладывала, что в Выборг постоянно прибывали небольшие воинские отряды из разных мест Финляндии, а на границу перевезли 183 орудия. Также поступила информация, что финны планируют устроить обходной манёвр силами кавалерии [7, л. 6 об.]. 23 февраля в сводке сообщалась информация «из иностранного источника»: «план намечается в следующем виде: Финляндией будет образован кавалерийский корпус из якобы имеющихся у неё 6 кавалерийских полков (точное число было неясно — Прим. авт.) и 2 новых, из коих один — ВАЗАСКИЙ (вероятно имелось в виду Вааский. — Прим. авт.) под командованием бывшего гвардейского драгуна Оскара ВИЛЬКМАНА /младшего/. Означенный корпус предполагается направить за Финляндскую ж/д северо-восточнее последней, в обход Озерковско-Тарховской позиции для действий в тылу советских войск /хотя в Озерках укреплённой позиции нет, но полагаю этим обозначается участок, который намерены обойти/». Также финны

планировали отправить эскадрилью аэропланов для того, чтобы сбрасывать провокации, а в городе они хотели устроить уличные беспорядки путём посылки агентов [7, л. 7]. В дальнейшем дата планируемого начала наступления на Петроград постоянно сдвигалась. 26 февраля было сообщено, что наступление начнётся «не раньше 15 марта», а в Финляндии Юденич начал формировать русские отряды, где еженедельно обучали по 250 русских эмигрантов, а затем отправляли их в Латвию [7, л. 10]. 2 марта же было сообщено, что в ближайшие 3–4 недели никаких активных действий ожидать не приходится [7, л. 11]. Впрочем 8 марта опять сообщалось, что по данным некоего «собрания в Сердоболе (ныне Сортавала — Прим. авт.)» наступление намечено на 15 марта, и уже будет вестись не только на Петроград, но и на Олонецкую губернию (что, к слову, было правильными данными, поскольку 21 апреля 1919 г. начался Олонецкий поход, когда финские части вторглись в пределы южной Карелии). Советская разведка была осведомлена об аналогичной разведывательной деятельности финнов. Так, 6 апреля сообщалось, что «финляндские белогвардейцы покупают за значительные суммы — от 4 до 5 тысяч финских марок — у финляндских же красногвардейцев имеющиеся у них на руках удостоверения о состоянии их в Красной Гвардии. Имея на руках такие удостоверения финляндские белые беспрепятственно переходят границу, приобретают законным путём русские документы, дающие им право свободно и когда угодно переходить в обе стороны границу — это всё делается в шпионских целях» [7, л. 41]. К сожалению, пока мы не обнаружили документов о борьбе с этим проявлением шпионажа.

Что же нам дают проанализированные разведсводки и агентурные сведения? Во-первых, они показывают полную неразбериху в самой Финляндии, поскольку переговоры с Юденичем и Колчаком носили неоднозначный характер и не давали самому финскому руководству, в том числе и Маннергейму, понять, как действовать дальше. Эта неразбериха в рядах противника, вызванная запутанными переговорами и неуступчивостью сторон при активном желании Юденича и Маннергейма совместно ударить по Петрограду, вносила неразбериху и в данных советской разведки. Дата «планируемого нападения» постоянно переносилась, агентурные сведения получались либо из непроверенных источников, либо от людей, которые тоже не могли понять

ситуацию в полной мере (или были недостаточно осведомлены о ходе переговоров). Ко всему прочему, только в одной сводке упоминается о планируемом вторжении в южную Карелию, хотя оно выглядело куда реальнее, чем массовый поход на Петроград. Впрочем, данные агентурные сведения позволяют понять, что о планах по захвату города советская сторона знала, о сотрудничестве Юденича и Финляндии тоже, получала она информацию и о методах шпионажа со стороны Финляндии. Данная тема требует своего дальнейшего изучения и является крайне актуальной, ведь эти данные позволят выяснить качество советской агентурной работы в Финляндии и в целом на Северо-западном направлении.

Литература и источники

1. Холодковский В.М. Финляндия и Советская Россия. 1918–1920. / В.М. Холодковский. М.: Наука, 1975. — 268 с.
2. Уткин Н.И. Россия — Финляндия: «карельский вопрос» / Н.И. Уткин. М.: Изд-во «Международные отношения», 2003. — 332 с.
3. Чистиков А.Н. Советско-германские отношения летом 1918 г. в исследованиях В. Баумгарта и Х. Хервига (к истории операции «Шлюссштайн») // Государственные институты и общественные отношения в России XVIII–XX вв. в зарубежной историографии. СПб., 1994. С. 132–162
4. Юссила О. Политическая история Финляндии. 1809–2009/О. Юссила, С. Хентиля, Ю. Невакиви. М.: Весь мир, 2009. — 472 с.
5. Красный архив. Исторический журнал. т. 1(98). М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1940. С. 59
6. Niinistö, J. Heimosotien historia. 1918–1922. Helsinki: SKS, 2005. S. 86–148.
7. Российский государственный военный архив. Ф. 3447. Оп. 3. Д. 1.

Popov D.A.

*State Budgetary Educational Institution «School No. 887»,
Moscow*

Soviet intelligence's view of Karl Mannerheim's plans to seize Petrograd in 1919

The article analyzes the process of developing and changing the plans of the Finnish military-political leadership, and personally Carl Mannerheim, to seize the former capital of Russia — Petrograd. The analysis is carried out in the context of the geopolitical situation in the region that was relevant at that time, since in 1918 the development of these plans was closely connected with the leadership of the German Empire, and in 1919 — with the leadership of White Russia. Of particular importance for understanding the situation are the intelligence reports of Soviet intelligence, which allow us to understand how much information about the situation Soviet Russia had.

Keywords: Finland; Petrograd; Mannerheim; Yudenich; Civil War; seizure of Petrograd.

Мозохин О.Б.

Доктор исторических наук, старший научный сотрудник

Институт российской истории РАН,

Москва

Командировка Ф.Э. Дзержинского в Сибирь

В 1921 году в России разразился сильный голод. Для голодающего населения страны необходимо было продовольствие, а его могли дать в большей степени только районы Сибири. В связи со сложившейся обстановкой, Политбюро ЦК РКП(б) направляет Ф.Э. Дзержинского в Сибирь, на него возлагалась задача координировать работу всех продовольственных, железнодорожных и топливных органов для вывоза в голодающие районы России продовольствия и семян. Феликс Эдмундович, вместе с организованной им Экспедицией сумел успешно выполнить поставленную перед ним задачу.

Ключевые слова: Дзержинский Ф.Э.; голод; Сибирь; железнодорожный транспорт; ВКП(б); продовольствие; Экспедиция.

Тяжёлые последствия двух войн к концу 1921 г. негативно сказывались на политическом и экономическом положении в РСФСР. Для эффективного функционирования экономического механизма государства, большое значение имела безуказицнная работа железнодорожного транспорта. Для налаживания ситуации на транспорте РКП(б) и Советское правительство, по предложению В.И. Ленина, 14 апреля 1921 г. народным комиссаром путей сообщения назначили Ф.Э. Дзержинского, который одновременно продолжал руководить органами ВЧК, работать наркомом внутренних дел, возглавлять Комиссию ВЦИК по улучшению жизни детей и вести партийную работу как член ЦК РКП(б).

В этом же году, неурожай охватил 34 губернии страны, в которых проживало до 30 миллионов человек. В связи с этим, 18 июля 1921 г. при ВЦИК была создана Центральная комиссия помощи голодающим, которую возглавил М.И. Калинин.

Для голодающего населения городов европейской части страны и для поражённого неурожаем Поволжья и других районов нужен был в первую очередь хлеб, а его могли дать в большей степени районы Сибири и частично Украины. 20 сентября 1921 г. Политбюро утвердило на своём заседании постановление назначенней им комиссии, по которому Сибирь, включая сибирскую часть Киргизской Республики и специальный район в пределах Украины объявлялись территорией исключительно государственных хлебных заготовок [1, с.10].

25 ноября 1921 г. Совет Труда и Обороны на своём заседании принял постановление, согласно которому Высший совет по перевозкам при СТО обязывался еженедельно представлять письменную справку о количестве поступившего продовольствия из Сибири [2, л. 8].

28 декабря в связи с тем, что планы не выполнялись, СТО заслушал доклад председателя комиссии по вывозу хлеба

из Сибири В.А. Аванесова, которая была создана своим решением 14 декабря. В постановлении, принятом по этому докладу, наркому по продовольствию Н.П. Брюханову СТО поручил договориться в ЦК РКП(б) по вопросу о назначении чрезвычайного уполномоченного представителя СТО для усиления вывоза хлеба из Сибири [3, л. 6]. Для своевременной доставки хлеба и мяса в голодающие районы страны, было принято решение в кратчайшие сроки наладить работу железнодорожного транспорта и доставить продовольствие из Сибири.

31 декабря 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение предложить СТО послать в Сибирь Ф.Э. Дзержинского в качестве уполномоченного СТО по урегулированию всех вопросов, связанных с вывозом хлеба и в части работы продовольственных, топливных и железнодорожных органов. При этом предлагалось всемерно ускорить его отъезд [4, л. 85].

2 января 1922 г. Феликс Эдмундович телефонограммой сообщил секретарю ВЦИК А.С. Енукидзе, что по предложению Политбюро ЦК РКП, он назначен Уполномоченным СТО в Сибирь на предмет вывозки продовольствия. Просил назначить на время его поездки в Сибирь выездную сессию Военно-транспортной коллегии Верховного Трибунала, и дать ему, как наркому внутренних дел и председателю ВЧК право санкции приговоров всех трибуналов. Он также проинформировал, что день его поездки назначен на 4 января 1922 г. [5, л. 3].

2 января 1922 г. Президиумом ВЦИК было принято постановление о командировании в качестве особоуполномоченного ВЦИКа Ф.Э. Дзержинского для принятия чрезвычайных мер по продвижению продовольственных грузов из Сибири. 4 января, в свою очередь и СТО

утвердил Дзержинского своим уполномоченным и отпустил в его распоряжение 20 млрд рублей авансом на расходы по вывозу хлеба. Президиум ВЦИК послал по его просьбе в составе Экспедиции выездную сессию Военно-транспортной коллегии Верховного трибунала.

По решению Политбюро из Сибири должно быть вывезено в январе — марте 15 млн пудов хлебных грузов и до 1,5 млн пудов мяса [6, л. 39].

СТО распорядился выдать Дзержинскому 100 млрд рублей наличными деньгами для финансирования на месте сибирских органов власти и транспорта. Выезжавшая с Дзержинским Экспедиция состояла из 40 чел. В неё кроме транспортников также входили сотрудники ВЧК и транспортного отдела ВЧК, которые должны были провести работу по очищению транспортных органов от вражеских элементов и саботажников.

6 января 1922 г. народный комиссар путей сообщения и уполномоченный ВЦИК и СТО по Сибири Дзержинский издал приказ № 1, который гласил: «Совет Труда и Обороны и ВЦИК дал мне задание урегулировать все вопросы связанные с вывозом хлеба из Сибири, имеющие отношение к работе производственных, топливных и железнодорожных органов. Под углом зрения основного вопроса вывоза продовольствия из Сибири должны быть рассмотрены и разрешены все остальные».

Феликс Эдмундович приказал образовать шесть Комиссий, которые должны были произвести предварительную разработку вопросов, имея основную цель обеспечить максимальный вывоз хлеба из Сибири в Центр. При этом он назначил состав следующих комиссий: по вопросам эксплуатации, по вопросам тяги и пути, по вопросам топливоснабжения

железных дорог, по вопросам всех других видов снабжения транспорта, по вопросам сокращения штатов, учёта и распределения рабочей силы и командного состава, по вопросам применения новой экономической политики на транспорте. Управляющим делами Экспедиции был назначен В.В. Дельгаз, которому поручалось объединить работу этих комиссий, которые должны были немедленно приступить к работе [7, л. 1].

Основной костяк Экспедиции состоял из 8 человек: И.А. Грунина — ответственного секретаря Цектрана; А.Г. Глузмана — председателя выездной сессии Военно-транспортной коллегии Верховного трибунала, Н.Н. Зимина — заместителя комиссара хозяйственно-материального управления НКПС; Г.И. Благонравова — начальника ТО ВЧК; П.И. Раменского — уполномоченного Наркомпрода; М.Г. Сидорского, М.Г. Винькова, В.В. Дельгаза — ответственных сотрудников НКПС.

6 января после отправления поезда Дзержинского в Сибирь произошла чрезвычайная ситуация. Старший ремонтный рабочий Службы пути Северных железных дорог Козлов при обходе пути заметил лопнувшую рельсу и своевременно перед самым проездом поезда с Экспедицией успел предупредить об этом начальника разъезда. Аварию удалось предотвратить. За проявленное честное отношение к служебным обязанностям приказом № 2 Дзержинский объявил обходчику благодарность и приказал выдать ему в виде награды полушибок, валенки и 500 000 рублей [7, л. 2].

Приказом № 3 от 6 января 1922 г. Дзержинский предложил всем работникам Экспедиции, при составлении ими планов работы или принятии отдельных конкретных мер по выполнению постав-

ленных задач, иметь в виду, что все усилия Экспедиции должны быть направлены в сторону укрепления и развития работы, надлежащей организации и инструктирования органов ведающих транспортными, топливными и продовольственными вопросами, к установлению между ними тесной организационной связи, а также с их центральными учреждениями [7, л. 3].

Понимая, что выполнение поставленной задачи зависит от людей, Дзержинский на совещании 8 января в Екатеринбурге вносит предложение снабжать железнодорожников в пути горячей пищей. 10 января 1922 г. приказом № 5 Дзержинский определил нормы премирования проводившихся работ для ремонтных, паровозных, поездных бригад и другого состава. На следующий день, 11 января в целях более интенсивной добычи угля для обеспечения железных дорог Сибири топливом он и там также устанавливает нормы премирования. 13 января Феликс Эдмундович распорядился прибывшие из хозяйственного управления валенки и зимнее обмундирование распределить исключительно между паровозными и кондукторскими бригадами допустив исключение только для красноярских мастерских где выдать его только рабочим занятым непосредственно по ремонту паровозов и вагонов и рабочим восстанавливающим Ейский мост [7, л. 11].

10 января 1922 г. Дзержинский по полномочию СТО РСФСР и ВЦИК обратился к рабочим и служащим железных дорог Сибири со следующими словами:

«Вы все знаете, как ограничены наши источники продовольствия, какие затруднения вызывает каждый недополученный по плану пуд хлеба, какие великие муки, какие неописуемые страдания испытывает голодавшее население Юго-Востока

России, особенно Поволжье от того, что помочь идёт медленно, помочь идёт несвоевременно.

Жизнь важнейших наших промышленных предприятий, нашей крупной промышленности, оставшейся на снабжении государства зависит теперь от того будет ли своевременно доставлен заготовленный в Сибири хлеб и мясо; движение на железных дорогах Республики зависит от того же; засев яровых хлебов в голодающих местностях зависит также от того, будет ли подвезено зерно для посева из Сибири, хлеб для голодающих; от этого зависит, следовательно, и самое существование Республики Советов, потому что враги учитывают каждый момент наших затруднений, каждый момент нашей слабости: на этом они строят планы нашего удушения трудовой России».

Он констатировал, что налоговая кампания в Сибири идёт к концу. Крестьяне выполнили свой долг перед Республикой и сдали то, что потребовало государство для питания Красной армии, детей, больных, инвалидов и промышленной армии рабочих и служащих, оставшихся на государственном снабжении. Хлеб и мясо подвезены к станциям для погрузки и отправки в нуждающиеся места Республики. Хлеб ссыпался в колодцы из прессованного сена и, если его не вывезти может загореться и запреть. В декабре грузилось и вывозилось меньше одной пятой нормы.

Дзержинский обратился ко всем от рядового чернорабочего до ответственнейшего работника требуя, чтобы объединёнными усилиями на железных дорогах Сибири был создан образцовый революционный порядок, чтобы задания и требования Республики по ремонту дороги и подвижного состава, по нагрузке и вывозу продовольственных маршрутов был выполнен на 100%. Он призвал всех вме-

сте и каждого в отдельности сообщать ему о всех препятствиях и случаях злоупотреблений на железных дорогах, саботажа и разгильдяйства. Заверив, что будут приняты все меры к устранению причин, препятствующих правильной работе дорог, что правительство РСФСР сделает всё возможное, чтобы улучшить положение рабочих и служащих [7, л. 7].

К нерадивым сотрудникам Дзержинский принимал жёсткие меры. Так приказом № 25 от 14 февраля 1922 г. за появление 12 февраля в нетрезвом виде в поезде, сотрудник Экспедиции Наркомпути, заместитель ЦАР Лебедев был подвергнут в административном порядке аресту на 30 суток с содержанием при Сибирской ОКТЧК [7, л. 25].

3 февраля Феликс Эдмундович направил письмо начальнику ТО ВЧК Благонравову, в котором писал: «Ввиду поступивших ко мне сведений о том, что начальник Учетно-Распределительного отдела Сибопса Соловьевников, несмотря на боевые задания по переброске продовольствия в центр, крайне небрежно относится к своим обязанностям» было предложено в 24-х часовой срок произвести расследование его деятельности [5, л. 20].

В приказе № 11 от 19 января 1922 г. Дзержинский напомнил, что положением об Управлении железнодорожным транспортом были определены обязанности и права администрации и начальников отдельных органов Управлений железнодорожных дорог. Вся ответственность за нормальное функционирование транспорта полностью возложена на них. Он считал, что служебный долг и положение определяют права каждого и неиспользование этих прав не снимает ответственности, из-за того, что кто-то не дал возможности их осуществить.

Задачи профессиональных органов в области участия и организации производства заключались в контроле и наблюдении за работой административных органов, изыскании и предложении мер, способствующих улучшению работы транспорта и содействии административно техническим органам в повседневной работе.

Целью органов ВЧК и Трибуналов являлась помочь НКПС в деле налаживания работы транспортного хозяйства, путём борьбы с политической контрреволюцией, уголовными и должностными преступлениями.

Однако выполнение этих задач не допускало непосредственного вмешательства органов Союза, ВЧК и Трибуналов в распорядительную деятельность администрации.

Ввиду изложенного Феликс Эдмундович предупредил администрацию железных дорог, что с момента опубликования настоящего приказа, никакие ссылки на вмешательство в их распорядительные функции, к ослаблению ответственности не повлечёт. Данный приказ он распорядился «опубликовать по линии» [7, л. 12].

4 февраля 1922 г. Дзержинский направил приказ № 17 в Новониколаевск, Томск, Красноярск, Иркутск, Барнаул, Семипалатинск, Челябинск, Тюмень, в котором писал, что приближается время посева, между тем огромнее количество заготовленных семян, подлежащих вывозу, всё ещё продолжает оставаться на ссыпных пунктах и станциях железных дорог, за тысячи вёрст от голодающего Поволжья. Снова надвигается угроза голода. Необходимо приложить сверхъестественные усилия по переброске семян в течение первой половины февраля. Сотни тысячи пудов мяса, подлежащего перевозке из Сибири в мороженном виде, с наступлением весенней оттепели, могут

подвергнуться порче, если оно не будет вывезено на холодильники Центральной России. Вот почему временно прекращены все грузовые непродовольственные перевозки на выход в Россию.

В связи с этим, приказом № 102 по Сибирскому Округу путей сообщения от 4-го февраля 1922 г. было предложено производить погрузку продовольствия с тем, чтобы с первого по пятнадцатое февраля было вывезено ежедневно следующее количество:

«а/ первый отдел — 7 вагонов семян, второй отдел — 10 ваг. мяса, третий отдел — 53 ваг. семян и 10 вагонов мяса, четвёртый отдел — 15 вагонов семян, пятый отдел — 98 ваг. семян и 10 вагонов мяса, шестой отдел — 2 вагона мяса, седьмой отдел — 18 ваг. мяса и восьмой отдел — 13 вагонов мяса. Всего в день 173 вагона семян и 63 вагона мяса. Недогруз против вышеуказанных суточных норм в первые дни февраля должен быть обязательно покрыт. Таким образом с первого по пятнадцатое февраля надлежит погрузить вагонов: первому отделу — семян 105, второму отделу — 150, третьему отделу — семян 795 и мяса 150, четвёртому отделу — семян 175, пятому отделу — семян 1470, а мяса 150, шестому отделу — мяса 30, седьмому отделу — мяса 270 и восьмому отделу — мяса 195. Указанная погрузка есть обязательный минимум, нарушение которого повлечёт предание виновных суду Трибунала.

б/ Кроме того во вторую очередь грузить: третий отдел — продовольствия 16 вагонов и пятый отдел — продовольствия 30 вагонов ежедневно и

в/ в третью очередь, третий отдел — семенных 28 и продовольствия 13 и восьмой отдел мяса 7.

Таким образом общая суточная погрузка Компрода в центр должна быть доведена: первый отдел — 7, второй

отдел — 10, третий отдел — 120, в том числе 20 хлеба и 10 на Кулундинской линии, четвёртый отдел — 15, пятый отдел — 138, шестой отдел — 2, седьмой отдел — 18, восьмой отдел — 20, всего 330 вагонов».

О всех принятых мерах и фактическом выполнении настоящего приказа Дзержинский предложил сообщать ему в Омск [7, л. 22–24].

В середине февраля Дзержинскому сообщили, что на Челябинском участке Омской дороги паровозная бригада в составе машиниста А. Петухова, помощника машиниста С. Смольникова и кочегаров Е Кащеева и А. Филиппова ездящая с пассажирскими поездами проявляет особое усердие в работе. У этой бригады почти никогда не бывает опозданий поездов, паровоз всегда находится в исправном состоянии и имеет опрятный вид. Дзержинский объявил им благодарность и приказал выдать всем в награду по полушибку, английскому костюму и паре сапог или ботинок каждому. Приказ предложил широко освятить по линии [7, л. 26].

В связи с тем, что продовольственное положение в стране продолжало быть напряжённым, 15 февраля Политбюро ЦК РКП(б), рассмотрев вопрос о выполнении февральского плана снабжения предложило Наркомпроду до 5 марта грузить в Сибири не более 50 вагонов семян в сутки с тем, чтобы количество вагонов с продовольствием, для помощи голодающим не было сокращено. СТО поддержал решение Политбюро и также принял постановление об увеличении погрузки продовольствия, о чём был проинформирован Дзержинский [8, л. 2, 4]. На основании этих решений Феликс Эдмундович издал приказ в котором объявил новые нормы погрузки семян и повышенные нормы вывоза продовольствия.

28 февраля 1922 г. Дзержинский информировал СИБОПС, СИБПРОДКОМ, СИБОКТЧК, Полномочную пятёрку при СИБРЕВКОМЕ, СИБРЕВКОМ, ПП ВЧК и НКПС о том, что вследствие окончания большей части семенных перевозок для голодающего Поволжья, а также ввиду необходимости своего пребывания в Центре он назначает отъезд Экспедиции в Москву на 4 марта. При этом инженера Н.Б. Ленцнера назначает начальником остающейся Комиссии ГИПСа, с оставлением его временно исполняющим обязанности Начальника Эксплуатационного Отдела СИБОПСа. Наблюдение за исполнением его распоряжений по Сибири и наблюдение за работой по вывозу продовольствия из Сибири он возложил на ряд назначенных им лиц. До окончания хлебных перевозок по Сибири просил считать Экспедицию в полном составе по приезде в Москву продолжающей свою работу [7, л. 28].

Приказом от 4 марта 1922 г. в дополнение к предыдущему приказу инженер Б.Н. Ленцнер был назначен председателем оставленной Дзержинским Комиссии [7, л. 30].

Вне всякого сомнения, деятельность Экспедиции под руководством Ф.Э. Дзержинского сыграла большую роль по организации вывоза продовольствия и семян из Сибири. Всего за период с 1 июня 1921 г. по конец августа 1922 г. руководимый Ф.Э. Дзержинским железнодорожный транспорт перевёз в помощь голодающим 123 789 вагонов продовольственных и семенных грузов, а морские и речные суда — около 15 млн пудов продовольствия и семян [9, л. 112–113]. Ф.Э. Дзержинский за эту работу был награждён почётным жетоном и грамотой от Центральной комиссии по борьбе с последствиями голода.

Литература и источники

1. Хромов С. С. По заданию Ленина. Деятельность Ф. Э. Дзержинского в Сибири. М. 1964. — 152 с.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 130. Оп. 5. Д. 458.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 49. Оп. 3. Д. 279.
4. РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 3. Д. 282.
5. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 237.
6. Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 8001. Оп. 1. Д. 9.
7. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 85.
- 8 РГАЭ. Ф. 8001. Оп. 1. Д. 20.
- 9 «Итоги борьбы с голодом в 1921–22 гг.» Сборник статей отчётов. Изд-во ЦК Помголод. Москва — Кремль, 1922 — 499 с.

Mozokhin O.B.

*Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher,
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow*

F.E. Dzerzhinsky's business trip to Siberia

In 1921, a severe famine broke out in Russia. Food was needed for the starving population of the country, and only the regions of Siberia could provide it to a greater extent. Due to the current situation, the Politburo of the Central Committee of the Russian Communist Party (b) sent F.E. Dzerzhinsky to Siberia, with the task of coordinating the work of all food, railway and fuel authorities for the export of food and seeds to the starving regions of Russia. Felix Edmundovich, together with the expedition organized by him, managed to successfully complete the task assigned to him.

Keywords: Dzerzhinsky F.E.; famine; Siberia; railway transport; CPSU(b); food; expedition.

Платонов Ю.Н.

*Кандидат юридических наук, доцент,
Москва*

Становление правительственной связи в СССР (1918–1934 гг.)

В статье рассматриваются политические, организационные и технические вопросы, связанные с формированием в 1918–1934 гг. в системе органов государственной безопасности правительственной связи. Анализируются факторы, влияющие на её становление, а также требования, предъявляемые высшим политическим руководством страны к этому виду связи.

Ключевые слова: правительственная связь; спецкоммутатор Кремля; ОГПУ; оперативный отдел; Лоренс И.Ю.; ВЧ-связь.

В настоящее время об истории создания в СССР правительственной связи в опубликованной литературе имеются различные данные. Архивных материалов, касающихся процесса подготовки и принятия решения о создании этого вида связи, немного. Большинство авторов полагают, что за точку отсчёта следует принять 1931 год, когда в Оперативном отделе ОГПУ было создано подразделение связи [1, с. 8].

При этом совмещаются даты создания междугородной правительственной связи (ВЧ-связи) и образования правительственной связи в стране. Отметим, что междугородная связь является одним из элементов системы правительственной связи.

Согласно приложения к Приказу ОГПУ от 10 июня 1931 г. № 308/183 о реорганизации Оперативного отдела, было предусмотрено «... с 1 июня с.г. ... 4-е отделение переименовать в 5-е отделение (техническое)...» и определены функции вышеуказанного подразделения (орфография сохранена. — Прим. авт.):

— обслуживание отделов телеграфной связью.

— обслуживание отделов по контролю телефонной сети.

— обслуживание телефонной связью высокой частоты.

— обслуживание радиосвязью в стадии организации».

Начальником 5-го отделения Оперативного отдела ОГПУ был назначен Лоренс Иван Юрьевич¹.

Однако вышеуказанный документ на наш взгляд раскрывает вопросы организации связи ведомства, и лишь частично — историю создания Правительственной связи страны (через призму того факта, что одной из многочисленных функций Оперативного отдела ОГПУ являлась охрана руководителей партии и правительства) [3, с. 221–222].

¹ Лоренс Иван Юрьевич (1892–1937). В 1918–1919 гг. комиссар Нарвской ЧК. В 1920–1921 гг. контролёр в таможне г. Кингисеппа. В 1921–1923 гг. сотрудник оперативной части Московской ЧК. В 1924–1929 гг. секретный сотрудник оперативной части МЧК. В 1929–1937 гг. начальник 4-го (затем 5) отделения оперативного отдела ОГПУ (с 1934 г. — НКВД). Арестован 28 марта 1937 г. Расстрелян. В 1957 г. решением Военной коллегии Верховного суда СССР реабилитирован [2, с. 9–10].

Рассматривая исторический аспект создания Правительственной связи в СССР отметим, что с возникновением социалистического государства в октябре 1917 г. созданный в Военно-революционном комитете отдел связи вошёл в состав аппарата Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК).

После переезда в марте 1918 г. советского правительства из Петрограда в Москву он включал переговорный пункт СНК в составе пяти телеграфистов и восьми сотрудников [4].

В 1918 году с целью улучшения руководства военной связью при Главнокомандующем Вооружёнными Силами Республики была введена должность Чрезвычайного комиссара почт и телеграфов, при штабах фронтов и армий были созданы почтово-телефрафные отделы. Военной связью в высшем звене занимались Центральное управление военных сообщений, Народный комиссариат почт и телеграфов (далее — НКПиТ) и Главное военно-инженерное управление. В 1919 г. было создано Управление связи РККА, введены должности начальников связи фронта и армии. Тогда в телефонной комнате Кремля появились телефонные аппараты прямой связи с фронтами.

В январе 1919 г. у Председателя СНК был установлен спецкоммутатор (на 104 абонента). Телефонная связь руководителей партии и правительства получила негласное наименование «Кремлёвка».

Кроме того, к концу 1919 г. имелся самостоятельный настольный коммутатор на десять номеров, в который были включены штабы фронтов и узел связи Реввоенсовета. Условия Гражданской войны требовали непосредственного общения главы государства с командующими фронтами по телефону (наряду с возможностью обмена телеграфными посла-

ниями по прямым проводам). В августе 1920 г. было принято «Положение об отделе связи» Кремля [5].

В последующем подразделение связи Кремля неоднократно реорганизовывалось и находилось в разных структурах. Например, 3 августа 1920 г. решением Президиума ВЦИК его курировали СНК, ВЦИК и Управление Московской городской телефонной сети (далее — МГТС). Начальник связи Кремля, который был ответственным за работу связи правительства, назначался ВЦИК; телефонистки спецкоммутатора входили в штат СНК; состав работников, предназначенных для обслуживания линейно кабельного хозяйства, определялся Управлением МГТС. НКПиТ планировалось развивать радиомагистрали, которые связали бы Москву с крупными административными центрами республики, а также со столицами Франции, Германии и Турции.

В таких условиях конфиденциальность переговоров не обеспечивалась. В мае 1922 г. комиссия Наркомата рабоче-крестьянской инспекции не смогла установить ни принципов работы подразделения, ни порядка его подчинённости [6, с. 358].

В 1923 г. была введена в эксплуатацию первая АТС ВЦИКа. Это было началом системы АТС-1, которая в дальнейшем стала известна как «вертушка». В отличие от обычной телефонной сети, где в то время соединение происходило через телефонистку, абоненты связывались друг с другом с помощью дискового номеронабирателя.

Проблемы связи, как элемента обеспечения безопасности высшего политического руководства государства находились под контролем Спецотделения при Коллегии ОГПУ (охрана правительства) и Секретно-политического управления ОГПУ (гражданский персонал ведомств,

работающих в Кремле). В связи с создавшимся положением Председатель ОГПУ Ф.Э. Дзержинский 12 октября 1925 года направил в ЦК РКП(б) записку о необходимости подчинения всех учреждений (в том числе и связи) на территории Кремля его коменданту [7, с. 122].

Данное предложение было реализовано. Организационно подразделение связи ВЦИК вошло в состав гражданского персонала Управления Коменданта Московского Кремля и находилось в двойном подчинении — его служащие одновременно стали числиться за ОГПУ при СНК СССР [8].

Существовавшая в те годы система «правительственной связи» разделялась на телефонную связь абонентов Кремля (ВЦИК) с абонентами Москвы, и на междугородную (телефрафную). При этом для междугородней связи использовались сети Народного комиссариата почт и телеграфов (в 1932 году переименован в Народный комиссариат связи).

Качество связи было низким — она не обеспечивала оперативность соединений абонентов, нередко прерывалась, зависела от погодных условий, скрытность телефонных разговоров практически отсутствовала.

В 1928 г. И.В. Сталин в ходе конфиденциального разговора с Председателем ОГПУ СССР В.Р. Менжинским поручил ему организацию в режиме строжайшей тайны совершенно секретной телефонной связи для членов высшего политического, хозяйственного и военного руководства [9, с. 3].

Одной из первоочередных задач являлось знание политической ситуации в стране и в связи с этим необходимость поддержания устойчивой связи с регионами.

Эту функцию должна была реализовать система элитной специальной связи,

которая бы позволила обеспечить надёжность (устойчивость) и оперативность переговоров, их качество (бесперебойность и защиту от помех), а также секретность передаваемой по её каналам информации.

В основу организации правительственной связи были положены следующие принципы:

- обеспечение связи по проводам (воздушным и кабельным);
- специальный отбор обслуживающего персонала;
- установление строгого порядка использования средств связи;
- применение специальных шифров и условных сигналов.

По замыслу В.Р. Менжинского эту задачу должно было решить 5-е отделение Оперативного отдела ОГПУ, которое отвечало за связь с наиболее крупными территориальными органами безопасности. Оно назначалось также ответственным за организацию и создание сети междугородной телефонной правительственной связи, отличной от сети связи общего пользования в связи с применением специальных мер защиты (сначала только организационных, а затем и технических) от перехвата информации. Такую связь условно стали называть «ВЧ-связью¹.

Первым городом, с которым она была установлена, явился Харьков — тогда столица Украины (1930 г.), затем сданы в эксплуатацию линии ВЧ-связи Москва — Ленинград, в 1932 г. установлена связь со Смоленском и Минском, в 1933 г. — с Горьким (ныне Нижний Новгород),

¹ Междугородная связь называлась ВЧ, потому что по проводам передавался ток высокой частоты, модифицированный звуковым сигналом от мембранны микрофона телефонного аппарата. Такой сигнал, как и сигнал радиосвязи, не воспринимался человеческим ухом без соответствующей обработки, поэтому способствовал конфиденциальности переговоров и не поддавался простому перехвату.

Ростовом-на-Дону, в 1934 г. — с Киевом. Все они были оборудованные отечественной аппаратурой связи.

Обладание аппаратами правительственной связи в системе власти было престижным. Решение принималось руководством ОГПУ с учётом технических возможностей. Значительное место уделялось поддержанию устойчивой связи с Вооружёнными силами СССР. Об этом свидетельствует, например, просьба Наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова от 23 января 1934 года заместителю председателя ОГПУ Г.Г. Ягоде установить аппарат прямой телефонной связи высокой частоты («красная вертушка») командующему Морскими силами Балтийского моря Галлеру (Кронштадт). При этом подчёркивалось, что от Ленинграда до Кронштадта прямой провод выделяют моряки [10, с. 10].

Оконечные станции ВЧ-связи с аппаратурой выделенных для неё телефонных каналов находились, как правило, в изолированных помещениях зданий областных управлений и городских отделов ОГПУ, а также междугородных телефонных станций и трансляционных пунктах Наркомата связи.

Становление правительственной связи и обеспечение её бесперебойного функционирования зависели от разработки и внедрения отечественной аппаратуры засекречивания телефонных разговоров.

ОГПУ в Германии были приобретены приборы, которые позволяли вести переговоры без участия междугородной станции и центрального телеграфа, обеспечивая таким образом бесперебойность правительственной связи в случае аварии [11, с. 361].

В 1931–1934 годах в СССР было организовано промышленное производство аппаратуры высокочастотного и многоканального телефонирования.

Когда была решена задача многоканального уплотнения линий связи, основное внимание было обращено на решение проблемы засекречивания телефонных разговоров.

Проблема предотвращения перехвата информации, передаваемой по каналам правительственной связи, оказалась значительно сложнее. Отечественной засекречивающей аппаратуры в то время не было.

Из-за слабого развития промышленности средств связи усилиями заинтересованных ведомств с использованием возможностей ОГПУ были изучены зарубежные образцы аппаратуры засекречивания телефонных разговоров и возможность их закупки за границей (США, Германия, Великобритания, Швеция и др.). Однако зарубежные аппараты секретной связи не соответствовали предъявленным требованиям, поэтому был поставлен вопрос о создании отечественной техники секретного телефонирования, более качественной, чем зарубежная.

При огромных пространствах России важное значение приобретала радиосвязь. Несмотря на её значительное преимущество по сравнению с проводными средствами связи (для которых были необходимы постоянные воздушные линии большой длины), почти вся связь высшего военного руководства того времени базировалась на использовании воздушных линий. Частичный отказ от радиосвязи был обусловлен наличием у иностранных государств служб радиоперехвата.

Связь с кабинетами и квартирами абонентов правительственной связи обеспечивалась, как правило, по кабелям городских телефонных сетей, а с государственными дачами — по воздушным линиям.

Для поддержания междугородной правительственный связи использовались линии связи наркоматов связи и обороны, связь дублировалась также специальной связью органов безопасности.

Построенные ВЧ линии правительенной связи были затратными в эксплуатации.

В 1934 г. свыше трёхсот абонентов «кремлёвской» системы правительенной связи обслуживались по всей стране 80 станциями, а для уплотнения сигнала на линиях использовалась отечественная аппаратура.

К этому времени обострились вопросы обеспечения должного уровня секретности передаваемой информации.

Констатировалось, что аппаратура ВЧ-связи Оперода их не обеспечивает. Так, например, разговор Москва–Сочи можно слушать на 7–8 междугородных станциях Наркомсвязи либо незаметно подключиться с помощью несложной аппаратуры в любом линейном контрольном пункте Наркомсвязи или непосредственно к линии.

Не исключена возможность приёма разговоров на радиоприёмник с антенн, расположенных вблизи междугородных линий, по которым идут передачи ВЧ-связи.

При повреждении линий связи ОГПУ, когда работа осуществляется по цепи замены, появляются взаимные переходы разговоров ВЧ-связи ОГПУ в другие ведомства.

О существовании правительенной связи ВЧ известно значительному кругу лиц, хотя наличие в системе ОГПУ подразделений связи, обеспечивающее переговоры высшего политического руководства, скрывалось.

Работникам ВЧ периферии и агентуре на междугородных станциях следовало ежемесячно проводить тщательный

осмотр линий стационарной проводки во избежание умышленного подслушивания разговоров, а также проверять надёжность работников Наркомсвязи, имеющих касательство к цепям и аппаратуре, по которым работает ВЧ-связь.

Были начата деятельность по производству и внедрению в сеть правительенной связи аппаратуры засекречивания маскирующего действия по закрытию радиотелефонных каналов [1, с. 9–12].

Созданию в стране системы специальной связи для нужд государственного управления способствовала совокупность следующих факторов:

— нахождение её в ведении ОГПУ — органа, входящего в состав сил обеспечения безопасности государства;

— обособленность (автономность функционирования, скрытность) данной сети связи, которая не всегда сопрягалась с сетью связи общего пользования;

— передача информации в более высоком спектре частот в сочетании с оперативными и иными организационными, а затем и техническими мерами её защиты при ведении телефонных разговоров.

Для органов государственной власти правительенная связь стала эффективным инструментом управления страной [10, с. 362].

Выводы:

1. Становление системы правительенной связи в СССР следует отнести к 1917–1925 годам. Передача её в систему органов безопасности на наш взгляд началось в 1925 году, когда служащие отдела связи Управления коменданта Московского Кремля стали одновременно числиться в качестве гражданского персонала ОГПУ.

2. Выделенная сеть междугородной высокочастотной связи, создававшаяся

ОГПУ как ведомственная, почти сразу начала использоваться для нужд государственного управления с важнейшими регионами Советского Союза и получила наименование «правительственная ВЧ-связь».

3. Органы безопасности не только обеспечивали качество и секретность правительственнои связи, но и осуществляли сопровождение разработки аппаратуры различного назначения, необходимой для её функционирования.

Литература и источники

1. Валдаев С.А. Связь, которая не подведёт. М.: Славянский диалог, 2001. — 184 с.
2. Выписка из приказа ОГПУ № 308/183 от 10 июня 1931 г. / Правительственная связь СССР. 1931–1941. Сб. документов. Т. 1. М.: Славянский диалог, 1997. — 304 с.
3. Энциклопедия секретных служб России / [авт.-сост. А.И. Колпакиди]. М.: Издательство АСТ. 2003. — 800 с.
4. Гребенников В. «Правительственная связь в структуре АХО ВЦИК и ОГПУ–НКВД СССР с 1917 по 1941 год» // URL: <http://wikireading.ru>. 214190. (дата обращения: 06.04.2025).
5. URL: <http://history ric mil ru// Stati/item/379924> (дата обращения: 6.04.2025).
6. Павлов В.В., Астрахан В.И., Чернега В.Г., Черняевский Б.Г. Правительственная электросвязь в истории России. Монография. Ч. 1. 1917–1945. М.: 2001 (цит. По: Энциклопедия Федеральной службы охраны Российской Федерации. Т. 1. История органов государственной охраны и специальной связи. М.: Кучково поле, 2021. — 480 с.
7. Записка Ф. Дзержинского. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 35. Л. 15 (публикуется по изданию: Руководители государственной охраны России и СССР. Энциклопедическое издание. М.: РУНИВЕРС, 2018. С. 122)
8. Гребенников В. «Правительственная связь в СССР. История спецсвязи». М.: Литрес.2024 г. — 310 с.
9. Чернышева Н.А., Коробицын А.С. 85 лет на службе Отечеству // Информационно-публицистический журнал «Кремль-9» ФСО Российской Федерации. М.: 2016. № 6. 64 с.
10. Энциклопедия Федеральной службы охраны Российской Федерации. Т. 1. История органов государственной охраны и специальной связи. М.: Кучково поле, 2021. — 480 с.
11. Правительственная связь СССР. 1931–1941. Сб. документов. Т. 1. М.: Славянский диалог, 1997. — 304 с.

Platonov Yu.N.

*Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,
Moscow.*

The Formation of Governmental Communications in the USSR (1918–1934)

The article examines the political, organizational, and technical issues related to the formation of governmental communications in the system of state security agencies in 1918–1934. It analyzes the factors that influenced its development, as well as the requirements imposed by the country's top political leadership on this type of communication.

Keywords: governmental communications; Kremlin special switchboard; OGPU; operational department; I. Yu. Lawrence; high-frequency communications.

Рогачев В. В.

*Государственное казённое учреждение Республики Крым
«Государственный архив Республики Крым»,
г. Симферополь*

**Пересылка секретной корреспонденции почтово-телеграфным
ведомством в период становления Крымской АССР
в 1921–1923 гг.
(на материалах Государственного архива Республики Крым)**

В статье показана работа почтово-телеграфного ведомства по пересылке секретной корреспонденции в период становления Крымской АССР в 1921–1923 гг. На материале рассекреченных архивных источников, впервые вводимых в научный оборот, проанализированы аспекты функционирования почтово-телеграфной ведомства по пересылке секретной корреспонденции на территории Крымской АССР в 1921–1923 гг., включающие в себя приём, хранение, отправку, доставку секретной корреспонденции. Проанализированы законодательные документы Советского времени в сфере улучшения деятельности средств связи по пересылке секретной корреспонденции в условиях становления Крымской АССР.

Ключевые слова: почта; телеграфы; телеграммы; шифрограммы; приём; передача; доставка и хранение секретной и шифрованной корреспонденции.

Тема пересылки государственной и важной информации играла в военной истории и истории спецслужб одну из ключевых ролей. Данные доставляли посыльные, курьеры и гонцы, которые должны были обеспечить надёжную курьерскую пересылку и доставку отправлений.

К сожалению, в историописании Крыма тема пересылки секретной корреспонденции не стала приоритетной для исследователей. В зарубежной историографии эта научная проблема также является недостаточно разработанной. В советский период (1917–1991 гг.) этот вопрос детально не рассматривался по причине ограниченного доступа к за-секреченным документам, во время пребывания Крыма в составе независимой Украины исследователи (декабрь

1991 – март 2014 гг.) проводили разве что одиночные и не систематизированные научные разведки, посвящённые ведению секретного делопроизводства.

Следует вместе с тем заметить, что ситуация не изменилась в лучшую сторону и после воссоединения Крыма с Россией в марте 2014 г. На материковой же России различными аспектами по пересылке секретной корреспонденции занимается исследовательница А. Я. Тарасюк, однако в её работах, посвящённых пересылке секретной корреспонденции, содержится по большей части критика. Так в одной из своих работ автор рассматривает «Инструкцию по ведению секретного делопроизводства и хранению секретной переписки в органах переселения» как источник по истории становления тоталитарного режима (1920–1930 гг.)

Разумеется, работе почтово-телеграфного ведомства А. Я. Тарасюк внимания не уделяет, так как она рассматривает непосредственно Инструкцию.

В фондах Государственного архива Республики Крым имеется бесценный материал, содержащийся в рассекреченных архивных документах, впервые вводимых в научный оборот. Автор настоящей статьи считает, что анализ данных источников позволяет проследить формирование и развитие проводимых мероприятий по пересылке секретной корреспонденции.

С начала 1920-х гг. государством неоднократно предпринимались попытки упорядочения работы с секретными сведениями и сведениями, содержащими государственную тайну (13 октября 1921 г. Декретом СНК был утверждён соответствующий перечень). В 1922 г. создаётся Главлит при Наркомате Пропаганды, Секретариатом ЦК РКП(б) принимается постановление «О порядке хранения и движения секретных документов». Постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 11 января 1923 г. о создании при ГПУ специального бюро по дезинформации было направлено на «учёт и характеристику сведений, интересующих противника, выявление степени осведомлённости противника, составление и техническое сопровождение дезинформации» [1].

Также соответствующие меры принимались в отношении пересылки секретной корреспонденции. Так 7 февраля 1922 г. Управление уполномоченного Народного Комиссара почт и телеграфов РСФСР при наркоме Крымской ССР направило в Симферопольскую телеграфную контору совершенно секретное письмо с Инструкцией по приёму, передаче, доставке и хранению секрет-

ной и шифрованной корреспонденции. В данном письме Заместитель Уполномоченного Крыма приказывает в точности руководствоваться указанными в ней положениями и порядком. «Обязанности секретных кассиров, политконтролеров, где таковых не имеется, возлагаю лично заведующим конторам с правом передачи их в части технической обработки, а в больших телеграфных узлах старшим аппаратной под самым бдительным надзором заведующих конторами. Хранение же и отчётность шифрованной и секретной корреспонденции остаётся на обязанности заведующих конторами». Особое внимание в данном письме акцентируется на выполнении дежурными телеграфа пунктов 12, 13, 15, 20, 24 и 25 Инструкции, о чём заведующие конторами обязаны издать приказ по конторам и под расписку предупредить всех дежурных, что малейшее уклонение будет рассматриваться как нежелание исполнять приказ со всеми вытекающими отсюда последствиями [2, л. 68].

Данное письмо указывает на определённые недочёты по приёму, передаче, доставке и хранению секретной и шифрованной корреспонденции, а Инструкция предписывает проводить работу с секретной корреспонденцией по особым правилам.

С целью ускорения передачи шифрованных телеграмм и сокращения труда, затраченного на это, 28 сентября 1922 г. Управление уполномоченного Народного Комиссара почт и телеграфов РСФСР при наркоме Крымской ССР направило в Симферопольскую телеграфную контору секретное письмо о введении следующего способа проверки передачи шифрованных телеграмм по аппарату Уитстона:

1. шифрованная телеграмма, составленная из одних цифр в первоначальной

пуншировке даётся полными пятью знаками каждая цифра, а вслед за тем тот же пунширист весь текст повторяет сокращёнными знаками;

2. буквенная шифрованная телеграмма первый раз пуншируется полностью со всеми служебными отметками, адресом, текстом и подписью, а во второй вслед за первым повторяются только одни шифры.

Для производства проверки приёмное учреждение, приняв шифрованную телеграмму, сличает основную (первую) передачу с проверкой (второй) сокращённой передачей и если не будет расхождения отправляет шифровку по назначению. В случае же расхождения производит выяснения такового при посредстве обмена справками или путём служебного запроса. Последнее надлежит допускать только при перерыве связи.

В связи с этим нововведением поручается сделать соответствующее изменение в пункте «В» статьи 15 Инструкции телеграфу по приёму, передаче, доставке и хранению секретной и шифрованной корреспонденции [2, л. 141].

Ввиду поступающих с мест запросов, что делать с лентой на отработанные по Морзе и принятые по Бодо шифрованные телеграммы, Управление уполномоченного Народного Комиссара почт и телеграфов РСФСР при наркоме Крымской ССР разъясняет это в секретном письме к Окрзавуч Крыма от 29 сентября 1922 г., что согласно статей 15 и 18 Инструкции по приёму, передаче, доставке и хранению секретной и шифрованной корреспонденции, при передаче шифрованных телеграмм по Морзе лента с обратной проверкой по истечении семидневного срока хранения отправляется подателю вместе с подлинной телеграммой.

На принятые же по Морзе и Бодо шифрованные телеграммы лента в последнем

случае (контрольная) отсылается также адресату вместе с подлинными телеграммами [2, л. 142].

Из поступающих донесений видно, что не все почтово-телефрафные учреждения возвращают обратно отработанные по передаче шифрованные телеграммы подателя и не присыпают контрольные ленты, этим самым нарушая пункт из Инструкции телеграфа по приёму, передаче, доставке и хранению секретной и шифрованной корреспонденции, разосланной 7 февраля 1922 г. за № 13 с дополнением к ней от 29 сентября за № 99.

Ввиду этого Управление уполномоченного Народного Комиссара почт и телеграфов РСФСР при наркоме Крымской ССР предлагало срочно донести, были ли получена во ввереном вам учреждении указанная Инструкция, на кого возложены обязанности хранения и ведения отчётности секретной шифрованной корреспонденции и почему в срок не выполняется пункт 18 Инструкции [2, л. 148].

Многие почтово-телефрафные учреждения допускали открытую пересылку сообщений о высылке шифров, указывая при этом в извещении даже их название. На это обращал внимание заведующий учреждением Черноморского округа связи Наумов. Им было адресовано циркулярное письмо от 25 ноября 1922 г. заведующим учреждениями связи с грифом совершенно секретно, в котором обращалось внимание заведующих учреждениями связи на то, что переписка имеет характер важного государственного значения. Вследствии чего имеет огромное значение секретность шифров вплоть до его названия. Он предлагал руководствоваться секретным предписанием от 2 ноября 1922 г. и переписку о шифрах пересыпать исключительно совершенно секретным конвертом с узлом на обратной

стороне и припечатыванием ниток в месте соединения клапанов сургучной печатью. Чтобы содержимое в конверте ни прочитать, ни извлечь было бы невозможно, не оставив следа. Таким же порядком и с такой тщательностью предлагалось упаковывать пакеты с секретной перепиской независимо от её важности и содержания. Все шифры необходимо пересыпать исключительно ценными закрытыми пакетами, присваивая гриф «совершенно секретно» и оценивая его в сто тысяч рублей. Шифрованная и секретная переписка хранилась, как и шифры, согласно секретного предписания от 2 ноября 1922 г. за № 225. В целях сохранения секретности все черновики от зашифрования должны сжигаться лично производящим шифрограмму [3, л. 24].

Согласно данного телеграфного распоряжения Симферопольская телеграфная контора предложила в письме к заведующему Симферопольской районной конторы установить следующий порядок: 1) почтовые и телеграфные переводы и переводы до востребования необходимо шифровать от суммы одна тысяча рублей и выше денежными знаками 1923 г.; 2) запросы о подтверждении и особые извещения посыпать на сумму пять тысяч рублей и выше денежными знаками 1923 г. [3, л. 61].

Также наблюдалось, что работники связи, ведущие секретную и шифрованную переписки, а также члены их семей посещают иностранные представительства и дипломатические, торговые миссии, консульства и организации по своим частным делам. В связи с этим ВРИД начальника Черноморского Округа 18 июня 1923 г. из Одессы направил заведующему Симферопольской конторой письмо с пометкой «совершенно секретно». В нём говорилось, что в каж-

дой иностранной миссии и представительстве одновременно имеется филиал иностранной разведки в России. Что сотрудники этих миссий, ведущие разведку, не только прибегают к открытым методам вербовки агентов, но также используют своё знакомство с гражданами УССР для замаскированного выпытывания путём частных «дружеских» бесед интересующих их сведений, а поэтому начальник Округа предлагал:

1) работникам связи, ведущим секретную и шифрованные переписки, воспрещается посещать иностранные миссии и представительства, а также вести знакомство с сотрудниками этих учреждений и лицами, имевшими к ним отношение;

2) работники связи, ведущие секретную и шифрованную переписки, которые лично и члены семей которых имеют знакомых или родственников в иностранных миссиях и представительствах, обязаны немедленно донести об этом в письменной форме по инстанции в Секретариат Управления Округа;

3) все работники связи, ведущие секретную и шифрованную переписки, имевшие в прошлом, независимо от того состояли ли они или нет тогда сотрудниками шифрорганов, как-либо дела с иностранными миссиями, получали оттуда или через них письма, посылки или отправляли туда, имели ли там родственников или знакомых в прошлом, обязаны сообщать об этом немедленно в Секретариат Управления Округа;

4) работники связи, ведущие секретную и шифрованную переписки, которым известны лица служащие в государственных учреждениях, связанные с иностранными миссиями, обязаны немедленно сообщить об этом в Секретариат Управления Округа, причём по возможности указать, в чём эта связь выражается;

5) невыполнение настоящего циркуляра или же разгласившие его помимо служебных обязанностей будут привлекаться к ответственности по всем строгостям революционных законов;

6) настоящее распоряжение касается вас лично, так и помощника венного и сотрудника, ведущего секретную и шифрованную переписки, если на выделение такового имеется специальное разрешение.

Подтвердить получение данного циркуляра требовалось в день получения. Данное предписание требовалось в точности исполнить в течении семи дней после получения. На обороте данного письма имеются две записи от руки от 28 июня 1923 г., в которых говорится: «ничего общего я и моя жена не имеем», «ничего общего как я так и моя семья не имеет» [3, л. 165–165 об.].

Также 29 июня 1923 г. заведующий Симферопольской конторой направил начальнику Черноморского Округа в Одессу письмо с отметкой «совершенно секретно», в котором говорит, что ваши указания приняты к точному неуклонному руководству и исполнению. Сообщил также, что лично он и два его помощника и секретарь, ведущий секретную и шифрованную переписки, а также и семья выше указанных никакого знакомства и родственных отношений как с самими членами иностранных миссий, так и с их родственниками и знакомыми не имеют [3, л. 166–166 об.].

Особое внимание уделялось неразглашению государственной тайны сотрудниками, оставившими работу с секретной документацией. Так секретариат начальника Черноморского Округа 11 июля 1923 г. разослал заведующим почтовыми, почтово-телеграфными предприятиями Черноморского округа связи циркуляр

в котором требовалось точное исполнение следующего: заведующие предприятиями, их помощники, а также работники, которые временно работали по шифровальному и секретному делу на время отпуска или болезни заведующего предприятием, или сотрудники, работающие постоянно, при переходе на другую несекретную работу или увольнении обязаны давать подпись по прилагаемой к этому письму форме о сохранении известных им государственных и ведомственных тайн. Также необходимо сообщать в местный орган ГПУ о выборе своего места жительства [3, л. 167].

В Подписке указывались ФИО бывшего работника секретного и шифровального делопроизводства, место жительства и бывшей работы. Далее давались обязательства в том, что, уходя из области шифровально-секретной работы, все известные системы шифров, их цель, значение, порядок использования, а также все известные государственные и военно-оперативные тайны обязуется хранить в строжайшем секрете и в течение одного года после ухода с секретно-шифровальной работы обязуется уведомлять секретно-шифровальный орган и спецотдел при ГПУ о своих новых местах жительства. В противном случае сотрудник будет подвергаться наказанию по законам революционного военного времени.

Несмотря на все усилия Управления округа, направленные на устранение недочётов по приёму, передаче, доставке и хранению секретной и шифрованной корреспонденции, ревизиями подведомственных учреждений в 1923 г. было обнаружено весьма небрежное, халатное и невнимательное отношение к шифрам и другим секретным документам и вообще к секретному и шифровальному делопроизводству. Многие заведующие

и работники почтовых, почтово-телефрафных предприятий от службы были отстранены.

Крупные нарушения описывает начальник Черноморского Округа связи Наумов в циркулярном письме к заведующим предприятиями Черноморского округа связи 16 июля 1923 г. Данное письмо было направлено с отметкой «совершенно секретно» и в нём говорилось о том, что секретные документы не хранятся в отдельном помещении, секретные шифровки не расшифровываются, а в следствии чего и не исполняются, шифры, вышедшие из употребления, оказались неопечатанными сургучной печатью. Вследствии чего предлагалось тщательно ознакомиться с Правилами и Инструкцией по приёму, передаче, доставке и хранению шифртелеGRAMM 1922 г., а также циркулярами Управления округа от 3 ноября 1922 г. № 225, 25 ноября 1922 г. № 276, 9 декабря 1922 г. № 15 и 16 с приложениями, 25 декабря 1922 г. № 36, 6 февраля 1923 № 145, 14 февраля 1923 г. № 211 и 212, 14 марта 1923 г. № 304, 30 марта 1923 г. № 381, 20 апреля 1923 г. № 561, 26 апреля 1923 г. № 569, 5 мая 1923 г. № 624, 26 мая № 724, 18 июня № 786. В заключении было указано: если после настоящего распоряжения будут допущены грубые нарушения существующих Правил и Инструкции, виновные будут немедленно уволены или переданы суду в зависимости от степени вины. [3, л. 174].

С особым вниманием Управление округа старалось подходить к кадровым вопросам. Заведующему почтово-телефрафной конторой Симферопольского района 30 декабря 1922 г. был направлен список сотрудников данной почтово-телефрафной конторы. Возвратить обратно его предлагалось с сообщением,

все ли работники соответствуют списку или кто-нибудь выбыл (кто, куда и по какой причине). В списке также необходимо было заполнить последнюю графу, в которой говорилось, служили ли данные лица ранее в войсках или почтово-телефрафных учреждениях Старой или Красной армии. Если таковые лица не служили, то их требовалось заменить служившими, и лишь только при отсутствии таковых допускалось заменить военнообязанными. Кроме того сотрудники должны соответствовать по здоровью для службы в войсках связи и соответствовать указываемой специальности [4, л. 19].

Однако решать данную проблему на местах было очень сложно из-за нехватки квалифицированных специалистов. И мы можем проследить это в ответе заведующего почтово-телефрафной конторой Симферопольского района. В его письме от 24 января 1923 г. к начальнику Черноморского округа связи был направлен заполненный и исправленный список сотрудников почтово-телефрафной конторы. А в сопроводительном письме говорилось о том, что произвести замену лиц, не служивших ранее в войсках или полевых учреждениях Старой или Красной армии, служившими не представляется возможным за неимением последних [4, л. 22].

Хранение шифрограмм и секретной переписки также предполагалось раздельное от несекретных. Начальником округа был направлен циркуляр от 14 февраля 1923 г. заведующим почтово-телефрафным предприятиям Черноморского Округа связи, в котором предлагалось все дела с шифрованной и секретной перепиской в общие архивы не сдавать, а по прошествии десяти лет представлять секретные дела в общем порядке, а шифрованные в секретном порядке предоставлять в шифрорган Уокра [4, л. 7].

Таким образом, в настоящей статье рассмотрена деятельность почтово-телефрафного ведомства по приёму, передаче, доставке и хранению секретной и шифрованной корреспонденции в условиях становления Крымской АССР.

С учётом вышеперечисленного можно выделить следующие аспекты:

— Управление округа контролировало и старалось улучшить качество работы почтово-телефрафных ведомств по приёму, передаче, доставке и хранению секретной и шифрованной корреспон-

денции, хотя проблему не всегда удавалось решить в целом;

— в приёме, передаче, доставке и хранении секретной и шифрованной корреспонденции произошёл значительный прогресс, несмотря на отчёты прове-ряющих органов, содержащих множество нарушений, почтово-телефрафными ведомствами проводилась работа по исправлению данных ошибок и улучшалось как качество самой работы, так и со-трудников, работающих с секретными отправлениями.

Литература и источники

1. Тарасюк А.Я. Инструкция по ведению секретного делопроизводства и хранению секретной переписки в органах переселения» как источник по истории становления тоталитарного режима (1920–1930 гг.) // Материалы IV Международной научно-практической конференции, посвящённой 20-летию подготовки документов о переселении в Уральском федеральном университете, Екатеринбург, 1–4 ноября 2012 г. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. — С. 93–97.
2. Государственный архив Республики Крым (далее — ГА РК). Ф. Р-139. Оп. 2. Д. 1.
3. ГА РК. Ф. Р-139. Оп. 2. Д. 2.
4. ГА РК. Ф. Р-139. Оп. 2. Д. 3.

Rogachev V.V.

*State Treasury Institution of the Republic of Crimea
«State Archive of the Republic of Crimea», Simferopol*

Forwarding of Secret Correspondence by the Postal and Telegraph Department during the Formation of the Crimean ASSR in 1921–1923 (Based on Materials from the State Archive of the Republic of Crimea)

The article shows the work of the postal and telegraph department on forwarding secret correspondence during the formation of the Crimean ASSR in 1921–1923. Based on declassified archival sources, introduced into scientific circulation for the first time, the aspects of the functioning of the postal and telegraph department for forwarding secret correspondence in the territory of the Crimean ASSR in 1921–1923, including the acceptance, storage, sending, and delivery of secret correspondence, are analyzed. The legislative documents of the Soviet era in the field of improving the activities of communications for the transfer of secret correspondence in the conditions of the formation of the Crimean ASSR are analyzed.

Keywords: post office; telegraphs; telegrams; cipher telegrams; reception; transmission; delivery and storage of secret and encrypted correspondence.

Каримов О.В.

Кандидат исторических наук, доцент,
кафедра geopolитики и устойчивого развития общества
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина,
Москва

«Нельзя нарушать принципа объединения военной и военно-морской разведки в руках РУ Штаба РККА» (Военно-морская разведка в 1920-х годах)

В статье рассматривается процесс реорганизации органов отечественной военно-морской разведки в первые годы после окончания Гражданской войны до конца 1920-х годов. Освещена внутренняя борьба между сторонниками «сухопутного» и «морского» направления разведывательной деятельности.

Ключевые слова: Разведупр; РУ Штаба РККА; агентурный отдел; информационно-статистический отдел; военно-морская разведка; Реввоенсовет Республики, Штаморси.

После Гражданской войны руководство Реввоенсовета Республики (далее — РВСР) ещё уделяло большое значение организации военно-морской разведки. Согласно новому штату *Разведывательного управления Штаба РККА* (далее — *Разведупр, РУ Штаба РККА*) от 4 апреля 1921 г. военно-морская разведка была представлена тремя «морскими» отделениями в отделах: агентурной разведки, информационно-статистическом и радиоинформационном.

26 сентября 1921 г. зампред Реввоенсовета Республики Э. М. Склянский (1892–1925) утвердил «Положение морской разведки Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии» [1, л. 88]. Для корректировки, контроля и согласованности в работе морских отделений Разведупра по вопросам, требующим решения специалистами в морском деле, была введена должность второго помощника начальника Разведупра по морским делам и сотрудника «для поручений» [1, л. 25].

Кандидат на должность помощника утверждался решением РВСР.

Согласно задумке, помощник начальника управления по морским делам являлся «связующим звеном» между РУ Штаба РККА и Штабом Морских Сил Республики (далее — Штаморси), «на непосредственной обязанности, которого лежит информирование Штаморси по вопросам состояния иностранных флотов и представления как письменных, так и устных докладов о деятельности морской разведки Штаба РККА» [1, л. 88]. К нему же должны были поступать от Штаморси все задания и обращения по вопросам, касающимся военно-морской разведки. Начальники морских отделений назначались помощником начальника Разведупра по морским делам, но с согласия начальников соответствующих отделов. Первым помощником начальника РУ штаба РККА по морским делам был назначен бывший комиссар Управления военно-морских учебных заведений

военмор (военный моряк) Жано Ансович Паттер (? —?). Начальником морского отделения Агентурного отдела был назначен бывший мичман Дмитрий Леонидович Блинов (1897 — после 1949).

В функции *морского отделения 2-го (Агентурного) отдела Разведупра*, помимо организации «морской агентуры в интересующих РСФСР государствах» и непосредственного руководства ею, входило «разрешение всех организационных и оперативных вопросов, касающихся деятельности местных морразведотделений при Разведупрах и Разведотах» [1, л. 88а], т.е. органов военно-морской разведки штабов Балтийского флота, военных флотилий, Петроградского военного округа и Командующего войсками Украины.

Морское отделение 3-го (Информационно-статистического) отдела занималось изучением и систематизацией добытого информационного материала, освещавшего устройство судов, портов, баз, береговых морских укреплений, морских крепостей, гидроавиации, вооружение, дислокацию, а также различные изменения в организации ВМС иностранных государств.

Периферийные разведывательные органы, подчиняясь начальникам своих штабов, обязаны были выполнять оперативные и организационные распоряжения соответствующих отделений РУ Штаба РККА.

Таким образом, как видно из структуры военно-морской разведки, в 1921 г. изучению ВМС иностранных государств уделялось больше внимания. Об этом свидетельствует увеличение штатов морских отделений и введение должности помощника начальника управления по морским делам.

Организационно-штатные мероприятия вскоре отразились на количестве

добываемых военно-морской разведкой сведений. Так в течение 1921–1922 гг. объём поступавшей информации по зарубежным флотам несколько вырос. Если в 1921 г. Разведупр получил 930 листов донесений освещавших иностранные ВМС при общем объеме донесений в 42401 листов, то в 1922 г. соответственно 1442 листа из 53376 [2, л. 19]. Таким образом, количество поступивших разведывательных сведений увеличилось с 2,2% до 2,7%. Этому способствовало начавшееся активное внедрение агентуры в различные военные учреждения зарубежных государств.

Однако масштабный послевоенный экономический кризис начала 1920-х гг. привёл к тому, что государство пришло к мысли о необходимости снятия с себя бремени военных расходов. За период 1921–1924 гг., по словам Э.М. Склянского, «Красная Армия свернулась в кадровый состав численностью 610 тыс. человек, т.е. она уменьшилась в 9 раз! Эта вынужденная мера была осуществлена в столь короткие сроки, что привела к колоссальному потрясению всех армейских структур. Фактически войска утратили боеспособность...» [3, с. 4].

Вот и Разведупр в начале 1922 г. вновь столкнулся с недостаточным финансированием своей деятельности. Смета 2-го (Агентурного) отдела рассматривалась постатейно и утверждалась на заседаниях валютной комиссии Политбюро ЦК РКП(б). Так в первом полугодии 1921 г. на организацию военно-морской разведки требовалось 45 тыс. фунтов стерлингов, однако деньги не были выделены. На второе полугодие 1921 г. удалось утвердить в ЦК смету в 21 тыс. фунтов, но реализовать это решение не удалось, так как ноябрь 1921 г. смета всего Разведупра была уменьшена на 10 тыс. фунтов стерлин-

гов. Запланированные на 1922 г. 15 тыс. фунтов стерлингов для организации военно-морской разведки также не были выделены. Теперь валютная комиссия Политбюро ВКП(б) даже не предусматривала отдельного её финансирования [4, л. 231]. Комиссия утверждала смету на ведение разведки по отдельным странам, не разделяя на виды разведки. Командование Разведупра должно было само организовать внутреннее распределение средств.

Однако начальник военной разведки А. Я. Зейбот (1894–1934) категорически отказался выделять средства на военно-морскую разведку, мотивируя это ограниченностью средств в целом, при которой, по его мнению, невозможно было содержать параллельный аппарат агентурной разведки. И Зейбот, этот недоучившийся студент-математик, просто-напросто предложил сократить морские отделения.

Данное предложение вызвало противодействие со стороны помощника начальника управления по морским делам Паттера, который апеллировал к руководству Штаморси, указывая на возможные негативные последствия. По мнению Паттера, в случае сокращения морских отделений их сотрудники были бы вынуждены покинуть Разведупр. В случае необходимости вновь создать органы военно-морской разведки, вернуть бывших сотрудников будет нелегко, назначение новых было бы неэффективным. Паттер, ссылаясь на опыт Первой Мировой войны, показал, что внедрение агентуры за рубежом должно осуществляться в мирное время, так как во время войны возникает большая вероятность провалов, которые влекут затраты больших финансовых средств, чем в мирное время [4, л. 124]. В качестве альтернативы, Паттер предложил объединить морские отделения Агентурного

и Информационно-статистического отделов в морской отдел, подчинявшийся непосредственно помощнику начальника Разведупра по морским делам. Последний бы отчитывался в оперативных вопросах перед Штаморси. Подобную идею высказывал весной 1921 г. комиссар Штаморси И.Д. Сладков (1889–1922). Но после обсуждений на совместных совещаниях начальника Разведупра и Ко-морси, командование РККФ признало осуществление этого плана нецелесообразным. Тем не менее, в конце 1921 г. угроза уничтожения военно-морской разведки привела пересмотру этой точки зрения.

Однако настроения среди военморов Разведупра царили невесёлые — сотрудники морских отделений перестали ощущать необходимость своей работы и её перспективы. Началась частая ротация начальников морского агентурного отделения: в октябре 1921 г. вместо Д.Л. Блинова был назначен Диомид Степанович Любомирский (позже — Господарик) (1898–1939), 28 декабря 1921 г. отделение возглавил Алексей Николаевич Иванов (Гриненко) (1900–1938). Но не видя перспектив для органов военно-морской разведки и не желая терять время в дискуссиях о её будущем, Иванов написал рапорт на учёбу в Морскую академию. 9 января 1922 г. начальником отделения стал Александр Акимович Обухов (1897 —?), но и тот пробыл в должности всего две недели, убыв в морское отделение Разведотдела Петроградского военного округа [5, л. 138].

В феврале 1922 г. руководство Разведупра в докладе комиссару штаба РККА С.С. Данилову (1876–1939) сообщало: «В настоящий момент у нас почти нет морской агентуры, создание которой не клеилось из-за отсутствия средств

и подходящих людей. Отсутствие же агентсети (морской) — естественно обрекает на вынужденное бездельничанье официальные органы морской разведки на нашей территории» [4, л. 229]. В связи с тем, что улучшения финансового обеспечения Разведупра не предвиделось, руководство управления не хотело лишиться уже имевшейся агентурной сети других («сухопутных») отделений, сокращая на ней расходы ради финансирования военно-морской разведки.

Констатируя острый дефицит квалифицированных кадров в морских отделениях, Разведупр докладывал, что Коморси (командующий всеми Морскими силами Республики) и политические органы Штаморси взамен откомандированных сотрудников направляли в Разведупр неквалифицированные кадры. Заместитель начальника РУ Штаба РККА Я.К. Берзин (1889–1938), человек не окончивший учительской семинарии и не служивший в царской армии, отмечал: «Существующее до сих пор моротделение скомплектовано из людей малоразвитых и мало понимающих, как военно-морское дело, так и разведку — моряков... Не лучше обстоит дело со специалистами — военморами бывшего комсостава, нужными для обработки добываемых агентурой материалов в морском отделении информационно-статистического отдела» [4, л. 231]. В течение всего 1921 г. Штаморси не смог направить ни одного квалифицированного специалиста-моряка для обработки добываемой информации и моряка-переводчика. Таким образом, руководство РУ Штаба РККА склонялось к мысли о сокращении морских агентурных отделений в управлении и периферийных разведывательных органах, оставив только морские информационные

отделения для подготовки разведывательных заданий и обобщения поступающих сведений. Организацию военно-морской разведки предлагалось поручить агентуре «сухопутных» секторов *Оперативного отдела* (так теперь назывался Агентурный отдел) *Разведупра*.

Нельзя сказать, что Берзин был прав, обвиняя сотрудников военно-морской разведки в отсутствии результатов их деятельности. Ведь только за 1921 г. в государства Европы выехали 33 нелегальных сотрудника, командированные Морским отделением Агентурного отдела: в Финляндию, Румынию, Турцию — по четыре человека; в Эстонию и Латвию — по три; в Польшу, Германию, Болгарию, Англию и Францию — по два; в Швецию, Норвегию, Данию, Грецию, Италию по одному агенту [4, л. 168]. Однако, к 1922 г. большинство из них ещё не успели привлечь к сотрудничеству необходимые источники информации и создать надёжные резидентуры.

Предложения Разведупра не удовлетворяли командование РККФ, которое в начале 1922 г. неоднократно обращалось в РВСР с просьбой увеличить финансирование РУ Штаба РККА, с обязательным выделением денежных средств морскому агентурному отделению. Не получив согласия, морское командование обратилось к Главнокомандующему Вооружёнными Силами Республики бывшему полковнику Генерального штаба С.С. Каменеву (1881–1936) с инициативой о создании собственной агентурной разведки. Это предложение так же не было реализовано.

Таким образом, несмотря на утверждённый 30 января 1922 г. новый штат РУ Штаба РККА, предусматривавший наличие двух морских отделений, уже 26 апреля того же года был принят очередной штат управления: в Разведупре

оставалось только одно *морское отделение* (из двух секторов) в составе 3-го (Информационно-статистического) отдела.

После произошедших в Разведупре организационно-штатных изменений, командование РККФ решило поставить перед РВСР вопрос о необходимости увеличения количества стран, в которые могли быть направлены советские военно-морские атташе. Предполагалось, что они помимо представительских целей будут организовывать разведывательную работу. Но против этого выступило РУ Штаба РККА. В своём заключении на предлагаемый проект «Положения о военно-морских агентах (атташе) и морских экспертах» начальник управления А. Я. Зейбот и помощник начальника управления бывший штабс-капитан Генерального штаба А. И. Кук (1886–1932) высказались, что «а) в данное время нельзя нарушать принципа объединения военной и военно-морской разведки в руках РУ Штаба РККА, предусмотренного существующим положением и приказами; б) содержание в иностранных государствах военно-морских агентов (атташе) выполняющих свои функции исключительно легальным путём не оправдывает расходов и не даёт положительных результатов» [4, л. 248].

Одной из причин противодействия Разведупра послужило то, что некоторые атташе высказывались против использования аппаратов военных атташе в разведывательной работе, так как власти стран пребывания создавали для них достаточно жёсткий контрразведывательный режим. Другой причиной являлись возможный «параллелизм» в работе управления и военно-морских атташе, а также то, что сам флот находился в критическом состоянии и не мог претендовать на самостоятельную организацию разведки. Более

целесообразным виделось учреждение должностей помощников военных атташе по морским делам в тех странах, которые заинтересуют РУ Штаба РККА и Штаморси. Мнение Разведупра было поддержано начальником Штаба РККА бывшим генерал-майором П. П. Лебедевым (1872–1933), который в ответе 24 апреля 1922 г. помощнику Главнокомандующего Вооружёнными Силами Республики по морским делам (должность введённая вместо Коморси) бывшему лейтенанту флота Э. С. Панцержанскому (1887–1937) писал: «Считаю учреждение самостоятельных военно-морских агентов (атташе) в данное время нежелательно, отчасти уже по тем мотивам, что высказывает РУ и потому, что это нарушило бы принцип единой сухопутно-морской разведки, вытекающий из схемы подчинения морского командования сухопутному» [3, л. 261].

Тем не менее, 16 июня 1922 г. РВСР утвердил назначение военно-морских атташе в Великобританию, Германию, Финляндию (бывший капитан 1-го ранга А. К. Петров (1877–1931). В Германию предполагалось направить бывшего капитана 1-го ранга Е. А. Беренса (1876–1928), имевшего опыт разведывательной работы в этой стране. Против этого назначения выступили некоторые сотрудники Разведупра. Думается, что причиной этого было то, что родной брат Евгения Андреевича — контр-адмирал М. А. Беренс (1879–1943) вывел весь врангелевский флот из Севастополя. Тем не менее, это не помешало позднее — в 1924–1926 гг. назначить Е. А. Беренса военно-морским атташе СССР в Великобритании и Франции.

Отсутствие согласованности в действиях Разведупра и Штаморси приводило то к введению должностей военно-морских атташе, то к их отмене. В результате, вопрос об учреждении этих

должностей был вновь рассмотрен на заседании коллегии НКИД 9 августа 1922 г., которая постановила отказаться от института военно-морских атташе, согласовав выступление НКИД по этому вопросу с РВСР. После этого военно-морской атташе РСФСР в Великобритании был отозван, а в Финляндии его должность была переименована в советника по военно-морским делам при полпредстве СССР. Такая же должность была учреждена в Турции, куда был направлен бывший старший лейтенант флота Р.Р. Левговд (1889–1938).

В октябре 1922 г. РУ Штаба РККА было преобразовано в *Разведывательный отдел Управления первого помощника начальника Штаба РККА*. Численность управления сократилась почти вдвое. Организацией разведки по изучению зарубежных ВМС занимались сухопутные отделения *Части агентурной разведки*. Сокращение личного состава управления затронуло и обрабатывающие органы. В *Информационно-статистической части* было предусмотрено *Морское отделение*, которое состояло только из одного сотрудника.

Таким образом, после реорганизации РАЗВЕДУПРА и максимального сокращения органов военно-морской разведки в Штаморси свои разведорганы созданы не были. Лишь в составе *Оперативного управления* в разное время существовали *Иностранный отдел* и *Статистическая часть*, которые частично занимались вопросами разведки. Основными функциями *Иностранных отделов* были:

— «сбор и обработка сведений о морской политике и состоянии иностранных флотов, помещаемых в иностранной литературе и справочниках;

— разработка заданий по сбору сведений об иностранных флотах морским ат-

таше и разведке [т. е. *Разведывательному управлению РККА* — Прим. авт.];

— обработка и систематизация данных о международно-политической обстановке для работ по плану кампаний;

— изучение вопросов международного права и заключений по военно-морским соглашениям;

— разработка военно-морской части договорных работ НКИД;

— участие в конференциях и комиссиях по заключению договоров, затрагивавших интересы РККФ;

— наблюдение за выполнением военно-морской части договоров и соглашений с иностранными государствами;

— разрешение вопросов о посещении кораблями РККФ иностранных вод и портов, и заходов в них;

— организация посещений иностранными военными кораблями вод и портов СССР и их приёма;

— учёт состояния и движения иностранных флотов;

— выпуск и распределение иностранной литературы и военно-морских справочников;

— сношения военно-морских учреждений с НКИД, Разведывательным управлением и заграницей;

— сношения с иностранными морскими атташе» [6, л. 7–8].

Исходя из перечисленных задач, Иностранный отдел мог получать открытые сведения о ВМФ зарубежных государств в большей степени только от военно-морских атташе. Нелегальной разведкой он не занимался. Для получения большего объёма информации о зарубежных ВМС, иностранный отдел составлял и направлял задания в органы военной разведки.

Работа IV Управления Штаба РККА (так с 1926 г. именовался центральный орган военной разведки) в области изу-

чения зарубежных флотов была в тесной связи с Управлением Военно-морских сил РККА (далее — УВМС). Находившаяся в составе УВМС Научно-техническая комиссия (далее — НТК) в процессе своей работы также направляла задания в IV Управление Штаба РККА.

Поступавшие от последнего, добываясь материалы по техническим вопросам иностранных флотов, направлялись для изучения в различные секции НТК ВМС по специальностям. Однако, например в 1927 г., по мнению НТК ВМС «таких материалов, которые способствовали бы облегчению и упрощению работы НТК, 4-е управление Штаба РККА не имеет и таким образом, связь с ним НТК лишь частично помогает следить за достижениями иностранной военно-морской техники, сведения о которой не проникают в прессу в следствии их секретности» [7, л. 12]. В данной характеристике работы военной разведки, следует учитывать недостаточную объективность УВМС, которое рассчитывало на возвращение в свою подчинение органов разведки, к тому же свои недоработки в области изобретения новых образцов техники пытались переложить на другое ведомство.

Следует отметить, что руководство РККФ продолжительное время не со-

глашалось с последующим решением Комиссии по уточнению структуры центрального аппарата Наркомата по военным и морским делам о передаче всех функций разведки в IV Управление Штаба РККА и пыталось сохранить в своём ведении не только органы военно-морской разведки, но некоторые другие управления и отделы. В своём письме, начальник и комиссар морских сил РККФ в 1924–1926 гг. В.И. Зоф (1889–1937) писал: «Совершенно естественно, что для управления флотом необходимо существование почти тех же органов, как и для управления армией, так как независимо от их численного соотношения и соотношения стратегической важности возложенных задач, каждая из них является отдельным видом всех вооружённых сил» [6, л. 38]. Однако положительно решить этот вопрос руководству флота не удалось.

Таким образом, в годы Гражданской войны и в период строительства Вооружённых сил в 1920-х гг. советское военное руководство прошло сложный путь исканий оптимальных форм существования центральных органов военной разведки, в том числе и военно-морской. Все принятые решения диктовались, к сожалению, не целесообразностью, а отсутствием финансовых возможностей.

Литература и источники

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 23. Оп. 17887. Д. 4.
2. ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 18824. Д. 2.
3. Красная армия в 1920-е годы. М.: Вестник архива президента Российской Федерации. 2007. — 270 с.
4. ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 18834. Д. 2.
5. Каримов О.В. Советская военно-морская разведка в годы Гражданской войны. // Вопросы истории. 2004. № 7.
6. Российский Государственный архив Военно-морского флота. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 18.
7. Российский Государственный военный архив. Ф. 37989. Оп. 1. Д. 78.

Karimov O. V.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,

*Department of Geopolitics and Sustainable Development of Society Gubkin Russian State University of Oil
and Gas, Moscow, Russia*

**«It is impossible to violate the principle of combining military and
naval intelligence in the hands of the General Staff of the Red Army»
(Naval intelligence in the 1920s)**

The article examines the process of reorganizing the organs of the Russian naval intelligence in the first years after the end of the Civil War until the end of the 1920s. The internal struggle between supporters of the «land» and «sea» areas of intelligence activities is highlighted.

Keywords: Intelligence Department; Red Army Headquarters; intelligence department; information and statistical department; naval intelligence; Revolutionary Military Council of the Republic, Stamorsi.

Баранов А.В.

*Доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар*

Документы органов ОГПУ СССР как источник по истории подготовки коллективизации на Северном Кавказе

Автор статьи освещает содержание и значение документов органов ОГПУ СССР в качестве источника по истории подготовки коллективизации на Северном Кавказе (1927–1929 гг.). Комплекс выявленных и изученных документов включает в себя докладные записки, информационные сводки и обзоры, обоснования принимаемых решений партийных и государственных органов власти в Северо-Кавказском крае. Введены в научный оборот документы Центра документации новейшей истории (ЦДНИРО), а также Государственного архива Ростовской области (ГАРО). Установлены тенденции развития общественных настроений и причины роста конфликтов в регионе на протяжении 1927–1929 гг., формы участия Полномочного представительства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю и Дагестанской АССР в подготовке коллективизации.

Ключевые слова: органы ОГПУ СССР; коллективизация; подготовка; Северо-Кавказский край; источники; 1927–1929 гг.

Актуальность темы исследования проявляется в том, что кардинальные преобразования общественной системы России, примером чего была коллективизация, неизбежно проявляются в обострении социальных противоречий и конфликтах, в поляризации позиций субъектов политики. В этой связи важно понять, каким образом органы государственной безопасности информировали правящую партию и структуры государственной власти об общественных настроениях и оппозиционных выступлениях, какие управленческие решения принимались и как они мотивировались. Северо-Кавказский край был в 1924–1934 гг. одним из геополитически важных приграничных регионов СССР, а сложные условия межэтнических и межрелигиозных отношений влияли на проведение индустриализации и коллек-

тивизации. Тема остаётся дискуссионной и изучена недостаточно.

Среди исследований, освещающих условия коллективизации в целом на Северном Кавказе, следует упомянуть работы российских авторов: Г.В. Марченко [1], И.Е. Романько [2], С.А. Кислицына и С.С. Магамадова [3], М.М. Ибрагимова [4], И.И. Ващенко [5], С.И. Линца [6]. Уделяют внимание теме и зарубежные историки, впрочем, слабо ориентирующиеся в региональной специфике. Таковы работы А. Грациози [7], Л. Виолы [8] и Ш. Фитцпатрик [9]. Ряд авторов допускает некритические, идеализированные оценки крестьянских мятежей в Чечне, Кабардино-Балкарии и других регионах (публикации П.А. Аптекаря [10] и С.Н. Бейтуганова [11]). В сложившейся историографической

ситуации очень важны работы историков спецслужб, аргументированно и профессионально раскрывающих деятельность органов ОГПУ по защите государственного единства и межэтнического согласия. Ввиду того, что многие источники не рассекречены, таких работ ещё немало. К ним относятся публикации А.М. Плеханова [12], Г.В. Марченко [13], А.В. Чеботарёва [14], В.П. Галицкого [15], С.Д. Половецкого и А.С. Ченцова [16].

Таким образом, пределы поля исследований достаточно определены, создан первичный научный задел. Но историография сталкивается с фрагментарностью источников базы, политизированными трактовками темы, что может быть преодолено осмыслением нового комплекса источников.

Цель нашей статьи — определить содержание и значение документов органов ОГПУ СССР в качестве источника по истории подготовки колLECTIVизации на Северном Кавказе (1927–1929 гг.).

Территориальные рамки работы включают в себя автономные области в составе Северо-Кавказского края (Чеченскую, Ингушскую, Северо-Осетинскую, Кабардино-Балкарскую, Карачаевскую, Черкесскую и Адыгее-Черкесскую АО). По необходимости упоминаются документы о Дагестанской АССР, входившей в состав РСФСР непосредственно.

Ряд важных документов опубликован в сборниках «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД» [17], «Совершенно секретно: Лубянка — Сталину о положении в стране» [18], «Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД» [19, с. 241–243], обобщающих материалы по всему СССР. Изданы аналогичные сборники документов на материалах Чечни [20], Дагестана [21] и Кабардино-Балкарии [22]. В основном, в сборники вошли информа-

ционные справки и обзоры органов ОГПУ об общественных настроениях и антисоветских выступлениях. Такой видовой состав источников представителен для оценки общественного мнения, но не позволяет реконструировать деятельность органов ОГПУ по пресечению антисоветских выступлений. Желательно дополнить корпус изучаемых документов обоснованиями принимаемых решений партийных и государственных органов власти и др. Такие источники нам удалось выявить в Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), Государственном архиве Ростовской области (ГАРО) и интерпретировать их в 2018–2025 гг.

Переход от новой экономической политики (НЭПа) к колLECTIVизации на протяжении 1926–1929 гг. был постепенным. Автономии Северного Кавказа — зернопотребляющий, экономически отстающий регион, поэтому колхозное строительство и в целом социалистическая модернизация здесь разворачивались замедленно. Но преобразования резко ускорились и радикализировались, начиная с 1927 г., когда наступает «военная тревога», а затем — кризис хлебозаготовок.

В обосновании введения чрезвычайного положения на территории автономий и прилегающих округов края заместитель председателя крайисполкома Советов В.Н. Толмачёв и секретарь крайисполкома Вещеновский 5 февраля 1927 г. приводили факты роста бандитизма. За девять месяцев 1926 г. в крае было украдено 6409 голов скота, совершено 1849 налётов и вооружённых ограблений. За второй квартал 1926 г. было совершено в Северной Осетии 114 случаев скотоконокрадства, а в третьем квартале — 121; в Чечне — соответственно, 179 и 180; в Ингушетии — 90 и 112;

в Сунженском округе — 22 и 46 случаев. В Ингушетии действовали нелегальные посреднические комитеты по возврату украденного имущества под проценты. В такие комитеты входили амнистированные участники банд и авторитетные знатные люди [23, л. 251–252 об.].

Поэтому 8 января 1927 г. партийная фракция Северо-Кавказского крайисполкома Советов, а 11 января — секретарь крайкома ВКП(б) М. С. Чудов поручили полпредству ОГПУ, Административному управлению крайисполкома (уголовному розыску и милиции), краевой прокуратуре принять решительные меры борьбы с ростом бандитизма и ограблений в автономиях и прилегающих к ним местностях, образовав краевую «тройку» по борьбе с бандитизмом и скотоконокрадством. Руководство «тройкой» было возложено на полпреда ОГПУ по краю Е. Г. Евдокимова [23, л. 248–249]. Крайисполком объявил в феврале 1927 г. Северо-Кавказский край «неблагонадёжным по бандитизму». Президиум ВЦИК РСФСР 21 февраля 1927 г. санкционировал создание краевой «тройки» с правом внесудебных репрессий в автономиях. Основываясь на директивах, Полномочное представительство ОГПУ СССР по Северо-Кавказскому краю и Дагестанской АССР приступило к арестам и высылкам «активных антисоветских элементов». К ним относились торговцы, бывшие участники белого и повстанческого движения, уголовных и политических банд. «Тройка» приговорила к расстрелам по всей территории края более 300 чел., как отмечал начальник Административного управления крайисполкома Е. А. Трифонов [24, л. 123–124 об.].

Как проводилась борьба с уголовными и антисоветскими элементами, можно судить по резолюции 8-й

Кабардино-Балкарской областной конференции ВКП(б) от 15 января 1927 г., в которой было принято решение арестовать и осудить «неисправимый белогвардейский центр контрреволюции», проводивший антисоветские совещания и готовивший теракты против партийных и государственных руководителей. Перечислялись 7 арестованных; также из области были высланы за антисоветскую работу 4 участника банд, исключены из ВКП(б) их пособники [25, л. 24–25]. В ноябре 1927 г. произошли антисоветские мятежи в Шалинском округе Чечни, подтвердившие слабость местного аппарата управления.

Чрезвычайные хлебозаготовки, начатые в 1928 г., обострили конфликты в автономиях Северного Кавказа. В «Бюллетене № 1 по хлебозаготовительной кампании на Северном Кавказе», подписанным врио полпреда по Севкавкраю А. И. Каулем, начальником экономического отдела полпредства К. И. Зоновым и начальником информационного отдела полпредства Л. Г. Дейчем в конце января 1928 г., отмечается неурожай и проведение заготовок кооперативами через частных торговцев с разрешения местных органов власти. Это привело к росту цен [26, л. 8, 14]. «Обзор политического состояния городских прослоек края № 2 (по материалам на 22 февраля 1928 г.)» содержит описание забастовки на нефтеперегонном заводе «Красный пролетарий» в Махачкале и на Грозненских нефтепромыслах. Конфликты были вызваны снижением зарплат, сокращением штатов и повышением норм выработки. В основном рабочие винили в этом инженеров и местных чиновников, но в Грозном звучали и более политизированные реплики: «Будет война, так рабочие сначала пойдут бить спецов, а потом будет видно — идти на войну или

нет...; государство растёт, но есть ли нам от этого польза?... Пусть сокращают — пойдём трусить [избивать. — *Прим. авт.*] толстопузых коммунистов» [26, л. 81, 83, 83 об., 88]. Начальник информационного отдела ОГПУ Н.Н. Алексеев в середине апреля 1928 г. направил записку в ЦК ВКП(б) о состоянии автономий Северного Кавказа. Он отмечал одновременный рост политической активности беднейших и зажиточных слоёв крестьянства на почве распределения земли, борьбы классовых и сословно-религиозных группировок на выборах, требований национальной интеллигенции, знати и буржуазии повысить статус автономий (проекты объединения Чечни и Ингушетии, Северной и Южной Осетии, адыгских земель) [27, л. 32–59].

Ярким примером реакции зажиточных слоёв и духовенства на хлебозаготовки и коллективизацию стал Баксанский мятеж в Кабардино-Балкарии, развернувшийся летом 1928 г. [11; 22]. Он показал, что местные Советы подчас подменяются аульными сходами, которыми руководят кулаки, торговцы и муллы. В итоге члены бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) приняли 24 августа 1928 г. решение запретить «религиозные поборы и взаимопомощь» (закят), а собираемые денежные средства передать комитетам крестьянской взаимопомощи — адресно беднякам. Данную меру предлагалось узаконить путём добровольных решений аульных сходов граждан, усиления антирелигиозной агитации [28, л. 1–10]. В резолюции пленума Национальной комиссии крайкома ВКП(б) 25 октября 1928 г. эти меры дополнены запретом духовенству участвовать в сходах граждан и лишением мулл избирательных прав; места сходов решено было перене-

сти от мечетей в здания аульных Советов, изб-читален и школ [29, л. 20–24].

Однако, стержнем проблемы осталась слабость партийного и государственного аппарата на местах, нехватка ресурсов влияния общественных организаций (комсомола, крестьянских комитетов общественной взаимопомощи, кооперативов, общества «Долой неграмотность» и т.д.). Этот вывод настойчиво звучал в докладных записках председателя краевой комиссии по обследованию Чеченского облисполкома — Дж. Нагиева за июль — август 1928 г. [30, л. 104–131].

Начиная с января 1929 г., оперативно-разведывательные и информационные сводки полпредства ОГПУ, а также краевого уголовного розыска фиксируют переход банд от скотокрадства и захвата заложников с уголовными целями к возобновлению политических выступлений (убийствам и избиениям председателей аульных Советов, активистов, учительниц, агрономов). Местные банды становятся более многочисленными (до 10 чел.), действуют достаточно организованно. Так, был убит председатель Совета с. Алхан-Юрт в Чеченской АО, а в районе г. Горячеводска на Кавминводах застрелен секретарь райкома ВКП(б). В ряде случаев бандитов защищали местные чиновники (например, председатель сельсовета с. Плиево в Ингушетии). Местные органы ОГПУ и НКВД проводили достаточно успешные аресты бандитов (например, братьев Цинтоевых, Хасаева, Тлогурова) и склоняли их к добровольной явке (Мержоев в Кабарде, братья Габаровы, Зимсихаджиев, Кочерманов в Чечне). Но местные органы власти часто ограничивались распуском разоружённых бандитов по домам с обязанностью регулярно регистрироваться. Политическая ситуация начавшейся кол-

лективизации воспроизводила новые антисоветские выступления [31, л. 3, 10–25, 94, 123–125 об.].

В мае 1929 г. краевой комитет ВЛКСМ обобщил в проекте резолюции о колхозном движении сведения о политическом бандитизме в Шалинском округе Чечни. Мятеж в ауле Гойты был вызван несправедливой раскладкой налогов, закрытием мечетей и медресе. Зажиточные слои аулов распускали слухи о войне, о том, что чеченок будут принудительно выдавать замуж за красноармейцев. Почти все (90%) комсомольцев были мюридами суфийского братства Али-Митаева, участвуя в мятеже. Классовая борьба подменялась сословно-родовой. Эти причины привели к тому, что многие местные комсомольцы участвовали в мятеже и укрывали бандитов. Органы власти приняли решение о досрочной чистке Шалинских окружных (партийной и комсомольской) организаций [32, л. 6–16].

Представляет интерес сравнение ситуации в Чечне и Адыгее (во второй из этих автономий положение было несравненно лучше для власти). Материал для сравнения даёт записка заместителя начальника информационного отдела полпредства ОГПУ И. Дубинина и начальника 3-го отделения информационного отдела Федотова от 25 марта 1929 г. Они отмечали пассивность партийных и комсомольских ячеек, слабую агитацию среди крестьян, поэтому план самообложения был выполнен лишь на 20%. В итоге земледельцы считали, что нехватка хлеба вызвана непосильными государственными налогами и иными платежами и видели выход в создании своей партии — Крестьянского союза. Сохранились также конфликты между адыгами и русскими вследствие неравного землепользования [30, л. 72–73]. Итак, причины конфликтов были

сходными, а различия форм борьбы и последствий вызывались степенью закрепления аппарата власти.

Эскалация конфликта произошла весной–летом 1929 г. ввиду выдвижения курса на ускоренную массовую коллективизацию. Важные сведения содержит «Информационная сводка важнейших моментов в политическом состоянии национальных областей Северо-Кавказского края и Дагестанской АССР» № 307/3 от 28 июня 1926 г. [30, л. 15–25 об.]. В ней отмечается недовыполнение плана хлебозаготовок, особенно — в Чечне (41% к 10 июня). Причины — слабость и коррумпированность местного аппарата власти; комиссии по усилению заготовок сами возглавлялись подчас торговцами и муллами, а поэтому выносили решения об уравнительном распределении налогов и отказе от индивидуального (повышенного) обложения. В ряде случаев комиссии по усилению хлебозаготовок отказывались исполнять директивы вышестоящих органов. Налицо сословная, религиозная и местная сплочённость крестьян: «Если у кулаков возьмут хлеб, то мы, бедняки, умрём с голода» [30, л. 15 об.]. Председатель Совета с. Бачи-Юрт в Чечне, а также с. Урван в Кабардино-Балкарии помогали кулакам скрывать хлеб и скот от налогообложения.

В такой обстановке стали происходить массовые нападения на сельсоветы и уполномоченных по заготовкам. Например, в с. Алхазуро толпа из 60–70 чел. избила уполномоченного и требовала освободить арестованных кулаков. Такие же угрозы выкрикивали из толпы в 500 чел. в ауле Гойты. В Северной Осетии за июнь 1929 г. произошло 7 открытых антисоветских выступлений на собраниях, 7 угроз убийств и 2 избиения. Кулаки — члены Совета ст. Ардонской кричали беднякам:

«При удобном случае мы с вами разделяемся. Нужно резать коммунистов» [30, л. 16–17]. В с. Натырбово (Адыгея) толпа избила милиционера и вернула часть конфискованного у неплательщика имущества владельцу. Наибольший масштаб антисоветские выступления имели в Чечне: 274 случая за весну 1929 г., в том числе под руководством зажиточных — 129, середняков — 39, торговцев, мулл и их приближённых — 38. Характерно и распространение слухов о восстаниях против коммунистов в Аджарии и Абхазии, о неудачной войне с Афганистаном и Китаем (искажённое восприятие реальных пограничных конфликтов) [30, л. 20–24]. Банда численностью 15–18 чел. совершила 25–26 июля 1929 г. налёт на г. Серноводск, обезоружив милиционера и тяжело ранив инспектора уголовного розыска. Бандиты требовали выдать на расправу коммунистов и сотрудников ОГПУ, заявляя, что «они белогвардейцы и завтра будет их власть» [30, л. 11 об.].

Данная обстановка побудила заместителя полпреда ОГПУ по краю З.Б. Кацнельсона и вриод начальника секретного отдела полпредства Б.Д. Сарина направить секретарю крайкома ВКП(б) и председателю крайисполкома докладную записку № 012091/IV от 30 августа 1929 г., в которой предлагалось ужесточить политику в отношении религиозных объедине-

ний, лишая их регистрации и помещений для молебнов, усиливая антирелигиозную пропаганду [33, л. 6–8]. Руководство полпредства активно участвовало в определении сроков и масштабов коллективизации, контингентов раскулаченных.

Таким образом, изученные документы органов ОГПУ СССР (информационные сводки и обзоры, докладные записки на имя секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) и председателя крайисполкома Советов), будучи перепроверяемыми по документам краевого комитета ВКП(б) и Административного управления крайисполкома, обосновывают вывод о значительной роли Полномочного представительства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю и Дагестанской АССР в подготовке коллективизации (1927–1929 гг.). Информационные сводки и обзоры дают достаточно системные и регулярные сведения об общественных настроениях различных классовых, социальных и территориальных групп населения в автономиях Северного Кавказа, а также выявляют недостатки в организации и деятельности местных органов власти. Докладные записки Полпредства ОГПУ содержали детальные и аргументированные рекомендации мер по подготовке коллективизации и повышению качества работы партийных и советских органов.

Литература и источники

1. Марченко Г.В. Антисоветское движение в Чечне в 1920–1930-х годах // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 131–138.
2. Романько И.Е. Крестьянские волнения на Северном Кавказе (1928–1930 гг.): предпосылки и динамика развития: автореферат дис. ... канд. ист. наук. — Пятигорск, 2009. — 29 с.
3. Кислицын С.А., Магамадов С.С. Политическая власть и повстанческое движение на Северном Кавказе: очерки истории 1920–1930-х гг. Изд. 2-е, испр. — Ростов н/Д: Ростовский юридический институт, 2011. — 355 с.

4. Ибрагимов М.М. Противодействие коллективизации в национальных областях Северного Кавказа на рубеже 1920–1930-х гг. // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2012. № 5. С. 173–175.
5. Ващенко И.И. Протестное движение на Северном Кавказе в период коллективизации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Майкоп, 2017. № 3 (204). С. 14–19.
6. Линец С.И. Повстанческие антисоветские выступления на Юге России в 1920–1930-е гг.: причины, участники, ход событий // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX — начале XXI в.: материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сент. 2018 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. С. 241–248.
7. Graziozi A. The Great Soviet Peasant War: Bolsheviks and Peasants, 1917–1933. — Harvard: Ukrainian Research Institute of Harvard University, 1997. — 77 p.
8. Viola L. Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. — N.Y.; Oxford: Oxford Univ. Press, 1996. — 328 p.
9. Fitzpatrick Sh. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. — Oxford University Press, 1996. — 416 p.
10. Антекарь П.А. Второе покорение Кавказа. Большевики и чеченские повстанцы // Родина. 1995. № 6. 43–48.
11. Бейтуганов С.Н. Восстание крестьян в Кабардино-Балкарии в 1928–31 годах. Исторический очерк. URL: <http://fond-adygi.ru/dmdocuments/Бейтуганов%20 С.Н. Восстание%20крестьян%20в%20 Кабардино-Балкарии%20в%201928–31%20годах. pdf> (дата обращения: 21.05.2025).
12. Плеханов А.М. ВЧК–ОГПУ: Органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928 гг. — М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. — 702 с.
13. Марченко Г.В. Борьба с повстанческим движением в горных районах Северного Кавказа в 1920–1930-х гг.: военно-исторический аспект // Исторические чтения на Лубянке. 100-летие ВЧК: уроки истории. Материалы XXI Всерос. науч. конф. (Москва, 7–8 декабря 2017 г.). — М.: Общество изучения истории отечественных спецслужб, 2018. — С. 175–187.
14. Чеботарёв А.В. Операции ОГПУ по разоружению населения республик Северного Кавказа в 1920–1930 гг. — Ставрополь, 2012.
15. Галицкий В.П. Организация и проведение операций по разоружению районов Северного Кавказа в 1920–1930 гг. // Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности. Кн. 3. — М.: Родина, 2019. — С. 201–219.
16. Половецкий С.Д., Ченцов А.С. Деятельность органов и войск ВЧК — ОГПУ — НКВД СССР по борьбе с бандитизмом на Северном Кавказе (1920 — июнь 1941 г.). — СПб.: Наукоёмкие технологии, 2020. — 148 с.
17. Советская деревня глазами ВЧК–ГПУ–НКВД: 1918–1939. Документы и материалы: В 4 т. Т. 2. 1923–1929 гг. / под ред. А. Береговича, В. П. Данилова. — М.: РОССПЭН, 2000. — 1168 с.
18. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): в 10 т. / ред-кол.: Ю.Л. Дьяков (отв. ред.) и др. — М.: ИРИ РАН, 2002. — Т. 6. — 795 с.
19. Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936 года / под ред. А.Н. Яковлева. — М.: Междунар. фонд «Демократия», 2003. — 912 с.

20. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX в.) / сост. и авт. comment. И.А. Зюзина и др. — М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. — 1094 с., 8 л.
21. Коллективизация и антиколхозные выступления в Дагестане (1927–1940 гг.). Документы и материалы / сост. Г.И. Какагасанов. — Махачкала: Юпитер, 2007. — 267 с.
22. Органы государственной безопасности и общество. Кабардино-Балкария (1920–1992): сборник документов и материалов / сост. и автор comment. А.В. Казаков. — Нальчик: Эль-фа, 2007. — 375 с.
23. Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО). Ф. Р-1485. Оп. 8. Д. 86.
24. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее — ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 595.
25. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 552.
26. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 801.
27. Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 67. Д. 460.
28. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 689.
29. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 839.
30. ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 8. Д. 168.
31. ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 8. Д. 188.
32. ЦДНИРО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 399.
33. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 888.

Baranov A. V.

*Doctor of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor
Kuban State University,
Krasnodar*

Documents of the organs of the OGPU of the USSR as a source on the history of the preparation of collectivization in the North Caucasus

The author of the article highlights the content and significance of the documents of the OGPU of the USSR as a source on the history of the preparation of collectivization in the North Caucasus (1927–1929). The complex of identified and studied documents includes memos, information summaries and reviews, justifications for decisions taken by party and state authorities in the North Caucasus Region. The documents of the Center for Documentation of Contemporary History (CDNIRO), as well as the State Archive of the Rostov Region (GARO), have been put into scientific circulation. The trends in the development of public sentiment and the causes of the growth of conflicts in the region during 1927–1929 have been identified, as well as the forms of participation of the OGPU Plenipotentiary Representative Office in the North Caucasus Region and the Dagestan ASSR in the preparation of collectivization.

Keywords: OGPU bodies of the USSR; collectivization; preparation; North Caucasus Region; sources; 1927–1929.

Войтиков С. С.

Доктор исторических наук,

Центр экономической истории Института российской истории РАН,
Москва

**«Ориентируйтесь на лопату, тачку, грабарку и ручное бурение...»
Решение Июньского 1931 г. Пленума ЦК ВКП(б) о строительстве
канала Москва — Волга и подоплётка легендарной установки
Л.И. Когана**

В статье, основанной преимущественно на неопубликованных источниках, сквозь призму печально известной установки начальника Управления государственного строительства по сооружению канала Москва — Волга и Московского порта «Москаналстрой» (а по совместительству начальника Управления лагерей ОГПУ) Л.И. Когана показан первый этап строительства канала Москва — Волга, решение о котором принял высший партийный орган в июне 1931 г.

Ключевые слова: И.В. Сталин; Л.М. Каганович; канал Москва–Волга; Управление лагерей ОГПУ; Москва; ЦК ВКП(б); органы государственной безопасности.

В 1917–1931 гг. было в три раза увеличено снабжение Москвы очищенной водой: 27 млн вёдер в год вместо прежних 8,5. Средняя норма потребления на 1 человека возросла за этот период с 61 литра до 128 литров в день. Однако Первый секретарь МК и МГК ВКП(б), член Политбюро ЦК, партийный лидер столицы Л.М. Каганович признал на Июньском 1931 г. Пленуме ЦК ВКП(б) «вопрос о воде для Москвы [...] самым узким, самым острым вопросом» [1, л. 81 об.], поскольку только 73% уличных проездов и 42% домовладений столицы СССР были охвачены водопроводной сетью.

Единственная в столице Рублёвская водонапорная станция, по признанию Л.М. Кагановича, «качала воду на всю Москву» [1, л. 81 об.]. Даже работая на пределе своих возможностей, она была объективно неспособна обеспечивать в полном объёме всё возрастающие потребности столицы в воде.

К тому же были ограничены очистительные способности Рублёвской станции, и даже ту воду, которую она могла дать городу, станция пропускала через водоводы «с исключительным напряжением» [1, л. 81 об.]. По прогнозам гидрологов, в 1937 г. Рублёвская станция «до последнего ведра» должна была вычерпать «Москву-реку, целиком перелив её в водопроводные трубы» [2, с. 70]. При этом в начале тридцатых в летний период, когда много воды тратилось на поливку улиц, на некоторых улицах (даже в центре столицы, к примеру, на Мясницкой ул.), на 3-й и 4-й этажи вода, как доложил на Июньском 1931 г. Пленуме ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович, не доходила «в течение круглых суток» [1, л. 81 об.]. Когда Первый секретарь МК и МГК ВКП(б) докладывал об этом высшему органу партии, его перебил видный деятель Центральной Контрольной комиссии ВКП(б) Борис Ройзенман. Авторитетный партийный

контролёр добавил: «И в ЦКК на 5-й этаж не попадает» [1, л. 81 об.], после чего Л. М. Каганович под «смех» [1, л. 81 об.] аудитории парировал: «Вот поэтому, т. Ройзенман, ЦКК и должна поддержать Москву» [1, л. 81 об.].

Было начато строительство новой фильтрационной станции, поскольку до сих пор, по признанию Первого секретаря МК и МГК ВК(б), в столице «всё» базировалось «на Рублевской фильтрационной станции» [1, л. 82]. Л. М. Каганович прямо заявил товарищам по высшему руководству партии: «Если мы в этом году не закончим 6-го и 7-го водоводов, мы будем иметь исключительное напряжение [...] в смысле подачи воды» [1, л. 81 об.].

Особенно остро стоял вопрос подачи воды для нужд населения и промышленности в Пролетарском и Сталинском районах, где были построены новые заводы — АМО, «Шарикоподшипник», Велострой, и где располагались Электрозвезд, Электропровод и другие промышленные гиганты. В Сталинском районе только 12% домовладений были присоединены к водопроводной сети, остальные продолжали пользоваться водоразборными колонками. Расширить внутреннюю водопроводную сеть в двух указанных районах московские строители были обязаны уже в 1931 г.

В течение 1931 г. запланировали доставить подачу воды до 30 млн вёдер, а в 1932 г. — до 37 млн вёдер. Но увеличить водоснабжение можно лишь при наличии воды, а в столице остро стоял вопрос об источниках воды. Из среднесуточного протока воды в Москве-реке (не учитывая весенних вод) в 57–60 млн вёдер на нужды водоснабжения забиралось 30–33 млн вёдер (свыше 50% всего протока), остальное оставлялось на нужды

судоходства. Наркомвод СССР требовал оставления себе минимум 30 млн вёдер.

Фактически необходимость обеспечения столицы водой мешала союзному судоходству, которое в свою очередь имело «очень большое значение для Москвы» [1, л. 81 об.]. Получался замкнутый круг.

— Мы возим, помимо нефти с Волги и Оки, строительные материалы в пределах Московской области, разгружая этим ж.-д. транспорт, — констатировал на Июньском 1931 г. Пленуме ЦК Л. М. Каганович. — Таким образом, над вопросом об источниках водоснабжения надо серьёзно подумать.

Московское партийное руководство признало недостаточным снабжение водой на душу населения и запланировало к 1935 г. удвоение средней нормы потребления воды для Москвы (минимум 60 млн вёдер в год). Л. М. Каганович констатировал под дружный смех товарищей по ЦК и ЦКК ВКП(б): «...если останься при нынешних водных ресурсах Москвы-реки, мы должны будем выпивать всю воду из Москвы-реки» [1, л. 81 об.].

Надо признать, что целенаправленной работой по улучшению жизни трудящихся в 1931–1934 гг. удалось провести коренную реконструкцию Пролетарского и Сталинского районов Москвы — и не только в плане обеспечения их водой. Два самых отсталых и неблагоустроенных района были превращены «в образцовые районы столицы» [4, с. 14].

Л. М. Каганович рассказал на Июньском 1931 г. Пленуме ЦК ВКП(б) и о проблеме, связанной с очисткой воды из Москвы-реки: «В последнее время Москва-река обмелела. Рубят леса, запахивают луга. Всё это вредно отражается на реке. Тут нужно проделать большую работу, чтобы не допустить дальнейшего обмеления Москвы-реки. Но и при всех

этих работах обеспечить Москву водой при данных водных ресурсах мы не можем без выполнения более широких планов» [1, л. 81 об.].

Столичное руководство видело два варианта преодоления кризиса водоснабжения. Первый предполагал строительство запруд на Москве-реке, на реках Истра и Руза, в районе Можайска, однако было подсчитано, что даже при затрате 100 с лишним миллионов рублей проблема осталась бы до конца не решённой. Поэтому руководство страны и Москвы склонялось ко второму варианту — к известнейшему проекту сталинской эпохи: *строительству канала Москва — Волга*, вопрос о необходимости которого начал прорабатываться столичным большевистским руководством как раз в рамках подготовки Июньского 1931 г. Пленума ЦК ВКП(б). Над этим планом, по признанию Л.М. Кагановича, «особенно много» [1, л. 81 об.] трудился инженер В.Н. Авдеев (Анов). 16 апреля в числе других вопросов Комиссия МК ВКП(б) по подготовке материалов о московском городском хозяйстве для передачи в ЦК ВКП(б), заслушав доклад инженеров [Б.К.] Гребнева и Николая Ивановича Фальковского, поручила подкомиссии «...в составе Гребнева (председатель), Кагановича, Янсона, Сарычева, Давидсона, Орлеанского, Штернберга и Фальковского разработать докладную записку и предложения по вопросам водоснабжения и канализации. В частности, проработать вариант Волга — Ока — Москва-река с привлечением к этой работе наркомвода т. Янсона [Н.М.]» [5, л. 1–4].

Предварительный проект был разработан подкомиссией и внесён, с одобрения МК ВКП(б), в комиссию Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу о московском городском хозяйстве и городском хозяйстве

СССР. На заседании комиссии Политбюро, обсудившем проект, присутствовал ряд членов Политбюро, в т.ч. помимо Л.М. Кагановича И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов, В.М. Молотов. У членов комиссии, по признанию Кагановича, «...сложилось убеждение, что это проект реальный и необходимый» [1, л. 81 об.], более трудный в сравнении со строительством запруд, однако более масштабный, а потому могущий «обеспечить Москву как с точки зрения водоснабжения, так и с точки зрения судоходства» [1, л. 81 об.]. Большим преимуществом проекта Сталин со товарищи признали то обстоятельство, что строительство канала Москва — Волга не исключало деятельности Наркомвода СССР «по соединению Москвы-реки с Волгой через Клязьму, сокращая этим водный путь из Москвы в Нижний на 500 км» [1, л. 82]. Строительная деятельность Наркомвода СССР всецело была направлена на развитие судоходства, а соединение Москвы-реки «с верховьями Волги», по признанию Кагановича, должно было обеспечить столицу «и водой» [1, л. 82].

Содержание проекта было изложено Л.М. Кагановичем на Июньском 1931 г. Пленуме ЦК ВКП(б): «Основная линия соединения Москвы-реки с Волгой начинается у Старицы выше Твери. Принципы соединения заключаются в том, что мы здесь идём не только путём рытья канала. Расстояние здесь примерно около 200 м, но тут будут использованы все естественные речки и ручьи, которые попадаются в пути. Таким образом, прорываемый канал будет меньше 200 км. На Волге нужно построить плотину около 40 м, т.к. Волга под Старицей ниже уровня Москвы-реки, нужно поднять здесь воду, направить её до р. Сестры, а затем в р. Истру и Москву-реку. Мы считаем это соединение вполне

реальным. [...] Соединение с Волгой означает, конечно, что те работы, которые ведутся сейчас Наркомводом по строительству московского порта для небольшого судоходства, будут уже недостаточны. В виду того, что подъём уровня воды в Москве-реке даст возможность захода в Москву больших судов, транспортировку в Москву по Волге бакинской нефти и других грузов в гораздо больших размерах, чем это было до сих пор, встанет вопрос о строительстве в Москве значительно большего порта, чем это предполагает сейчас Наркомвод» [1, л. 82].

Комиссия Политбюро предварительно утвердила проект постановления ЦК ВКП(б) о соединении Москвы-реки с Волгой, с верховьями Волги и внесла его на Июньский 1931 г. Пленум ЦК, который, как водится, подтвердил решение Политбюро.

Собственно, из выступления Кагановича на Пленуме ЦК прямо следует, что столичному большевистскому руководству остался один шаг до принятия концепции «Москва — порт пяти морей»:

«КАГАНОВИЧ: Если Вы учтёте к тому же предстоящее осуществление Волго-Донского канала, то получается прямой выход Москвы к Чёрному морю. (Смех, шум.)

ВОРОШИЛОВ: А к океану?

КАГАНОВИЧ: Что ж, и этим нас не запугаешь; через Рыбинск и Мариинскую водную систему в будущем можно водным путём связаться прямо с Ленинградом, а там и к океану недалеко» [1, л. 82].

Дабы за лесом не забыть о деревьях, Л. М. Каганович подчеркнул: «На сегодняшний день мы должны мобилизовать силы вокруг следующих практических задач: окончить в срок сооружение плотины Рублёвской станции, а также постройку Рублёвской станции с доведением сред-

несуточной подачи воды до 30 млн вёдер (370 тыс. куб. м); окончить сооружение 6-го и 7-го водоводов, провести намеченные работы по расширению магистралей и городской водопроводной сети, в первую очередь, в новых промышленных районах, с обязательным обеспечением водой новых заводов и жилищ. Эти мероприятия позволят обеспечить водоснабжение города Москвы к концу 1931 г. в размере 30 млн вёдер (370 тыс. куб. м) в сутки и подготовиться к выполнению программы 1932 г. по подаче воды в количестве до 37 млн вёдер (455 тыс. куб. м) в сутки» [1, л. 82].

По докладу Л. М. Кагановича, Июньский Пленум ЦК постановил: «Коренным образом разрешить задачу обводнения Москва-реки путём соединения её с верховьем реки Волги» [2, с. 73].

Разработка проектной документации по строительству канала, соединившего Волгу с Москвой-рекой, началась после завершения Июньского 1931 г. Пленума ЦК ВКП(б).

Максимально ускорить процесс разработки проекта пришлось в мае 1932 г.

5 мая Бюро МГК ВКП(б) приняло постановление «О строительстве канала и Истринской плотины»: «1. Одобрить установку комиссии на Дмитровский вариант канала. 2. Утвердить метро стр[оительст]ва Истринской плотины у д. Андреево. 3. Строительство плотины поручить тресту Москвострой. В системе треста должна быть выделена специальная стройконтрора на полном хозрасчёте. Обязать т. Бирюкова немедленно приступить к строительству плотины и каждую десятидневку представлять МГК рапорт о ходе работ. 4. Поручить фракции Президиума Моссовета: а) разрешить вопросы финансирования и выделения фондов стройматериалов; б) определить, что не-

обходимо передать тресту Москвострой из Москаналстроя (материалы, людей и др.)» [6, л. 14 об.]. Тут следует заметить, что под редкой в документах сталинского периода дефиницией «люди» подразумевались прежде всего заключённые, труд которых, как известно, активно использовался на строительстве канала Москва — Волга. Отсюда, собственно, и работа «на полном хозрасчёте»: речь шла о бесплатной рабочей силе.

10 мая, решая оперативные вопросы, Бюро МГК ВКП(б) приняло менее значимое постановление «О работе Рублёвской водонасосной станции». «В целях обеспечения бесперебойной работы» станции «по подаче воды» в столицу Бюро МГК партии обязало управляющего трестом Мосводопровод П. Т. Комарова в месячный срок организовать на станции «...ремонтные мастерские по предварительному и текущему ремонту механизмов, обеспечив эти мастерские оборудованием, инструментами и рабочей силой соответствующей квалификации» [6, л. 17 об.]. Был предусмотрен ряд мер по планированию ремонта механизмов станции и по установлению постоянного дежурства сменных инженеров, на которых возлагалась ответственность «...за бесперебойную работу станции и исправное состояние механизмов» [6, л. 17 об.]. Председателю Мосгорисполкома и Мсовета Н. А. Булганину предлагалось «...в декадный срок выделить для аварийных работ одну грузовую машину, один гусеничный трактор и одну легковую машину» [6, л. 18].

Однако столь скромными тактическими решениями было уже невозможно исправить печальное положение Рублёвской водонасосной станции, мощности которой были не в состоянии напоить водой огромный город.

Тревогу забило руководство треста «Мосводопровод». 20 мая оно направило в Мосгорисполком служебную записку под грифом «Не подлежит оглашению» [7, л. 27]. В записке говорилось о том, что Рублёвская станция «в настоящее время» подавала в столицу до 388 тыс. куб. м воды в сутки и к концу года «должна» была «по плану подавать до 430 тыс. куб. м в сутки», притом, что всё сооружение и оборудование станции работали «с большой перегрузкой». Так, приёмник речной воды был рассчитан на подачу 260 тыс. куб. м в сутки, а вследствие «сильной перегрузки» в нём создавались «такие скорости протока воды, при которых» в машины заносились «песок и даже мелкий гравий», а также быстро забивались «сетки при грязной воде» [7, л. 27]. Во время коагулирования при паводках, как доложило руководство треста, «уже в настоящее время все насосы должны находиться постоянно в работе, учитывая, что производительность паровых насосов сокращается ещё от попадания под клапаны песка» [7, л. 27]. Очистительные сооружения были «сильно перегружены», а давление в водоводах у станции доходило «до предела», причём «ни одна часть водоводов» не могла быть «выключена из работы без сокращения подачи воды станцией» [7, л. 27]. Наконец, о Воробьёвском резервуаре ёмкостью 4,6 млн вёдер (м.в.) (15 % от суточной подачи воды) было сказано, что он был «...достаточен только для регулирования суточных колебаний расхода воды в городе», но не давал «никакого резерва на случай сокращения подачи воды станцией вследствие аварий насосов или водопроводов, перерывов тока и т.п.» [7, л. 27]. Руководство треста сделало общий вывод: «Такое положение создаёт угрозу бесперебойному водоснабжению города и необходимо принятие

самых срочных мер к скорейшему увеличению производительности Рублёвской станции, намеченной планом работ 1931–[19]32 гг.» [7, л. 27 об.].

Трест доложил о необходимости «срочного проведения следующих работ: «1) закончить постройку плотины с установкой вальцов к IV кварталу 1932 г.; 2) закончить постройку ковша и 3-го машинного здания с установкой насоса 1-го подъёма и прокладкой деревянного водопровода до смесителя Рублёвской станции октябрю 1932 г.; 3) установить на 1-м подъёме Рублёвской станции дизель-насос производительностью 9 м.в. в сутки к 25 июня с.г.; 4) установить на 2-м подъёме Рублёвской станции дизель-насос на 6 м.в. в сутки к 20 июня с.г. и 2-й дизель-насос в 4-м квартале с.г.; 5) установить срочно электромотор в 1300 л. с. к дизель-насосу № 12 для возможности остановки дизель-мотора на чистку; 6) установить временно на фундаменте 2-го дизель-насоса электронасос, по получении электромотора в [1300 (так в документе. — *Прим. авт.*] с завода “Электросила” в июле с.г.; 7) проложить 7-й водопровод от Рублёвской станции до Воробьёвского резервуара чугунными и железобетонными трубами, для чего необходимо срочно получить около 2000 т чугунных труб 900 мм диаметра [...] 11) закончить постройку нового Воробьёвского резервуара на 2 м.в. к августу с.г. и построить ещё два отделения резервуара на 2 м.в., соединив их с водопроводом и магистралями; 12) построить резервуар на 1,5 м.в. и установить два электронасоса по 3 м.в. на Ольденборгегровской станции» [7, л. 27 об.]. В записке предлагался и ряд экстренных административных мер, в числе которых — сформирование аварийной бригады для

ремонта водоводов с десятниками и дежурством автомашины [7, л. 27 об.].

Однако буквально через два дня вопрос обеспечения столицы водой был поднят на новую высоту, поскольку, судя по всему, именно в этот день Л. М. Каганович согласовал с Политбюро ЦК ВКП(б) постановление Бюро МГК ВКП(б) от 5 мая 1932 г. 22 мая состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором были рассмотрены вопросы о строительстве Московского метрополитена и о сооружении канала Москва — Волга. В обсуждении второго вопроса приняли участие И. В. Сталин, Л. М. Каганович, С. М. Киров, К. Е. Ворошилов и А. И. Микоян [2, с. 78]. Было принято принципиальное решение об осуществлении, с немедленным началом строительства, Дмитровского варианта канала Москва — Волга (т.е. об одобрении постановления бюро столичного комитета партии). Данное строительство, в соответствии с резолюцией Июньского 1931 г. Пленума ЦК ВКП(б), преследовало две цели. Первая — обеспечение надлежащего водоснабжения Москвы. Вторая — соединение столицы Советского Союза «...соответствующим глубоководным путём с основными воднотранспортными артериями страны» [8, л. 11]. Однако в постановление МГК ВКП(б) Политбюро ЦК ВКП(б) внесло серьёзнейшие корректировки. Сооружение канала поручалось не какому-то там московскому тресту, а Наркомату внутренних дел СССР. 1 июня 1932 г. решение Политбюро ЦК ВКП(б) было проведено, как тогда говорили, «в советском порядке» постановлением СНК СССР № 859 [8, л. 31].

Сложности с реализацией решения были констатированы уже в первой декаде июля 1932 г. Начальник Управления государственного строительства

по сооружению канала Москва — Волга и Московского порта «Москаналстрой» (а по совместительству начальник Управления лагерями ОГПУ) Л.И. Коган направил служебное письмо, по стилистике своей более напоминающее филиппики, нежели официальный документ, Президиуму Моссовета.

Коган написал руководящему органу советско-хозяйственного аппарата столицы: «По постановлению № 859 СНК СССР от 1 июня 1932 г. о строительстве водного канала Волга — Москва соответствующими организациями сделано чрезвычайно мало» [9, л. 48]. Коган нажаловался на Госплан СССР, Наркомат тяжёлой промышленности СССР и Наркомат труда СССР. Начальник УЛАГа направил в Президиум Моссовета проект постановления, нацеленный на исправление ситуации, в котором констатировал: «Максимально продуктивное использование летнего сезона 1932 г. для строительства Москаналстроя является буквально решающим. Если мы за лето не отстримся, не подготовим удовлетворительных бытовых условий, не заполучим хотя [бы] 6–7 тыс. рабочих на Южный участок трассы, то зимой работать не сможем. Нам нужно летом развернуться и взять на зиму разбег, обеспечивающий развитие зимой гражданского строительства, развитие земляных работ и непрерывный приток рабочей силы. Короче: у нас должно быть к зиме и зимой идти нарастание как по расширению общего объёма работ, так и по производительности на одного человека. Иначе установленный Правительством срок окончания строительства — не реален. Нужно сейчас же, не теряя ни одного дня, создать у всех правительственный органов, снабжающих строительство деньгами, материальными ресурсами и кадрами, соответствующее

к Москаналстрою отношение. Надо сейчас же внушить всем организациям, что строительство канала Москва — Волга по своему объёму и своей сложности выходит за пределы даже самых больших строек. Сто тридцать километров — фронт работ, не менее 100 тыс. чел. рабочих на пике строительства. Где ещё в СССР на сегодняшний день имеется такое строительство? Что-то надо сделать, чтобы все это поняли. Что-то надо сделать, чтобы к нам были внимательней, чтобы вместе с нами все считали дни и часы, которые безвозвратно теряются при бесконечной волоките прохождения вопросов через аппараты. И хуже всего, когда все мытарства, ничего не получаешь» [9, л. 48 об., 49].

Вняв филиппикам начальника УЛАГа, 11 июля 1932 г. Президиум Мосгорисполкома и Моссовета заслушал на своём заседании, состоявшемся под председательством Н.А. Булганина, доклад Л.И. Когана «О мероприятиях по реализации решения Правительства о строительстве канала Москва — Волга» [9, л. 6]. Президиум Моссовета постановил: «1. Признать, что ход развёртывания работ по строительству канала Москва — Волга не обеспечивают осуществления решения правительства в установленные сроки. Поручить тт. Когану и Булганину поставить вопросы обеспечения строительства материалами, оборудованием, финансирования перед Правительством. 2. На ближайшем заседании Президиума заслушать доклад Управления строительства канала Москва — Волга о ходе строительства и о мероприятиях, необходимых к осуществлению сквозного движения по Москве-реке и Яузе и поднятию уровня воды в них. 3. Предложить Жилищному управлению Моссовета в самый кратчайший срок обеспечить строительство

канала Москва — Волга необходимым для его нормальной работы соответствующим помещением» [9, л. 6, 7].

Однако советско-хозяйственный аппарат управления столицы был бессилен решить проблемы по сути своей всесоюзной стройки.

Видимо, именно от безысходности Л.И. Коган и выпустил известную статью в газете «Перековка», выходившей с 1932 г. на строительстве канала Мо-

ска — Волга. В статье Коган объяснил заключённым строителям: «Тот, кто выставлял обязательным условием сотни экскаваторов, паровозов и т.д. — тот строить канал не хочет... Ориентируйтесь на лопату, тачку, грабарку и ручное бурение... Хорошо и нужно знать математику, но мертвя она для строителя, если не знает поправочных коэффициентов на большевистскую волю, на социалистические методы организации труда» [10, с. 226].

Литература и источники

1. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 2. Оп. 2. Д. 473.
2. *Лопатин П.И.* Волга идёт в Москву. М.: Московский рабочий, 1938. — 218 с.
3. *Полетаев В.* Борьба трудящихся Москвы за реконструкцию городского хозяйства столицы в 1931–1934 гг.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. — 18 с.
4. *Авдеев В.Н. (Анов)*. Каптаж Волги. М., 1931. — 12 с.
5. Центральный государственный архив города Москвы (далее – ЦГА Москвы). Ф. П-3. Оп. 13. Д. 94.
6. ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 77. Д. 18.
7. ЦГА Москвы. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 59.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5446. Оп. 14. Д. 1977.
9. ЦГА Москвы. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 61.
10. *Иванова Г.М.* История ГУЛАГА. 1918–1958. М.: РОССПЭН, 2015. — 414 с.

Voytikov S.S.

*Doctor of History Sciences, Center for Economic History,
Institute of Russian History RAS,
Moscow*

«Orient yourselves on shovel, wheelbarrow, rake and hand drilling...» Decision of the June 1931 Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks's Plenum on the Moscow-Volga canal construction and the legendary installation of L.I. Kogan's background

In the article, based mainly on unpublished sources, through the prism of the infamous installation of the head of the Department of State Construction for the construction of the Moscow-Volga Canal and the Moscow Port “Moskanalstroy” (and part-time head of the Office of the OGPU camps) L.I. Kogan shows the first stage of the construction of the Moscow-Volga Canal, which was decided by the highest party body in June 1931.

Keywords: I.V. Stalin; L.M. Kaganovich; Moscow-Volga Canal; Office of the OGPU camps; Moscow; Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (b); state security agencies.

Усов А.В.

*Кандидат исторических наук, доцент,
Российский государственный исторический архив Дальнего Востока,
г. Владивосток.*

Воспитательная работа с кадрами Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) на Тихом океане в 1930-е гг.

Статья подготовлена на основе материалов Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГАВМФ, г. Санкт-Петербург), впервые вводимых в научный оборот. Изучена воспитательная работа с кадрами Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) на Тихом океане в 30-е гг. XX века. Основное внимание уделено рассмотрению видов обучения личного состава, способам наказания и поощрения. Автор приходит к выводу, что в изучаемый период воспитательная работа с кадрами имела систематический характер, включала разноплановые методы.

Ключевые слова: ЭПРОН; кадры; воспитание; аварийно-спасательная служба; водолаз; судоподъём.

В 2025 году исполняется 102 года с момента образования на Чёрном море Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) — организации, которая вызывает интерес и становится объектом современных исторических исследований [1, 2]. Изучению феномена ЭПРОН посвящён ряд значимых работ, среди которых труды Н.П. Чикера, П.А. Боровикова, Ф.А. Григоренко, А.Ю. Следкова и других [3–8]. Формируются новые направления региональных исследований, связанных с изучением наследия ЭПРОН, его аббревиатура всё чаще упоминаются при разработке фундаментальных тем [9, 10, 11]. В научный оборот вводятся новые, ранее неизвестные материалы [12].

Для выполнения судоподъёмных, аварийно-спасательных и водолазных работ на акваториях Восточной Сибири и Дальневосточного края, Ф.И. Крылов — начальник Главного управления

Экспедиции подводных работ особого назначения на морях и реках СССР своим приказом № 43 от 7 марта 1932 г. поручил Ф.М. Бауману создать Отдельную дальневосточную (ОДВ) партию Экспедиции подводных работ особого назначения.

Отдельная дальневосточная партия заложила основы для последующей реорганизации в Дальневосточную экспедицию (1934 г.), дальнейшего развития в виде Тихоокеанской (ТО) экспедиции подводных работ ЭПРОН во второй половине 1930-х гг., на которую были возложены широкие задачи.

Укрепление позиций ЭПРОН на Тихом океане в 1930-е гг. в значительной степени зависело от качества воспитательной работы с кадрами.

В документах, хранящихся в РГАВМФ, отложились сведения о том, что, после проведения в течение нескольких месяцев набора личного состава в дальневосточные эпроновцы, Ф.М. Бауман в октябре

1932 года оценивает политico-моральное состояние вверенной ему партии как хорошее. Однако учитывая значительное количество дисциплинарных проступков и «отсутствие воинского вида» у краснофлотцев, о чём Ф.М. Бауман доложил начальнику Главного управления Ф.И. Крылову, было принято решение уделить особое внимание не только политической, которая протекала удовлетворительно, но и организовать командирскую учёбу [16, л. 35].

К первому января 1933 года состояние дисциплины оценивалось уже на «хорошо». Отмечена строевая выправка, но недостаточная по мнению командующего Морскими силами Дальнего Востока, что предполагало дальнейшую работу по улучшению этого показателя. Политическая подготовка была удовлетворительной по оценке Политуправления, политico-моральное состояние устойчивым.

К этому времени было доложено о налаженной культурно-просветительской работе, наличию хорошо оборудованного красного уголка, киноустановки, патефона, музыкальных инструментов. Имелось радио и велась трансляция по всем кубрикам и квартирам начсостава.

Очень важный, с точки зрения военного человека, показатель состояния дисциплины был блестяще отражён в формулировке «оружие содержится в чистоте». При этом проводилась физ зарядка, поддерживалось на хорошем уровне санитарное состояние ботов и команды. Что было особенно значимым в контексте того, что общая санитарная обстановка в рядах МСДВ была сложной. После случаев заболеваний, например, гонореей или чесоткой проводились, как правило, беседы о предосторожности по-

ловых заболеваний и чистоплотности [13, л. 39].

В сохранившихся документах отмечено наличие результативной соцсоревновательной практики и ударничества, дающих хорошие показатели. При этом зафиксирован факт оценки состояния дисциплины ОДВ партии на «хорошо» со стороны «местного командования» из которого вытекает вывод о том, что МСДВ имели определённую степень участия в жизни ОДВ партии как военной части. Причём результаты проверки были известны Главному управлению ЭПРОН [16, л. 36].

Ценная информация об уровне дисциплины и политico-моральном состоянии содержится в политдонесениях [19, л. 197–197 об.]. Так, в политдонесении от января 1933 года из-за неблагополучной бытовой остановки отмечены нездоровые разговоры среди младшего начсостава, которыеприникают в среду краснофлотцев сверхсрочной и срочной службы, проживающих в общежитии команды.

После проведения воспитательной работы с личным составом, на 20 июля 1934 года политico-моральное состояние отмечено уже как вполне устойчивое, дисциплины — удовлетворительное. Например, несколько недисциплинированных краснофлотцев, систематически нарушавших дисциплину, через Штаб Моря (МСДВ) были демобилизованы, а также списаны в другие части. Один, ввиду его отдачи под суд, дезертировал. Всего таких было шесть человек. С ликвидацией этого ядра, состояние дисциплины резко улучшилось. Политическая подготовка проходила по плану РККА удовлетворительно, проводилось политинформирование. Помимо этого, работали кружки. Особое внимание уделялось контролю процентного соотношения личного состава, име-

ющего значки ГТО 1-й и 2-й ступени [19, л. 186–186 об.].

В качестве одной из форм воспитательного воздействия в ЭПРОН применялись дисциплинарные взыскания. Например, после гибели водолаза Сватейкина (во время погружения 14 ноября 1933 года) в Главное управление ЭПРОН были предоставлены документы, составленные руководством Дальневосточной партии ЭПРОН, связанные с причинами и обстоятельствами катастрофы. После их изучения был издан приказ № 9/177 от 9 апреля 1934 года, согласно которому был объявлен строгий выговор начальнику Дальневосточной экспедиции Ф.М. Бауману, водолазному специалисту, водолазному инструктору и старшему водолазу. От них потребовали изучения и соблюдения должным образом «Правил водолазной службы» и предупредили, что при первой попытке вновь искажить истинное положение дел, каждый из них будет уволен со службы с преданием суду [17, л. 17]. Данный случай гибели водолаза на 16 саженях глубины после рекордов, достигнутых ЭПРОНом в Чёрном и Балтийском морях, нанёс определённый репутационный ущерб дальневосточникам.

Руководством Главного управления ЭПРОН предписывалось прочитать анализируемый приказ во всех экспедициях, аварийно-спасательных отрядах и производственно-гидротехническом отделе при собрании водолазных специалистов, проработать прилагаемые к нему материалы следствия по делу смерти водолаза Сватейкина, доведя до сознания всего командного, водолазного и инструкторского состава крайнюю необходимость соблюдения «Правил водолазного дела», составленных на основании изучения

имевших место несчастных случаев с водолазами [17, л. 16].

За систематическое нарушение дисциплины (пьянство) могли демобилизовать с воинской службы со снятием звания водолаза с целью недопущения поступления на службу в ЭПРОН на других морях [13, л. 153]. В качестве способа, корректирующего поведение, например, при борьбе с пьянством, применялись «коллективное письмо родителям» нарушителя дисциплины [13, л. 158].

За нарушение правил хранения взрывного имущества, выявленных Особым отделом НКВД ТОФ, на начальника Тихоокеанской экспедиции Ф.М. Баумана 4 апреля 1937 года было наложено дисциплинарное взыскание правами исполняющего обязанности начальника Краснознамённого ЭПРОН Т.И. Бобрицкого: «... за не проверку отданного своего приказания начальнику хоз. части и водолазному специалисту о сдаче своевременно взрывимущества по назначению ставлю на вид...» [14, л. 31].

За добросовестное исполнение обязанностей, в качестве подкрепления положительного поведения, применялись поощрения. Например, отмечая ударную работу, проделанную личным составом Отдельной ДВ партии ЭПРОНа и в ознаменование годовщины Краснознамённого ЭПРОН Революционный военный совет МСДВ наградил ценными подарками пять эпроновцев, включая Баумана, а всему личному составу объявил благодарность и поздравил «с днём славного 10-летнего юбилея» [19, л. 180–180 об.].

В 1934 году в целях политического воспитания и повышения командирских и технических знаний личного состава ЭПРОН была развернута сеть марксистско-ленинской, командирской, общеобразовательной и технической

учёбы, как в подразделениях, так и в центре.

Результаты проведения таких занятий зафиксированы в отчётах как «хорошие». Однако, особое внимание обращено на то, что условия работы в летний период были сопряжены с громадной территориальной разрозненностью личного состава на отдельных объектах работы, при этом регулярность проведения занятий по графику нарушалась, имели место отставания от плана по некоторым дисциплинам [18, л. 46].

В архивных документах сохранились сведения о том, что личный состав ОДВ партии ЭПРОН был на 100% охвачен подпиской на агитсамолет «Максим Горький». Врио политрука ОДВ партии ЭПРОН Котенко доложил в марте 1933 года начальнику 1-го сектора Политического управления МСДВ, что всего собрано 282 рубль (в среднем 4 рубля на подписчика) [13, л. 34].

Закрытые партийные собрания ТО экспедиции Краснознамённого ЭПРОНа оформлялись протоколами. В документе отмечали дату проведения, число присутствующих членов и кандидатов ВКП(б), кто председательствует, выполняет роль секретаря. Фиксировалась основная повестка дня. Помимо обсуждения снабженческих дел (жильё, обмундирование, плавсредства и аварийное имущество), ставились и кадровые вопросы. Например, озвучивая итоги 1937 года К.И. Шнуровский, сменивший Ф.М. Бумана на должности начальника ТО экспедиции, отметил недоброкачественный подбор кадров, и пофамильно озвучил некоторых сотрудников, охарактеризовав их как «чуждые элементы». При этом обратил внимание на собственные недочёты в проведении кадровой политики.

Среди прочих вопросов, после доклада А.Н. Танцырев (ошибочно в тексте источника дан как ТанцЕрев) спросил о «выгравировании кадров на месте», а тов. Битов — о ходе выдвижения кадров и их аттестации командованием.

В процессе прений зафиксировано недовольство участников как чисто кадровыми вопросами (аттестация некоторых товарищей, неподтверждённые обвинения Танцырева во вредительстве, слабая дисциплина), так и имущественными (условия проживания, разрушающийся понтоный парк). При том отмечено, что для стабилизации хозяйственной ситуации велась подготовка соответствующих работников. Особо обращено внимание, что в некоторых имущественных вопросах необходимо иметь соответствующего специалиста, оплата жалования которому по стоимости выйдет в пять раз меньше, чем текущие ежемесячные накладные расходы.

Зафиксированы резкие выпады в отношении Главного управления ЭПРОН, а также в адрес К.И. Шнуровского. Так, тов. Московой заявил, что из отчёта начальника он ничего не понял, сравнив Главное управление с пригревшейся и ничего не делающей «квочкой с цыплятами». В свою очередь тов. Танцырев обратил внимание присутствующих на то, что начальник [К.И. Шнуровский] в своём докладе ничего не сказал о безобразиях, которые были в 1937 г. и их ликвидации. Сетовал на отсутствие роста кадров, слабое материальное положение, плохую дисциплину. В защиту Шнуровского открыто выступил П.Ф. Крысин, отметив, что присутствовал при том, как Кесарий Иванович выдвигал проблемные вопросы ТО экспедиции, будучи в Главном управлении. В целом, стиль изложения мыслей участников закрытого партсобрания да-

лёк от делового. Сам документ содержит некоторые ошибки в правописании [15, л. 20–21].

На общих собраниях затрагивали и другие вопросы, например, 29 ноября 1938 г. на повестке дня была подготовка к зимнему судоремонту, а 2 декабря 1938 г. произошло обсуждение постановления ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском Краткого курса истории ВКП(б)» [15, л. 39–41].

Таким образом, воспитательная работа с кадрами Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) на Тихом

океане в 1930-е гг. имела системный характер. Проводилась политическая подготовка, в том числе командирская учёба, культурно-просветительская работа, профилактические беседы о недопустимости деструктивного поведения. Применялся метод общественного порицания, дисциплинарные взыскания за проступки и, наоборот, поощрения для подкрепления положительного поведения. На закрытых партийных собраниях Тихоокеанской экспедиции Краснознамённого ЭПРОНа обсуждались текущие вопросы, связанные в том числе с кадрами и их подготовкой.

Литература и источники

1. ЭПРОН. Страницы истории: коллективная монография. СПб: Издательство «Заневская площадь», 2025. — 161 с.
2. Боровиков П.А. Экспедиция подводных работ особого назначения. Технические достижения и инновации // Гидрокосмос. — 2023. — № 3–4. — С. 16–34.
3. Чикер Н.П. Служба особого назначения. М., ДОСААФ, 1975. — 225 с.
4. Боровиков П.А. Водолазное дело России. М.: Мысль, 2005. — 240 с.
5. Боровиков П.А. Водолазное дело России. С конца 1930-х годов и до наших дней. М.: ООО «Нептун», 2017. — 608 с.
6. Григоренко Ф.А. История развития спасательных судов и средств Российского флота: монография. Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2007. — 322 с.
7. Следков А.Ю. Очерки истории водолазного дела. Книга 3, том 1. — СПб.: ИПК «Гангут», 2015. — 316 с.
8. Следков А.Ю. Очерки истории водолазного дела. Книга 3, том 2. — СПб.: ИПК «Гангут», 2016. — 272 с.
9. Шабельникова Н.А. Морская спасательная служба Дальнего Востока России: к вопросу о формировании нового направления в отечественной региональной историографии // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX международной научно-практической конференции. Благовещенск: БГПУ, 2019. — С. 307–313.
10. Брычков А.С., Никоноров Г.А., Сидорчук Е.А. «Они уходили из Одессы и Севастополя с последним эшелоном...». Аварийно-спасательная служба Черноморского флота в обороне Севастополя // Военно-исторический журнал. — 2022. — № 5. — С. 34–41.
11. Вартанян Ю.Т. «Создалась крайне неблагоприятная обстановка для плановой работы...». ЦГАВМФ СССР в дни ленинградской блокады (1941–1944 гг.) // Клио. — 2024. — № 1 (205). — С. 158–168.
12. ЭПРОН. Документы по истории Экспедиции подводных работ особого назначения при ОГПУ СССР (1923–1931): архивные документы и материалы / отв. ред. В.С. Христофоров. М.: Граница, 2015. — 664 с.
13. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. Р-1012. Оп. 3. Д. 73.

14. РГАВМФ. Ф. Р-1090. Оп. 3. Д. 59.
15. РГАВМФ. Ф. Р-1122. Оп. 2. Д. 4.
16. РГАВМФ. Ф. Р-1495. Оп. 1. Д. 32.
17. РГАВМФ. Ф. Р-1495. Оп. 1. Д. 37.
18. РГАВМФ. Ф. Р-1495. Оп. 2. Д. 147.
19. РГАВМФ. Ф. Р-1495. Оп. 2. Д. 149.

Usov A. V.

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Russian State Historical Archive of the Far East,
Vladivostok.*

Upbringing work with cadres of the Special Expedition for Underwater Works (EPRON) on the Pacific Ocean in the 1930s.

The article was prepared based on materials from the Russian State Naval Archives (RSNA) in St. Petersburg, first introduced into scientific circulation. Upbringing work with cadres of the Special Expedition for Underwater Works (EPRON) on the Pacific Ocean in the 30s XX century was studied. The focus is on considering the types of personnel training, methods of punishment and encouragement. The author concludes that during the studied period, upbringing work with cadres was systematic, included diverse methods.

Keywords: Special Expedition for Underwater Works; cadres; upbringing; emergency rescue service; diver; ship raising.

Калюжный Р.Г.

*Краснодарское высшее военное авиационное училище лётчиков
им. Героя Советского Союза А.К. Серова,
г. Краснодар*

Служебно-правовое положение, прохождение службы, воинские звания командного и начальствующего состава Пограничной и Внутренней Охраны НКВД СССР (1935–1937 гг.)

В статье, подготовленной на основе архивных материалов, рассматриваются вопросы основ прохождения службы, системы воинских званий и служебно-правового положения военнослужащих командного и начальствующего состава пограничной и внутренней охраны НКВД СССР. Впервые показано соответствие персональных воинских званий должностям, подлежащим замещению, а также проведён анализ статуса военнослужащих на основе нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы прохождения службы. Актуальность заявленной темы обусловлена интересом к истории войск отечественных спецслужб как в военный, так и в межвоенный периоды развития нашей страны, а также отсутствием подробных исследований по данной проблеме.

Ключевые слова: НКВД СССР; пограничная и внутренняя охрана НКВД; Совет Народных Комиссаров; Центральный Исполнительный Комитет; воинские звания; должности; прохождение службы; командный и начальствующий состав.

Изучение истории органов и войск государственной безопасности СССР с 90-х гг. XX века является одним из направлений отечественной исторической науки. На данный момент существует множество исследований по истории отечественных спецслужб, разного рода справочников, диссертаций, монографий и т.п., но проблема служебно-правового положения, прохождения службы и системы званий органов и войск советских спецслужб до сих пор является практически неисследованной; данные вопросы рассматривались в основном поверхностно и в контексте справочной информации, а не как самостоятельное явление. В отличие от Красной армии, вопросы прохождения службы, служебно-правового положения

в воинских формированиях НКВД СССР имели свои отличительные особенности, ввиду специфики деятельности частей пограничной и внутренней охраны (далее — П и ВО).

Одной из работ, в которых уделено внимание вопросу воинских званий П и ВО НКВД, является публикация В. Воронова и А. Шишкина [1]. Одна из глав данного издания — «Реформа обмундирования личного состава органов и войск НКВД СССР (сентябрь–декабрь 1935 г.)» — посвящена теме введения званий органов и войск НКВД, но лишь как перечень таковых [1, с. 82–83]. Также, стоит упомянуть справочник Н.В. Петрова и К.В. Скоркина [2], в котором также приведён перечень званий. Но вопросы прохождения службы

и служебно-правового положения в данных публикациях не отражались.

К рассмотрению вопросов прохождения службы, служебно-правового положения войск ВЧК–ОГПУ периода 1918–1934 гг. ранее обращался и автор представленной работы [3]. Данная статья имеет целью исследование заявленных в теме вопросов.

10 июля 1934 г. на основании Постановления Президиума ЦИК СССР образован общесоюзный Народный Комиссариат Внутренних Дел СССР [4, л. 1–3], в составе которого на базе Главного Управления Пограничной Охраны и Войск ОГПУ сформировано Главное Управление Пограничной и Внутренней Охраны (ГУПВО) — орган военного управления, осуществляющий руководство частями, управлениями, учреждениями и заведениями пограничной и внутренней охраны, а при соответствующих Управлениях НКВД — Управления Пограничной и Внутренней Охраны (УПВО).

16 октября 1935 г. утверждено Положение о прохождении службы командным и начальствующим составом П и ВО НКВД СССР [5, л. 23–38; 6, л. 391–404], в соответствии с которым военнослужащие, имеющие соответствующую военную или специальную подготовку и ведущие работу по руководству соединениями, частями и подразделениями, по военному обучению и военно-политическому воспитанию, подразделялись на командный и начальствующий состав. К командному составу относились военнослужащие, командующие войсковыми подразделениями, частями, соединениями и занимающие в частях и учреждениях пограничной и внутренней охраны должности, для исполнения которых необходим обязательный командный стаж

и наличие соответствующей военной подготовки. К начальствующему составу относились: а) военно-политический состав; б) военно-технический состав; в) военно-хозяйственный и административный состав; г) военно-медицинский состав; д) военно-ветеринарный состав; е) военно-юридический состав. Порядок отнесения военнослужащих П и ВО к командному или иной группе начальствующего состава устанавливался Народным Комиссаром Внутренних Дел СССР (далее — НКВД СССР).

Должности всех составов П и ВО подразделялись на категории, соответствующие установленным званиям; в свою очередь, каждому званию соответствовала определённая категория должностей, согласно особых указаний НКВД СССР, что прописывалось в штатах частей, управлений, учреждений и заведений П и ВО.

Категория имела буквенный индекс, что означало принадлежность к конкретному составу:

«К»	командный
«П»	военно-политический
«Т»	военно-технический
«А»	военно-хозяйственный и административный
«М»	медицинский
«В»	ветеринарный

Цифровой индекс означал соответствующее звание:

I	лейтенант
II	старший лейтенант
III	капитан
IV	майор
V	полковник
VI	комбриг и следующие высшие звания командного состава и им соответствующие

Кадры комначсостава П и ВО комплектовались лицами, окончившими военные, военно-технические и специальные

школы НКВД, курсы, военные академии РККА и военные факультеты гражданских высших учебных заведений; лицами начсостава Главного управления государственной безопасности (ГУГБ), передаваемыми в систему П и ВО распоряжением НКВД СССР, лицами комначсостава РККА, передаваемыми из РККА распоряжением НКО СССР, лицами комначсостава запаса П и ВО, привлекаемыми на действительную военную службу и военнослужащими младшего состава сверхсрочной службы, сдавшими испытания за курс военной школы.

Каждому военнослужащему присваивались военные звания, установленные Постановлением ЦИК и СНК от 22 сентября 1935 г. для РККА, в зависимости от военной или специальной подготовки, служебного стажа и аттестации. Нужно отметить, что до октября 1935 г. в ОГПУ–НКВД, как и в РККА, персональных званий не существовало, начальствующий состав, в соответствии с Положением о прохождении службы занимал воинские должности в соответствии с категориями, которых было 13 [7, л. 112–148]. Первое звание — лейтенант и ему соответствующие — присваивалось окончившим военную (пограничную) школу или сдавшим после прохождения действительной (срочной) военной службы испытания. Присвоение очередного звания производилось по истечении срока пребывания в предыдущем военном звании при наличии положительной аттестации.

Сроки пребывания в званиях устанавливались следующие: лейтенант, старший лейтенант и ему соответствующие — 3 года, капитан, майор — 4 года, полковник — 8 лет. Для комбрига и выше сроки не предусматривались. В частях погранохраны (до управления погранотряда включительно) сроки пребывания

в каждом звании сокращались на 1 год, в звании же полковника и ему соответствующих — на 2 года.

В случаях наличия успехов заслуг, комначсоставу присваивались звания ранее установленных сроков. Присвоение звание комбриг и выше осуществлялось решением НКВД СССР. Слушателям военных академий, курсов усовершенствования РККА и курсов усовершенствования школ П и ВО время обучения в этих заведениях засчитывалось в срок выслуги для присвоения очередного звания. Начсостав ГУГБ, переводимый приказом НКВД СССР в П и ВО, сохранял своё спецзвание до очередной аттестации по П и ВО, при которой ему присваивалось звание (не ниже присвоенного по ГУГБ). При назначении на командную должность в часть П и ВО присвоение равного звания производилось одновременно с переводом. Сроки пребывания в последнем спецзвании ГУГБ засчитывались при получении военного звания. Лица комначсостава П и ВО, передаваемые приказом НКВД на службу в учреждения НКВД, кроме ГУГБ или в систему охраны Московского Кремля и зданий правительства, зачислялись в действующий резерв начсостава ГУПВО с распространением на них данного положения о прохождении службы, сроки пребывания в резерве учитывались для присвоения очередного звания.

Присвоение званий производилось только в порядке очерёдности, в исключительных случаях НКВД СССР предоставлялось право присваивать отдельным лицам последующее звание вне очереди.

Присвоение очередных званий комсоставу штабов, управлений и пограничных школ производилось с соблюдением следующих преимуществ: а) для получения звания полковник (капитан 2-го ранга)

устанавливался срок пребывания в предыдущем звании 3 года, из которых в течение 1 года обязательно фактическое командование батальоном (дивизионом и т.п.), если ранее этот командир не командовал батальоном (дивизионом и т.п.); б) для получения звания комбриг (капитан 1-го ранга) устанавливался срок пребывания в предыдущем военном звании 6 лет, из коих в течение 2-х лет обязательно фактическое командование полком (отдельной частью), если этот командир не командовал полком (отдельной частью). При этом военнослужащие командного состава, переводимые на должности начсостава, сохраняли своё командное звание.

Лицам военно-политического, военно-хозяйственного и прочего начсостава при назначении на строевые командные должности присваивались звания комсостава в аттестационном порядке, в соответствии с их специальным военным званием и военной квалификацией. Присвоение очередных званий до комкора включительно (и им соответствующих) производилось приказами НКВД СССР. Звания командарм 1-го и 2-го ранга, флагман флота 1-го и 2-го ранга, армейский комиссар 1-го и 2-го ранга (и им соответствующие) присваивались Постановлением Правительства СССР по представлению НКВД СССР.

Военнослужащие комначсостава, прослужившие установленный срок в звании и не получившие очередного звания (отрицательная аттестация и т.п.), могли быть оставлены в своём военном звании ещё на срок до 2-х лет. Если по истечении этого срока командир (начальник) не заслуживал присвоения следующего очередного звания, он переводился на другую работу, с сохранением этого звания, или увольнялся в запас П и ВО. Снижение в званиях допускалось лишь в исключительных случаях и только приказом НКВД СССР, а в отношении лиц комначсостава, имеющих звания комдив и выше (и им соответствующие) — только по особому постановлению Правительства СССР.

Воинское звание являлось пожизненным для каждого командира и начальника. Лишение звания производилось только по приговору суда, объявленному приказом НКВД СССР. Лишение звания комдива и выше (и им соответствующих) производилось по приговору суда, утверждённому Правительством СССР.

Назначение на старшие должности в пределах категории, соответствующей званию назначаемого, производилось в аттестационном порядке на свободные вакансии. Продвижение военнослужащих на должности следующей категории производилось, как правило, с получением очередного звания. Перемещение комначсостава с высших должностей на низшие допускалось по состоянию здоровья, при сокращении штатов или реорганизации, при переводе на менее ответственную работу, при особых условиях, вызываемых оперативной обстановкой, при этом за перемещаемыми сохранялись их звания.

Назначение комначсостава на должности производилось приказами начальников Управлений НКВД республик, краёв (областей) — на должности до помощников командиров неотдельных дивизионов включительно и им соответствующих и приказами НКВД СССР — на все остальные должности. Все назначения комначсостава, связанные с перемещениями из одной республики, края, области в другие, а также перемещения комначсостава республик, краёв и областей в части и учреждения, подчинённые непосредственно начальнику УПВО НКВД, производились приказами НКВД.

Таблица соответствия должностей НКВД СССР должностям РККА 1935–1937 гг. [12, л. 37–47.]

Категория	В/звание	Должности НКВД СССР	Должности РККА
1	2	3	4
П и ВО			Сухопутные силы
средний командный состав			
K-I	младший лейтенант, лейтенант	командир взвода, помощник начальника заставы	командир взвода
K-II	старший лейтенант	помощник командира неотдельного дивизиона	помощник командира роты
старший командный состав			
K-III	капитан	командир неотдельного дивизиона, батареи, комендант неотдельной погранкомендатуры	командир роты
K-IV	майор	командир отдельного дивизиона, начальник штаба погранотряда	командир батальона, начальник штаба полка
K-V	полковник	командир полка, начальник погранотряда	командир полка
высший командный состав			
K-VI	комбриг	командир ж.д. бригады, начальник Отдела управления округа, старший инспектор отдела ГУПВО, заместитель начальника УПВО округа	командир бригады
K-VI	комдив	командир ОММДОН, начальник Отдела пограничной службы ГУПВО, начальник УПВО округа	командир дивизии
K-VI	комкор	начальник ГУПВО	командир корпуса
Морская погранохрана			Морские силы
средний командный состав			
K-I	младший лейтенант, лейтенант	командир торпедного катера	командир бронекатера, торпедного катера
K-II	старший лейтенант	командир звена торпедных катеров	командир корабля 4 ранга

1	2	3	4
старший командный состав			
K-III	капитан-лейтенант	помощник командира сторожевого корабля 3 ранга	командир тральщика (базового)
K-IV	капитан 3 ранга	командира сторожевого корабля 3 ранга, помощник командира корабля 2 ранга	командир корабля 3 ранга (сторожевого), малой подводной лодки
K-V	капитан 2 ранга	командира корабля 2 ранга, начальник морского пограничного отряда, командир морской погранбазы	командир корабля 2 ранга (эсминца), большой, средней подлодки
высший командный состав			
K-VI	капитан 1 ранга	командир дивизиона кораблей 2 ранга, начальник Морского отдела Управления округа	командир крейсера, командир дивизиона кораблей 2 ранга
K-VI	флагман 2 ранга	начальник Морского отдела ГУПВО	командир бригады кораблей
		Авиация П и ВО	Воздушные силы
средний командный состав			
K-I	младший лейтенант, лейтенант	младший летчик	
K-II	старший лейтенант	старший летчик, командир звена	старший летчик, командир корабля, звена
старший командный состав			
K-III	капитан	начальник штаба авиационного отряда	командир неотдельного отряда
K-IV	майор	командир отряда, командир парка, начальник штаба эскадрильи	командир отдельного отряда
K-V	полковник	командир эскадрильи, старший инспектор-летчик – старший помощник начальника авиационного отдела ГУПВО	командир авиаэскадрильи
высший командный состав			
K-VI	комбриг	начальник авиационного отряда Управления округа	помощник командира авиабригады
K-VI	комдив	начальник Авиационного отряда ГУПВО	командир авиабригады

1	2	3	4
Военно-политический состав			
средний военно-политический состав			
П-І	младший политрук	инструктор политработы неотдельного дивизиона, погранкомендатуры	начальник клуба отдельного батальона
П-ІІ	политрук	помощник по политчасти командира неотдельного дивизиона, батареи, инструктор политработы отдельной погранкомендатуры	помощник по политчасти командира роты, эскадрона, батареи, боевой части корабля
старший военно-политический состав			
П-ІІІ	старший политрук	помощник по политчасти командира отдельного дивизиона, политрук неотдельного дивизиона, инструктор политработы погранотряда, полка	политрук роты, эскадрона, батареи, боевой части корабля
П-ІV	батальонный комиссар	помощник по политчасти командира полка, начальника погранотряда, военный комиссар авиаотряда, дивизиона торпедных катеров	военный комиссар отдельного батальона дивизиона
П-V	полковой комиссар	военный комиссар полка, авиаэскадрильи, корабля 2 ранга, помощник по политчасти начальника погранотряда	военный комиссар полка, помощник по политчасти командира бригады
высший военно-политический состав			
П-VI	бригадный комиссар	помощник по политчасти командира ОММДОН	военный комиссар бригады
П-VI	дивизионный комиссар	начальник политотдела Управления округа	военный комиссар дивизии
П-VI	корпусный комиссар	начальник политотдела – зам. начальника ГУПВО	военный комиссар корпуса
Военно-технический состав			
средний военно-технический состав			
Т-І	младший воентехник, воентехник 2 ранга	младший механик, младший техник	
Т-ІІ	воентехник 1 ранга	старший техник, инструктор техник	помощник командира роты по техчасти

Исторические чтения на Лубянке. XXIX конференция. 4–5 декабря 2025 г.

1	2	3	4
старший военно-технический состав			
T-III	военинженер 3 ранга	начальник цеха мастерских	помощник командира батальона по техчасти
T- IV	военинженер 2 ранга		помощник командира полка по техчасти
T-V	военинженер 1 ранга	начальник технического отделения Управления округа	помощник командира бригады по техчасти
высший военно-технический состав			
T-VI	бригинженер	начальник отделения Отдела вооружения ГУПВО	районный инженер
		Военно-технический состав авиации П и ВО	Военно-технический состав Воздушных сил
средний военно-технический состав			
T-I	младший воентехник, воентехник 2 ранга		метеоролог, фотограмметрист отряда
T-II	воентехник 1 ранга		начальник цеха авиаремонтной мастерской
старший военно-технический состав			
T-III	военинженер 3 ранга	инженер по эксплуатации авиаотряда, начальник авиареммстерской авиапарка	начальник авиамастерской
T- IV	Военинженер 2 ранга	инженер по эксплуатации эскадрильи	начальник авиасклада-мастерской
T-V	военинженер 1 ранга	старший инженер по эксплуатации - начальник отделения Управления округа	старший инженер по эксплуатации авиабригады
		Военно-технический состав морпогранохраны	Военно-технический состав Морских сил
средний военно-технический состав			
T-I	младший воентехник, воентехник 2 ранга	механик торпедного катера	техник контрольно-приемного аппарата
T-II	воентехник 1 ранга	механик лидера торпедных катеров, командир БЧ-5 сторожевого корабля 3 ранга	старший техник контрольно-приемного аппарата

1	2	3	4
старший военно-технический состав			
T-III	военинженер 3 ранга	командир группы БЧ-5 корабля 2 ранга	командир группы БЧ-5 линкора, крейсера
T- IV	Военинженер 2 ранга	командир БЧ-5 корабля 2 ранга, флагманский механик морпогранотряда	дивизионный механик кораблей 2 и 3 ранга
T-V	военинженер 1 ранга	инженер-механик – начальник отделения Управления округа	командир БЧ-5 линкора, крейсера
высший военно-технический состав			
T-VI	инженер-флагман 3 ранга	Старший инженер-механик – начальник отделения Морского отдела ГУПВО	флагманский инженер-механик бригады кораблей
Военно-хозяйственный и административный состав			
средний военно-хозяйственный и административный состав			
A-I	техник-интендант 2 ранга	делопроизводитель, счетовод	делопроизводитель-казначей
A-II	техник-интендант 1 ранга	зав. делопроизводством, зав. складом 3 и 4 разряда	казначей, складской приемщик
старший военно-хозяйственный и административный состав			
A-III	интендант 3 ранга	зав. складом 1 и 2 разряда, старший бухгалтер	старший бухгалтер
A- IV	интендант 2 ранга	начальник отдела окружного склада, помощник начальника отделения (продфуражного, вещевого) Отдела снабжения Управления округа, ГУПВО	начальник отдела окружного склада
A-V	интендант 1 ранга	начальник отдела Центрального склада, начальник отделения (продфуражного, вещевого) Отдела снабжения Управления округа	начальник отдела Центрального склада
высший военно-хозяйственный и административный состав			
A-VI	бригинтендант	начальник Отдела снабжения Управления округа, начальник продфуражного, вещевого отделения Отдела снабжения ГУПВО	начальник отдела окружного аппарата
A-VI	дивинтендант	начальник Отдела снабжения ГУПВО	начальник управления окружного аппарата (обозно-вещевого, продовольственного снабжения)

1	2	3	4
Военно-медицинский состав			
средний военно-медицинский состав			
M-I	военфельдшер	старший лекарский помощник	
M-II	старший военфельдшер	старший лекарский помощник части, где по штату не положен врач	
старший военно-медицинский состав			
M-III	военврач 3 ранга	врач отдельного дивизиона, от- дельной погранкомендатуры	помощник начальника сани- тарной службы полка
M-IV	военврач 2 ранга	старший врач полка, погранотряда	начальник санитарной службы полка
M-V	военврач 1 ранга	начальник санитарной службы ОММДОН	начальник санитарной службы дивизии
высший военно-медицинский состав			
M-VI	бригадврач	старший санитарный инспек- тор-начальник отделения Управления округа	председатель окружной ВВК
M-VI	дивврач	начальник Санитарного отдела ГУПВО	начальник санитарной корпса
Военно-ветеринарный состав			
средний военно-ветеринарный состав			
B-I	военветфельдшер	ветеринарный фельдшер	
B-II	старший военветфельдшер	старший ветеринарный фельдшер	
старший военно-ветеринарный состав			
B-III	военветврач 3 ранга	младший ветврач полка, по- гранотряда, ветврач отдельной погранкомендатуры	младший ветврач артиллерий- ского, кавалерийского полка
B-IV	военветврач 2 ранга	старший ветврач полка, погра- нотряда, пограншколы	начальник ветеринарной службы артиллерийского, кава- лерийского полка
B-V	военветврач 1 ранга	начальник ветеринарной части кавалерийской пограншколы, старший ветеринарный ин- спектор Управления округа, ГУПВО	начальник ветслужбы дивизии
высший военно-ветеринарный состав			
B-VI	бригадветврач	начальник ветеринарной ин- спекции ГУПВО	начальник ветслужбы корпса

1	2	3	4
Военно-юридический состав			
средний военно-юридический состав			
Ю-І	младший военный юрист	судебный секретарь отдела военного трибунала	судебный секретарь военного трибунала, дивизии, отдельной бригады
Ю-ІІ	военный юрист	секретарь участковой военной прокуратуры, судебный секретарь военного трибунала края, области, республики	секретарь военного трибунала, военной прокуратуры дивизии, отдельной бригады
старший военно-юридический состав			
Ю-ІІІ	военный юрист 3 ранга	секретарь военного трибунала, военной прокуратуры края, области, республики, округа	старший секретарь военной прокуратуры округа
Ю-ІV	военный юрист 2 ранга	секретарь Отдела пограничной и внутренней охраны ГВП, ВК ВС, военный следователь военной прокуратуры края, области, республики	военный следователь военной прокуратуры корпуса, старший инспектор военного трибунала округа, флота
Ю-ІV	военный юрист 1 ранга	военный следователь военной прокуратуры округа, член коллегии отдела военного трибунала республики	член коллегии военного трибунала дивизии, отдельной бригады
высший военно-юридический состав			
Ю-VI	бригвоенюрист	зам. председателя военного трибунала края, области, республики, округа, председатель отдела военного трибунала республики, зам. военного прокурора края, области, республики, округа	член коллегии военного трибунала корпуса, флотилии
Ю-VI	диввоенюрист	председатель военного трибунала, военный прокурор края, области, республики, округа	член коллегии военного трибунала округа, флота

Временное отстранение лиц комначсостава от должностей допускалось в исключительных случаях и производилось властью начальника УНКВД республики, края (области) только в отношении комначсостава не выше помощника командира неотдельного дивизиона

(и им соответствующих), с немедленным донесением НКВД СССР о причинах, вызвавших применение этой меры и ходатайством об утверждении. Все остальные лица комначсостава П и ВО могли быть отстранены от должностей только приказом НКВД СССР.

Обязательная военная служба комначсостава П и ВО слагалась из действительной военной службы в кадрах и действующем резерве и состояния в запасе.

Также, положением устанавливались предельные сроки пребывания на действительной и обязательной военной службе: а) для имеющих военное звание лейтенант, старший лейтенант, капитан (и им соответствующие) — до 40 и 45 лет; б) для имеющих военное звание майор (и ему соответствующие) — до 45 и 50 лет; в) для всего остального командного и начальствующего состава — до 55 лет и 60 лет.

Действительную военную службу комначсостав проходил в кадрах и действующем резерве П и ВО, который состоял из лиц, командированных приказом НКВД СССР на руководящую работу в другие УНКВД, кроме ГУГБ. Комначсостав, выслуживший установленные сроки действительной военной службы в кадрах или действующем резерве П и ВО, имел право на увольнение в запас.

Комначсостав П и ВО, на основании действующего Закона об обязательной военной службе 1930 г. [8, с. 23], подразделялся на средний, старший и высший состав и являлся старшим по отношению ко всему младшему по воинскому званию составу П и ВО, за исключением тех случаев, когда лицо комначсостава подчинено младшему по званию в порядке несения службы. Все командиры П и ВО являлись начальниками, а лица начсостава — старшими в отношении всего рядового, младшего состава. Права и обязанности комначсостава П и ВО — командно-административные и дисциплинарные — регламентировались соответствующими Уставами,

действующими в РККА (временными дисциплинарным и внутренней службы). Обязанности комначсостава морской погранохраны, несущего службу на кораблях, помимо указанных, регламентировались также и Корабельным уставом [8, с. 329–339; 9; 10].

При служебных отношениях все военнослужащие П и ВО могли быть в отношении других руководителями и руководимыми. Руководитель, который постоянно или временно руководил служебной деятельностью других военнослужащих и нёс в за них ответственность, — являлся начальником, а руководимые — подчинёнными. Прямыми начальниками назывались те начальники, которым военнослужащий подчинён по службе, хотя бы временно. Ближайший начальник назывался непосредственным. Все лица командного и соответствующего ему политсостава являлись начальниками для всех красноармейцев (краснофлотцев) рядового состава.

На основании приказа НКВД СССР от 31 января 1936 г. № 26 [5, л. 127–127 об], в связи с введением воинских званий в П и ВО, дисциплинарные права всех лиц комначсостава сохранялись без изменений, т.е. по занимаемым должностям. При взаимном обращении (рапорт, устный доклад, приказание и т.д.) всем военнослужащим предписывалось называть по присвоенному каждому воинскому званию, а при представлениях старшим начальникам, помимо присвоенного звания — докладывать и занимаемую должность, к примеру: «Товарищ полковник! Командир дивизиона № полка, капитан (фамилия)». Пример: «Командиру № полка, майору (фамилия)»; при письменном и устном обращении к Генеральному Комиссару Государственной Безопасности называть

и должность, и звание, например: «Товарищ Народный Комиссар Внутренних Дел Союза Советских Социалистических Республик, Генеральный Комиссар Государственной Безопасности! Начальник № пограничной школы Народного Комиссариата Внутренних Дел, комбриг (фамилия)». Приказы, распоряжения, доклады и прочие официальные документы предписывалось подписывать с указанием должности и звания.

В сентябре 1937 г. Постановлением ЦИК и СНК [11, л. 271–272] установлены дополнительные воинские звания для комначсостава войск НКВД: для лиц младшего комначсостава, окончивших специальные краткосрочные курсы, а также для лиц, прошедших военную службу в порядке раздела X Закона об обязательной военной службе (в пределах высшей вневойсковой подготовки при ВУЗ и сборов в частях РККА, а также

окончивших рабфаки и школы 2-й ступени и прошедших действительную службу по призыву) — младший лейтенант, младший воентехник; для политработников из лиц младшего комначсостава и красноармейцев, не имеющих образования в объеме военно-политического училища — младший политрук. Сроки пребывания в данных званиях устанавливались в 2 года, а сроки действительной и обязательной военной службы до 40 и 45 лет соответственно.

Таким образом, в 1935 г. с установлением персональных воинских званий в П и ВО были окончательно сформулированы основы прохождения службы и служебно-правового положения военнослужащих, которые оставались без изменений до принятия нового Закона о всеобщей воинской обязанности 1939 г. и введения новых званий высшего состава (генералов и адмиралов) в 1940 г.

Литература и источники

1. Воронов В.Ю., Шишкин А.И. НКВД СССР: Структура, руководящий состав, форма одежды, знаки различия 1934–1937. М., 2005. — 288 с.
2. Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934–1941: Справочник / Общество «Мемориал», РГАСПИ, ГАРФ; Под ред. Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского. М.: Звенья, 1999. — 504 с.
3. Кудряков А.Ю., Калюжный Р.Г., Немёсов А.В. Органы и войска ВЧК–ОГПУ 1917–1934, ч. II. Ростов-на-Дону, 2022. — 632 с.
4. Приказ НКВД СССР от 13 июля 1934 г. № 001 // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9401. Оп. 1. Д. 463.
5. Приказ НКВД СССР от 23 октября 1935 г. № 331 // ГА РФ. Ф. 9401а. Оп. 12. Д. 85.
6. Приказ НКВД СССР от 21 июня 1936 г. № 227 (новая редакция) // ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 478.
7. Приказ ОГПУ от 19 февраля 1929 г. № 30/14 // Центральный архив ФСБ Российской Федерации (далее — ЦА ФСБ РФ). Ф. 66. Оп. 1. Д. 189.
8. Законодательство об обороне СССР: Систематический сборник законов, постановлений и инструкций. М.: Госвоениздат НКО СССР, 1939. — 384 с.
9. Временный устав внутренней службы РККА (1924). М.: Госвоениздат, 1935. — 187 с.
10. Корабельный устав ВМС РККА., ч. 2. Повседневная служба корабля. М.: Учебно-строевое управление ВМС РККА, 1932. — 172 с.

11. Объявлено приказом НКВД СССР от 21 сентября 1937 г. № 405. — Российский государственный архив ВМФ. Научно-справочная библиотека. Сборник приказов НКВД СССР за 1937 г. — 354 с.
12. Приложение № 2 к Приказу НКВД СССР № 331–1935 г. // ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 336.

Kalyuzhny R. G.

*Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after Hero of the Soviet Union A. K. Serov,
Krasnodar*

**Official and legal status, service, military ranks of the commanding
and commanding staff of the Border and Internal Guards
of the NKVD of the USSR (1935–1937)**

The article, based on archival materials, examines the basics of military service, the system of military ranks, and the legal status of military personnel in the command and supervisory staff of the border and internal security services of the NKVD of the USSR. For the first time, the article shows the correspondence between personal military ranks and the positions to be filled, and analyzes the status of military personnel based on the legal acts regulating military service. The relevance of this topic is due to the interest in the history of the domestic special services both during the war and the interwar periods of our country's development, as well as the lack of detailed research on this issue.

Keywords: NKVD of the USSR; NKVD border and internal security; Council of People's Commissars; Central Executive Committee; military ranks; positions; service; commanding and commanding staff.

Тужилин С.В.

Кандидат исторических наук,

Общество изучения истории отечественных спецслужб,

Москва

Кадровый состав органов и войск государственной безопасности в отражении японской агрессии у озера Хасан

В настоящей статье на основе архивных документов и опубликованных материалов приводятся конкретные примеры служебно-боевой деятельности офицеров советских органов и войск государственной безопасности в периоды вооружённого конфликта Японии и СССР у озера Хасан и Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: СССР; Дальний Восток; озеро Хасан; органы и войска государственной безопасности; кадровый состав; служебно-боевая деятельность.

Сегодня в целях сохранения и приращения исторической памяти, в ознаменование 80-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, крайне актуально с благодарностью выявлять и гордиться подвигами наших предшественников — представителей русской армии и флота. Особую значимость этому процессу последовательно уделяет руководство страны:

– 12 июля 2013 г. Верховный Главнокомандующий Вооружёнными Силами Российской Федерации В.В. Путин на выездном заседании Российского организационного комитета «Победа» подчеркнул: «...предлагаю обратиться к поиску ещё неизвестных широкой публике героев Великой Отечественной войны. В военных архивах — тысячи документов, уникальных фактов об их подвигах. И мы должны постепенно год за годом извлекать из небытия эти факты. ... Я очень рассчитываю на помочь средств массовой информации, киноиндустрии, историков, краеведов, хранителей музеев, архивов и библиотек» [1].

– 16 января 2025 г. В.В. Путин постановил провести в 2025 году в Российской Федерации Год защитника Отечества [2].

Отдельные примеры личного мужества сотрудников органов и войск государственной безопасности, в т.ч. обеспечивавших русскую армию и флот в оперативном отношении, нашли отражение в военных конфликтах XX в., в которых принимал участие СССР. Одним из таковых, явившихся предвестником Второй мировой войны на Дальнем Востоке¹ стал воору-

¹ Императорская Япония в Азии разожгла потенциальный очаг Второй мировой войны задолго до 1 сентября 1939 г.: в ночь с 18 на 19 сентября 1931 г., когда её вооружённые силы вторжением в Северо-Восточный Китай развернули агрессию в трёх северо-восточных провинциях Китая и вышли к дальневосточным границам СССР. 7 июля 1937 г. Япония начала полномасштабную войну в оставшемся Китае, который к началу Второй мировой войны уже потерял двадцать миллионов жизней. Поскольку юридическим документом, ознаменовавшим окончание Второй мировой войны, считается акт о капитуляции Японии, война в Азии признаётся её частью. Однако вопрос о начале военных действий нуждается в более чётком, фундаментальном, определении.

жённый конфликт Японии и СССР у озера Хасан (29 июля — 11 августа 1938 г.).

О ходе боевых действий, их разведывательном, контрразведывательном и ином обеспечении написано достаточно много. В настоящей статье предпринята попытка рассказать о выявленных фрагментах, дополняющих уже известные этапы служебно-боевой деятельности трёх представителей советских органов и войск госбезопасности (В.М. Виневитина, И.Ф. Пяткова, Б.У. Алмаева), принявших участие в отражении японской агрессии. В качестве источниковой базы послужили отложившиеся в архивах донесения особых отделов, прессы периода конфликта, источники личного происхождения, юбилейные издания об истории деятельности отечественных органов военной контрразведки и пр.

Свообразным началом эскалации хасанских событий¹ можно считать 15 июля 1938 г. Тогда на участке заставы «Подгорная» 59-го (Посытского) пограничного отряда группа из пяти «японо-маньчжур» нарушила государственную границу, перейдя на советскую территорию в районе высоты западнее оз. Хасан [3, л. 168]. За нарушителями вели наблюдение сотрудники 59-го погранотряда: помощник начальника заставы «Подгорная» лейтенант П.И. Курдюков и начальник инженерной службы погранотряда лейтенант

В.М. Виневитин. Последний по приказу начальника отряда полковника К.Е. Гребенника руководил окопными работами на выс. Заозёрная, обучал личный состав фортификационному делу, проводил рекогносцировку на случай попытки японской стороны овладеть стратегически важной высотой [4, л. 43].

Достаточных сил и средств для организации эффективной обороны высот в районе оз. Хасан у пограничников 59-го погранотряда не было. При общей численности личного состава застав, комендатур и манёвренной группы (1225 чел.) и протяжённости охраняемого участка границы (237 км) плотность охраны составляла лишь 5,1 чел. на километр [5, с. 157–158]. При попытке задержания нарушителей границы, последние, не реагируя на предупредительные меры пограничников, спешно устремились обратно, в Маньчжурию. После тщетных попыток предотвратить их бегство, старший погранотряда принял решение об открытии огня. Выстрелом, произведённым В.М. Виневитиным из винтовки, на советской территории один участник группы был убит, второй — ранен. Убитым оказался японец С. Мацумма (также встречается как С. Мацусима), 26 лет, жандарм особой службы в пос. Янхендон. Как позже докладывало в Москву Управление НКВД СССР по Дальневосточному краю, при нём обнаружились бинокль, маузер, заряженный 8 патронами, один из которых был дослан в патронник, плёночный фотоаппарат и блокнот с записями наблюдений за советской территорией [4, л. 44].

Имя Василия Михайловича Виневитина встречается в сохранившихся документах периода конфликта и далее. 3 августа 1938 г. начальник политотдела Управления Краснознамённых пограничных и внутренних войск НКВД

¹ Японская сторона предпринимала попытки доказать, что земли вдоль р. Туманная (Туманцзян по-китайски, Туманган по-корейски) принадлежат Маньчжу-диго. Исторически на этих землях жили китайцы, однако по Пекинскому договору 1860 г. и по Хунчунскому соглашению 1886 г. их закрепили за Россией. До 1913 г. они принадлежали одному из российских земельных обществ, а затем их взяли в аренду граждане Китая и Кореи. В 1926 г. договор об аренде утратил силу, однако китайцы продолжали переходить границу и использовать эти земли, считая их своей собственностью. Именно это пыталась доказать японская сторона.

по Дальневосточному округу бригадный комиссар К.Ф. Телегин в телефонограмме в Москву сообщал о том, что «политико-моральное состояние участников в боевых действиях пограничников по-прежнему высокое, здоровое... Несмотря на ранения, многие продолжают оставаться на передовых линиях, например, Толоконников, Виневитин и др... По сообщению военкома погранотряда, подвигами пограничников восхищаются бойцы частей РККА» [6, л. 27]. На первом листе отложившегося документа имеется рукописная помета: «Срочно. В ЦК...».

Данное сообщение, очевидно, упоминает о первом ранении Василия Михайловича. Впрочем, по поводу количества ранений боевого офицера и обстоятельств последних дней его жизни, долгое время не было ясности. В частности, для скрытия истинной причины гибели офицера долгое время спустя сообщалось, что это — результат выстрела часового, которому погибший, якобы назвал неверный пароль. Сегодня, благодаря сохранившимся архивным документам и источникам личного происхождения, выявлены истинные обстоятельства случившегося.

В.М. Виневитин, получив 6 августа 1938 г. ранение осколком в голову, не дочевшись, добровольно возвратился из госпиталя в район боёв для оказания помощи инженерам РККА в проведении фортификационных работ на выс. Заозёрной. В частности, возводимые им фугасные поля, причинявшие наступающим японским войскам огромный урон, вошли в историю отечественных пограничных войск как «сюрпризы Виневитина».

Вот как случайную и, к сожалению, последнюю прижизненную встречу с Василием Михайловичем, состоявшуюся в г. Посыте, описал сын начальника радиостанции особого назначения секретно-

оперативной части 59-го пограничного отряда воентехника 1 ранга И.И. Забавина Вениамин: «На голове у Виневитина повязка из толстого слоя бинтов. Лицо бледное, осунувшееся. Одет в старенькую, застиранную гимнастёрку с выцветшими петличками без знаков различия. Я, видимо, слишком внимательно разглядывал его. Он поспешил объяснить: «В госпитале я. Отпросился за папиросами. Но обратно туда уже не вернусь. Еду на Хасан...»» [7, л. 23–24].

Ночью 8 августа он вместе с группой начальствующего состава сапёрных частей был остановлен красноармейцами 3-го батальона 115-го стрелкового полка 39-й стрелковой дивизии. Позже выяснилось, что командир отделения П. Я. Автолюк и красноармеец И. Г. Комаров умышленно отстали от своих частей и в состоянии паники открыли огонь по появившейся группе Виневитина. В результате Василий Михайлович был убит на месте. Виновные по личному распоряжению прибывшего накануне из Москвы и находившегося в районе боевых действий первого заместителя наркома внутренних дел М.П. Фриновского были арестованы, и впоследствии предстали перед судом военного трибунала [4, л. 251]. Высокое звание Героя Советского Союза В.М. Виневитину присвоили посмертно. Такого высокого звания в пограничных войсках офицер был удостоен одним из первых...

В период хасанских событий не менее самоотверженно проявили себя сотрудники органов военной контрразведки. В частности, как свидетельствуют архивные материалы и анализ уже введённых в оборот исторических источников, они нередко заменяли в бою выбывших из строя командиров, лично вступали

с противником в рукопашный бой, вели курируемые подразделения в атаку.

Так, оперуполномоченный Особого отдела 40-й стрелковой дивизии лейтенант государственной безопасности Б. У. Алмаев после тяжёлого ранения в бою командира батальона принял командование на себя, в течение двух суток руководил обороной занимаемых позиций, несколько раз поднимал бойцов в контратаки. За «образцовое выполнение специальных заданий правительства по укреплению оборонной мощи Советского Союза и за выдающиеся успехи и достижения в боевой, политической и технической подготовке» Бари Усманович Алмаев был удостоен в числе 62 чел. первого в стране¹ награждения медалью «За отвагу» [8; 9, л. 30].

В свою очередь, в мемуарах ветеран органов безопасности генерал-майор М. А. Белоусов упоминает случай, когда в одном из батальонов полка, в котором служил его однополчанин оперуполномоченный указанного выше Особого отдела 40-й стрелковой дивизии сержант госбезопасности И. Ф. Пятков, были убиты командир и начальник штаба. Иван Филиппович принял тогда командование на себя. В течение двух суток личный состав батальона отражал атаки японских войск, которые зачастую заканчивались рукопашными схватками. Батальон уничтожил до 200 солдат противника и не оставил занимаемого рубежа [10, с. 175; 11, л. 134]. По окончанию боевых действий И. Ф. Пяткова удостоили высокой награды — ордена Красного Знамени [12].

Любопытна запись из наградного листа оперуполномоченного Особого отдела 121-го корпусного артиллерийского полка

сержанта госбезопасности И. Ф. Пяткова, отложившегося в ведомственном архиве: «31.07.1938, находясь на высоте Заозёрной со стрелковой ротой 118-го стрелкового полка и группой пограничников, когда обнаглевшие самураи, превосходя численностью в несколько раз больше, окружили Заозёрную сопку и сосредоточили по ней ураганный огонь всеми средствами, тов. Пятков личным примером мужества сражался с противником, удерживая натиск, помогая командованию в отражении противника и организованному выходу из боя. Достоин награждения орденом Красного Знамени» [13, с. 9].

Удивительно трагичное переплетение судеб Василия Михайловича Виневитина и Ивана Филипповича Пяткова также заключается в том, что их жизнь оборвалась в период боевых действий по защите Отечества. 20 сентября 1941 г. в урочище Шумейково, расположенному западнее р. Сенча (ныне — около с. Дрюковщина Сенчанской сельской общины Миргородского района Полтавской области Украины) стал последним днём жизни лейтенанта госбезопасности И. Ф. Пяткова. К этому времени он занимал должность адъютанта начальника Особого отдела Юго-Западного фронта комиссара госбезопасности 3-го ранга А. Н. Михеева. Урочище плотным кольцом окружили десяток немецких танков и двадцать автомашин с пехотой. Затем по укрывшимся советским войскам открыли пулемётный и артиллерийско-минометный огонь. Командиры, политработники и военные контрразведчики стали перегруппировывать подразделения для отражения атаки немецко-фашистских войск. Наступил критический момент боя. И тогда, как когда-то на Хасане, Иван Филиппович повёл своё подразделение в контратаку личным примером, в числе первых. Офицера тя-

¹ Медаль учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 октября 1938 года.

жело ранили, но, продолжая отпор противнику, он со своими бойцами остался на поле боя, и только при угрозе захвата противником принял решение не сдаться живым...

Органами и войсками госбезопасности на всём пути своего исторического развития первостепенное внимание уделялось формированию у подрастающего поколения высокой гражданственности и патриотизма, уважения традиций своего народа и отношения святости к геройству и мужеству защитников Отечества. Им предельно ясна важность того, что

всё лучшее из прошлого можно и нужно взять сегодняшнему поколению россиян для строительства будущего сильной и процветающей России. Таких людей, как Василий Михайлович Виневитин, Иван Филиппович Пятков, Бари Усманович Алмаев общество, а тем более их коллеги, не должны и не могут забыть. Особенno важна популяризация в медиасфере конкретных примеров доблести русской армии и флота сегодня, в период проведения Вооружёнными Силами Российской Федерации специальной военной операции.

Литература и источники

1. Заседание Российского организационного комитета «Победа». 12 июля 2013 г. 17:40. Прохоровка // [Электронный ресурс] — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/18714> (дата обращения: 27.05.2025).
2. Указ Президента Российской Федерации «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества» от 16 января 2025 года № 28 // [Электронный ресурс] — URL: www.kremlin.ru/acts/news/76120 (дата обращения: 16.01.2025).
3. Центральный архив ФСБ России. (далее — ЦА ФСБ России). Ф. 3. Оп. 5. Д. 551.
4. ЦА ФСБ России. Ф. Ф. 3. Оп. 5. Д. 684.
5. На страже границ Отечества. Пограничные войска России в войнах и вооружённых конфликтах XX в. М.: Граница, 2000. Т. 3. — 504 с.
6. ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 5. Д. 886.
7. Забавин В. И. Незабываемое. Документальная повесть // Дети земли своей: Воспоминания / Библиотечка журнала «Пограничник». № 2 (153). М.: Граница, 1991. — 93 с.
8. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденами СССР командного, начальствующего состава и красноармейцев Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Войск НКВД» от 19 октября 1938 г. // Правда. 1938. 20 октября.
9. Военная контрразведка ФСБ России. 100 лет / Департамент военной контрразведки. М.: Издательский дом Руденцовых, 2018. — 237 с.
10. Военные контрразведчики: Особым отделам ВЧК–КГБ 60 лет. Сборник / Редкол.: Г. К. Цинев (глав. ред.) и др. М.: Воениздат, 1979. — 422 с.
11. Остряков С. З. Военные чекисты. М.: Воениздат, 1979. — 320 с.
12. О награждении орденами и медалями СССР командного, начальствующего состава, красноармейцев РККА и пограничной охраны, членов семей комначсостава, работников госпиталей и торгового флота // Ведомости Верховного Совета СССР. 1938. 2 ноября.
13. В боевой обстановке проверены! Воспоминания и дневники военных контрразведчиков / Департамент военной контрразведки ФСБ России. М.: Издательский дом Руденцовых, 2020. — 222 с.

Tuzhilin S. V.

*Candidate of Historical Sciences,
Society for the Study of the History of Domestic Special Services,
Moscow*

Personnel of state security agencies and troops in repelling Japanese aggression at Lake Hassan

Based on archival documents and published materials, this article provides specific examples of the service and combat activities of officers of Soviet bodies and state security forces during the armed conflict between Japan and the USSR at Lake Hassan and the Great Patriotic War.

Keywords: USSR; The Far East; Lake Khasan; state security agencies and troops; personnel; service and combat activities.

Хлобустов О.М.

Эксперт Фонда национальной и международной безопасности,
Москва.

Истребительные батальоны столичного УНКВД в битве за Москву

В статье рассматриваются особенности организации и деятельности истребительных батальонов столичного УНКВД с 27 июня 1941 г. до завершения битвы за Москву в апреле 1942 г. А также спецшколы по подготовке подрывников и истребительного мотострелкового полка УНКВД. Основное внимание уделяется анализу решений и приказам начальника УНКВД М.И. Журавлева, его взаимодействию с Московским областным и Московским городским комитетами ВКП(б).

Ключевые слова: истребительные батальоны; МК и МГК ВКП(б); М.И. Журавлев; А.С. Щербаков; обучение бойцов ИБ; подготовка партизанских отрядов.

Библиография деятельности истребительных батальонов НКВД СССР (ИБ) для борьбы с парашютными десантами и диверсантами в целом весьма обширна [1, 2, 3, 4, 5]. Порой она достаточно подробно освещает историю истребительных батальонов отдельных регионов и областей [6, 7, с. 109–112, 8, с. 136–147, 9, с. 202–212]. На этом фоне деятельность истребительных батальонов управления НКВД по городу Москве и Московской области, их вклад в разгром агрессора, по нашему мнению, освещены недостаточно [10, 11, 12, 13]. Хотя упоминания, а также документы о деятельности истребительных батальонов УНКВД имеются в целом ряде изданий [15–17].

В этой связи представляется целесообразным подробнее осветить некоторые вопросы организации и деятельности истребительных батальонов московского УНКВД именно с учётом специфики столичного региона. Поскольку, как известно, захват столицы Советского Союза являлся одной из главных стратегических

целей германского «блицкрига» («молниеносной войны»).

27 июня 1941 г. бюро МК и МГК ВКП(б) на основании указаний ЦК ВКП(б) приняло постановление о создании в каждом районе столицы, а также городах и районах области по одному истребительному батальону для борьбы с парашютными десантами и диверсантами противника. Первые секретари партийных комитетов обязывались в трехдневный срок отобрать из партийного, комсомольского и советского актива, способного владеть оружием, бойцов для их комплектования.

Руководство истребительными батальонами возлагалось на Управление НКВД по гор. Москве и Московской области (далее — УНКВД).

Секретарям городских и районных комитетов ВКП(б) и ВЛКСМ было поручено развернуть массовую разъяснительную работу о роли населения и его задачах в борьбе с диверсантами и парашютными десантами противника.

Председатели исполкомов районных и городских Советов депутатов труда-щихся по требованию командиров ИБ были обязаны немедленно предоставлять в их распоряжение все имеющиеся виды транспорта (автомашины, мотоциклы, велосипеды, лошадей, подводы) и связи. А также предоставить необходимые помещения с постельными принадлежностями для размещения дежурных групп.

Областной и московский городской отделы здравоохранения совместно с областным и городскими отделами Красного Креста обязывались обеспечить ИБ медицинским персоналом (медсёстры) с медикаментами [18].

Особенностью истребительных батальонов являлось то, что они формировались, вооружались, обучались и находились непосредственно в подчинении органов НКВД.

При этом формирование и обучение ИБ УНКВД шло под руководством и контролем как Московского областного (МК) и Московского городского (МГК) комитетов ВКП(б), оба из которых возглавлял А. С. Щербаков, и НКВД СССР. В последнем деяние ИБ курировали заместитель наркома И. А. Серов и начальник штаба ИБ НКВД СССР Г. А. Петров.

Начальником штаба ИБ УНКВД был назначен пограничник генерал-майор Д. В. Крамарчук, он же с 26 августа по 13 ноября 1941 г. руководил 4-м отделом УНКВД.

Всего, по докладу начальника УНКВД по Москве и МО области старшего майора госбезопасности М. И. Журавлева, с 25 по 28 июня 1941 г. было сформировано 87 ИБ общей численностью 28 500 человек.

9 июля Государственный комитет обороны (ГКО) принял специальное постановление о задачах по борьбе с десантами

и диверсантами противника в Москве и прилегающих районах. Этим постановлением на ИБ Москвы и пригородных районов — всего их было 35, — дополнительно возлагались борьба с возможными контрреволюционными выступлениями, организация патрульной службы и содействие милиции в поддержании общественного порядка во время авианалетов противника.

Начальникам районных отделов (РО) УНКВД и начальникам ИБ предлагалось в суточный срок разработать планы взаимодействия с милицией, подразделениями войск НКВД и РККА, и ВОХР в зоне их ответственности. За каждым батальоном закреплялись 4–5 грузовых автомашин для выброски резерва в момент воздушной тревоги. К истребительным батальонам области требовалось прикрепить по 15–20 лошадей.

Также была поставлена задача доукомплектовать ИБ Москвы и пригородных районов до 500 бойцов «проверенными, смелыми коммунистами, комсомольцами и советскими активистами, способными владеть оружием», а также освободить бойцов от мобилизации в РККА. Весь личный состав ИБ освободить от работы и перевести на казарменное положение «с оплатой за счёт производства», обеспечить форменной одеждой (пилотка, гимнастёрка, ремень) и специальными удостоверениями личности. К каждому ИБ прикреплялось по 15 сотрудников УНКВД. С личным составом ИБ систематически проводились занятия по боевому обучению [19, с. 264].

Личный состав батальонов вооружался винтовками, ручными пулемётами, револьверами, ручными гранатами, бутылками с горючей смесью. В начале осени он также был обеспечен тёплой

одеждой, оснащён противогазами, а позднее — и на 70–75 % лыжами.

Боевая подготовка рядового и младшего начальствующего состава ИБ осуществлялась по разработанной штабом ИБ НКВД СССР программе, соответствовавшей программе подготовки бойцов и подразделений РККА. Программа предусматривали ежемесячную учебную нагрузку в 192 часа, или по 8 часов каждый день. Также были проведены три учебных сбора продолжительностью в 21 день, на которых были подготовлены 500 снайперов.

Для обучения личного состава и руководства ИБ выделялись как прикомандированные к управлению офицеры пограничных и внутренних войск НКВД, так и мобилизованные офицеры запаса, не имевшие опыта командования столь специфическими подразделениями. Поэтому в сентябре 1941 г. был проведён 15-суточный сбор начальников штабов, ИБ и их рот, на которых прошли переподготовку по 150-часовой программе 120 человек. Помимо этого были подготовлены 54 начальника химслужбы (по 80-часовой учебной программе), 54 начальника службы связи (по 120-часовой программе), 54 начальника инженерной службы (по 120-часовой программе), а также было обучено 100 инструкторов по рукопашному бою.

Также 4-м отделом УНКВД (образован 26 августа 1941 г.) было проведено 3 показательных занятия по теме «Методы борьбы со шпионами, диверсантами, террористами, провокаторами и другими врагами народа в условиях Великой Отечественной войны» [19, с. 265–266].

Помимо повседневной боевой и политической подготовки, личный состав ИБ также нёс службу по охране мостов, аэродромов, патрулированию в насе-

лённых пунктах и в районных центрах, по охране узлов связи и наблюдению за линией связи, на подступах к предприятиям и объектам особо важного значения. А также участвовал в блокированих участков местности при проведении оперативных поисков, при прочёсывании жилых и лесных массивов, розыске и задержании подозрительных лиц, сбитых лётчиков и парашютистов противника; принимал активное участие в тушении пожаров, возникавших вследствие налётов вражеской авиации.

А после образования 12 октября решением ГКО Московской зоны обороны отдельные ИБ западных районов области приказом НКВД СССР также привлекались к охране тыла её войск.

Также использование ИБ, вплоть до обороны занимаемых позиций, предусматривалось на всех трёх рубежах обороны столицы: на внешнем (Хлебниковском); главном (в радиусе 15–20 км от Кремля); и городском — по линии Окружной железной дороги, Садовому, а также Бульварному кольцу [19, с. 267].

Необходимо особо подчеркнуть, что в 37 «западных» ИБ оперативные сотрудники УНКВД назначались на должности заместителей командира по разведке. В их задачи, помимо изучения района для возможного развертывания партизанских действий, входили:

- а) организация всех видов разведки в зоне оперативной деятельности;
- б) организация и поддержание связей с местным населением;
- в) разработка системы поддержания связей партизанских отрядов с УНКВД.

Всего у партизанских отрядов УНКВД имелось 450 агентов различных категорий, в том числе — 72 держателя явочных пунктов [13, с. 218–219].

Приказом М.И. Журавлева от 18 сентября 1941 г. в с. Северское на базе дома отдыха УНКВД начинается обустройство спецшколы подрывников для 200 курсантов [15, с. 47–48]. В целях сохранения секретности она была зашифрована как «88-й истребительный батальон», или «воинская часть № 88».

Первый набор курсантов спецшколы начал обучение 1 октября. Основной контингент первых наборов школы составили бойцы ИБ. Первоначальный срок обучения при 100-часовой программе составлял 10 суток. Впоследствии он как увеличивался до 15–20 суток, так и создавались отдельные специальные программы различной продолжительности.

До конца апреля 1942 г. — школа осуществила 13 выпусков курсантов. А всего, до конца октября 1942 г., в этой школе прошли обучение 357 сотрудников и 604 бойца истребительного мотострелкового полка УНКВД, что составляла около трети всех курсантов.

При этом среди выпускников были 1020 партизан-диверсантов; 200 курсантов, подготовленных для 4-го отдела УНКВД, а также 239 сапёров для разминирования местности [15, с. 259–270; 11, с. 119–132].

10 октября 1941 г., за два дня до принятия ГКО решения об образовании Московской зоны обороны, М.И. Журавлев направил в райотделы управления циркулярное указание о комплектовании партизанских отрядов в 25–100 бойцов «из числа наиболее смелых и подготовленных в боевом отношении сотрудников РО УНКВД, милиции» и бойцов ИБ. «В случае появления противника на территории вашего района, партизанский отряд переходит на нелегальное положение и ведёт борьбу партизанским методом и методами диверсий».

Остальной состав сотрудников РО УНКВД и бойцов ИБ должен был влиться в действующие части РККА и вместе с ними отражать атаки врага [17, с. 202–203].

Подчеркнём, что, как отмечалось в докладе М.И. Журавлева в МГК ВКП(б) о деятельности ИБ, заблаговременно была организована система связи УНКВД с будущими партизанскими отрядами через специально созданный институт уполномоченных при секторах охраны тыла. По мере захвата вермахтом отдельных районов области и перехода партизанских отрядов на нелегальное положение и к боевым действиям, руководство и связь с ними стали осуществляться через специальный и заранее подготовленный институт агентов-связистов центральной связи: по 2 человека на каждый партизанский отряд. Эти агенты-связники подбирались из числа оперативных сотрудников УНКВД, которые заранее изучали места дислокации, базы и районы действия прикреплённых к ним отрядов, договаривались с командирами и замами по разведке об условиях и способах связи.

Эта система руководства и связи с отрядами в тылу противника полностью себя оправдала: УНКВД имело постоянную и живую связь почти со всеми партизанскими отрядами, действовавшими в оккупированных немцами районах области. В этой системе связи из числа чекистов особо отличились агенты-связники: сержант госбезопасности Чавриков, сержант госбезопасности Абашкин, сержант милиции Дементьев, сержант госбезопасности Шурупов (пропал без вести) и ряд других товарищей [19, с. 270–271].

16 октября, в день появления в Москве панических слухов, сопровождавшихся в некоторых местах попытками погромов магазинов, предприятий и возникновения массовых беспорядков, бойцы ИБ

вместе с милиционскими патрулями пресекали эти бесчинства [11]. По-видимому, именно эти обстоятельства и подтолкнули М.И. Журавлева к решению о целесообразности образования в УНКВД ещё одного спецподразделения [12, с. 167].

Им стал сформированный по приказу М.И. Журавлева 17–25 октября истребительный мотострелковый полк четырёх батальонного состава численностью 1914 бойцов. Командиром полка был назначен заместитель начальника отделения УНКВД по Москве и Московской области полковник погранвойск А.Я. Махоньков, комиссаром — заместитель начальника УНКВД майор государственной безопасности М.А. Запевалин [14, с. 52–53]. В состав полка вошли ИБ Кантемировского (298 бойцов), Красногвардейского (460) и Подольского районов, ИБ Калининской и Ивановской областей, а также сотрудники УНКВД и милиционеры. Формирование полка производилось в Ивановском монастыре (район Солянки).

Полк являлся территориальным аналогом Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН), и предназначался как для выполнения оперативно-служебных задач на территории столицы, так и для решения разведывательно-диверсионных задач в тылу противника в интересах штаба обороны Москвы и командования Западного фронта, а также пресечения возможных танковых прорывов противника.

Военнослужащие полка принимали участие в параде 7 ноября 1941 г. на Красной площади во главе сводной колонны истребительных и рабочих батальонов. А уже 9 ноября первая диверсионная группа из 34 бойцов во главе с капитаном Ф.С. Моисеевым вышла для действий в тылу врага на Наро-Фоминском и Верецком направлениях.

19 октября в связи с критическим приближением вермахта к столице, ГКО принял постановление об объявлении в Москве и прилегающих районах осадного положения.

Личный состав ИБ вместе с войсками НКВД и ОМСБОНом привлекался для патрулирования столицы во время комендантского часа и выполнения иных оперативно-служебных поручений.

Как подчёркивалось в отчёте УНКВД А.С. Щербакову о деятельности ИБ и партизанских отрядов, при появлении противника в Московской области, ИБ и подразделения мотополка УНКВД, находившиеся в зоне фронта, совместно с частями РККА принимали активное участие в обороне своего района и районных центров: Волоколамск, Истра, Кашира, Ступино, Серпухов, Угодский Завод (ныне г. Жуков Калужской области), Наро-Фоминск, Клин, Боровск, Зарайск, Коломна, Подольск, Кунцево [19, с. 267].

22 октября 1941 г. начальник УНКВД М.И. Журавлев докладной запиской поставил перед НКВД СССР вопрос о целесообразности передачи истребительных батальонов, находящихся в зоне фронта, в состав РККА. М.И. Журавлев мотивировал это тем, что командование РККА охотно использует ИБ «как воинскую вполне сколоченную и подготовленную часть. Но, в тоже время, истребительные батальоны, находящиеся в зоне фронта, получают боевую задачу от командования Действующей армии и ведут боевые действия наравне с частями РККА, но, не имея своего тыла, истребительные батальоны лишены всякой возможности дальнейшего их снабжения боеприпасами и продовольствием, в результате чего бойцы истребительных батальонов по суткам и больше остаются голодными, что снижает их боевую способность, а главное — и в дальнейшем этот вопрос

остаётся нерешённым». В связи с чем предлагалось решить вопрос о передаче действовавших на переднем крае обороны ИБ в состав РККА. [17, с. 235–236].

И после принятого положительного решения, 23 городских и 8 пригородных батальонов, общей численностью 13 961 человек, были переданы Московскому военному округу (МВО), где они были «сведены в полки, как вполне подготовленные воинские части», и продолжили службу в рядах Красной армии [19, с. 265].

27 октября 1941 г. М.И. Журавлев докладывал в НКВД СССР, что закончена подготовительная работа по организации партизанских отрядов в 53 районах области, причём эту работу возглавлял областной комитет ВКП(б) [14, с. 61–62].

К середине ноября были оккупированы вермахтом полностью 17 и частично ещё 10 районов Московской области. На этой территории развернул боевые действия 41 партизанский отряд УНКВД в числе 1800 бойцов ИБ [20, с. 270–279].

В канун подготовки советского контрнаступления для непрерывного воздействия на тылы противника УНКВД направлялись также истребительно-диверсионные группы, которые комплектовались из бойцов ИБ, сотрудников НКВД, милиции. Численный состав истребительных групп, в зависимости от поставленных им задач, составлял от 20 до 25 человек и в редких случаях — до 100 человек.

25 ноября 1941 г. М.И. Журавлев информировал НКВД СССР, что в захваченных вермахтом районах области часть личного состава ИБ перешла в партизанские отряды, а оставшиеся бойцы участвовали в боях с оккупантами вместе с частями РККА, и почти полностью вошли в действующую армию.

В связи со всем этим в подчинении УНКВД осталось только 36 ИБ. После начала советского контрнаступления, к 23 декабря 1941 г. в тылу врага всё ещё действовали 4130 представителей УНКВД.

В докладе А.С. Щербакову о деятельности ИБ и партизанских отрядов 26 января 1942 г. М.И. Журавлев подчёркивал, что с 25 июня 1941 г. ИБ «активно проводили розыск и вылавливание диверсантов, шпионов и фашистских летчиков-парашютистов, прочёсывая большие площади лесных массивов. Истребительными батальонами, по неполным данным, задержано разных подозрительных лиц и нарушителей установленного режима военного времени 3650 человек, из коих: осуждено 629 человек и находятся под следствием 382 человека, а остальные направлены в райвоенкоматы и на сборные пункты воинских частей. Истребительные батальоны активно принимали участие в тушении пожаров, возникавших в результате налёта вражеской авиации, и ликвидации последствий от этих налётов. Для успешного несения службы и лучшего контролирования местности в каждом районе Московской обл., во всех крупных населённых пунктах из местного актива созданы группы содействия от 3 до 7 человек каждая. За образцовое несение службы, проявленную доблесть и мужество при исполнении служебных обязанностей 10 бойцов, командиров и политработников истребительных батальонов г. Москвы и пригорода получили правительственные награды, ордена и медали Союза ССР [19, с. 267].

6 марта 1942 г. в докладе председателю ГКО А.С. Щербаков подчёркивал, что спецшкола УНКВД подготовила 1278 подрывников-диверсантов.

После освобождения Звенигородского района сапёрное подразделение полка

УНКВД производило разминирование дорог, мостов и берегов Москвы-реки. За период с 22 по 30 апреля 1942 г. было обезврежено 1300 мин, в том числе 1240 — противотанковых [20, с. 243–244].

А в подвергшихся временной оккупации районах с 15 марта по 1 июля 1942 г. саперами-чекистами были обезврежены более 128 тысяч мин. А ещё более 55 тысяч мин были уничтожены на месте как неизвлекаемые [12, с. 170].

Как отмечалось в обзоре НКВД СССР оперативно-служебной и боевой деятельности истребительных батальонов, к концу 1942 г. ИБ Московской области было собрано и обезврежено уже почти 189 тысяч мин [15, с. 292].

Подводя итоги деятельности ИБ УНКВД в 1941 г., следует отметить, что за 4 месяца было подготовлено к заброске во вражеские тылы около 7 с половиной тысяч бойцов, и пять с половиной тысяч из них действовали за линией фронта. Как отмечалось в обзоре НКВД СССР боевой деятельности ИБ, 35 истребительно-диверсионными группами УНКВД (1138 бойцов) было уничтожено: офицеров и солдат противника — 3840; воинских поездов — 6, танков — 9, орудий — 3, автомашин с военным имуществом — 30, повозок с грузом — 46, лошадей — 26 [15, с. 292].

В начале января 1942 г. после освобождения от оккупантов временно занятых территорий, началось формирования 18 истребительных взводов. А общая численность оставшихся ИБ и взводов составляла 9021 человек.

Поддержание высокой боеспособности ИБ было необходимо ввиду того, что начале января 1942 г. НКВД СССР были получены сведения об организации аввером «добровольческих отрядов» для проведения диверсий в тылу РККА [16, с. 118–121].

В отчёте А.С. Щербакову о деятельности ИБ М.И. Журавлев подчёркивал, что на 1 января 1942 г. в ИБ «несут службу 2227 коммунистов, что составляет 21% ко всему личному их составу, и 759 комсомольцев, или 7,2%» [19, с. 267–268].

В феврале 1942 г. Журавлев отдал распоряжение по сбору и систематизации документов и материалов о деятельности ИБ, партизанских отрядов и истребительных групп. По итогам этой работы были собраны фотоматериалы о жизни и боевой деятельности 9-ти партизанских отрядов, 6-ти истребительных батальонов, спецшколы и мотострелкового Московского полка УНКВД на 829 фотокарточках.

Также были собраны и подготовлены к редактированию воспоминания, очерки, рассказы, заметки участников партизанской борьбы в Московской области на 789 страницах. Приготовлено и отредактировано 9 отчётов о деятельности партизанских отрядов, находившихся в тылу немецких оккупантов.

Однако по указанию руководства УНКВД в марте 1942 г. комиссия была распущена, члены комиссии откомандированы по месту прежней службы, а весь собранный материал был передан начальнику разведывательного отделения 4-го отдела УНКД по Москве и области лейтенанту госбезопасности Ю.Д. Миловзорову [21, л. 19–20].

Следует подчеркнуть, что истребительный мотострелковый полк столичного управления рассматривался как резерв войск 4-го управления НКВД. В связи с чем 25 апреля 1942 г. М.И. Журавлев получил от И.А. Серова указание подготовить к 5 мая 10 отрядов численностью 25–30 человек, обеспечив их вооружением и подрывными средствами для партизанских действий в глубоком тылу противника продолжительностью не менее двух

месяцев. Также в каждый отряд должны были быть включены «5–7 бойцов и младших командиров, подготовленных для организации новых партизанских формирований из местного населения в тылу противника» [14, с. 190].

После того, как враг был окончательно отброшен далеко от столицы, оперативные группы из состава мотострелкового полка УНКВД продолжали боевые действия на территории Смоленской, Калининской и Брянской областей. Однако приказом управления войск НКВД СССР от 26 июня 1942 г. он был переформирован в 308-й стрелковый полк ВВ НКВД [22].

В справке штаба истребительных батальонов НКВД СССР отмечалось, что на 1 июля 1943 г. в Московской области числилось 72 истребительных батальона, 61 из них — на казарменном положении [9, с. 209].

В начале августа 1942 г. спецшкола подрывников перешла в ведение реорганизованного 4-го отдела УНКВД, а её штат полностью вошёл в штат отдела. Перед ним были поставлены новые задачи: готовить диверсантов, способных действовать в тылу врага в составе небольших групп — 5–10 человек. В октябре 1942 г. спецшкола передислоцировалась из Покрова на ст. Быково (Раменский район Московской области) [23, л. 174–176; 24, л. 137].

Литература и источники

1. Панченко Б. Б. Истребительный батальон. Сталинград. Обл. книжн. из-во Астрахань. 1943. — 38 с.
2. Банников Ф. Г. Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне (1941–1945). Уч. пособие. М., изд. Высш. Шк. МВД СССР. 1968. — 72 с.
3. Никулина Е. В. Истребительные батальоны Ставрополья и Кубани в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Канд. дисс... ист. наук. Пятигорск, 2005. — 148 с.
4. Шолин В. В. Истребительные батальоны НКВД в период битвы за Ленинград и Карелию: 1941–1944. Канд. дисс... ист. наук. СПб, 2006. — 182 с.
5. Медведев Т. Д. Истребительные батальоны НКВД в период Великой Отечественной войны: организационная структура и управленческая вертикаль // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16. — Специальный выпуск. // URL: <https://history.jes.su/s207987840034278-4-1/>.
6. Ермаченко К. А. Формирование, снабжение и личный состав истребительных батальонов на территории Беларуси в июне — августе 1941 г. // Вестник Полоцкого государственного университета. Новополоцк. 2021. С. 31–35.
7. Гридинев В. П. Истребительные батальоны в истории Ленинградской битвы. // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. СПб, 2012, № 4.
8. Медведев Т. Д. Истребительные батальоны Ленинграда и области в условиях блокады. 1941–1944 годы // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 1 (64).
9. Бочков Е. А. Истребительные батальоны НКВД СССР в битве за Ленинград (1941–1944 гг.). // Исторические чтения на Лубянке. XX лет. М., 2017. — 298 с.
10. Алексеев В. Е. О создании и деятельности истребительных батальонов НКВД при обороне Москвы. // Исторические чтения на Лубянке. 2000 год. Отечественные спецслужбы накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — Москва. Великий Новгород, 2001. — 167 с.
11. Ивкин В. И. Специальная школа по подготовке диверсантов-разведчиков при УНКВД Москвы и Московской области (воинская часть № 88) в годы войны. // Военная безопасность России: взгляд в будущее. — Москва, 2018. — 298 с.

- дущее: Материалы 6-й Международной научно-практической конференции научного отделения № 10. РАРАН. Изд. МГТУ им. Баумана. Москва, 18 марта 2021 г. Том 3. — 316 с.
12. Щит и меч столицы (1918–2018). М.: Изд. дом Граница, 2018. — 304 с.
13. Сойма В.М. Чекисты на защите столицы. К 80-летию разгрома немецких войск под Москвой. М., изд. С.А. Бабицкий, 2021. — 319 с.
14. Чекисты на защите столицы: Документы и материалы об участии сотрудников Моск. упр. госбезопасности в разгроме нем.-фашист. войск под Москвой. / Сост. А.С. Байдак /. М.: Московский рабочий, 1982. — 320 с.
15. Чекисты на защите столицы: Док. и материалы об участии сотрудников Моск. упр. госбезопасности в разгроме нем.-фашист. войск под Москвой /Сост. Ушаков В.Г., Щеголев Д.Н. М., Новости, 2001. — 318 с.
16. Любянка в дни битвы за Москву: Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. М.: Издательский дом «Звонница+МГ», 2002. — 480 с.
17. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 2. Начало: 1 сентября — 31 декабря 1941 г. М.: Изд-во Русь, 2000. — 699 с.
18. О создании истребительных батальонов по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника. Постановление бюро МК и МГК ВКП(б). 27 июня 1941 г. // Электронная библиотека исторических документов. [Электронный ресурс]. // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/273410-o-sozdanii-istrebitelnyh-batalonov-po-borbe-s-parashyutnymi-desantami-i-diversantami-protivnika-postanovlenie-byuro-mk-i-mgk-vkp-b-27-iyunya-1941-g>. (дата обращения 11.05.2025)
19. Москва военная. 1941–1945: Мемуары и архив. док. / Сост. К.И Буков, М.М. Горинов, А.Н. Пономарев. М.: Изд-во об-ния «Мосгорархив», 1995. — 744 с.
20. Партизаны в битве за Москву. 1941–1942: Архивные документы и материалы. М.: Издательство Главархива Москвы, Издательство Патриот, 2008. — 621 с.
21. Архив УФСБ по Москве и Московской области. Ф.4. Оп. 3 (1942), Д. 4.
22. Софронов И. «Младший брат» легендарной бригады. // URL: <https://mvdmmedia.ru/publications/shield-and-sword/nashi-lyudi/mladshiy-brat-legendarnoy-brigady>. (дата обращения: 29.05.2025).
23. Архив УФСБ по Москве и Московской области. Ф. 4. Оп. 5 (1943). Д. 21.
24. Архив УФСБ по Москве и Московской области. Ф. 4. Оп. 5. Д. 25.

Khlobustov O.M.

*Expert of the Foundation for National and International Security,
Moscow*

Fighter battalions of the capital's NKVD in the battle for Moscow

The article examines the specifics of the organization and activities of the fighter battalions of the Moscow NKVD from June 27, 1941 to the end of the Battle for Moscow in April 1942, as well as the special school for the training of bombers and the fighter motorized rifle regiment of the NKVD. The main attention is paid to the analysis of decisions and the order of the head of the NKVD M.I. Zhuravlev, his interaction with the Moscow regional and Moscow City Committees of the CPSU(b).

Keywords: fighter battalions of the NKVD; MK and MGK of the CPSU(b); M.I. Zhuravlev; A.S. Shcherbakov; training of IB fighters; preparations of partisan detachments.

Плеханов А.А.

Кандидат исторических наук,

Научно-исследовательский центр (фундаментальных военно-исторических проблем)

Военного университета имени князя Александра Невского

Министерства обороны Российской Федерации,

Москва

Особые отделы НКВД СССР: обеспечение режима секретности и сохранения военной тайны. 1941–1942 гг.

В статье раскрываются основные направления деятельности ОО НКВД СССР по обеспечению режима секретности в действующей армии в первые месяцы Великой Отечественной войны, а именно: предотвращение хищения или потери секретных документов; обеспечение их сохранности или уничтожения; осуществление контроля за личным составом Красной армии в соблюдении режима секретности и сохранении военной тайны; налаживание скрытого управления войсками; шифровальная работа; использование радио- и ВЧ-связи; работа с военными корреспондентами.

Ключевые слова: Особые отделы; Государственный Комитет Обороны, Народный комиссариат внутренних дел; режим секретности; военная тайна; скрытое управление войсками; шифровальная работа; военные корреспонденты; высокочастотная связь.

Наряду с решением основных задач, возложенных на особые отделы НКВД СССР по борьбе с дезертирами, изменниками Родине, паникёрами, агентурой противника, они выполняли и ряд других, которые также были направлены на обеспечение государственной безопасности и поддержание боеспособности частей и соединений Красной армии. Одними из таких задач были обеспечение режима секретности и сохранения военной тайны. Эта работа велась в нескольких направлениях: предотвращение хищения или потери секретных документов; обеспечение их сохранности или уничтожения в случае возможности захвата противником; осуществление контроля за личным составом Красной армии в соблюдении режима секретности и сохранении военной тайны; налаживание скрытого управле-

ния войсками; шифровальная работа; использование радио- и ВС-связи; контроль за работой военных корреспондентов. Вся деятельность особых отделов в этом направлении строилась с учётом быстро меняющейся военной обстановки и не простых условий, в которые попали части и соединения Красной армии в начале войны. Особенно тяжёлый период выпал на первый этап Великой Отечественной войны с июня 1941 по сентябрь 1942 гг.

После начала Великой Отечественной войны германской военной разведке и контрразведке — авверу для зашифровки и легализации своей шпионской агентуры и диверсантов были крайне необходимы подлинные советские, партийные и воинские документы: удостоверения личности командного и начальствующего состава, паспорта, красноармейские книжки, пар-

тийные билеты, командировочные удостоверения, оперативные предписания и различные справки, все эти документы интересовали агвер в первую очередь. Важно было их постоянное обновление. Поэтому и в последующем, наряду с изготовлением фальшивых документов, при наступлении Вермахта они изымались у военнопленных и гражданского населения, убитых и раненых бойцов, командиров и политработников. И было немало случаев, когда эти документы становились достоянием противника. Так, 25 июня 1941 г. штаб 13-й армии был разгромлен немецкими танкистами, погибло или попало в плен около 50 командиров; почти все штабные машины, средства связи и шифры достались врагу [1, с. 183]. Об утере топографической карты и других документов говорилось, в частности, в спецсообщении ОО НКВД Западного фронта начальника 1 отдела УОО НКВД СССР от 29 сентября 1941 г. [2, л. 74]. Утрата документов происходила и по другим причинам. Так, служебная «эмка» с шифродокументами отдела военной контрразведки Ладожской военной флотилии провалилась в полынью [3, с. 68].

С марта 1942 г. агверу в большей мере стали требоваться документы нового образца, принятые в Красной армии, знаки различия, эмблемы и петлицы различных родов войск, бланки проездных документов, военно-медицинские справки о заболевании, состоянии здоровья, бланки телеграмм и паспортов, различные каучуковые штампы и печати.

Учитывая особую опасность агентуры противника, действующей на нашей территории под прикрытием различных советских документов, 28 марта 1942 г. заместитель наркома внутренних дел СССР В.Н. Меркулов приказал всем начальникам особых отделов фронтов:

«1. Организовать в фронтовой и прифронтовой полосе проверку и жёсткий контроль документов у всех лиц, передвигающихся в одиночном порядке, либо в составе небольших подразделений и команд, а также тщательную фильтрацию задерживаемых. При проверке предъявленных документов особое внимание обратить на их подлинность, время выдачи, на подписи и содержание документа, обязательно проверяя и сличая все имеющиеся у данного лица документы, практикуя краткий устный опрос...

3. Имея в виду, что агентура противника, избегая шоссейных дорог (а также дорог с оживлённым движением), зачастую пробирается просёлочными дорогами и окольными путями в обход населённых пунктов, усилить проверку документов в этих местах, выставляя в нужных случаях секреты. Всех задерживаемых на просёлочных дорогах подвергать особо тщательной фильтрации.

4. Организовать наблюдение за хранением в воинских частях, штабах и других управлении органах бланков удостоверений и красноармейских книжек, следя за их учётом и порядком выдачи, а также за хранением бланков, штампов и печатей и порядком выдачи командировочных и других удостоверений. Командиров частей, соединений и начальников органов, халатно относящихся к сохранности воинских документов, привлекать к ответственности...» [4, с. 301–302].

Руководство НКВД СССР предлагало конкретные меры для повышения бдительности и сбережения военной тайны в частях и подразделениях Красной армии. Так, 26 сентября 1941 г. Л.П. Берия направил на имя И.В. Сталина записку о целесообразности проведения следующих мероприятий: обязать политические органы повести среди военнослужащих

разъяснительную работу по сохранению военной тайны; выпустить для фронта специальные открытки и конверты с лозунгом, предписывающим необходимость сохранения, в том числе и соблюдение строгой бдительности; выделить в воинских подразделениях из числа коммунистов специальных лиц, которые бы писали для малограмотных бойцов письма, проинструктировать их о том, что следует сообщать родным.

Одной из мер сохранения военной тайны стало уничтожение документов в случае опасности их захвата противником. В работе по подготовке оперативных мероприятий, связанных с приближением фронта, чекисты руководствовались директивой за № 168 от 1 июля и приказом наркома за № 001151 от 25 августа 1941 г. В частях отступавшей армии стало правилом уничтожение личных дел, списков и документов.

Местные органы власти и территориальные органы НКВД по информации особых отделов также принимали необходимые решения. Одним из таких было совместная директива от 12 ноября 1941 г. секретаря Краснодарского крайкома ВКП(б) П.И. Селезнева и начальника УНКВД по Краснодарскому краю капитана госбезопасности К.Г. Тимошенкова. В ней указывалось: «На случай возможного временного занятия территории района противником, необходимо подготовиться к уничтожению всех комплектов местных газет, хранящихся в райкомах, редакциях газет, клубах, читальнях и т.п. Необходимо также обеспечить своевременное уничтожение архивных материалов всех районных партийных и советских организаций, исключив возможность попадания их в руки врага...» [5, с. 301].

ОО фронтов, армий и округов получали в штабах, частях и соединениях для оперативных целей совершенно секретные и документы особой важности, а в ряде случаев и карты с нанесённой оперативной обстановкой. И, несмотря на секретность этих документов, к ним имел доступ и свободно знакомился широкий круг работников, вплоть до технического состава.

Поэтому в штабах частей и соединений Красной армии было введено правило: без необходимости не брать никаких документов об обстановке на фронте. При поступлении материалов в оперативных целях с ними мог знакомиться ограниченный круг лиц по указанию руководства, а получать секретные и особой важности документы в штабах, частях и соединениях должны были оперативные работники, утверждённые для этого начальником особого отдела.

Для того, чтобы обеспечивать режим секретности и сохранения военной тайны руководство наркомата обороны и УОО НКВД принимали необходимые меры. В приказе начальника ОО НКВД Северо-Западного фронта генерал-майора В.М. Бочкива № 036 от 19 июля 1941 г. «Об усилении борьбы со шпионажем и дезертирством» отмечалось, что начальники особых органов и оперативные работники не уяснили себе до сих пор, что «шпионы, предатели в своей враждебной деятельности широко используют преступную беспечность, расхлябанность отдельных работников штабов, воинских частей и соединений — рассекречивающих военную тайну в разговорах по телефону, телеграфу, радио. Оперативные работники, зная о подобных фактах, никаких мер к пресечению этого не принимают и хуже того, по прямым фактам разглашения военной тайны, утери опе-

ративных документов, расследований не ведут, и преступники остаются безнаказанными». В.М. Бочкин приказал:

«...2. По каждому факту рассекречивания оперативных документов и сообщения по телефону, телеграфу, радио данных, представляющих военную тайну, немедленно проводить тщательное расследование, виновных арестовывать и предавать суду военного трибунала [...]»

4. Особое внимание обратить на выявление и тщательную проверку, а в необходимых случаях и арестовывать немедленно всех, подозрительных по шпионажу лиц, пребывающих в расположение штабов, частей и соединений армии» [6, л. 7].

В первые месяцы войны работу особых отделов по поддержанию режима секретности серьёзно усложняли многочисленные нарушения скрытого управления войсками. И речь шла не о примитивной секретности, когда все «карандаши», «огурцы», «спичечные коробки» наверняка вызвали здоровый смех у немецких радистов, прослушивавших переговоры советских командиров [1, с. 86]. Немцы по голосу, говору и фамилиям телефонистов легко узнавали новые и старые названия, а, следовательно, и тех, кого они обслуживали. Неправильное использование связи командирами дивизий вело к тому, что при переходе на новые места дислокации они не имели связи с полками по 3–4 часа. Но в большей мере нарушение скрытого управления частями и соединениями выражалось в отдаче распоряжений по телефону, телеграфу или радио открытым текстом.

Такие явления были многочисленными. Немецкая радиоразведка постоянно контролировала русский радиоэфир. Немцы писали: «Русские по радио открыто передавали условные названия

населённых пунктов, которые наши радисты быстро изучили. Однажды один из русских командиров пожаловался на скопление войск, занявших квартиры в уже занятой им деревне. Как только он её назвал, вся артиллерия 6-й дивизии обстреляла её своим огнём» [7, с. 172].

Это происходило в том числе из-за того, что в управлении войсками со стороны штабов армий допускалось игнорирование и недооценка использования средств радиосвязи.

Через месяц после начала войны 23 июля 1941 г. И.В. Сталин и Г.К. Жуков подписали приказ «Об улучшении работы связи в Красной армии». В нём отмечалось, что опыт войны показал зависимость управления войсками от плохой организации работы связи, и, в первую очередь, игнорирования радиосвязи, как наиболее надёжной формой связи. Основные положения этого приказа неоднократно повторялись и в последующем. Однако он фактически не выполнялся. И начальник Генштаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Франц Гальдер (1938–1942 гг.) с гордостью писал: «Расшифровка радиопередач противника представляла исключительную ценность для всего ведения войны. Мы оказались в состоянии раскрыть почти все неприятельские коды и шифры» [8, с. 424].

Поэтому Нарком обороны И.В. Сталин приказывал:

«1. В кратчайший срок ликвидировать недооценку радиосвязи, как основного средства управления войсками в подвижных формах современного боя. Под личную ответственность командиров и комиссаров частей и соединений, Военных Советов армий и фронтов немедленно обеспечить полное использование радиосвязи для управления войсками

с обязательным сохранением секретности передач.

2. Прекратить навсегда передачу оперативных заданий и распоряжений путём открытых переговоров по телефону.

3. Разгрузить шифрорганы соединений и частей от массы второстепенных документов, которые могут быть переданы путём использования переговорных таблиц и кодированных карт.

4. Установить таблицы позывов и проход условных сигналов для переговоров: Генеральный штаб с фронтами — на 10 суток, фронтов с армиями — на 5 суток, армий с корпусами и дивизиями — 3 суток. Таблицы позывных и условных сигналов при провале немедленно менять...

6. Начальнику Управления связи Красной армии тов. Пересыпкину в пятидневный срок: сформировать четыре школы радиоспециалистов с контингентом обучаемых: в Москве — на 1000 человек, в Ленинграде на 1200 человек, в Горьком — на 1000 человек, в Воронеже — на 1000 человек.

Запретить использовать в частях Красной армии связистов не по специальности. Командирам частей и соединений в пятидневный срок возвратить квалифицированных связистов в части связи для использования их по специальности» [9, л. 3–6].

В поддержании режима секретности и сохранения военной тайны большое значение имело установление высокочастотной связи (ВЧ) между особо важными абонентами. Уже первые события войны поставили военно-политическое руководство перед необходимостью создания системы правительственной полевой связи, как специфической инфраструктуры, функционирующей в интересах организации засекреченной телефонной

связи в оперативно-стратегическом звене управления.

В июне-июле 1941 г. было уничтожено много ценного оборудования ВЧ-станций. Во Львове, ввиду быстрого приближения противника, аппаратуру уплотнения и защекречивания уничтожили сами чекисты-группы ВЧ-связи. В Виннице, Минске и Днепропетровске оставшееся оборудование взорвано спецгруппами НКВД, а в Полтаве сожжено вместе со зданием УНКВД. Погибла под бомбами гродненская ВЧ-станция и т.д. В связи с эвакуацией, были ликвидированы ВЧ-станции в Витебске, Барановичах, Дрогобыче, Луцке, Ровно, Станиславе, Житомире, Смоленске, Риге и других западных городах СССР.

В октябре 1941 г., из-за особой значимости ВЧ-связи Ставки ВГК с фронтами и армиями, её организация в полной мере была возложена на НКВД СССР. Приказом НКВД № 001430 от 2 октября 1941 г. правительственная ВЧ-связь выделена в самостоятельную структуру в рамках наркомата — Отдел правительственной связи (ОПС) НКВД СССР, который возглавил М.И. Ильинский.

Основное содержание работы вновь созданного Отдела составили: организацию бесперебойного действия правительственной ВЧ-связи с действующими фронтами, а также с республиканскими и областными центрами тыловых регионов страны; разработка и оснащение фронтовых и тыловых пунктов правительственной связи специальной аппаратурой, оборудованием и необходимыми материалами; создание аппарата правительственной связи в центре и на периферии.

Следует отметить, что сам факт создания Отдела правительственной связи носил характер государственной тайны. Всем документам, относящимся к его

организации и функционировании, присваивался гриф «совершенно секретно». Таким образом, был решён (в организационном отношении) вопрос об ответственности за организацию засекреченной связи в высших звеньях военного управления. К началу 1942 г. отделы правительственный связи были сформированы на десяти действующих фронтах [10, с. 130].

Для сохранения секретов и военной тайны важная роль принадлежала шифровальной работе. Шифровальная служба в Советской России была создана постановлением СНК РСФСР от 5 мая 1921 г. для защиты информации и информационных систем и систем специальной связи и её учреждениях.

С начала войны значимость шифровальной работы значительно возросла. ГКО, Ставка Верховного командования и наркоматы получали значительное количество шифротелеграмм. Только 28 сентября 1941 г. Л.П. Берия помимо другой информации получил 133 шифротелеграммы.

Чекисты действовали в соответствии с положениями Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О работе секретных и секретно-шифровальных отделов учреждений и предприятий и порядке хранения секретных документов и материалов», принятого в 1935 г., и разработанной на его основе инструкции, дополненной и утверждённой повторно СНК СССР в январе 1940 г. Органы госбезопасности обязаны были осуществлять контроль и проверку работы секретных частей наркоматов, воинских частей, партийных учреждений, промышленных предприятий.

Приказы НКО и УОО НКВД СССР обращали внимание командования и сотрудников на охрану шифров, «совершенно исключив возможность попадания их

в руки противника». Однако такие случаи были нередкими. Основной причиной данного явления была его недооценка в Красной армии. Не случайно генерал-фельдмаршал Фёдор фон Бок писал в своём дневнике: «Весьма радует, что русские не считают необходимым зашифровывать львиную долю своих радиосообщений...» [11, с. 259].

Для улучшения шифровальной работы в НКВД 12 ноября 1941 г. телеграммой нач. 5 спецотдела НКВД СССР майора ГБ Шевелева всем начальникам 5 отделов НКВД-УНКВД было указано на недопустимость отказа их сотрудников от работы с индивидуальными блокнотами, переключения на обычные блокноты и предложено «применять для шифровальной связи только индивидуальные блокноты. Нарушителей этого порядка было предложено привлекать к строгой ответственности» [12, л. 27]. С 18 ноября 1941 г. для ускорения доставки всех документов, адресованных членам ГКО и СНК СССР, после открытого адреса было предложено ставить слово «Особо важно», и их обрабатывать вне всякой очереди. На тот момент в Красной армии действовала утверждённая наркомом С.К. Тимошенко «Инструкция о порядке составления и хранения документов Особой важности». В частности, такие документы должны были быть написаны лично от руки «на твёрдой подложке, не оставляющей оттиски от пера», все черновики и промокательная бумага должны были уничтожаться по акту, документ должен был храниться в опечатанном сейфе, находящимся в комнате с опечатываемой же железной дверью и стальными решётками на окнах [13, с. 74].

Становление шифровальной работы в ОО НКВД проходило в условиях военного времени. И этим, прежде всего

объясняются имевшиеся недостатки. Для определения основных мер, направленных на улучшения работы шифровальщиков, 8 октября 1941 г. УОО НКВД произвело обследование состояния работы шифровальных отделов фронтов. При этом было выявлено много недостатков: нарушались элементарные правила сохранения военной тайны: плохо хранились шифровальные телеграммы, с шифротелеграмм снималось большое количество копий без учёта их выдачи, значительное количество шифротелеграмм утеряно; отсутствовал надлежащий инструктаж молодых шифровальных работников.

Для ликвидации этих недостатков В.С. Абакумовым всем начальникам ОО НКВД фронтов и округ было предложено в каждом особом отделе выделить опытного сотрудника из числа обслуживающих штаб, на которого персонально возложить ответственность за обслуживание шифровальных отделов и наблюдение за сохранностью шифров; производить тщательное расследование и отдавать под суд виновных в оставлении шифрдокументов противнику, утере и разглашении содержания шифровальных телеграмм.

У сотрудников военной контрразведки вызывало обоснованное беспокойство особое положение военных корреспондентов. На 22 июля 1941 г. на фронтах Отечественной войны работало в общей сложности более 200 военных корреспондентов центральных и республиканских газет, на считая большого числа фронтовых и армейских журналистов.

Для их работы были созданы самые благоприятные условия. Ещё 24 июня 1941 г. было образовано Советское Информационное бюро при СНК СССР на основе постановления ЦК ВКП(б) с задачей руководства работой по освещению

в периодической печати и по радио международных, военных событий и внутреннего положения в стране. Важнейшим источником для неё были сообщения военных корреспондентов. 9 августа 1941 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О работе на фронте специальных корреспондентов» [14, с. 232]. Редакциям газет: «Правда», «Известия», «Красная звезда», «Красный флот», «Комсомольская правда» и «Сталинский сокол», а также Совинформбюро, ТАСС и Всесоюзному радиокомитету предоставили права иметь постоянных военных корреспондентов на фронтах. Ими стали многие видные советские писатели и журналисты. Создание разветвлённой сети спецкоров позволило получать постоянную информацию о ходе боевых действий, подвигах бойцов и командиров Красной армии. Но по прибытию на фронт, многие военные корреспонденты не были знакомы с требованиями, предъявляемыми к военнослужащим. Поэтому во взаимоотношениях с ними у командного, политического и оперативного состава возникало немало вопросов. На это, в частности, указывается в донесение от 28 июля 1942 г. зам. нач. 1 отдела 3 Управления НКВД СССР Серову с переадресацией секретарю ЦК ВКП(б) Щербакову о военных корреспондентах на фронтах Отечественной войны [15, л. 378–385].

Заместитель начальника 1 отдела 3 управления НКВД СССР капитан ГБ А. Я. Свердлов отмечал, что ряд работников «Красной звезды», имея явно завышенные звания, пользовался этим. Почти каждый корреспондент был полковником или полковым комиссаром, в то время как нередко дивизиями командовали майоры. И о каком контроле за работой корреспондента могла идти речь? Многие корреспонденты, не являясь военнослужащими,

забывали о том, что они, по сути дела, должны быть военно-политическими работниками. Поэтому для ликвидации не-нормальностей в работе представителей прессы и радио было предложено политическому аппарату армий жёстко контролировать их работу и требовать строгого соблюдения военной тайны, взятия соответствующей подписки и привлекать к строгой ответственности за недисциплинированность, вплоть до удаления их из армий.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны в условиях оборонительных сражений и отступления начального периода важнейшее значение для повышения боеспособности частей и соединений Красной армии имел режим секретности и сохранения военной тайны.

Спецслужбы Германии прилагали значительные усилия для получения необ-

ходимых документов, шифров, планов командования, но, как правило, они не достигали желаемых результатов. Особые отделы НКВД противопоставили немецким спецслужбам систему мер, которая в зависимости от оперативной обстановки на фронтах, постоянно перестраивалась и совершенствовалась. Она включала в себя: регулярное информирование командование фронтов о предпосылках к разглашению военной тайны, повышение бдительности личного состава, ужесточение контроля за сохранностью документов и шифров, усиление охраны штабов, оказание помощи командованию в предотвращении нарушений в организации скрытого управления войсками, в недооценке радиосвязи и шифровальной работы, совершенствование подготовки кадров.

Литература и источники

1. Великая Отечественная катастрофа II. 1941 год. Причины трагедии. 1941 год. Причины трагедии / Алексей Исаев [и др.]. М.: Яузा: Эксмо, 2007. — 413 с.
2. Архив Управления ФСБ России по Саратовской области. Ф. 14. Оп. 4. Д. 26.
3. Терещенко А. С. Женское лицо СМЕРШа / Анатолий Терещенко. М.: Аква-Терм, 2013. — 318 с.
4. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том третий. Книга 1. Крушение «Блицкрига». 1 января-30 июня 1942 года. М.: Изд-во. «Русь», 2003. — 700 с.
5. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том второй. Книга 2. Начало. 1 сентября — 31 декабря 1941 года. М., «Издательство “Русь”, 2000. — 700 с.
6. Центральный архив ФСБ России (далее — ЦА ФСБ России). Ф. 3. Оп. 8. Д. 218.
7. Гроссман Хорст. Я был маршала Жукова. Ржевский кошмар; [пер. с нем. Ю. Бема]. М.: Яузा-Пресс, 2013. — 252 с.
8. Ионг Луи де. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне; сокр. пер. с англ. А. И. Дьяконова. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. — 447 с.
9. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 495.
10. Правительственная электросвязь в истории России. Т. 1, Ч. 1. 1917—1945. Сборник документов. М.: Наука, 2001. — 358 с.
11. Бок Фёдор фон. Я стоял у ворот Москвы. Военный дневник командующего группой армий «Центр». М.: Эксмо, 2011. — 506 с.
12. ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 1537.

13. Солонин М. С. Мозгоимение. Фальшивая история Великой войны. М.: Эксмо: Язуа, 2008. — 316 с.
14. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 9-е изд. доп. и испр. Том 7. 1938–1945. М., Политиздат, 1985. — 574 с.
15. ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 142.

Plekhanov A.A.

Candidate of Historical Sciences,

Research Center (fundamental military-historical problems)

*Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Moscow*

Special Departments of the NKVD of the USSR: Ensuring the Secrecy Regime and Preserving Military Secrets. 1941–1942

The article reveals the main areas of activity of the OO of the NKVD of the USSR in ensuring the secrecy regime in the Active Army in the first months of the Great Patriotic War, namely: preventing the theft or loss of secret documents; ensuring their safety or destruction; monitoring the personnel of the Red Army in maintaining the secrecy regime and preserving military secrets; establishing covert command and control of troops; conducting cryptographic work; using radio and high-frequency communication; and working with military correspondents.

Keywords: Special Departments; State Defense Committee; People's Commissariat of Internal Affairs; secrecy regime; military secret; covert command and control; encryption work; military correspondents; high-frequency communication.

Полуэктов И.Б.

*Самарский государственный медицинский университет,
Самара*

Отдельные аспекты обеспечения безопасности «безымянской группы заводов» авиапромышленного комплекса в начальный период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.)

В статье, подготовленной в год 80-летия Великой Победы, дана попытка представить краткий обзор деятельности сотрудников советских органов государственной безопасности по обеспечению безопасности предприятий авиационной промышленности, эвакуированных в г. Куйбышев с территорий Советского Союза, захваченных вражескими войсками либо оказавшихся под угрозой оккупации. Публикация основана на личных изысканиях автора, опубликованных исторических исследованиях, а также впервые вводимых в научный оборот материалах федеральных¹, региональных² и ведомственных³ архивов. Актуальность заявленной темы объясняется сохраняющимся в современном историческом сообществе интересом к истории отечественных спецслужб, в том числе к особенностям деятельности их местных структур в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг.; советские органы государственной безопасности; НКВД СССР; Куйбышевская область; город Куйбышев; УНКВД по Куйбышевской области; Безымянский отдел; оборонная промышленность; куйбышевские авиационные предприятия.

Несмотря на прошедшие 80 лет со дня Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., история тех трагических и героических событий продолжает вызывать у исследователей неподдельный интерес к изучению различных аспектов боевых действий и работы тыла в указанный период. В этой связи рассмотрение проблематики деятельности советских органов государственной безопасности

по противодействию спецслужбам нацистской Германии и её сателлитов как на линии фронта, так и в тыловых районах СССР, выполнению иных, возложенных на структуры НКВД–НКГБ, задач военного времени, по-прежнему сохраняет востребованность и актуальность.

К разработке данного вопроса в преломлении к истории куйбышевских подразделений НКВД–НКГБ неоднократно обращался и автор данной работы [1, с. 112–117; 2, с. 307–312; 3, с. 154–159; 4, с. 269–273; 5, с. 264–271; 6, с. 229–239; 7, с. 172–182; 8; 9]. Вместе с тем, со временем выхода в свет указанных публикаций удалось выявить ряд новых данных, позволяющих дополнить сведения

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ).

² Государственное бюджетное учреждение Самарской области «Самарский областной государственный архив социально-политической истории» (далее — СОГАСПИ).

³ Отдел специальных фондов ИЦ ГУ МВД России по Самарской области (далее — ОСФ).

о деятельности куйбышевских чекистов в ходе Великой Отечественной войны.

Следует отметить, что с первых дней противостояния нацистской Германии территориальные органы государственной безопасности стали перестраивать свою деятельность в направлении обеспечения безопасности тыла страны. В связи с резким ростом объёма работы, с началом боевых действий весь личный состав чекистских подразделений был переведён на военное положение и немедленно приступил к выполнению задач военного времени, основными из которых в тыловых районах (к которым относилась и Куйбышевская область) являлись ограждение объектов железнодорожного транспорта, оборонных и других особо важных объектов от проникновения на них агентов противника; выявление и розыск забрасываемых в тыл Красной армии шпионов, диверсантов и террористов; обеспечение сохранности сведений, составляющих государственную и военную тайну.

На этом фоне возникла потребность в концентрации усилий по обеспечению государственной безопасности в едином управляющем органе, так как ещё в феврале 1941 г. Народный комиссариат внутренних дел СССР был разделён «<...> на два Народных Комиссариата: 1. Народный Комиссариат Внутренних Дел СССР. 2. Народный Комиссариат Государственной Безопасности СССР. <...>» [10, л. 72], а военная контрразведка подчинена, соответственно, наркоматам обороны и Военно-Морского Флота в виде третьих управлений каждого ведомства. При этом в НКВД СССР оставался 3-й отдел, на который возлагалось контрразведывательное обеспечение пограничных и внутренних войск, пожарной охраны и милиции [11, с. 15].

20 июля 1941 г., «<...> в связи с переходом от мирного времени на военные условия работы <...>» руководство Советского Союза признало «<...> целесообразным об'единение Народного Комиссариата внутренних дел СССР и Народного Комиссариата государственной безопасности СССР в единый Народный Комиссариат внутренних дел СССР <...> с проведением соответствующего объединения «<...> органов НКВД и НКГБ <...> в союзных и автономных республиках, в краях и областях <...>» [12, л. 93].

Во исполнение названного решения было сформировано объединённое Управление НКВД по Куйбышевской области, которое возглавил капитан государственной безопасности Иван Григорьевич Попков [13, л. 416].

Первоначально структура аппарата УНКВД насчитывала 163 сотрудника и включала следующие подразделения [14, л. 426–449]:

— руководство (5 чел.: начальник Управления, заместитель начальника УНКВД, зам. нач. УНКВД по кадрам (он же — начальник отдела кадров), зам. нач. УНКВД по милиции, помощник начальника УНКВД);

— секретариат (9 чел.);
— контрольно-оперативная группа (3 чел.);

— 4-е спецотделение (7 чел.);
— Контрразведывательный отдел (КРО) в составе: руководство (2), секретариат (2), 1-е отделение (6), 2-е отделение (4), старший следователь (1); итого: 15 чел.;

— Секретно-политический отдел (СПО) в составе: руководство (2), секретариат (3), 1-е отделение (6), 2-е отделение (4), 3-е отделение (6), старший следователь (1); итого: 22 чел.;

— Экономический отдел (ЭКО) в составе: руководство (2), секретариат (3), 1-е отделение (7), 2-е отделение (5), 3-е отделение (5), следственная группа (3); итого: 25 чел.;

— отдел кадров (ОК) в составе: руководство (1), секретариат (2), 1-е отделение (4), 2-е отделение (6), учётно-статистическая группа (2), итого: 15 чел.;

— мобилизационная группа (2 чел.);

— 1-й спецотдел в составе: руководство (2), секретариат (3), 1-е отделение (4), 2-е отделение (3), 3-е отделение (9), 4-е отделение (4), итого: 25 чел.;

— 2-е спецотделение (4 чел.);

— 3-й спецотдел в составе: руководство (2), секретариат (1), 1-е отделение (1), 2-е отделение (1), 3-е отделение (1), итого: 6 чел.;

— 5-е спецотделение (7 чел.);

— отдел пожарной охраны в составе: руководство (3), секретариат (3), политотделение (2), отделение профилактики (8), отделение службы и подготовки (4), организационно-мобилизационная группа (1), группа технического обеспечения (2), склад противопожарного оборудования (2), итого: 25 чел.;

— тюремный отдел в составе: руководство (2), секретариат (3), политаппарат (1), опергруппа (3), группа охраны режима и учёта (3), группа хозяйственно-санитарного обслуживания (3), итого: 15 чел.;

— финансовый отдел в составе: руководство (2), секретариат (2), 1-е отделение (5), 2-е отделение (6), итого: 15 чел.;

— хозяйственный отдел в составе: руководство (2), секретариат (3), группа кадров (2), отделение материально-технического обеспечения (2), группа вооружения (4), группа вещевого довольствия (7), группа продфуражная (2), группа общая (6), комендатура (15), квалифици-

рованные рабочие (4), обслуживающий состав (20), итого: 67 чел.;

— отделение фельдсвязи (16 чел.);

— строительный отдел в составе: начальник (1), жилищно-ремонтная группа (2), итого: 3 чел.;

— санитарная часть (6 чел.);

— автотранспортное отделение (АТО) 71 чел., в том числе: шоферов — 43; телефонная станция — 13).

Помимо поименованных подразделений, в состав УНКВД входили Управление Рабоче-крестьянской милиции (УРКМ), отдел исправительно-трудовых лагерей и колоний, отделение Правительственной «ВЧ» связи, а также т.н. «периферийные органы» (городские отделы и районные отделения) [15, л. 533–622; 16, л. 623–662].

В дальнейшем, вплоть до очередного объединения НКВД и НКГБ в апреле 1943 г., структура УКВД постоянно совершенствовалась, создавались новые подразделения, преобразовывались либо расширялись уже существовавшие. Данная деятельность обуславливалаась обстоятельствами военного времени, когда, наряду с усилением контрразведывательной работы на объектах промышленности и транспорта, где она проводилась и ранее, её пришлось организовывать на предприятиях, переведённых на выпуск военной продукции, в других важных отраслях народного хозяйства, которые обеспечивали нужды фронта, а также на оборонных производствах, эвакуированных с территорий СССР, захваченных вражескими войсками либо оказавшихся под угрозой оккупации.

Следует отметить, что в первые месяцы войны в г. Куйбышев и Куйбышевскую область было эвакуировано около ста тысяч человек из западных районов Советского Союза и сорок оборонных промышленных предприятий Москвы,

Ленинграда, Киева, Харькова, Воронежа, Тулы, Коврова и других городов [2, с. 307]. При этом ряд заводов наркоматов авиационной промышленности (НКАП)¹ и вооружения (НКВ)² были размещены на территории Безымянки — пригорода Куйбышева. В названном районе ещё в августе 1940 г. началось сооружение крупнейшего в стране авиакомплекса, осуществлявшееся специально созданной в структуре НКВД СССР организацией — Управлением особого строительства (УОС, Особострой). Начавшаяся война заставила внести в первоначальные планы существенные корректировки: на промышленных площадках, предназначенных для трёх производств (двух самолётостроительных и одного моторостроительного) были размещены шесть авиационных заводов и один оружейный [17, с. 4].

Для оперативного обеспечения группы оборонных заводов, размещённых на Безымянке, в начале марта 1942 г., «<...> в соответствии с телеграфным указанием Зам. Наркома Внутренних дел Союза ССР — Старшего Майора Государственной Безопасности тов. ОБРУЧНИКОВА <...>» был организован «Безымянский Го-ротдел НКВД Куйбышевской области» [18, л. 75]. Первоначально отдел состоял из 23 сотрудников и включал: руководство (2 чел.), секретариат (7 чел.), 1-е отделение (экономическое; 7 чел.), 2-е отделение (оперативное; 5 чел.) и следственную группу (2 чел.) [18, л. 77]. В конце марта 1942 г., на основании приказа НКВД

СССР № 00443 от 06 марта 1942 г., внесены определённые корректировки в структуру «Безымянского отдела УНКВД Куйбышевской области», который (при прежней штатной численности) приобрёл следующий вид: руководство (2 чел.), секретариат (3 чел.), 1-е отделение (экономическое; 7 чел.), 2-е отделение (контрразведывательное; 3 чел.), группа СПО (2 чел.), следственная группа (2 чел.), комендатура (4 чел.) [19, л. 111]. В середине осени 1942 г. численность Безымянского отдела увеличена на семь штатных единиц, а в его составе проведены очередные изменения: руководство (3 чел.), секретариат (2 чел.), 1-е отделение (10 чел.), 2-е отделение (3 чел.), группа СПО (2 чел.), следственное отделение (3 чел.), комендатура (4 чел.), группа «ВЧ-связи» (3 чел.) [20, л. 854–856].

Уже в первые месяцы существования Безымянского отдела его сотрудники проделали значительную работу по обеспечению безопасности предприятий оборонно-промышленного комплекса, находившихся под их оперативным наблюдением. Так, выявлялись причины неудовлетворительной работы группы авиационных заводов, затяжки строительства ряда объектов, лица, виновные в этом. Установлено, что их «<...> директора <...> занимаются очковтирательством, информируя НКАП о выпуске большого количества самолётов и моторов, чем выпускают на самом деле <...>». Кроме того, обнаружены причины крупных дефектов в моторах АМ-38 и маслорадиаторах, проявившиеся в ходе эксплуатации штурмовиков Ил-2 в частях ВВС. «<...> Агентурно-следственной проработкой этих вопросов, а также вмешательством оперативных работников <...> и в результате принятых мер Обкомом ВКП(б), который был своевременно проинформирован, и НКВД СССР де-

¹ Ордена Ленина Государственный авиационный завод № 1 имени И. В. Сталина НКАП СССР; Государственный союзный ордена Ленина завод № 18 имени К. Е. Ворошилова 1-го ГУ НКАП СССР; Ордена Ленина Государственный завод № 24 имени М. В. Фрунзе 3-го ГУ НКАП СССР; завод № 35 3-го ГУ НКАП СССР; завод № 305 1-го ГУ НКАП СССР; Государственный союзный завод № 454 2-го ГУ НКАП СССР.

² Завод № 525 НКВ СССР.

фекты в моторах значительно уменьшились» [21, л. 15, 16].

В апреле 1942 г. чекистами организована и проведена проверка состояния охраны подконтрольных промышленных объектов и режима хранения там секретных документов. В частности, подвергнуты обследованию заводы №№ 1, 18, 24 НКАП и № 525 НКВ, в ходе которого установлено, что на группе безымянских заводов «<...> охрана важнейших промышленных предприятий, особенно пропускной режим, стоит на низком уровне <...>. Хранение совершено секретных и мобилизационных документов <...> также находится в неудовлетворительном состоянии. Существующая система охраны предприятий и хранения секретных документов никоим образом не обеспечивает интересы государственной безопасности. Директора предприятий и руководители партийных организаций охраной заводов не занимаются». О состоянии охраны предприятий Куйбышевским УНКВД проинформированы заместитель Наркома внутренних дел СССР комиссар госбезопасности 3-го ранга Б.З. Кобулов и секретарь Куйбышевского обкома ВКП(б) В.Д. Никитин. Помимо общей докладной записи о состоянии охраны промышленных предприятий в регионе, на имя Б.З. Кобурова также была направлена специальная докладная записка о неудовлетворительном состоянии охраны группы безымянских авиазаводов [21, л. 32–33].

10 апреля 1942 г. на заседании бюро Куйбышевского обкома ВКП(б) с докладом о недостатках состояния охраны объектов и сохранения гостайны на предприятиях, учреждениях и организациях выступил начальник УНКВД майор госбезопасности А.С. Блинов. По итогам совещания принято решение, обязывавшее директоров предприятий, секретарей го-

родских и районных комитетов ВКП(б) и руководителей партийных организаций оборонных производств немедленно упорядочить вопрос их охраны и привести закрытые собрания в партийных ячейках с вопросом «<...> об усилении большевистской бдительности в условиях Отечественной войны с немецким фашизмом» [22, л. 15].

В рамках работы по выявлению предпосылок к вредительству, саботажу и диверсиям на куйбышевских авиационных производствах, сотрудниками Безымянского отдела УНКВД в том же 1942 г. арестованы два работника завода № 207, готовившихся совершить диверсионный акт с целью выведения из строя компрессорной станции предприятия. Помимо этого, указанные лица планировали убить начальника цеха, высказывавшего подозрения об их «саботажнической деятельности» [23, л. 6 об; 24, л. 4.]. В свою очередь, на заводе № 18 выявлена группа саботажников в количестве 9 человек, которые, работая на монтаже баков самолётов Ил-2, монтировали их без уплотняющих колец. В результате при заправке происходила течь бензина, что вело к задержке сдачи штурмовиков на продолжительное время и срыву графика их поставки в боевые части [24, л. 2 об.].

Наряду с этим, чекистами уделялось пристальное внимание контролю за состоянием морально-психологического климата среди работников оборонных предприятий. В частности, одной из причин массового недовольства, резкого снижения трудовой дисциплины и производительности труда среди руководящего состава заводов № 1 и № 24 сотрудники НКВД назвали решение Правительства о разбронировании жилплощадей работников эвакуированных предприятий [21, л. 15]. Кроме того, были вскрыты названные «тенденции к дезертирству»

с предприятия среди рабочих завода № 525 НКВ вследствие неудовлетворительных материально-бытовых условий. В целях предотвращения нежелательных эксцессов, «<...> через директора завода приняты меры к созданию нормальных бытовых условий для рабочих и вывода части их из землянок в типовые дома <...>», а также поставлен перед обкомом ВКП(б) вопрос о размещении на предприятиях местной промышленности заказа на 6 000 комплектов обуви и тёплой одежды для работников этого производства [25, л. 12].

Таким образом, в результате принятых куйбышевскими чекистами мер агентурного, оперативного, следственного и административного характера, резко повысились темпы строительства местных авиапредприятий, возросло количество и улучшилось качество выпускаемой ими продукции, в которой фронт особенно нуждался в первый, самый тяжёлый период войны.

В этой связи вполне закономерным выглядит решение Наркома внутренних дел СССР Генерального комиссара государственной безопасности Л.П. Берия о поощрении практически всего руководящего состава и наиболее отличившихся сотрудников Безымянского отдела УНКВД Куйбышевской области высшей чекистской наградой того времени — знаком «Заслуженный работник НКВД» [26].

Подводя итог, можно обоснованно утверждать, что в годы Великой Отечественной войны органы государственной безопасности контролировали обстановку на предприятиях оборонно-промышленного комплекса, размещенных на территории Куйбышевской области. При этом использовались как чисто чекистские формы и методы работы, так и осуществлялись профилактические мероприятия с привлечением административного ресурса партийно-государственных структур.

Литература и источники

1. Полузиков И.Б. В годы военного лихолетья (Куйбышевские чекисты на страже государственной безопасности в 1941–1945 гг.) // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности: материалы VI междунар. науч. конф., посв. 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов (Петрозаводск, 1–3 июня 2015 года) / науч. ред. К.Ф. Белоусов. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2016. — 269 с.
2. Полузиков И.Б. Деятельность органов госбезопасности на территории Куйбышевской области в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по пресечению преступлений экономической направленности и обеспечению продовольственной безопасности государства // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные спецслужбы в войнах и вооружённых конфликтах XX века (к 75-летию Великой Победы): материалы XXIII междунар. науч. конф. (Москва, 5–6 декабря 2019 г.). М.: Издательство Фронткнига, 2019. — 504 с.
3. Полузиков И.Б., Юсупова С.Н. Деятельность органов госбезопасности в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по пресечению подрывной деятельности участников формирований Организации украинских националистов на территории Куйбышевской области // Исторические чтения на Лубянке. Органы государственной безопасности России в годы реорганизаций и реформ в XIX–XXI веках: материалы XXIV междунар. науч. конф. / Сост. А.А. Плеханов, А.Б. Таранин. М.: Издательство Фронткнига, 2020. — 384 с.

4. *Полуэктов И.Б.* Отражение деятельности отечественных спецслужб в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в экспозиции музеяного образования территориального органа безопасности // Материалы VII международной конференции «Военная история: люди, судьбы, конфликты» / Под ред. Носова В.А., Пищулина С.А. СПб: ГБУ ДМ «ФОРПОСТ», 2020 г. — 510 с.
5. *Полуэктов И.Б., Юсупова С.Н.* Оуновцы на Средней Волге (работа куйбышевских органов госбезопасности в 1941–1945 гг. по пресечению подрывной деятельности членов Организации украинских националистов) // Трагедия войны. Гуманитарное измерение вооружённых конфликтов XX века / Отв. ред. К.А. Пахалюк. — Москва: Издательский дом «Российское военно-историческое общество», Яуз-кatalog, 2021. (Военно-исторические книги издательства «Яуза»). — 656 с.
6. *Полуэктов И.Б., Юсупова С.Н.* Деятельность органов госбезопасности по пресечению дезертирства и уклонения от мобилизации на территории Куйбышевской области в начальный период Великой Отечественной войны // Политическая история России: прошлое и современность: Исторические чтения «Гороховая, 2», Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2021 г. Выпуск XIX. СПб, 2022. — 300 с.
7. *Полуэктов И.Б.* Реорганизация в условиях войны: отдельные аспекты деятельности воссозданного УНКГБ по Куйбышевской области. 1943 г. // Исторические чтения на Лубянке. Юбилейные даты отечественных органов госбезопасности в 2023 г., посвящённые 100-летию образования ОГПУ и памяти историка спецслужб доктора исторических наук, профессора Владимира Николаевича Хаустова: материалы XXVII междунар. науч. конф. / Сост. А.А. Плеханов. М.: Издательство Фронткнига, 2023. — 336 с.
8. Управлению ФСБ России по Самарской области 95 лет: от ВЧК до ФСБ. Сборник очерков. Сост.: А.В. Громов, И.Б. Полуэктов, С.Г. Хумарьян, В.А. Хорошавин. Русское эхо: Самара, 2013. — 208 с.
9. 100 лет службы Отечеству: очерки, посвящённые 100-летию Управления ФСБ по Самарской области. Самара: Полиграфика, 2017. — 304 с.
10. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 03 февраля 1941 года «О разделении Народного Комиссариата Внутренних Дел СССР» // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 44.
11. «Смерши»: Исторические очерки и архивные документы. Изд 2-е, испр. и доп. / В.С. Христофоров, В.К. Виноградов, О.К. Матвеев и др. М.: Издательство Главархива Москвы, ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2005. — 343 с.
12. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 года «Об об'единении Народного Комиссариата внутренних дел СССР и Народного Комиссариата государственной безопасности СССР в единый Народный Комиссариат внутренних дел СССР» // ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 49.
13. Приказ УНКВД СССР по Куйбышевской области № 0096 от 08 августа 1941 г. «О вступлении в исполнение обязанностей Начальника Управления НКВД по Куйбышевской области — Капитана Государственной Безопасности ПОПКОВА И.Г.» // Отдел специальных фондов ИЦ ГУ МВД России по Самарской области (далее — ОСФ). Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 94.
14. Приказ УНКВД СССР по Куйбышевской области № 00102 от 12 августа 1941 г. «С об"явлением персональной расстановки личного состава аппаратов Управления НКВД» // ОСФ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 94.
15. Приказ УНКВД СССР по Куйбышевской области № 00121 от 12 сентября 1941 г. «С об"явлением персональной расстановки личного состава по периферийным органам НКВД Куйбышевской области» // ОСФ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 94.
16. Приказ УНКВД СССР по Куйбышевской области № 00121 от 15 сентября 1941 г. «С об"явлением персональной расстановки личного состава Управления НКВД по Куйбышевской области» // ОСФ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 94.

17. Когда заводы были большими. Промышленное наследие / Сост. А. Артёмов. СРОО «За информационное общество», 2024. — 277 с.
18. Приказ УНКВД СССР по Куйбышевской области № 0031 от 10 марта 1942 г. «С об”явлением временных штатов Экономического отдела УНКВД и организованного вновь Безымянского Городделя НКВД Куйбышевской области» // ОСФ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 98.
19. Приказ УНКВД СССР по Куйбышевской области № 0045 от 25 марта 1942 г. «С об”явлением штатов Экономического отдела УНКВД, Безымянского отдела и перечня изменений в штатах по периферийным органам НКВД» // ОСФ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 98.
20. Приказ УНКВД СССР по Куйбышевской области № 00204 от 09 октября 1942 г. «С об”явлением персональной расстановки личного состава Безымянского Отдела УНКВД Куйбышевской области» // ОСФ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 98.
21. Отдел регистрации архивных фондов Управления ФСБ России по Самарской области (далее — ОРАФ УФСБ России по Самарской области). Ф. 10-и. Гр. дел: материалы секретного делопроиз-ва органа безоп-ти пост. хр. Оп. 1. Д. 11. Том 1.
22. Самарский областной государственный архив социально-политической истории. Ф. 656. Оп. 6. Д. 31.
23. ОРАФ УФСБ России по Самарской области. Ф. 10-и. Гр. дел: материалы секретного делопроиз-ва органа безоп-ти пост. хр. Оп. 1. Д. 11. Том 7.
24. ОРАФ УФСБ России по Самарской области. Ф. 10-и. Гр. дел: материалы секретного делопроиз-ва органа безоп-ти пост. хр. Оп. 1. Д. 11. Том 8.
25. ОРАФ УФСБ России по Самарской области. Ф. 10-и. Гр. дел: материалы секретного делопроиз-ва органа безоп-ти пост. хр. Оп. 1. Д. 11. Том 5.
26. Приказ НКВД СССР № 593 от 22 сентября 1942 года «О награждении сотрудников Безымянского отдела УНКВД Куйбышевской области».

Poluektov I. B.

Samara state medical University, Samara

Selected aspects of ensuring the safety of the «nameless group of plants» of the aviation industry in the initial period of the Great Patriotic War (1941–1942)

The article, prepared in the year of the 80th anniversary of the Great Victory, attempts to provide a brief overview of the activities of employees of the Soviet state security agencies to ensure the safety of aviation industry enterprises evacuated to Kuibyshev from the territories of the Soviet Union, captured by enemy troops or under threat of occupation. The publication is based on the author's personal research, published historical research, as well as materials from federal, regional and departmental archives that are being introduced into scientific circulation for the first time. The relevance of the stated topic is explained by the continuing interest in the history of the Russian special services in the modern historical community, including the specifics of the activities of their local structures during the Great Patriotic War of 1941–1945.

Keywords: The Great Patriotic War of 1941–1945; Soviet state security agencies; NKVD of the USSR; Kuibyshev region; NKVD of the Kuibyshev region; Nameless Department; defense industry; Kuibyshev aviation enterprises.

*Тумишис М.А.
Историк, краевед,
Самара*

Георгий Тыльнер: на фронте борьбы с уголовной преступностью

В статье описаны жизненный путь и карьера известного сотрудника Московского уголовного розыска Г.Ф. Тыльнера. Документальную основу публикации составили материалы ведомственных архивов МВД г. Москвы и Самарской области. В статье приведены новые данные о борьбе с уголовной преступностью в «запасной столице» — г. Куйбышеве в 1942–1943 гг.

Ключевые слова: Тыльнер; Московский уголовный розыск (МУР); Великая Отечественная война; «запасная столица»; Куйбышев.

История российских органов правопорядка неразрывно связана с героическими и трагическими событиями, пережитыми нашей страной. В летописи этой истории особое место занимает имя известного сотрудника Московского уголовного розыска (МУРа) Георгия Фёдоровича Тыльнера. Его имя не предано полному историческому забвению, оно время от времени встречается в исторических изданиях, посвящённых работе МУРа. Цель настоящей работы — на основе архивных документов и открытых источников дополнить наше представление о жизни и деятельности известного московского сыщика Г.Ф. Тыльнера.

Г.Ф. Тыльнер родился 8 января 1900 г. в г. Вильно в семье мелкого служащего губернской контрольной палаты. Его отец — Фёдор Александрович Тыльнер (1871 г.р.) — на 1910 г. титулярный советник, счётный член Виленской губернской контрольной палаты. В 1910 г. перешёл на военную службу: делопроизводитель (по хозяйственной части) 107-го пехотного Троицкого полка, дислоцированного в г. Вильно [1].

В 1914 г. отец ушёл с полком на фронт, а всё семейство (мать, 2 сестры, брат и сам Георгий) переехало на жительство в г. Москву. Наш герой окончил 4 класса гимназии в г. Вильно, и в 1915–1917 гг. продолжил учёбу в 8-й московской гимназии им. Григория Шелапутина. В 1917 г. вся семья Тыльнеров выехала в Тульскую губернию, лишь Георгий отказался уезжать и остался в Москве. Его отец, уже надворный советник, казначей 108-го пехотного Саратовского полка, к 1917 г. фактически утратил связь с семьёй. В конце 1917 г. он был демобилизован из армии, и уехал в г. Симбирск. В 1918–1920 гг. работал в Симбирском губвоенкомате, и умер в 1920/1921 гг. [1]

Сам Георгий, оставшись без средств к существованию, бросил учёбу и в ноябре 1917 г. поступил на службу в милицию. Вначале как рядовой милиционер, а затем помощник начальника уголовно-следственной части Тверского районного комиссариата милиции г. Москвы. В 1919 г. его перевели на службу рядовым агентом в Московский уголовный розыск. В 1919 г. он принимал участие в ликвидации банды Якова Кошелькова,

за которой числилось не только нападение на машину председателя СНК РСФСР В.И. Ленина, но и многочисленные убийства сотрудников милиции и МЧК, грабежи и разбои. 21 июля 1919 г. Кошельков попал в засаду, организованную сотрудниками МЧК и МУРа, в ходе перестрелки был тяжело ранен, и вскоре скончался в больнице [2, с. 291].

Банда Кошелькова была разгромлена после того, как бандиты захватили служебное авто Ленина и уехали на нём в Хамовники. В пути машина застряла в снежном заносе. Постовой милиционер, уже получил приказ о проверке всех автомобилей, увидев застрявшую машину двинулся в её сторону. Это насторожило преступников, и те открыли стрельбу. В перестрелке милиционер был убит, но был застрелен один из бандитов, его и опознали, как налетчика из банды Кошелькова. Этот инцидент стал концом для этой громкой банды [3, с. 4].

В 1924 г. имя Григория Тыльнера впервые появилось на страницах московских газет. Он один из тех, кто закрыл скандальное дело о хищениях в Гохране — Государственном хранилище ценностей. Расследование, начатое ещё в 1921 г., выявило крупные масштабы хищений. Пред судом предстали 64 подсудимых. Военная Коллегия Верховного Трибунала ВЦИК вынесла суровый приговор: 19 чел., среди которых оценщики и работники Гохрана, инспекторы РКИ и т.д. были приговорены к расстрелу. У них были конфискованы большое количество ценностей. Так у инспектора РКИ Аветикьянца изъяли бриллиантов, золота, платины и серебра на сумму в 15 млрд рублей [4, с. 2]. Однако значительная доля похищенного так и не вернулась в госказну.

В мае 1924 г. Тыльнер направил помощнику начальника МУРа М.В. Гиберау

сообщение, что в Москве, в доме в Грохольском переулке, живёт вдова расстрелянного оценщика Лупачева, хранящая сокровища, добытые преступным путём. Женщина пыталась сбыть их, но жадность скупщиков сорвала сделку. Тыльнер организовал за домом слежку, установив, что ценные якобы спрятаны в корзине с грязным бельём. Группа муроцев провела обыск, но он не дал нужных результатов. В корзине было лишь старое тряпье. Тогда один из сыщиков обратил внимание на клубки пряжи, обнаруженные в комнате. Они были слишком тяжелы для шерстяных клубков. В них и были найдены драгоценности: золотые браслеты, кольца, броши и кулоны, усыпанные мелкими и средними бриллиантами, нити жемчуга, золотая табакерка с бриллиантами. Самой ценной находкой оказался бриллиант в 35–40 карат. Общая стоимость обнаруженных ценностей составила нескольких десятков тысяч рублей. Лупачева тут же была задержана и отправлена в камеру [5, с. 1].

Эта находка дала старт новой волне обысков у родственников фигурантов дела «О Гохране». 15 мая 1924 г. сотрудники МУРа пришли к вдове расстрелянного в 1921 г. артельщика Гохрана Шадива. Вдова, сохранив невозмутимость утверждала, что у неё ничего нет. Но при обыске кухни, в банке с продуктами, сыщики нашли бриллианты — целых 179 карат [6, с. 1]. Руководство МУРа официально признало, что огромный вклад в розыске похищенных ценностей Гохрана внесли субинспектор МУРа Г.Ф. Тыльнер и агент МУРа Базаров.

В 1924 г. Тыльнер возглавил группу борьбы с бандитизмом МУРа, и проявил себя «...как исключительно преданный и самоотверженный работник органов пролетарской диктатуры». В 1925 г. от

Коллегии ОГПУ СССР «за борьбу с бандитизмом» он был награждён почётным оружием — пистолетом «Маузер» [1]. Позднее Тыльнер стал инспектором 1-й группы (бригады) МУРа, занимавшейся борьбой с убийствами и вооружёнными ограблениями. В 1928 г. Тыльнер в группе сотрудников МУРа «...за многолетнюю успешную и самоотверженную работу по раскрытию вооружённых ограблений и бандитских шаек» был повторно награждён почётным оружием [7, с. 4].

В 1934 г. благодаря Тыльнеру московским сыщикам удалось задержать опасного вора-медвежатника Ивана Першина. В 1934–1935 гг. по г. Москве прокатилась серия однотипных уголовных деяний: взломы несгораемых сейфов с похищением крупных сумм денег. Кражи произошли в Московском авиационном институте, в бухгалтерии Московского механико-строительного института им. Баумана, в кассе городской больницы им. Остроумова, в кассе Московского кожевенного института. И всюду исчезали крупные суммы — от 40 до 54 тыс. руб. По предложению Тыльнера были подняты старые уголовные дела, и судя по «почерку» был определён преступник И.П. Першин. С подачи Тыльнера был арестован не только сам Першин, но и его подельники — Яров и Иванников. За раскрытие этого преступления и иных «громких» преступлений, в 1936 г. Тыльнер был удостоен знака «Почётный работник РКМ» [1].

В декабре 1936 г. Тыльнер в составе опергруппы МУРа был направлен в г. Мелекесс (Куйбышевский край). Группой руководил лично начальник МУРа В.П. Овчинников. Поставленная цель — расследование убийства Марии Прониной, делегата VIII Всесоюзного чрезвычайного Съезда Советов — фигуры,

по значимости сравнимой с современным депутатом Госдумы. Преступление было раскрыто в кратчайшие сроки, были установлены убийцы Прониной — Розов, Федотов и Ещеркин, и основную роль в раскрытии этого убийства сыграла именно бригада МУРа в составе майора милиции В.П. Овчинникова, капитана милиции Ф.И. Безрукова, старшего лейтенанта милиции Г.Ф. Тыльнера и других [8, с. 4].

В ноябре 1937 г. в честь XX годовщины органов РКМ Г.Ф. Тыльнер в составе большой группы сотрудников милиции был награждён орденом Красной Звезды. Именно так советское правительство отметило его успехи в деле «...борьбы с бандитизмом и уголовной преступностью».

В годы «Большого террора» Тыльнер оказался один из тех немногих сотрудников МУРа, кто не был подвергнут репрессиям. Его фамилия проходила по материалам агентурного дела, заведённого на сотрудников МУР в УГБ УНКВД по Московской области. Дело было заведено по показаниям сотрудников московской милиции Шершевского и Безрукова о якобы существовавшей в УРКМ г. Москвы контрреволюционной группе, членом которой был и Тыльнер. Спасло его от ареста лишь то, что отсутствовали прямые показания о его участии «в контрреволюционной группировке». Вся информация — это показания со слов уже расстрелянных сотрудников МУРа, в частности — бывшего начальника МУРа Л.Д. Вуля. С началом «бериевской оттепели» агентурная разработка Тыльнера была прекращена, дело сдали в архив, а 25 сентября 1940 г. и весь «компромат» 1937 г. был изъят из его личного дела [1].

Подобные перипетии никак не отразились на карьере Г.Ф. Тыльнера. В феврале

1939 г. он был назначен заместителем начальника Московского уголовного розыска, и пробыл в этой должности до августа 1954 г. За это время сменилось несколько начальников МУРа — К.М. Рудин, Л.П. Рассказов, А.М. Урусов, К.П. Гребнев, А.А. Кошелев и И.В. Парфентьев. И при всех них Тыльнер оставался заместителем начальника МУРа. Вероятная причина этого была одна. Тыльнер зарекомендовал себя, как «...высоко классный разыскной работник, главным образом по особо сложным преступлениям», он умел быстро ориентироваться в любой оперативной обстановке, мог быстро и «...умело организовывать и расставлять работников на месте происшествия», к тому сам «...лично участвовал во вскрытии ряда сложных преступлений». Но несмотря на положительную аттестацию, карьерного роста у Тыльнера не наблюдалось. Он так и оставался в вечных «зamax». Вероятно, причинами этого были: долгая беспартийность нашего героя (в ВКП(б) он вступил только в 1939 г.), да и отдельные его начальники отмечали, что он, как руководитель «...недостаточно требователен к оперативному составу» [1].

Был в служебной карьере Тыльнера период, когда он покидал столицу. В августе 1942 г. его откомандировали из Москвы в г. Куйбышев. С августа 1942 по июнь 1943 гг. он был заместителем начальника УРКМ УНКВД по Куйбышевской области. Причина переброски состояла в том, что Куйбышев — «запасную столицу» — захлестнула волна опасных уголовных преступлений (бандитизм, грабежи, кражи и т.д.). Местная милиция неправлялась, и требовалась профессиональная помощь со стороны.

Архивные документы свидетельствуют, что рост уголовной преступно-

сти в «запасной столице», был вызван не только военными бедствиями. В 1940 г. вблизи города для строительства авиационных заводов был открыт Безымянский ИТЛ НКВД. С началом войны в регион было переброшено значительное число оборонных предприятий. В качестве рабочей силы на эти заводы часто направляли бывших заключённых, освобождённых из Безымянского ИТЛ НКВД. Свою лепту в рост преступности внесли и мобилизованные на работу в оборонную промышленность жители сел, деревень и небольших городов региона. Некоторые из них, не выдержав тяжёлых условий, или просто не желая работать, бежали с промпредприятий, оставались в городе и лишённые средств к существованию втягивались в криминальный промысел. Так в мае 1942 г. только с завода № 309, относящегося к Наркомату боеприпасов СССР дезертировало 149 чел. [9, л. 174]. Немало проблем создавали дезертиры, бежавшие из воинских частей и рабочих батальонов, пополняя тем самым криминальный элемент. Как пример: некий Б.И. Михайлов, 1921 г.р., рецидивист (ранее судим за крупные кражи и побег из тюрьмы), бежал из ИТЛ, организовал вооружённую банду, совершившую нападения и разбои. Бандиты были вооружены, имели при себе револьверы системы «Наган». Ими была ограблена контора «Волгоразгруз», где было похищено 2427 руб., 33 продовольственных карточки и другие ценные вещи, затем ограблено Управление очистки г. Куйбышева. Здесь преступниками было похищено 2327 руб. и 106 продовольственных карточек [10, л. 299–299 об.].

Всё это привело к росту уголовных преступлений, и в первую очередь тяжких — убийства, разбой, грабежи. Выделялся в уголовной статистике

сам г. Куйбышев, и его новый район — Безымянка (район концентрации эвакуированных оборонных заводов). Так из 100% разбоев, совершённых в области, около 60% приходились на Куйбышев, и в частности, на Безымянку. Аналогичная ситуация складывалась и с иными преступлениями — кражами, грабежами и убийствами.

Местное партийное руководство было недовольно слабой работой правоохранительных органов. Вот несколько резолюций 1-го секретаря Куйбышевского обкома ВКП(б) Н.Д. Никитина на отчётах местного УРКМ: «т. Лобуренко [И.Л. Лобуренко — начальник УМ г. Куйбышева] нужно навести порядок, распоясались воры, если так пойдёт, то всё у нас украдут» [11, л. 98]. Другая его резолюция: «Т. Лобуренко нужно подавить такие бандитские формирования, а то они житья нам не дадут. Смело и решительно нужно было это сделать. Подобные формирования — это очень опасно» [11, л. 74]. Жёсткой была и реакция партийного руководства и на дезертирство населения: «Т. Блинов [А.С. Блинов — начальник УНКВД области]! Очень много дезертиров и уклоняющихся от мобилизации. Надо обратить внимание. Чаще проводить облавы» [9, л. 222].

Прибыв в г. Куйбышев, и ознакомившись с криминальной обстановкой Тыльнер, тут же проявил себя как опытный организатор и руководитель оперативной работы. Он, совместно с руководством ряда оперативных подразделений УМ города и области (ОУР, ОБХСС, ОББ, патрульно-постовая служба) наметил план спешных мероприятий. После численного увеличения ночных патрулей и подвижных милицийских групп (за счёт бригадмайльцев, представителей партийно-советского аппарата и военных)

были проведены масштабные облавы и проверки документов в г. Куйбышеве и иных городах области. Ночные патрули и оперативные группы в первую очередь стали действовать в криминальных районах, а также на вокзалах, в кинотеатрах, коммерческих ресторанах и в «...иных местах, где скапливался преступный элемент». В итоге с января по июнь 1943 г. в г. Куйбышеве и области была задержана и арестована 187 дезертиров РККА и 103 чел. — уклоняющихся от призыва, 103 чел. — бежавших с оборонных предприятий. Под арестом за конкретные уголовные преступления оказались 123 чел., всего же аресту подверглись 413 чел., из них по г. Куйбышеву — 158 чел. [12, л. 541].

В оперативной работе Тыльнер редко ограничивался лишь кабинетными делами. Он принимал деятельное участие в расследование сложных и запутанных уголовных дел. Вот один из таких примеров. Поздней ночью, 13 апреля 1943 г., Мария Крамарчук, повар столовой Военторга, вернулась в свой дом, и застала там страшную картину. В комнате, лежали тела её детей — 15-летней Анастасии, 4-летней Нины и годовалой Галины. В коридоре лежала убитая няня — 15-летняя Лиза Сыраева. На убитых имелись следы ударов, нанесённых топором [13]. На место происшествия прибыла опергруппа, возглавляемая Тыльнером и начальником ОУР УМ г. Куйбышева, В.Г. Дмитриевым. Осмотр позволил сложить общую картину преступления. Убийство произошло в промежутке между 22:00 и 23:00. Входная дверь не носила следов взлома, что указывало на то, что няня знала убийц и впустила их добровольно. Опрос соседей ничего не дал: никто не видел подозрительных лиц, не слышал криков из дома Крамарчук. Ясен был и мотив

преступления — из дома исчезло множество носильных вещей. Это говорило о том, что убийц было несколько: одному было не под силу вынести столько награбленного.

Первоначальные поиски были безрезультатными. Круг общения семьи Крамарчук был тщательно изучен, знакомые убитой няни проверены, алиби самой Марии Крамарчук подтвердились. Попытки обнаружить украденное на рынках, в комиссионных магазинах и у спекулянтов не принесли успеха. Преступление медленно, но верно переходило в разряд «висяков». Но Тыльнер не сдавался, он каждый день скрупулёзно изучал всю оперативную информацию, касающуюся уголовных преступлений в городе. Однажды его внимание привлекло сообщение участкового Горбунова, работавшего в старой части Куйбышева. Участковый, проходя по двору одного из домов, случайно услышал разговор соседских мальчишек. Один из них пересказывал услышанный разговор родителей о каком-то зверском убийстве и ограблении. Горбунов, проявив бдительность, дослушал разговор до конца и передал информацию в отдел УР УМ г. Куйбышева.

Так фактически случайная информация дала толчок к раскрытию этого громкого преступления. Часть услышанного разговора наводила на мысль, что речь шла об убийстве детей. Тыльнер поручил установить личность мальчика, его место жительства и состав семьи. Выяснилось, что тот живёт с матерью на ул. Обороны, а её сожителем является некто Владимир Клементьев, 33-летний рецидивист, восемь раз судимый, нигде не работающий и уклоняющийся от призыва в рабочий батальон. Несмотря на явные основания для ареста, Тыльнер не стал спешить. Было дано указание установить круг об-

щения Клементьева, выявить тех, с кем он мог совершить преступление. Клементьев не был знаком с семьёй Крамарчук, а всё указывало на то, что в убийстве участвовал человек, знакомый с семьёй. Так были установлены близкие друзья Клементьева — Метелкин и Андросюк. Если Метелкин привлёк внимание лишь своей судимостью, то Андросюк оказался знаком с Марией Крамарчук. Он приходился ей дальним родственником и ранее часто бывал в доме на улице Крупской.

Первым был задержан Клементьев. На допросе, который вели Тыльнер и Дмитриев, преступник долго отрицал свою вину. Но под тяжестью неопровергимых улик сломался и начал давать признательные показания. Оказалось, что именно он был организатором этого преступления, а его сообщниками — Метелкин и Андросюк. Последнему отводилась ключевая роль, так как он был знаком с семьёй Крамарчук и няней Сыраевой. На допросе Клементьев указал место, где преступники спрятали часть похищенного — в квартире некой Мухамедьяровой. В ночь с 18 на 19 мая 1943 г. были арестованы Метелкин и Андросюк. В ходе обысков в их квартирах были обнаружены вещи, похищенные из дома Крамарчук: 3 военных гимнастёрки, 3 комплекта мужского нательного белья, женский суконный костюм, демисезонное пальто, несколько метров хлопчатобумажной ткани, кусок хромовой кожи, шёлковое платье, а также 3 грязные простыни и 12 старых детских пелёнок[13].

В ходе следствия арестованные проявляли раскаяние и просили о снисхождении. Особенно усердствовал Андросюк, проявивший себя как патологическая личность. Выяснилось, что после совершения убийства он приходил к убитой горем матери, выражал ей соболезнования,

ходил с ней в морг для опознания тел, за-казывал гробы для похорон.

30 июля 1943 г. Военный трибунал Куйбышевского гарнизона рассмотрел уголовное дело в отношении подсудимых. Андросюк и Клементьев были приговорены к расстрелу, а Метелкин получил 10 лет лишения свободы [13].

В июне 1943 г. Тыльнера вновь вернули на службу в Москву, на прежнюю должность — заместитель начальника МУРа. Руководство НКВД СССР отмечало, что при его прямом участии удалось сбить вал уголовных преступлений в Куйбышеве и в области. Это подтверждала и статистика: произошло значительное снижение убийств и всех видов грабежей — на 49,8%, квартирных краж — на 29%. Снизилось и общее число преступных проявлений — на 12,2%. В мае 1943 г. в области было совершено 1723 уголовных преступлений, а в июне 1943 г. лишь 1450 уголовных преступлений. При этом 1321 преступление было раскрыто — это 83,2% от общего числа совершённых преступлений [12, л. 401].

Свидетельством успешной работы Тыльнера в г. Куйбышеве стала его служебная аттестация за период 1943–1944 гг.: «Работая в занимаемой должности улучшил агентурно-оперативную работу <...> В раскрытии преступлений применяет смело и умело агентурные комбинации. В [оперативной] обстановке ориентируется правильно. Обладает достаточным практическим опытом и теоретической подготовкой по своему разделу работы. В милиции работает с большим желанием» [1]. Руководство ГУМ НКВД СССР отметило его усилия по борьбе с преступностью в г. Куйбышеве и области, в 1944 г. Тыльнер был награждён орденом Красного Знамени.

Занимая ответственный пост в аппарате МУРа Тыльнер не только активно мобилизовал своих подчинённых на успешную борьбу с уголовной преступностью, но и сумел воспитать целую плеяду молодых, энергичных и профессиональных работников московской милиции. Из его служебной аттестации за 1948 г. (утверждена начальником МУРа, комиссаром милиции 3-го ранга А.М. Урусовым): «Работу любит, проявляет большую инициативу, отдаёт ей все силы, способности и знания, не считаясь с личным временем. Наряду с руководящей работой, принимает личное участие в организации и профилактике [оперативных] мероприятий, а также ведёт большую работу по раскрытию наиболее серьёзных преступлений и разработке преступных элементов». Урусов в августе 1948 г. предложил присвоить Тыльнеру звание — комиссар милиции 3-го ранга. Но руководство МВД СССР не поддержало это предложение, и в отставку по возрасту Тыльнер ушёл в звании полковника милиции. Произошло это в октябре 1954 г. [1].

В 1953–1954 гг. несмотря на сравнительно молодой возраст (всего 54 года), у Тыльнера начались проблемы со здоровьем, и вследствие чего по мнению руководства УМВД Московской области (генерал-лейтенант В.С. Рясной) он стал «...проявлять пассивность и утратил оперативную остроту в работе, снизил требовательность к оперативному составу». Мнение Рясного поддержало и партийное начальство г. Москвы, оно не стало утверждать Тыльнера в должности заместителя начальника МУРа. Тот и сам понимал, что состояние здоровья влияло на качество его работы. Да и эпоха менялась, он уже ощущал себя «человеком прошлого времени». В органы МВД стали приходить новые кадры — из числа молодых,

перспективных, партийных, хотя и лишенных серьёзного оперативного опыта.

Став пенсионером МВД, Г.Ф. Тыльнер не прервал своих отношений с МУРом. Вскоре он возглавил внештатную секцию уголовного розыска при Совете ветеранов УМВД–УВД Мосгорисполкома. Он и ряд его бывших коллег занялись изучением уголовных дел о нераскрытых преступлениях, набрасывали свои замечания и предложения, с которыми в дальнейшем знакомили следователей и оперативных работников. Так ряд «старых» уголовных дел переходили в разряд перспективных, а затем и успешно раскрытых [14, с. 67]. Также в конце 1950-х гг. Тыльнера пригла-

сили читать лекции курсантам Московской средней школы милиции [15, с. 4].

Г.Ф. Тыльнер скончался 1 февраля 1969 г. в г. Москве, похоронен на Ваганьковском кладбище [16, с. 4].

В данном очерке была предпринята попытка объективного освещения жизненного пути и профессиональной деятельности одного из ведущих сотрудников МУРа в эпоху правления И.В. Сталина — Г.Ф. Тыльнера. Полагаем, что представленный материал заинтересует читателей и послужит стимулом для дальнейших научных изысканий в данной области, в частности, более углублённого изучения биографии нашего героя.

Литература и источники

1. Зональный Информационный Центр (ЗИЦ) ГУ МВД России по г. Москве. Архивное личное дело № 49583 на Тыльнера Г.Ф.
2. МЧК. Из истории Московской чрезвычайной комиссии. Сборник документов (1919–1921 гг.). М.: Московский рабочий, 1978. 320 с.
3. *Рассказов Л.* По следам героев // Вечерняя Москва. — 1958. — 19 декабря. — (№ 297).
4. Коммунистический труд (г. Москва). — 1921. — 3 ноября. — (№ 480).
5. Вечерняя Москва. — 1924. — 14 мая. — (№ 109).
6. Вечерняя Москва. — 1924. — 16 мая. — (№ 111).
7. Известия. — 1928. — 31 января. — (№ 26).
8. Известия. — 1936. — 27 декабря. — (№ 301).
9. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее — СОГАСПИ). Ф.656. Оп. 20. Д. 32.
10. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 20. Д. 36.
11. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 20. Д. 31.
12. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 22. Д. 20.
13. Отдел специальных фондов (ОСФ) Информационного Центра (ИЦ) ГУ МВД России по Самарской области. Коллекция прекращённых уголовных дел. Архивное уголовное дело № 6542-СО в отношении Андресюка Е.Н., Клементьева В.К. и Метелкина В.А.
14. *Рассказов Л., Горский П.* Таким мы знали ветерана // Советская милиция. 1969. № 11. С. 66–67.
15. *Патрикеев А.* Школа офицеров милиции // Вечерняя Москва. 1958. 16.08. (№ 193).
16. Сообщение о смерти Г.Ф. Тыльнера // Вечерняя Москва. — 1969. — 3 февраля. — (№ 28).

Georgy Tylner: On the Front of the Fight Against Criminal Crime

This article describes the life and career of a well-known employee of the Moscow Criminal Investigation Department, G.F. Tylner. The documentary basis of the publication was made up of materials from the departmental archives of the Ministry of Internal Affairs of Moscow and the Samara region. The article presents new data on the fight against criminal crime in the «reserve capital» — Kuibyshev in 1942–1943.

Keywords: Tylner; Moscow Criminal Investigation Department (MPD); the Great Patriotic War; «reserve capital»; Kuibyshev.

Слободянюк А.А.

Общество изучения истории отечественных спецслужб,

Москва

Об итогах боевой деятельности оперативных групп НКГБ на временно оккупированной советской территории в 1943 году

В статье представлены основные направления и результаты деятельности оперативных групп НКГБ СССР в 1943 году на территории, оккупированной немецкими войсками.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; НКГБ СССР; оперативные группы; боевая деятельность; агентурные мероприятия; диверсионные акты; временно оккупированная территория.

В мае 2025 году Россия и всё прогрессивное человечество отметило важную веху в мировой истории — 80-летие со дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Чекисты внесли огромный вклад в обеспечение разгрома фашистских захватчиков. Подвиги, совершенные ими в военную пору, представляют огромный интерес и вызывают законное восхищение у современников.

На временно оккупированных противником западных советских территориях к 1943 году были развёрнуты и успешно действовали оперативные группы НКГБ Союза ССР (до 14 апреля 1943 г. Народного комиссариата внутренних дел Союза ССР) и его республиканских и областных структур [1, 622–623]. Их количество в 1943 году выросло с 41 до 125, а общая численность достигла 7200 чел. Оперативные группы (ОГ) значительно расширили границы боевой деятельности на административные и промышленные центры, имеющие важное значение стратегические железнодорожные и шоссейные дороги. Был обеспечена устойчивая радиосвязь действующих в тылу против-

ника оперативных групп с НКГБ СССР, которые располагали в 1943 году 345 радиостанциями [2, л. 1а].

В октябре 1943 г. в тылу противника действовало 124 оперативных группы НКГБ СССР общей численностью 5800 чел. Из них оперативных групп НКГБ СССР — 43, оперативных групп НКГБ Белорусской ССР — 55 чел., оперативных групп ГКГБ Украинской ССР — 4, оперативных групп различных УНКГБ — 22 [2, л. 258].

Основными задачами, поставленными Центром перед оперативными группами, стали: проведение диверсионной работы на важнейших коммуникациях и жизненных центрах противника, ликвидация видных представителей немецких оккупационных властей и их пособников, агентурное разложение воинских формирований, создаваемых немцами из числе предателей и неустойчивых советских военнопленных. Оперативные группы развернули систематическую разведывательную работу по сбору сведений о дислокации и переброске частей и соединений немцев, развёрнутых ими аэро-

дромов и баз материально-технического обеспечения.

В результате осуществлённых диверсионных актов в 1943 году пущено под откос 1039 железнодорожных эшелонов, в результате чего уничтожен 941 пассажирский и 8671 железнодорожных вагонов, платформ, цистерн с горючим; взорвано 220 железнодорожных и шоссейных мостов; порвано 139305 метров телефонно-телеграфной связи; уничтожено путём взрывов и поджогов 198 немецких предприятий и складов. При боевых столкновениях с противником убито и ранено около 53700 солдат и офицеров германской армии и карательных отрядов [2, л. 1–2].

Ликвидация крупных представителей немецких оккупационных властей и командования германской армии. Оперативными группами в 1943 г. ликвидировано 42 видных представителя германской администрации и командования, в том числе: после полуторагодовой напряжённой работы пяти оперативных групп НКГБ СССР, оперировавших в районе Минска, удалось с привлечением наёмной агентуры провести успешную ликвидацию генерального комиссара Белоруссии, члена германского Рейхстага Вильгельма Кубе. В ноябре 1943 г. в районе г. Ровно ОГ НКБ СССР, возглавляемой подполковником Д. Медведевым, после агентурной подготовки, был застрелен помощник Рейхскомиссара Украины обер-фюрер, доктор Альфред Функ. В марте 1943 г. ОГ НКГБ СССР, руководимая подполковником ГБ Героем Советского Союза К.П. Орловским, получившем агентурные данные о предстоящей охоте видных гитлеровских чиновников, ликвидировала в успешной засаде заместителя генерального комиссара Белоруссии, обергруппенфюрера

СС, он же главный комиссар по Барановичской области — Фридриха Фенча, вместе с которым были убиты барановичский гебитскомиссар Фридрих Штюр и руководитель Лесного управления Белоруссии, обергруппенфюрер Фердинанд Засарнас. Кроме перечисленных были убиты 8 генералов, 7 гебитскомиссаров и их заместителей, 6 руководящих работников немецкой оккупационной администрации. [2, л. 2].

Агентурное разложение войсковых соединений, созданных из предательского элемента. В проведённой ОГ агентурной работе разложено 98 различных подразделений противника, созданных из числа предателей и военнопленных, с общей численностью 16 800 чел. Из их числа свыше 14 000 с оружием перешли на нашу сторону и переданы в расположение командования партизанских соединений [2, л. 3].

Выявление шпионов и активных пособников противника на оккупированной советской территории. Оперативными группами НКГБ СССР в 1943 году проведены внедрения агентуры в разведывательные и контрразведывательные органы противника, административные и полицейские учреждения, а также допросом разоблачённых шпионов, произведённых на базах оперативных групп и частично доставленных на нашу территорию, выявлено свыше 15 000 немецких агентов и активных пособников оккупантов, находящихся на занятой врагом территории. Из этого числа захвачено и расстреляно 3040 чел. Кроме этого выявлено более 1260 немецких агентов, заброшенных органами германской разведки в тыл КА для диверсионной и разведывательной работы, из коих уже арестованы 751 человек, а остальные разыскиваются [2, л. 3].

Разведывательная работа. Напряжённой работой, проведённой оперативными группами в 1943 году собраны разведывательные сведения о деятельности и агентуре германской разведки, пособниках оккупантов и шпионах, заброшенных на нашу территорию. Собраны данные о концентрации и передвижении войск, авиационных, материально-технических и других базах германской армии, о строительстве аэродромов, укреплений и т. д. Всего в 1943 году получено 1768 разведывательных сообщений, их числа которых направлены: а) Разведывательному Управлению Генерального Штаба Красной Армии — 687; б) Авиации Дальнего Действия — 318; в) Командующим фронтов — 135. Остальные сообщения реализованы органами НКГБ СССР в агентурно-оперативной работе [1, л. 4].

Из Сообщения начальника 2-го отдела 4-го Управления НКГБ СССР полковника ГБ Моклярского И. Б. от 15/16.5.43 г. № 4/0/2–15 марта 1942 года в район г. Полоцка, Витебской области была направлена оперативная группа «Неуловимые» в составе 30 чел. под командованием майора М. С. Прудникова¹, его замести-

¹ Прудников Михаил Сидорович (1913–1995), генерал-майор (1970), с июля 1941 года — комендант Харьковского кавалерийского пограничного училища НКВД им. Ф. Э. Дзержинского, курсант ВШВ НКВД, командир боевой группы 9-го Отряда Специального Назначения 3-го батальона 1-й Бригады Особой группы при Наркоме внутренних дел Союза ССР, на основании приказа № С/7 от 1.8.41 г. полковника Орлова командира 1-й бригады был назначен на должность командира пулемётной роты и ему было поручено сформировать пулемётную роту к 6.8.41 г. (рота трех-взводного состава 12 станковых пулемётов «Максим»), затем вриод адъютанта 1-го батальона [4, л. 87] и командир батальона Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД СССР (ОМСБОН). Участник битвы за Москву. С февраля 1942 года по май 1943 года подполковник М. С. Прудников командир

телем ст. лейтенанта Глезина и начальника разведки быв. сотрудника НКВД Корабельникова. Задачи группы: проводить диверсионную работу на тыловых коммуникациях и жизненных центрах противника, вести военно-политическую разведку в тылу немцев, выявлять пункты сосредоточения войск и техники, дислокации тыловых штабов и учреждений, следить за передвижением войск и т. д. В период до 15 апреля 1943 года группа, успешно выполняя поставленные задачи, выросла в большую боевую единицу, до 1300 чел., за счёт партизан из местного населения и военнопленных, бежавших из немецкого плена. На вооружении группа имеет, кроме винтовок, автоматов и личного оружия, 13 пулемётов «максим» и 6 миномётов. За этот период пущено под откос 234 эшелона, повреждён 1 и сбито 13 немецких самолётов, убито 25 168 и ранен 7751 солдат и офицеров противника, ликвидировано 428 немецких агентов и 252 полицейских. Взорвано 33 железнодорожных и сожжено 33 шоссейных моста. При крушении воинских эшелонов уничтожено 53 цистерны с горючим, 64 раза взрывался железнодорожный путь и др. Во время налётов разгромлено 3 вражеских гарнизона, проведено свыше 50 боёв с противником. Среди местного населения для ведения разведывательной работы завербовано 223 осведомителя и агента. Связь с группой осуществляется посредством радио. Майор М. С. Прудников находится в Москве, куда он прибыл на самолёте 2 мая с. г. для доклада о проведённой работе [5, л. 198–199].

оперативной группы, а затем партизанской бригады «Неуловимые» на территории Витебской и Барановичской областей Белорусской ССР. Герой Советского Союза (1943).

В апреле 1943 года оперативными группами 4-го Управления НКГБ СССР (Сообщение от 24/27.04.43 г. № 4/8/322), действующими в тылу противника был пущен под откос 41 воинский эшелон, уничтожено 11 паровозов, 132 вагона и платформы, убито солдат и офицеров противника — 850 и ранено 270 чел. В результате проведённых диверсий, движение на железных дорогах приостанавливалось на 376 часов. Диверсии были осуществлены на участках Полоцк-Двинск — пущено под откос 4 эшелона; Себеж-Индира — 7, Гомель-Пинск — 1, в районе Минска — 4, Коростень-Киев — 1 и в районе Сарны — 7. Также были осуществлены диверсионные акты на участках железной дороги Орша-Унеча, Брянск-Навля и шоссе Чернигов Овруч. На участке железной дороге Полоцк-Двинск оперативная группа, возглавляемая тов. Прудниковым 2 апреля 1943 г. в 2-х км. западнее пущила под откос воинский эшелон, следовавший с фронта. Разбит паровоз и 6 вагонов с живой силой. Убито 135 и ранено 65 немцев. 5 апреля т.г. в 2-х км. юго-восточнее под ст. Борковичи отправлен под откос поезд, следовавший в Полоцк. Разбито 8 вагонов с боеприпасами, убито 2- и ранено 10 немцев. Приостановлено движение на одни стуки. Успешные акции были проведены также 10 апреля т.г. у ст. Дрисса, 20 апреля под Двинском. На участке железной дороги Себеж-Идрица 9 апреля т.г. в 6 км. юго-восточнее ст. Заваруйка Псковской области был пущен эшелон с боеприпасами. В результате был разбит паровоз и 13 вагонов. Движение приостановлено на сутки. Здесь же в 5 км. от Идрица пущен под откос эшелон противника 11 апреля т.г. В результате были разбиты 18 платформ с танками и 3 классных вагона с живой силой. Убито 23 и ра-

нено 35 солдат и офицеров противника. Движение приостановлено на 12 часов. Успешно были проведены диверсии на железной дороге 12, 17, 23, 24 и 25 апреля т.г. Диверсионная группа под командованием тов. Ежова 30 апреля т.г. пустила под откос эшелон с танками и автомашинами на участке между ж.д. станциями Калиновичи-Клинск. Оперативная группа тов. Ваупшасова¹ во второй половине апреля пустила под откос на железных дорогах вокруг Минска 3 эшелона противника, следовавших на фронт. 29 апреля т.г. группой тов. Мирковского² на шоссе Чернигов — Овруч, между населёнными пунктами Радчи-Грязлива, взорваны две автомашины с живой силой противника из карательного отряда «СС» [5, л. 304–308].

В сообщении начальнику 4-го Управления НКГБ СССР майора ГБ Гуляева от 12/13 мая 1943 г. № 7/с/2812 находим, что на участке Калининского фронта действует оперативная группа в составе тт. Брусова В.И., Якушева Л.Т. и Соболь Р.Р. Группа ведёт разведывательную работу в тылу противника и за время

¹ **Ваупшасов Станислав Алексеевич** (1899–1976), полковник (1949), опытный разведчик, сотрудник центрального аппарата, разведчик-нелегал в Швеции и Финляндии, командир диверсионно-разведывательной группы в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. С 09.1941 г. командир батальона бригады особого назначения в Особой Группе при Наркоме. Герой Советского Союза (1944). [4]

² **Мирковский Евгений Иванович** (1904–1992), пограничник, командир 9-го Отряда Специального Назначения 3-го батальона 1-й Бригады Особой группы при Наркоме внутренних дел Союза ССР, слушатель ВШВ НКВД, до назначения заместитель по разведке начальника 2-го пограничного отряда ПВ НКВД Молдавской ССР (г. Калараш). В Великую Отечественную войну руководил партизанским отрядом им. Ф.Э. Дзержинского «Ходоки» на территории оккупированных Белорусской ССР и Украинской ССР. Герой Советского Союза (1944 г.).

с 6 августа 1942 г. по 10 марта 1943 г.: выявила и разоблачила 12 агентов гестапо и других немецких разведорганов, внедрившихся в партизанские отряды и переброшенных в советский тыл через линию фронта. Все были расстреляны по приговорам ВТ 43-й армии. Ликвидирован начальник разведшколы в гор. Каспле бывший майор РККА — Васильев (исполнитель — агент «Хмара»), бывший полицейский, акт подтверждён командиром партизанского отряда Черенковым. Получены ценные данные о расположении неприятельских аэродромов, ремонтных мастерских, дальнобойных и зенитных батарей в Смоленске, Ярцево, Духовщине, Каспле, Пречистой, Рибшево, Могилёве, Минске и других пунктах. Установлены точные данные о расположении штабов 179-й, 133-й, 7-й авиадесантных и 20-й танковой немецких дивизий и других частей. В апреле и мае 1943 г. накануне наступления частей Красной армии на Белый, Вязьму и другие пункты, были получены агентурные данные об отводе германских командованием живой силы и техники с фронта на участке Белый-Слобода в направлении Украинского фронта. Группой были указаны пути движения войск и техники. Данные получили высокую оценку командования 4-й, 4-й и 43-й армий [5, л. 174–177].

Начальник 3-го отдела 4-го Управления НКГБ Союза ССР майор ГБ Сташко 22 июня 1943 г. за № 4/5/960 доложил руководству НКГБ СССР, что оперативная группа «Победители», действующая в районе г. Ровно под командованием подполковника ГБ Медведева Д. Н. по радио донесла о результатах боевой деятельности за время пребывания в тылу врага с 19 июня 1942 г. по 19 июня 1943 г. В боях и столкновениях с противником, а также в операциях по отвлечению внимания

врага от деятельности группы, убито до 550 и ранено 150 немецких солдат и офицеров, убито и расстреляно до 600 и ранено 180 полицейских, жандармов и немецких агентов. Взорвано и повреждено на железных дорогах 26 воинских эшелонов с живой силой и боевой техникой, 76 паровозов два железнодорожных депо, семь мостов, три железнодорожных мастерских, две электростанции, три дизеля, один склад горючего и 44 метра полотна железной дороги. Кроме того, сбит один двухмоторный бомбардировщик противника, уничтожено 15 автомашин и автобусов, четыре завода-лесопилки, сожжено 25 немецких имений. В результате боевых операций захвачено: до 40 винтовок, восемь автоматов, 31 пистолет, два станковых и восемь ручных пулемётов, до 100 гарант, два миномёта, до 20 тысяч патронов, свыше двух тонн взрывчатых веществ и другое имущество. Документы доставлены в Москву. Группа «Победители», имевшая в своём составе 95 чел. выросла в тылу противника за счёт местного населения, военнопленных, бежавших из немецкого плена, и насчитывает к настоящему времени 503 чел. Потери группы: убито — 37 чел., пропали без вести — 5 чел., ранено — 46 чел. [5, л. 109–109 об]. Первый выход из Москвы группы численностью 30 чел. под командованием тов. Д. Медведева в тыл противника в район Брянск-Смоленск состоялся, согласно приказания начальника Особой группы тов. Судоплатова 28.08.41 г.

Важные сведения поступали советскому командованию из сообщений ОГ НКГБ Союза ССР в период предстоящего сражения в районе Курска. Из района Гомеля 11 июня 1943 г. было получено сообщение с информацией со станции Бобруйск, где с 23 по 29 мая с.г. по железной дороге Минск-Гомель на Орёл про-

следовали: один эшелон с 28-ю тяжёлыми танками типа «Тигр», три с 87 средними танками, один — с авиамоторами, два — с живой силой, девять — с топливом, два с нефтяными дизелями и два эшелона с боеприпасами и продовольствием. За этот же период в обратном направлении, с востока на запад, прошли: 15 эшелонов с итальянскими войсками и разбитыми машинами, 7 — с разбитыми танками, 5 с ранеными и один эшелон с добровольцами прибыл в Бобруйск. Шестаков. Оперативной группы «Славный» под командованием А.П. Шестакова проведено 34 засады, разгромлено 22 немецких и полицейских гарнизона, совершено 85 диверсий на железнодорожных, шоссейных дорогах и объектах,пущено под откос 22 вражеских эшелона с боевой техникой и гитлеровцами, повреждено около 12 километров железнодорожного полотна вместе со стрелочными переводами и тысячи метров телефонно-телеграфных линий, 20 складов с боеприпасами и 10 казарм, уничтожено 10 дзотов, захвачено 300 повозок с боеприпасами, продовольствием и имуществом. На их счету более сотни уничтоженных автомашин с живой силой и военными грузами, десятки мостов, огромное количество боевой техники. Разгромлены тайная школа диверсантов и штаб крупной группировки врага. Убито свыше трёх тысяч фашистских солдат и офицеров [7, л. 28]. По сообщению 3-го отдела 4-го Управления НКВД Союза ССР В.Н. Меркулову от 9 апреля 1943 г.: «В результате агентурных мероприятий, проведённых среди добровольческого батальона «Припять», 6 апреля с.г. к нам перешла одна рота этого батальона численностью в 120 человек, дислоцировавшаяся в Мглине, с вооружением: 8 ручных и два станковых пулемёта, 2 ротных миномёта, один батальонный миномёт и свыше

100 винтовок. Считаю возможным передать эту роту в партизанские отряды. Шестаков» [5, л. 57].

Итогом успешной агентурной комбинации майора ГБ [Золотарь И.Ф.]¹ 9 октября с.г. был захвачен на квартире в гор. Борисове и доставлен на базу опергруппы в немецкой легковой машине капитан войск СС Невенгловский Анатолий Николаевич, 1898 года рождения, до войны проживал в Москве, по адресу; 3-я Тверская-Ямская и работал в Московской конторе Главнефтесбыта в качестве заместителя заведующего складом транспортного хозяйства. С июля по октябрь 1941 г. служил в Красной армии, в 13-й Ростокинской дивизии народного ополчения в звании техника-интенданта 2 ранга. В октябре 1941 г. попал в плен и с тех пор находился в лагерях в Германии, затем был послан в школу разведчиков в гор. Бреслау (Германия). С апреля 1943 г. Невенгловский работал в Брянске, а затем в Борисове при штабе немецкой части, где занимался опросом военнопленных и принимал участие в переброске агентов германской разведки в Советский Союз. В настоящее время Невенгловский допрашивается на базе опергруппы и дал показания о ряде агентов германской разведки, переброшенных в Советский Союз [3, л. 260].

В условиях сложной боевой обстановки руководителям оперативных групп порой приходилось объединять

¹ Золотарь Иван Фёдорович (1905–1981). В апреле 1942 года командир спецгруппы «Артур» под Минском, заместитель командира партизанской бригады «Дяди Кости» П.Г. Лопатина по разведке. Командир сводного отряда имени Ф.Э. Дзержинского. Участвовал в подготовке и осуществлении убийства генерального комиссара Белоруссии В. Кубе. Майор (1945). Награждён орденами Ленина (1943) и др. Знаком «Почётный работник ВЧК-ОГПУ (ХV)» (1937) [9, с. 96].

свои усилия в борьбе с врагом. Так, действовавшие в районе г. Ровно, командиры оперативных групп т. т. Прокопюк¹ и Медведев сообщили Центру, что в течение 8 ноября т. г. обе группы объединёнными силами вели бои с тремя батальонами немецкого карательного отряда, общей численностью до 1.500 чел. Отряд карателей чекистами был разбит, убито до 300 солдат и офицеров, разгромлен штаб одного из батальонов, убит командир батальона капитан немецкой армии. У противника была захвачена радиостанция, три пушки, три батальонных миномёта пять автоматов, 1000 снарядов, 500 мин, свыше 100 000 патронов, винтовки и пистолеты, а также 33 парных подводы, разные документы и другие трофеи. Потери оперативной группы тов. Д. Медведева составляют 10 чел. убитыми, в том числе бойцы — Слашков и Дроганов, направленные из Москвы и 24 чел. ранеными [8, л. 160].

Невозможно в одной статье охватить тысячи примеров отваги и геройства чекистов, но и приведённые примеры о боевых подвигах личного состава оперативных групп лишь за один год Великой Отечественной войны доказывает их умение в любой самой сложной оперативной обстановке выбрать единственный верный вариант действий и обеспечить выполнение поставленных руководством органов государственной безопасности боевых задач. В случае, если руководством страны будут рассматриваться представления о реализации не завершённых в годы войны представлений о присвоении высокий званий Героев Советского Союза чекистам, возможно рассмотреть кандидатуру чекиста тов. Шестакова А. П. командира Оперативной группы «Славный»².

Вечная память бойцам и командирам чекистских формирований, павшим в боях за нашу Родину!

¹ Прокопюк Николай Архипович (1902–1975), пограничник. Служил в органах пограничной разведки, воевал в Испании. С началом боевых действий находился в тылу немецких оккупантов, был командиром разведывательно-диверсионного отряда НКВД «Охотники», действовавшего вначале в западных районах Киевской области, а затем в Цуманских лесах. Герой Советского Союза (1944) [10].

² Шестаков Анатолий Петрович (1915–1944). Место рождения: Алтайский край, Змеиногорский р-н, Колывань. Начальник заставы 12-го погранотряда, участник боёв на границе. В 1942 г. — адъютант старший 2-го батальона 2-го мотострелкового полка ОМСБОН НКВД. Затем в распоряжении 4-го Управления НКГБ СССР — командир отряда специального назначения «Славный» в тылу врага. Спецгруппа взорвала 19 эшелонов с боевой техникой и уничтожила 6 тыс. солдат и офицеров противника. Майор Шестаков А. П. погиб в бою в 12.06.1944. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени (1943 г.), Красной Звезды, медалью «Партизану Отечественной войны» I степени. [11]

Литература и источники

1. Лубянка: Органы ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ — МВД — КГБ. 1917–1991: Справочник / Авторы-сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2003. — 766 с.
2. Центральный архив Федеральной службы безопасности России (далее — ЦА ФСБ России). Ф. 4. Оп. 1. Д. 465.
3. ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 2. Д. 928.
4. Александр Муромов. «Двадцать восемь месяцев в тылу врага». Красная Звезда 16.07.2021.
5. ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 473.
6. Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 38725. Оп. 1. Д. 8.
7. ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 475.
8. ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 2. Д. 929.
9. Золотарь И.Ф. Записки десантника. — Москва: Издательство «Молодая гвардия», 1955. — 238 с.
10. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Картотека награждений: шкаф 71, ящик 3.
11. ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 473; РГВА. Ф. 32904 Оп. 1 Д. 245. Л. 28

Slobodyanyuk A.A.

*Society for the Study of the History of Domestic Special Services,
Moscow*

**On the results of the combat activities of the NKGB operational
groups in the temporarily occupied soviet territory in 1943**

In the article, the author presents the main directions and results of the activities of the operational groups of the NKGB of the USSR in 1943 on the territory occupied by German troops.

Keywords: Great Patriotic War; NKGB of the USSR; operational groups; combat activity; undercover activities; acts of sabotage; temporarily occupied territory.

Соломонова В. В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Липецкий филиал),
Липецк*

Деятельность органов НКВД-НКГБ на территории современной Липецкой области в период Великой Отечественной войны в 1941–1943 гг.

В статье рассматривается деятельность липецких органов государственной безопасности в период с 1941 г по 1943 г., а именно: участие в формировании истребительных батальонов, руководство партизанским движением, противодействие агентам немецких спецслужб, а также раскрывается работа задонской разведывательно-диверсионной школы под руководством старшего лейтенанта госбезопасности Т.Г. Ноура.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; НКВД; НКГБ; контрразведка; Абвер; агентура; Липецкая область; разведывательная школа; партизанский отряд; истребительный батальон.

29 июня 1941 года ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР издали директиву № П509 партийным и советским организациям прифронтовых областей, определившую основные задачи в условиях войны [1, с. 121–123]. Она определила основные задачи деятельности партийно-государственных органов в условиях войны, в том числе установила приоритетное функционирование органов НКВД–НКГБ.

Была регламентирована деятельность не только НКВД, но и других государственных структур, которые оказывали существенную помощь военным контрразведчикам в борьбе с противником. Так, с началом войны постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 июня 1941 г. «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе» было определено положение о создании истребительных батальонов [1, с 64–65].

28 июня 1941 года было принято решение о формировании при управлении НКВД по Воронежской области 6-ти истребительных батальонов в каждом районе Воронежа и области, а позднее — 7 июля 1941 года при Липецком горотделе НКВД был организован истребительский батальон. Первоначальная численность которого составила — 100 человек, а вскоре была увеличена почти до 300 человек. В городе ввели военное положение. Отряды батальона несли охрану заводов, учреждений; вылавливали шпионов и диверсантов. Штаб их располагался на площади Революции. Уже к 20 июля 1941 года в Воронежской области было создано 90 истребительных батальонов, численность которых составила 16 тыс. человек [2, с. 26].

Одним из направлений деятельности органов НКВД было создание партизанских отрядов. Уже к концу октября 1941 в Липецкой области было организовано

13 партизанских отрядов общей численностью около 400 человек. Были созданы отряды под названиями: «Народный мститель», «Смерть оккупантам», «Красный боец», «Свободный воин», «Неуловимый», «Бесстрашный», «За Родину».

В Боринском районе был сформирован отряд, состоящий из 31 человека, в других: Хворостянском, Грязинском и Липецком районах создали по два отряда. Также два отряда были сформированы и в Липецке, в случае оккупации.

Будущие партизаны изъявляли желание сами, писали заявления в местное НКВД: «Прошу принять меня в партизанский отряд (...) на случай занятия нашей территории» [7]¹.

С начала войны регион стал тыловой базой, которая обеспечивала фронт бойцами, вооружением, снабжала продуктами и медикаментами. Некоторые районы Липецкой области представляли интерес у противника. Липецкий тракторный завод выпускал детали для танков, по территории Липецкого края проходили многочисленные линии связи, а также были проложены магистрали железных путей. Елецкие железнодорожники обе-

спечивали бесперебойную доставку грузов на фронт.

При приближении линии фронта и усилении натиска наступающих войск противника на направлении Воронеж–Липецк [8, л. 467] значительно активизировались немецкие спецслужбы: забрасывалась в большом количестве агентура противника [2, с. 26]. Вражеские агенты и диверсанты были экипированы в форму красноармейцев, имели при себе документы прикрытия, а также оружие и коротковолновые радиостанции. Помимо прямой цели — сбора разведывательных сведений о Красной армии, перед ними ставились задачи по проведению диверсий и террористических актов.

Основной удар в противостоянии спецслужбам нацистской Германии приняли на себя органы военной контрразведки и территориальные органы НКВД СССР. Против чекистов действовали разведывательно-диверсионные группы в составе агбера: агбвергруппы № 105, № 107, № 207, № 304, № 305, № 309, № 315, а также оперативная группа «Б» фельдполиции и отряды особого назначения 7А и 7Б. Штабы указанных подразделений находились в Орле, Карабеве, Трубчевске, Локте, Фатеже, Курске, Новом Осколе, Девице, под Воронежем и других городах [5, с. 43]. Летом 1942 года органы НКВД принимали меры по розыску и аресту агентуры германской военной разведки, подготовленной агбвергруппой 105 [3].

В ходе боёв особые отделы НКВД несли значительные потери [2, с. 24]. Исходя из этого, было необходимо произвести укомплектование оперативным составом особых отделов НКВД, действовавших на линии фронта: было направлено определённое количество сотрудников из территориальных органов Воронежской и Орловской областей,

¹ Территория современной Липецкой области дважды была частично оккупирована немецкими войсками. Уже в октябре 1941 года фронт приближался к Липецкому району. В ноябре и начале декабря фашисты оккупировали полностью или частично Измалковский, Долгоруковский, Становлянский, Елецкий, Тербунский и Воловский районы. В декабре в ходе Елецкой наступательной операции были освобождены более 400 населённых пунктов, в том числе Елец. В июле 1942 г. немцы снова оккупировали Воловский и Тербунский районы. На этот раз фашисты находились в крае около 7 месяцев. 24–26 января 1943 г. войска Воронежского и Брянского фронтов перешли в наступление. От фашистов была освобождена оккупированная территория нынешней Липецкой области, часть Воронежской и Курской областей.

а также Липецкого городского отдела, относящегося к Воронежскому управлению.

Система мер по розыску шпионов и диверсантов противника осуществлялась путём многочисленных оперативных мероприятий, в том числе фильтрации подозрительных лиц, паспортного контроля и наблюдения с помощью местного населения за местами возможной выброски немецких агентов. При получении сигнала о выброске немецких парашютистов создавались оперативно-разыскные группы, которые вели их розыск на месте и по возможному маршруту передвижения.

В апреле 1942 года в штаб истребительного батальона Измалковского района поступило сообщение о том, что ночью в небе находился самолёт. Были задержаны двое мужчин, в ходе обыска были обнаружены документы о направлении указанных лиц на строительство аэродрома. Но при осмотре места предполагаемой высадки были обнаружены радиостанция и парашюты. После предъявления фактов, шпионы дали признательные показания, а также сказали, что их главная цель заключалась в передаче собранных сведений. Через несколько дней немецкие шпионы вышли в эфир в присутствии сотрудников госбезопасности и передали дезинформацию, которой успешно поверила немецкое командование.

В районе расположения штаба 2-го Юго-Западного фронта под командованием генерала Н.Ф. Ватутина с октября по декабрь 1942 года было сброшено более десятка агентов — парашютистов вблизи Воронежского фронта. Первостепенной целью были места концентрации советских войск и техники, а именно: Грязи, Елец, Липецк, Тамбов и Лиски [8].

Железные дороги представляли у диверсантов особый интерес. Так, у станции Чугун (расположена на линии Грязи–Елец) обходчиком был обнаружен ящик с мылом, оперативно прибывшие на место сотрудники госбезопасности определили, что это взрывчатка. Было принято решение вести наблюдение и оставить ящик без движения на прежнем месте. Вскоре диверсант был обезврежен чекистами на месте.

В сентябре 1942 года был обезврежен агент немецкой разведки по фамилии Гарсев. При задержании сотрудники госбезопасности обнаружили взрывчатку, посредством которой тот должен был совершить диверсию на железнодорожной линии Грязи — Борисоглебск.

Ряд агентов немецкой спецслужб на воронежско-липецком участке фронта удалось обезвредить благодаря оперативным комбинациям местных чекистов и военных контрразведчиков. У большинства из них была достаточно хорошая подготовка, пройденная в крупных немецких разведшколах, как Варшавская [5, с. 52] и Полтавская.

Органами военной контрразведки осуществлялся контроль за эфиром в целях обнаружения агентурных радиостанций противника в советском тылу. Особую роль играли в выявлении и пресечении вражеской агентурной работы — радиоигры, некоторые из которых велись годами.

Одна из радиостанций, которая была включена в радиоигры, находилась в г. Ельце (Липецкая область). Посредством которой было установлено и арестовано более 400 сотрудников и агентов немецкой разведки, а также изъято большое количество шпионского снаряжения и оружия [2, с. 23].

Для выявления целей противника использовалось внедрение сотрудников НКВД в немецкие разведцентры. Благодаря чему удалось изучить структуру и установить руководящий состав разведывательного органа «Абвергруппа-105», действовавшего вблизи Липецка и Воронежа [3, с. 343]. В результате чего, информация о готовящихся забросках диверсантов оперативно попадала в руки сотрудникам государственной безопасности.

В мае 1943 года одна из радиопеленгаторных станций зафиксировала работу чужого передатчика в районе посёлка Краснолесный (близ Воронежа), сомнений не было — это немецкая радиостанция. К тому же участились налёты немецкой авиации именно в тот момент, когда на железнодорожной линии Отрожка — Грязи происходило сосредоточение советских войск.

На поиск предателя были брошены все силы территориальных органов госбезопасности и военной контрразведки Степного военного округа. Поиск в районе полосы железнодорожных путей не принесли результатов. Неизвестный продолжал посыл в эфир закодированные сигналы, и вражеская авиация продолжала налёты. Поиск продолжался.

В определённый момент от коллег из Саратова поступила информация о том, что явились с повинной два вражеских агента. В ходе допроса один из них сообщили о существовании третьего агента под псевдонимом «Григорьев», который был также одет в форму лейтенанта Красной армии и был выброшен неподалёку от г. Воронежа, у него была рация для передачи разведывательных данных через линию фронта. Данная информация была достоверной, благодаря которой и был задержан Григорьев, которого опознали «коллеги».

Под псевдонимом «Григорьев» [4] скрывался бывший советский военный — Задорожный, который осенью 1942 года попал в плен, где и согласился работать на противника, а затем прошёл обучение в Варшавской разведшколе. При задержании у Задорожного были обнаружены и изъяты подготовленные для передачи радиограммы [5, с. 51]. Он также раскрыл местонахождения тайника, где находилась рация, денежные средства и документы на различные фамилии.

Другой, более ценный агент «Абвергруппы-105» Мещеряков [2, с. 29], был также задержан советскими контрразведчиками. По заданию противника Мещеряков неоднократно переходил линию фронта в районе г. Ельца для осуществления сбора информации. Мещеряков пользовался особым доверием у разведки противника, именно поэтому осуществлял работу по выявлению «неблагонадёжных» лиц, которых также подготавливали для заброски в советский тыл.

На территории Липецкой области находились оперативные группы госбезопасности, которые поддерживали непрерывную связь с военным командованием и отвечали за переброску через линию фронта разведгрупп и партизанских отрядов, также на территории области базировались два разведывательных центра в Усмани и Задонске. В Усмани в основном готовили бойцов истребительных отрядов для борьбы с вражескими десантами, которые в последующем и стали основой для формирования партизанских отрядов и диверсионных групп. В Задонске базировалась разведшкола, которая сначала была открыта под Орлом, потом из-за оккупации города [5, с. 46] переведена в Елец (*Елец и Задонск до 1954 г. входили в Орловскую область. — Прим. авт.*), а осенью 1941-го

окончательно обосновалась в Задонске под названием «Школа пожарных» [6] и действовала до 1944 г.

В создании разведшколы, которая дислоцировалась под Задонском, принимал участие специалист подрывного дела — полковник Илья Старинов. Именно он изобрёл «поездную» и «автомобильную» мины. Оперативная часть подготовки и диверсионная работа были поручены Дмитрию Беляку. Профессиональный разведчик Георгий Брянцев учил приёмам разведки и заведовал учебной частью. Оба неоднократно были с диверсионными группами за линией фронта, участвовали в формировании партизанского движения в Брянске [6].

В школе велась подготовка партизан, радиотов, разведчиков, шифровальщиков, командиров отрядов по разведке, переводчиков, а также снайперов и подрывников. Официально считалось, что в школе готовят пожарных, для правдоподобности разместили разведчиков в бывшей пожарной части, которая до войны базировалась на территории Свято-Тихоновского мужского монастыря, на подготовку будущих разведчиков и диверсантов давалось 15–20 дней. Недалеко от монастыря, близ реки Дон располагался полигон для отработки полученных навыков: осуществляли учебные подрывы и закладку взрывчатки. Обучение было групповое, а затем уже формировался отряд для выполнения поставленной задачи.

Для разведчиков сотрудники госбезопасности читали лекции на такие темы: «Носители информации и способы её оценки», «Личные мотивы выдачи информации», «Внешний вид разведчика, поведение при знакомстве и внедрении», «Шифровка и дешифровка текстов», «Приёмы знакомства, убаюкивания би-

тельности», «Съём информации при подключении к телефонным проводам» [7].

В случае перехода к боевым действиям у каждого партизанского отряда был разработан чёткий план действий и дислокации. Летом 1942 года партизанский отряд «Свободный воин» должен был базироваться в урочище Плехановского лесничества, на границе Грязинского района, другое место — Двуреченские посадки, вблизи реки Воронеж.

Адреса явочных квартир, через которые осуществлялось руководство партизанскими отрядами, а также пароли и условные знаки знали связные и хозяева домов. Паролями были простые вопросы, которые не привлекали внимания, а самое главное не вызывали подозрения.

Продуктовое довольствие у партизан состояло из: муки, круп, топлёного масла, соли, хозяйственного мыла, спичек и махорки. Всё хранилось в тайниках или специальных складах. Помимо продовольствия на складах имелись немецкие винтовки, патроны, гранаты, наганы и мины.

Забрасывали в тыл задонских разведчиков и диверсантов как на самолётах, так и по «Кировскому коридору». В районе Кирова на стыке двух немецких дивизий образовался «коридор» шириной примерно 2–3 км, через который задонские разведчики проходили за линию фронта [6]. Вернуться обратно было сложнее, поэтому зачастую, выполнив задание, диверсанты и разведчики вливались в партизанские отряды и продолжали работу.

Так, при подготовке разгрома немецкого гарнизона рекомендовалось: установить связи с местным населением, выяснить численность гарнизона, расположение огневых средств, постов, состав гарнизона, узнать, какие силы находятся

в ближайших гарнизонах, как быстро они могут перебросить силы, спланировать боевую операцию с указанием объектов уничтожения, захвата, эвакуации раненых и убитых, отхода, минирования.

Полученные сведения разведчиков до-кладывались напрямую в штаб Брянского фронта, в особый и разведывательный от-делы, которые находились в Ельце.

Руководителем Задонской разведыва-тельно-диверсионной школы –«Школы пожарных» был назначен 26-летний стар-ший лейтенант госбезопасности Тимофея Григорьевич Ноур¹. Несмотря на молодой возраст у Ноура был аналитический склад ума, за что он имел прозвище — Анали-тик. Лично им было выявлено и разрабо-тано три немецких шпиона.

С началом войны Тимофею Ноуру было поручено заниматься созданием партизанских отрядов в Данковском рай-оне и формировать местное подполье.

У Тимофея Ноура было правило: всегда беседовать с вернувшимися раз-ведчиками, его интересовали не только подобности операции, но и настроение советских граждан на оккупированной территории, как ведут себя полицейские, вражеские солдаты, на что именно обращают внимание при проверке документов.

После освобождения Орла в 1943 г. Тимофея Ноур был переведён туда для дальнейшей службы. Задонская раз-ведшкола была передана разведыватель-

ному отделу Брянского фронта и в конце 1943 г. расформирована.

Таким образом, органы НКВД–НКГБ, действовавшие на территории современ-ной Липецкой области, решали целый ряд задач, направленных на обеспечение го-сударственной безопасности в одном из «тыловых» районов СССР. Под их ру-ководством и с непосредственным уча-стием формировалась истребительные батальоны, велась борьба с диверсан-тами и шпионами, создавалась база для развёртывания партизанского движения на территории Липецкого края. К концу октября 1941 было организовано 13 пар-тизанских отрядов, общей численностью около 400 человек. Позже, после созда-ния Задонской разведывательно-диверси-онной школы —«Школы пожарных» под руководством Т.Г. Ноура, их количество значительно возросло.

Тимофея Григорьевич Ноур, как одна из ключевых фигур в создании парти-занского движения в Липецкой области во время Великой Отечественной войны сыграл важную роль в организации со-противления оккупационным силам про-тивника. Партизанские отряды Ноура проводили успешные диверсии на комму-никациях врага, что затрудняло логистику и передвижение войск. Эти действия ока-зывали значительное влияние на ход военных действий в регионе.

¹ Ноур Тимофея Григорьевич (1915–1977), родился в Одесской области. Окончил краевую школу НКВД Киева. Работал в органах безопасности Рязанской и Орловской областей. С декабря 1937 года работал оперуполномоченным в Данковском районном отде-лении НКВД. На счету Ноура немало удачных операций по обезвреживанию на территории Елецкого и других районов Орловской области шпионов и диверсантов. Награждён орденом Красной Звезды и многими меда-лями [4].

Литература и источники

1. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том второй. Книга 1. Начало. 22 июня–31 августа 1941 года. М., «Издательство «Русь», 2000. — 718 с.
2. *Исоченко А.И., М.И. Корольков М.И.* Особая служба. К юбилею органов военной контрразведки России. Липецк: ООО «Веда социум», 2018. — 148 с.
3. Директива НКВД СССР № 431 о мерах по розыску и аресту агентуры германской военной разведки, подготовленной абвергруппой 105. 7 октября 1942 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том третий. Книга 2. От обороны к наступлению. 1 июля–31 декабря 1942 года. М., «Издательство «Русь», 2003. — 700 с.
URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/179198>. (дата обращения: 07.04.2025).
4. 1943: Как провалился шпион Григорьев// Информационно-справочный портал СМИ Липецкой области «LipetskMedia» (Портал «LipetskMedia» входит в Издательский дом «Липецкая газета», учредителями которого являются региональные органы власти — администрация Липецкой области и Липецкий областной Совет депутатов). URL: https://lipetskmedia.ru/news/special/47755-1943_Kak_provalilsya/ (дата обращения: 04.04.2025).
5. *Моргасов А.С., Смольянинов В.В., Пастухов Г.М.*. На страже безопасности. 70-летний юбилей УФСБ России по Липецкой области. Москва: АО «ИД «Комсомольская правда», 2024–197 с.
6. Липецкие Штирлицы // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/88269-lipeckie-shtrirlicy.html> (дата обращения: 05.04.2025).
7. Первый номер (Липецк 21.06.2021) № 24 (347)// Липецкая областная универсальная научная библиотека. URL: <https://opac.lib48.ru/images/newspapers/pervyj-nomer/2021/HTML/559/> (дата обращения: 05.04.2025).
8. Спецсообщение 2-го отдела 4-го Управления НКГБ СССР Б. З. Кобулову о готовящемся немецком наступлении на Восточном фронте, по данным разведки. 19 июня 1943 г. Центральный архив ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1, Д. 473. Л. 467. // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/169953>. (дата обращения: 06.04.2025).

Solomonova V.V.

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk branch),
Lipetsk.*

Activities of the NKVD-NKGB bodies on the territory of modern Lipetsk Region during the Great Patriotic War in 1941–1943.

The article examines the activities of the Lipetsk state security agencies in the period from 1941 to 1943, namely: participation in the formation of fighter battalions, leadership of the partisan movement, counteraction to agents of German special services, and also reveals the work of the Zadonsk reconnaissance and sabotage school under the leadership of Senior Lieutenant of State Security T. G. Naur.

Keywords: Great Patriotic War; NKVD; NKGB; counterintelligence; Abwehr; agents; Lipetsk Region; reconnaissance school; partisan detachment; fighter battalion.

Бекман Й.

*Доктор общественно-политических наук, доцент правовой социологии,
Университет Хельсинки, Финляндия, Хельсинки,
доцент, специалист,
Петрозаводский государственный университет, Россия, Петрозаводск*

Антифашистское Движение Сопротивления в Финляндии во время Второй мировой войны 1939–1944

В статье рассматривается проблема финского антифашистского Движения Сопротивления 1939–1944 годов в финской историографии. Финская националистическая историография отрицает существование антифашистского Движения Сопротивления в стране, и это утверждение часто повторяется в финских СМИ. Дело в том, что идея о сопротивлении противоречит множеству стандартных мифов финской националистической историографии. С другой стороны, финская историография не может умолчать об успехах важных подпольщиков и диверсантов в Финляндии во время войны: Хеллы Вуолийоки, Кертту Нуортева, Вейкко Пёюсти, Мартта Коскинен, и других. Тема была освещена в нескольких весьма редких книгах, фильмах и даже пьесах, но финская общественность так и не смогла найти стабильную точку зрения.

Ключевые слова: Финляндия; Вторая мировая война; Движение Сопротивления; подпольщик; диверсант; партизан; патриот.

Целью данной статьи является анализ организаций, масштаба и лиц, участвовавших в финском Движении Сопротивления. Конкретная цель состоит в том, чтобы сформулировать аргументацию, опровергающую доводы финских националистических историков о том, что во время войны в Финляндии не могло быть антифашистского Движения Сопротивления. В то же время необходимо также опровергнуть основное утверждение о том, что Движение Сопротивления на самом деле было бессвязной смесью разнообразных асоциальных деятелей. Следует также рассмотреть, каковы коренные причины отсутствия исследований по истории сопротивления, например логика финской историографии, но и общие политические причины в условиях дружбы и добрососедства СССР и Фин-

ляндии. Основным используемым материалом является финская литература, журналистика и культурные продукты, которые в основном сосредоточены вокруг определённых известных деятелей финского подполья.

Одним из «белых пятен» в историографии Финляндии во время Второй мировой войны (1939–1944) является существование, структура и деятельность т.н. финского антифашистского Движения Сопротивления. Такое движение можно разделить на пять частей: деятельность антивоенных депутатов в парламенте, деятельность антивоенных общественных организаций, антивоенная журналистика, подпольная разведка и вооружённое сопротивление (диверсанты). Действительно, можно сказать, что финское руководство приложило все усилия,

чтобы полностью ликвидировать сопротивление: антивоенные депутаты парламента (их остались всего 6) отправили в тюрьмы в 1942 г., более тысячи антивоенных деятелей культуры и искусства (в том числе, поэтов и писателей) посадили в тюрьмы в основном без суда и следствия, «Общество дружбы и мира между Финляндией и СССР» запретили и ликвидировали в декабре 1940 г., и конечно, компартия и коммунистическая журналистика были криминализированы уже в 1930 году. В любое время, людей могли посадить на основе придуманных приговоров «подготовка госизмены» (достаточно было иметь коммунистическое мышление). Несмотря на это, есть немало сведений о том, что в Финляндии действовала во время войны активное антифашистское подполье. Об этом написано небольшое количество книг, журналисты иногда вспоминают об этом, но логика финской националистической историографии не позволяет признать существование антифашистского Движения Сопротивления в Финляндии во время Второй мировой войны в 1939–1944 гг. Причина отказа, прежде всего, в том, что идея финского Движения Сопротивления противоречит многим центральным мифам финской националистической историографии: согласно им, в Финляндии не было фашизма, Финляндия вела свою собственную «отдельную» оборонительную войну и не была союзником Германии (т. н. «отдельная война»), война 1941–1944 гг. была «продолжением» Зимней войны (т. н. «война-продолжение»), и финский народ в целом, включая коммунистов, был объединён в этой «оборонительной» войне духом национализма, который уже проявился в Зимней войне (т. н. «дух Зимней войны») и т. д. Финская историография также забывает о немец-

кой оккупации Лапландии 1940–1945 гг. (об этом вообще не пишут), и об массовых депортациях коммунистов, военно-заточенных и евреев немецкими палачами (финны передали якобы только восемь евреев немцам, т. е. известный миф о «восьмёрке»). Конечно, логика финской историографии, описанная выше, отрицает существование какого-либо Движения Сопротивления. Естественно, если бы в Финляндии не было никакого фашизма, логично, что и не было бы антифашистского движения.

Вместо этого говорится о теневых дезертирах, или т. н. «армии шишек» (антисоциальный элемент и дезертиры, которые прятались в лесах), или об отдельных индивидуальных деятелях. Но ложь профашистских финских историков не единственная причина молчания: во время дружбы между Финляндией и СССР в 1950-х–1980-х годах не было принято говорить о каких-либо болезненных вопросах, связанных с войной. Это было выгодно и представителям финской националистической историографии, которые увековечивали миф о «единстве» финского народа и отсутствии Движения Сопротивления.

Характерная цитата ведущих финских историков: «Никакого Движения Сопротивления не было в Финляндии в военное время», пишут финские историки Антеро Холмила и Симо Микконен в своей книге 2015 года. Этот тезис часто повторяется различными историками, с оригинальными объяснениями. Например, ведущий историк Киммо Рентола, также отрицает существование финского Движения Сопротивления, якобы на основе того, что финские коммунисты «разочаровались» в СССР, а финны «доверяли» своему правительству. Рентола забывает о том, что парламенту никто не заявил

об оккупации немецкими войсками Лапландии с 1940 г., что выборы отменили с 1939 г. по 1945 г., что вся коммунистическая деятельность, включая журналистику была запрещена с 1930 г., а любая антивоенная оппозиция была криминализирована, в результате более тысячи антивоенных деятелей посадили в тюрьмы без суда и следствия. Поэтому антифашистская борьба за мир была загнана в подполье уже заранее, но во время войны она активизировалась [1].

Характерным примером может служить судьба уже упомянутых шестерых антивоенных социал-демократических депутатов, которые известны в финской историографии как «Шестёрка» (возможно, финны так пытаются подчеркнуть, что их было мало). «Шестёрка» — это демократическая и антивоенная группа из финских депутатов, которые уже в августе 1940 г. были исключены из социал-демократической партии из-за их антивоенной позиции, хотя они продолжали агитировать в парламенте. Создали свою антивоенную газету «Сводное слово», тираж которой вырос до 25 000 экземпляров, что почти равнялось тиражу газеты партии. Положение этой группы было весьма сложным, потому что социал-демократическая партия весьма решительно поддерживала Гитлера. Из-за популярности, их надо было срочно ликвидировать, поэтому всех посадили в тюрьму за госизмену после закрытого суда. Самые известный из них это Карл Йохан (Кей) Сундстрем, оперативный псевдоним «Граф». В группе действовал также известный политический деятель Йохан Хело, математик, юрист. Хело 1965 г. опубликовал мемуары «Замолчавшие люди: события во время и после Второй мировой войны» [2].

Отрицание антифашистского Движения Сопротивления является своего рода «вопросом чести» для финской историографии: поскольку объединённый народ якобы вёл героическую «оборонительную войну» в 1939–1944 гг. и никакого сопротивления существовать не могло, а отдельные дезертиры состояли из асоциальных элементов, авантюристов, преступников, единичных пацифистов или коммунистов.

История финского антивоенного сопротивления тесно связана с некоторыми финскими женщинами — общественными деятелями, политиками и подпольщицами.

Одна из самых известных — Мария Вильгельмина Линдделл, имевшая псевдоним «Минна Краушер» (1891–1932) — бывшая преступница, которая несколько раз сидела в тюрьме за мошенничество, но отказалась от аморальной жизни и создала себе новый имидж на вершине финского общества, открыв культурный салон в Хельсинки в 1924 г., где часто встречалась с представителями финской военной элиты. По мнению финской контрразведки, Краушер работала для ОГПУ, успешно получала данные о структуре и персоналиях финской военной элиты и фашистских организаций. Уже в 1921 г. финский генерал К. Ф. Вилккама предупредил: «Недавно большевики начали посыпать красивых и роскошных женщин из России во все европейские страны, которым поручено общаться с офицерами и выведывать военные секреты». Финская военная разведка так описывала Краушер: «Очень талантливая авантюристка и шпионка. Умеет, как говорится, пустить пыль в глаза и действовать в своих интересах». Краушер была застрелена в своём доме в Хельсинки 1932 г. и тело было найдено только через 3 дня. В биографии историк

Кари Селен утверждает, что нет доказательств её шпионской деятельности, хотя она весьма очевидна [3].

Интересно, что финская общественность до сих пор не смогла сформировать чёткого представления о Краушер — она остаётся загадочной, но крайне интересной фигурой. Например, осенью 2024 года в Финляндии с успехом был поставлен феминистский мюзикл (!) о ней «Минна Краушер — я та, кем хочу быть». Идея мюзикла состояла в том, чтобы показать, что Краушер была «женщиной, рождённой в положении слабака, которая отказалась подчиниться своей предопределённой судьбе, и только зрителю решать, является ли она в конечном счёте героем или антигероем» [4].

Невозможно сказать что-либо определённое о Краушер без архивов российских спецслужб, но очевидно, что она была агентом ОГПУ, которая успешно внедрилась в элитные круги Финляндии, и даже до сегодняшнего дня вызывает интерес в финском обществе. Очевидно, что задачей Краушер было получение информации о финской армии и фашистских организациях в условиях бурной милитаризации и фашизации страны. После её смерти в 1932 г. стало уже ясно, что Финляндии нужен антивоенный народный фронт. Уже в 1934-м году в Ленинграде вышла книга, содержащая детализированный анализ: «Военная подготовка фашистов в Финляндии» на финском языке (антивоенная литература или деятельность были запрещены в Финляндии) [5].

На сцену выходит новая, не менее интересная и способная финская женщина: Хертта Куусинен (1904–1974), дочь видного советского государственного деятеля Отто Вилле Куусинена (1881–1964). Она родилась в Финляндии в 1904 г., переехала в Москву в 1922 г., получила

специальное образование и вернулась в Финляндию в 1934 г. Выступала под псевдонимами «Грета Крафт» и «Ирис Петтерсон». Почти сразу же после приезда в Финляндию была арестована, сидела в тюрьме до 1939 г. Её снова задержали в ходе массовых арестов антивоенных деятелей 18 июня 1941 г. (в тот день в Финляндии было арестовано около ста противников войны). До 1944 г. она содержалась в концлагере. Таким образом, Хертта Куусинен провела в тюрьме десятилетие с 1934 г. по 1944 г. и не могла принимать участия в подпольной деятельности по созданию антифашистского народного фронта в Финляндии.

Однако после войны было получено подтверждение популярности антифашистского народного фронта, когда на парламентских выборах 1948 г. Хертта Куусинен получила наибольшее количество личных голосов в истории Финляндии (58 770 голосов) — рекорд, который ещё предстоит побить. Таким образом, самым популярным политиком в истории Финляндии является Хертта Куусинен, которая с 1945 г. по 1966 г. возглавляла парламентскую фракцию Демократического Союза народа Финляндии.

О значительной популярности антифашистского движения в Финляндии свидетельствует тот факт, что госполиция поставила на учёт 500 000 финнов, которых подозревали в поддержке СССР (13 % населения), более 40 000 финнов вступили в «Общество мира и дружбы Финляндии и СССР» в 1940 году (общество было скоро ликвидировано, а руководство арестовано). Эти данные доказывают, что потенциал популярности антифашистского сопротивления в Финляндии в целом и Хертты Куусинен в частности был значительным [6, с. 120, 132].

Финско-эстонский крупный предприниматель и культурный деятель Хелла Вуолийоки (1886–1954), оперативный псевдоним «Поэт», руководила культурным салоном в Хельсинки и сотрудничала с советским посольством. Вуолийоки не состояла в запрещённой компартии, чтобы сохранить своё общественное положение. Она была связана с агентурой НКВД в Стокгольме и участвовала в мирных переговорах.

В марте 1942 г. у дома Хелла Вуолийоки появилась Кертту Александровна Нуортева (1912–1963), оперативный псевдоним «Эльвина». Она прыгнула с парашютом вместе с рацией чтобы начать подпольную работу. Кертту Нуортева — самая известная финская антифашистка-подпольщица в финской историографии. Вуолийоки описала Кертту следующим образом: «Она была готова умереть за свою страну, она была прекрасна, как картина, её глаза горели, а её мужество напоминало идеал моей юности из старых революционных лет». Кертту Нуортева родилась в Орегоне, США, в 1912 г., её отцом был депутат парламента Финляндии, председатель исполнительного комитета Советской Карелии Александр Фёдорович «Сантери» Нуортева (1881–1929), ранее Нюберг (тогда же многие финнны перевели свои шведские фамилии на финские). Кертту Нуортева училась в школе в Петрозаводске, изучала журналистику в Ленинградском университете, была известна своими культурными достижениями: она была журналисткой, актрисой и кукольницей. Кертту Нуортева работала в Ленинградском военном округе переводчиком, была арестована в 1937 г., отправлена в Алматы в 1939 г., затем освобождена в 1942 г. и нелегально переправлена в Хельсинки с заданием сбора информации о немецких

войсках в Финляндии и политических настроениях населения, организации сети диверсантов для подготовки покушения на Маннергейма. В этих целях, её первая задача была контактировать с Хелла Вуолийоки, которая помогла ей в первые дни. Потом Кертту Нуортева устроилась на работу стажером-косметологом в Хельсинки под именем «Элина Сигрид Хямяляйнен», но уже спустя полгода была арестована финской госполицией и приговорена к смертной казни в 1943 г., но её удалось отсрочить. Хеллу Вуолийоки также арестовали и приговорили к пожизненному заключению за госизмену. В 1944 г. Вуолийоки была освобождена, Нуортева возвращена в СССР, где её приговорили к 10 годам в лагерей. Деятельность Нуортева и Вуолийоки весьма известна в Финляндии и в 1987 вышла книга «Война двух женщин» о их взаимоотношениях. Особенно не хотели писать о том, что они были подпольщицами, участницами и организаторами Движения Сопротивления в Финляндии [7].

Специфика дела Кертту Нуортева заключалась в следующем: в течение нескольких месяцев она ничего не говорила на допросах, но её удалось сломать с применением жестоких пыток, изнасилований и психологического воздействия. Сломленная психологически она во всем призналась и стала давать показания. Признания Кертту Нуортева привели к аресту и осуждению более 10 человек. Финская пропаганда использовала её максимально, она диктовала в тюрьме автобиографию «Советская воспитательница» под псевдонимом «Ирья Ниemi». Буржуазная историография и пресса Финляндии создали огромный пропагандистский миф о Кертту Нуортеве как «святой большевизма», которую финским властям

удалось убедить «отречься» и перейти в «другую веру» [8].

Главная проблема истории Кертту Нуортева в том, что финны скрывают её пытки и иснасилования. В Кертту Нуортеву объединений многие факты, которые сделали её знаменитой: финское происхождение, красавая внешность, положение отца, важная миссия, и «победа» финской госполиции. История Кертту Нуортева особенно заинтересовала финских кинорежиссёров. Матти Кассила собрал материал в 1980-х годах но ему не удалось снять фильм (материалы были затем опубликованы в книге), а в 2009 году писатель и режиссёр Йорн Доннер снял фильм про Кертту Нуортева с названием «Допрос». Опять забыли про иснасилования. Наибольшее внимание привлекла книга историка Охто Маннинена «Советская королева красоты в роли начальника разведки» (2006) [9]. Эти произведения являются своего рода продолжениями финской пропаганды, ведь историк Маннинен и режиссёр Доннер «забыли» рассказать о пытках и изнасилованиях. Финны не могут забыть про неё, ещё в декабре 2024 г. в крупной финской газете «Илтталенти» вышла большая её биография под заголовком «Секрет косметолога», связано с показом по телевизору фильма «Допрос».

Следующая героиня — молодая финка десантировалась на враждебную территорию, теперь в оккупированную финскими войсками Карелию, которую охарактеризовали как «зона вакуум», т.е. территория, где большинство гражданского населения была в концлагерях и тюрьмах. Её звали Сюльви Паасо, в России она известна с фамилией мужа как Сильва Карловна Удальцова (1924–2008) — финская подпольщица-радистка в оккупированной Карелии 1942–1943 гг. Сюльви

Паасо родилась в городе Кеми в Финляндии и переехала в Советскую Карелию в 1932 г. Её отец был арестован в 1937 и расстрелян в 1938 г. По приказу Юрия Андропова, Сюльви Паасо была отправлена в подполье в Шолтозеро в Карелии, где она провела восемь месяцев со своей группой. «Если бы меня поймали финны, я бы сидел тихо, как рыба», она сказала позже. Вернувшись, Сильва вышла замуж за своего фронтового товарища Павла Удальцова. Об истории Паасо не написано ни одной книги, но Олег Тихонов написал о её группе повесть «Операция в зоне вакуум» и адаптировал его в финноязычную пьесу «Хранить вечно» для петрозаводского финноязычного театра. Лицо Паасо было увековечено на большом каменном памятнике героям-партизанам и подпольщикам в Петрозаводске в 2003 году. Героическая история Паасо тревожит финских историков, поскольку она показывает, что здоровая финская молодая женщина, которая была дочерью жертвы политического террора, не отказывалась сражаться за СССР до конца и никогда не меняла своей позиции. Биография Сильви Паасо до сих пор отсутствует [10; 11].

Ещё одна финка, которая во время войны участвовала в Движении Сопротивления и которой пришлось поплатиться за это жизнью, по сей день не оставляет финнов в покое — Мартта Коусинен (1896–1943). Она участвовала в подпольном коммунистическом движении в 1930-х и 1940-х годах в качестве журналистки, оперативный псевдоним «Урсула». Участница гражданской войны в Финляндии. Была приговорена к содержанию в концлагере в 1918 г., работала журналистом в 1920-х, была приговорена к заключению в тюрьме в 1933 г.

Во время Второй мировой войны работая журналисткой, организовывала

пропаганду и разведку в Хельсинки. Арестована в декабре 1942 г., на допросах ничего не сказала, приговорена к смертной казни и расстреляна по решению президента Ристо Рюти 28 сентября 1943 года. Мартта спокойно встретила свою смерть и утешила подругу письмом: «Не бойся, нет смерти для тех, кто умирает ради жизни». Судьба Мартты Коскинен, конечно, является серьёзной проблемой для финской историографии, поскольку ей невозможно рассматривать как антисоциальную дезертирушку. Была придумана версия, что Мартта была «полуглухой швеёй». Естественно, финские историки или журналисты никогда не будут признавать того, что по решению финского президента расстреляли женщину-журналистку. Кинорежиссёр Вилле Сухонен выпустил фильм «Швея» о Мартте в 2015 г., а также одноимённую биографию в 2016 г. [12]. В 2018 г. о ней также поставили спектакль.

Плечом к плечу с женщинами в одном строю сражались с фашизмом и мужчины — партизаны, подпольщики и диверсанты. Ещё один отважный боец оставил своё имя в истории: Вейкко Пёюсти (1909–1942), чьим девизом было «на войну нужно отвечать войной». Эффективный диверсант, который во время войны по Хельсинки переодевался офицером или бомжом. Работа Пёюсти увенчалась успехом: он взорвал склад боеприпасов, перерезал железные дороги и линии электропередач. Пёюсти также готовил ликвидацию предателей. Он был опытным подпольщиком и мог, например, подделать документы самостоятельно. У него была долгая история убеждённого коммуниста, приговорённого в Финляндии к тюремному заключению. Госполиция описала Пёюсти следующим образом: «Вейкко Хенрик

Пёюсти был связным и фактическим руководителем партизанских отрядов Коммунистической партии, сформированных из дезертиров и других лиц во время нынешней войны. В его обязанности входило вооружать дезертиров, добывать взрывчатку для диверсионных операций, управлять верхними эшелонами обороны, разрабатывать планы уничтожения и руководить операциями “лесной армии” в целом». Госполиция обнаружила его на Рождество 1943 г. на территории нынешнего Вантаа, и он был окружён десятками солдат и полицейских. Соседи восхищались тем, что ожесточённая перестрелка продолжалась несколько часов, в течение которых было произведено более 1 300 выстрелов. Люди не могли понять, что это была война одного человека против десятков. В конце концов, Пёюсти попытался сбежать, прорвав оцепление. В отчёте госполиции говорится: «Мужчине было приказано сдаваться, несмотря на это, мужчина продолжал стрелять с криками “иди сюда”». Согласно отчётом, Пёюсти был убит полицейскими пулями, но в найденном при нём пистолете оставался один патрон: Пёюсти приберёг его для себя. Однако Пёюсти не смог воспользоваться пистолетом и попытался покончить с собой с помощью ножа.

Дело Пёюсти привлекло большое внимание, и в полицейских документах осталось много записей. Если только один человек смог оказать такое серьёзное сопротивление, то что смогут сделать десять, сто или тысяча?

Следует отметить, что Москва также была проинформирована о героической гибели Пёюсти, и 03 января 1943 г. в 12 часов в финской передаче советского радио была зачитан некролог: «Когда началась агрессивная война Гитлера против СССР и Финляндия была втянута

в неё, Вейкко Пёюсти был одним из тех, кто первым осознал, какой позор и опасность это принесло нашему народу — такой человек был опасен для военной клики — Вот почему за ним по пятам была спущена целая свора правительственные военных псов. — Пёюсти также знал, как умереть, сражаясь, как настоящий честный финский работник. — Давайте склоним головы в память о Вейкко Пёюсти, истинном герое народа, павшем в бою. Поклянёмся, что борьба не прекратится до тех пор, пока Финляндия не освободится от удушающей хватки Гитлера и его приспешников, а палачи Пёюсти не понесут заслуженного наказания.» Антифашистский писатель и журналист Юкка Рислакки написал о Пёюсти в своих книгах в 1980-х годах [13; 14].

Существующая литература доказывает, что среди участников антифашистского Движения Сопротивления были те, кто был эффективен и влиятелен и кто смог добиться больших успехов в своей работе. Однако финская литература рассматривает их как отдельных лиц или «исключительные случаи». Считается, что у них нет чётких связей и организаций вокруг них, а также обучения и планирования. Вообще говоря, они представлены только как «шпионы» или «дезертиры», или просто как асоциальные личности или единичные коммунистические активисты. Для финской историографии эта проблема сложна, потому что их действия и успехи не позволяют замалчивать их деятельность.

В 1970 г. композитор Кай Чюдениус (1939–2024) написал известную политическую песню «Наталья», основанную на тюремном стихотворении 1944 г. поэтессы-антифашиста Эльви Синерво (1912–1986), которая была одной из финских противников войны, приговорённых

к тюремному заключению. «Наталья» — тюремный монолог финской подпольщицы, сокамерница которой, украинская партизанка Наталья, мечтает об освобождении Украины от фашистов: «Враг разрушил твою любимую землю / Только собаки бродят по руинам / Скоро песни строителей звучат по ночам / Когда они вернутся / Тогда Украина будет свободна». (Перевод авт.) В коротком стихотворении содержится обнадёживающее обещание: гнетущие страдания всегда заканчиваются свободой. Очень известная версия этой песни была записана финским ансамблем «Agit Prop» в 1977 году, и эта песня до сих пор остаётся одним из самых известных произведений финской политической песни. Песня глубоко тронула финскую публику: она стала самым известным произведением поэта и композитора, известным почти всем финнам. В 2004 г. было опубликовано журналистское расследование, выявившее, что «Наталья» в песне — Наталья Верещагина (1902–1974), которая родилась в Хельсинки, но много лет жила в Николаеве, откуда вернулась в Финляндию, и во время войны работала в подпольном Движении Сопротивления, пока её не приговорили к тюремному заключению, и она делила камеру с писательницей Э. Синерво. Забавно, что в 2022 г. финские противники СВО пытались использовать песню, пока не выяснилось, что антифашистское стихотворение лучше подходит для поддержки СВО. В России песню исполняет на финском языке ансамбль «Гренада».

«Наталья» — это важная работа, отражающая настроение антифашистского Движения Сопротивления во время войны. Огромная популярность и успех песни говорит о силе антифашистского Движения Сопротивления в Финляндии. С другой стороны, песня рассказывает

скрытым образом о подполье и напоминает, что тюрьма была судьбой многих антифашистов.

В финской художественной литературе есть несколько попыток исследовать антифашистское Движение Сопротивления. Опубликованный в 1972 г. одним из самых известных писателей Финляндии Ханну Салама роман «Судить по себе» рассказывает о внутренней динамике Движения Сопротивления. В книге рассказывается история группы сопротивления в районе Тампере под руководством Пеллерво Такатало (1914–1976). В группу также входил и журналист Сакари Селин (1924–2014), который позже стал единственным историком движения. Особая тема книги — предательство. Она привлекла большое внимание и была удостоена Литературной премии Северного совета в 1975 году. В 2012 г. по мотивам этой книги был снят фильм, что говорит о значимости этой темы для финнов [15].

Финское антифашистское Движение Сопротивления снова обрело известность в 2011 г., когда журналист Сакари Селин (который сам участвовал в Движении Сопротивления) опубликовал исследование под названием «Когда госизмена

была патриотическим деянием: молодёжь воюет против Гитлера» о деятельности финской молодёжи в движении сопротивления [16].

История финского антифашистского Движения Сопротивления остаётся неисследованной. Финской националистической историографии трудно подойти к этому вопросу, поскольку она отрицает центральные мифы «официальной» историографии (в Финляндии не было фашизма, финны объединились против врага, финские коммунисты «разочаровались» в СССР и т.д.). Однако, поскольку существует в большом количестве информации о деятельности антифашистского Движения Сопротивления события обычно преподносятся только как отдельные акции, а не как движение. В некоторых случаях достижения борцов-антифашистов нельзя отрицать или преуменьшать, но их часто представляют как «верующих» коммунистов, асоциальных личностей, преступников, дезертиров, не частью финского антифашистского фронта. Для более глубокого расследования этого вопроса необходимо предоставить доступ к новым документам из архивов российских спецслужб.

Литература и источники

1. Helsingin Sanomat 14.9.2015. URL — <https://www.hs.fi/kulttuuri/kirja-arkostelu/art-2000002852224.html>; Holmila Antero & Simo Mikkonen. *Suomi sodan jälkeen. Pelon, katkeruuden ja toivon vuodet 1944–1949*. Atena. Helsinki. 2015.
2. *Helo Johan*. Vaiennettuja ihmisiä. Tapahtumia toisen maailmansodan ja sen jälkeisenä aikakautena. Tammi. Helsinki. 1965.
3. *Selén Kari*. Madame. Minna Craucherin levoton elämä. WSOY. Porvoo. 1991. [Электронная книга.]
4. URL — <https://espoonteatteri.fi/uutiset/minna-craucher-kenen-totuus-voittaa/>.
5. Pietarinen N. Fasistien sotavalmisteluita Suomessa. Valtion kustannusliike Kirja. Leningrad. 1934.
6. Polttila Brita. Hertta Kuusinen — ihmisen tie. Tammi. Helsinki. 1975. С. 120, 132.
7. Lounela Pekka. Kahden naisen sota. Vuosisadan vakoilutarina. Pekka Lounelan kertomana Matti Kassilan aineiston pohjalta. WSOY. Porvoo. 1987.

8. *Niemi Irja*. Neuvostokasvatti. Neuvostoelämän ääripiirteitä minä-muotoon kuvattuna. WSOY. Porvoo. 1944.
9. *Manninen Ohto*. Kerttu Nuorteva. Neuvostokaunotar vakoilujohtajana. Helsinki. Edita. 2006; Iltalehti 25.12.2024.
10. *Тихонов Олег*. Операция в зоне «вакуум». Документальная повесть. Издательство «Карелия». Петрозаводск. 1971. — 212 с.
11. *Tihonov Oleg*. Säilytettävä ikuisesti. 2: osainen dokumenttikertomus teatteria varten. Petroskoi. 1974.
12. *Suhonen Ville*. Ompelijatar. Martta Koskisen kuolema ja elämä. Gummerus. Helsinki. 2016.
13. *Rislakki Jukka*. Erittäin salainen. Vakoilu Suomessa. Love kirjat. Helsinki. 1982;
14. *Rislakki Jukka*. Maan alla: Vakoilua, vastarintaa ja urkintaa Suomessa 1941–1944. Love Kirjat. Helsinki. 1985.
15. *Salama Hannu*. Siinä näkijä missä tekijä. Romaani. Otava. Helsinki. 1972.
16. *Sakari Selin*. Kun valtiopeitos oli isänmaallinen teko. Nuoret sodassa Hitleriä vastaan. Työväen historian ja perinteiden tutkimuksen seura. Helsinki. 2011.

Bäckman J.

*Doctor of Social and Political Sciences, Associate Professor of Legal Sociology,
University of Helsinki, Finland, Helsinki,
Associate Professor, Specialist, Petrozavodsk State University, Russia, Petrozavodsk*

The Anti-Fascist Resistance Movement in Finland during the Second World War 1939–1944

The article examines the problem of the Finnish anti-fascist resistance movement of 1939–1944 in Finnish historiography. Finnish nationalist historiography denies the existence of an anti-fascist resistance movement in the country, and this statement is often repeated in the Finnish media. The fact is that the idea of resistance contradicts many standard myths of Finnish nationalist historiography. On the other hand, Finnish historiography cannot ignore the success of important underground fighters and saboteurs in Finland during the war, such as Hell a Vuolijoki, Kerttu Nuorteva, Veikko Pöysti, Martta Koskinen, and others. This topic has been covered in several rare books, films, and even plays, but the Finnish public has not been able to find a stable perspective.

Keywords: Finland; World War II; Resistance Movement; underground fighter; saboteur; partisan; patriot.

Марченко Г.В.

Доктор исторических наук, доцент
Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург

Колесников С.С.

Центральный музей войск национальной гвардии Российской Федерации,
Москва

«Дзержинская сталь»: воины-чекисты и сотрудники милиции в обороне Ленинграда в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

В статье рассматривается роль военнослужащих и сотрудников НКВД СССР в обороне Ленинграда в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., раскрывается их вклад в защиту города на боевых рубежах и поддержании законности и правопорядка на протяжении всего периода битвы за Ленинград (10 июля 1941–9 августа 1944 гг.). Авторы останавливаются на вопросах оперативно-тактического применения правоохранительных органов в осаждённом городе и характера их действий в решении служебно-боевых задач, организации современной мемориальной работы в органах внутренних дел по увековечению подвигов воинов и сотрудников, погибших при исполнении воинского и служебного долга.

Ключевые слова: оборона Ленинграда; органы внутренних дел; войска НКВД СССР; рубежи обороны; историческая память; героические традиции; мировоззренческие ценности.

Среди приоритетных задач стратегического развития российского государства — защита и сохранение исторической памяти, формирование государственно-патриотического мировоззрения, борьба с различного рода фальсификациями основных событий отечественной истории, прежде всего героико-патриотического наследия Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Среди тем, которые подвергались тенденциозному освещению, особенно в 90-е гг. прошлого века, является принижение и искажение роли и места органов и войск Народного комиссариата внутренних дел (далее — НКВД) СССР в период войны, их реального вклада в достижение Великой Победы.

В связи с этим, предлагается рассмотреть этот вопрос на примере их участия в героической обороне Ленинграда от немецко-фашистских захватчиков в 1941–1944 гг., где наиболее ярко проявились мужество его защитников и стойкость населения, выдержавших тяжелейшую почти 900-дневную осаду города. Ленинградская битва продолжалась с 10 июля 1941 года по 9 августа 1944 года. В 2025 году дата 9 августа стала ещё одним Днём воинской славы России [1].

В предвоенный период на территории г. Ленинграда и области были дислоцированы следующая группировка войск НКВД СССР: 41-я бригада конвойных войск, 225-й конвойный полк,

4-й инженерно-противохимический полк, 13-я отдельная бригада, 152-й полк войск НКВД по охране промышленных предприятий; 13-й оперативный полк; 95, 104, 151, 166, 167, 168-й отдельные батальоны по охране предприятий промышленности. Охрану железнодорожных коммуникаций Октябрьской и Кировской железных дорог осуществляли подразделения 2-й дивизии НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений [2, с. 231]. Подготовку среднего политического и командного состава войск осуществляли три военных училища: Ново-Петергофское военно-политическое училище войск НКВД СССР имени К. Е. Ворошилова, Ленинградское военное училище войск НКВД СССР и Ленинградское военно-морское пограничное училище НКВД СССР.

В связи со стремительным продвижением немецких войск к городу и отсутствием войсковых резервов, командование Ленинградского фронта приняло ряд дополнительных мер по усилению обороны, одной из которых стало формирование и направление в боевые порядки обороняющихся советских войск трёх соединений войск НКВД — 1-й стрелковой дивизии (командир — полковник С. И. Донсков), 20-й стрелковой дивизии (командир — полковник А. П. Иванов), 21-й стрелковой дивизии (командир — полковник М. Д. Папченко), общей численностью 34 340 человек [3, с. 145].

В августе 1941 года на подступах к Ленинграду в бой одними из первых вступили курсанты и преподаватели Ново-Петергофского военно-политического училища войск НКВД СССР им. К. Е. Ворошилова. Сводные батальоны под командованием майора Н. А. Шорина и капитана А. А. Золотарева сумели отразить нападок врага под Красногвардейском, в районе Копорья и на Ораниенбаумском

плацдарме. Второй секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Кузнецов положительно оценивал их боевую работу: «Подвиг курсантов-чекистов трудно переоценить. Задержав продвижение немцев на Кингисеппском шоссе, они дали возможность отходящим частям Красной армии перегруппировать свои силы и подготовиться к обороне на новых, более выгодных рубежах» [4, с. 179].

4 сентября 1941 года в соответствии с приказом Военного Совета Ленинградского фронта и приказом НКВД СССР внутренние и пограничные войска, дислоцированные в Ленинграде, приступили к организации обороны города по восьми секторам и двум главным направлениям (северному и южному) и двум дополнительным. Начальником северного направления был назначен командир 20-й стрелковой дивизии полковник А. П. Иванов, южного — командир 21-й стрелковой дивизии полковник М. Д. Папченко. 24 октября 1941 года в целях координации действий частей и подразделений внутренних войск, находившихся в блокированном городе, на основании приказа НКВД СССР № 001335 было сформировано управление войск НКВД г. Ленинграда, начальником которого был назначен комбриг А. П. Курлыкин. Командный пункт войск НКВД СССР находился в здании Управления на ул. Володарского [5, с. 192].

Управлением НКВД СССР по г. Ленинграду и Ленинградской области был разработан план, получивший кодовое название «Д» [6, с. 17], в соответствии с которым особо важные объекты (Эрмитаж, Литейный мост, городской и областной комитеты партии, оборонные заводы), расположенные в городе, были заминированы. В случае вступления немецко-фашистских войск в город указанные объекты подлежали уничтожению.

Впоследствии, в связи с прекращением попыток противника взять Ленинград штурмом, 13 января 1942 года НКВД СССР издал приказ «О расформировании штаба войск НКВД г. Ленинграда, переформировании 152-го полка войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности и о переподчинении частей войск НКВД г. Ленинграда».

1-й стрелковой дивизии войск НКВД СССР, на формирование которой отводилось всего восемь дней, уже в конце августа 1941 года была поставлена задача по уничтожению противника в районе станции Мга. В первых числах сентября 2-й батальон 3-го полка, встретив во встречном бою превосходящие силы противника, прикрываемые танковым подразделением (до 40 танков), вступил с ними в бой. Бойцы и командиры, проявляя исключительный героизм, забрасывали танки противника гранатами, а огнём из стрелкового оружия отсекали пехоту. В результате часового боя противник, понеся существенные потери, был вынужден отступить [7, с. 684]. 2 сентября 1941 года 2-й батальон 2-го полка, возглавляемый батальонным комиссаром А.А. Пьянковым, выбил противника с территории станции, захватил около 150 автомашин и только под натиском брошенных против него двух пехотных полков, потеряв до 80% личного состава, был вынужден отойти [8, с. 143].

В октябре 1941 года в боях за Ленинград открыли счёт уничтоженному противнику снайперы 1-й стрелковой дивизии войск НКВД ефрейтор И.Д. Вежливцев и красноармеец П.И. Голищенков [9, с. 201]. К началу января 1942 года на счету Вежливцева их было уже 125, Голищенков истребил 92 фашиста. 4 января на страницах красноармейской газеты «На страже Родины» было опубликовано

обращение снайперов дивизии ко всем бойцам, командирам и политработникам Ленинградского фронта, в котором мастера меткого огня призывали сослуживцев умножать суровый и справедливый счёт мести, беспощадно истреблять фашистов, а для этого ещё шире развернуть боевое соревнование: пусть боец соревнуется с бойцом, отделение с отделением, взвод со взводом, рота с ротой — на большее количество истреблённых фашистов [10, с. 11–12].

Инициатива снайперов-чекистов была поддержана во многих частях Ленинградского фронта. Уже вскоре на страницах газеты «На страже Родины» развернулась открытая дискуссия между снайперами красноармейцем В. Пчелинцевым и ефрейтором И. Вежливцевым [11], в которой они делились своим боевым опытом. Личный счёт снайперов 1-й стрелковой дивизии войск НКВД увеличивался ежедневно. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 февраля 1942 года Ивану Дмитриевичу Вежливцеву [12, с. 92–93] и Петру Ивановичу Голищенкову [12, с. 94–97] были присвоены звания Героя Советского Союза. На первом слёте снайперов-истребителей Ленинградского фронта, прошедшем 22 февраля 1942 года, самим метким стрелкам были вручены именные снайперские винтовки.

В дальнейшем 1-я стрелковая дивизия входила в состав Невской оперативной группы. Части дивизии в сентябре-октябре 1941 года высаживали десант в Шлиссельбурге, обороныли крепость «Орешек», вели ожесточённые бои на «Невском пятачке». В Невской Дубровке в конце октября 1941 года героически погиб командир 7-го полка 20-й дивизии майор А.Д. Гарьковый. В первые дни войны, в районе посёлка Ристилахти, он возглавил оборону пограничных рубежей, преградив путь

наступающим финским войскам на заставе, где с ним находились жена и сын. За умелое руководство заставой и личное мужество был удостоен ордена Ленина. В 1974 году его именем названы улицы в Красносельском районе г. Ленинграда, в г. Светогорске, а также пограничная застава Выборгского погранотряда.

В составе 1-й стрелковой дивизии войск НКВД СССР мужественно воевали курсанты Ленинградского военно-морского пограничного училища НКВД СССР под командованием капитана II ранга А. В. Садникова [13, с. 5]. В 1942-м году дивизия была передана в подчинение командованию Ленинградского фронта и переформирована в 46-ю стрелковую дивизию. В 1943-м году участвовала в операции «Искра», а в 1944-м году освобождала Лугу, за что получила почётное наименование «Лужской» и была награждена орденом Суворова II степени. Завершился боевой путь воинского соединения в Восточной Пруссии [14, с. 14].

В октябре 1941-го года закончилось формирование 20-й стрелковой дивизии войск НКВД СССР, в которую, кроме пограничников и бойцов истребительных отрядов, вошли курсанты 1-й и 2-й пожарно-технических школ Ленинграда. Дивизия вела боевые действия на «Невском пятаке», где в ходе ожесточённых боёв понесла большие потери. Отдельным героическим эпизодом боевых действий воинов дивизии можно назвать участие в Стрельнинских военно-морских десантах в начале октября 1941 года, проведённых совместно с моряками Балтийского флота. Эти десанты были первой попыткой прорвать фашистскую блокаду. В начале 1942 года дивизия была переименована в 92-ю стрелковую дивизию и передислоцирована на рубеж Сестро-

рецк — Белоостров, где занимала оборону до 1944 года.

При обороне юго-западных подступов к осаждённому Ленинграду особенно отличилась 21-я мотострелковая дивизия войск НКВД СССР под командованием полковника М. Д. Папченко, защищавшая рубежи на Пулковском и Урицком направлениях. Ранее подразделения дивизии держали оборону на северных рубежах, в Карелии. В то время в её истории произошло знаменательное событие: 26 августа 1941 года было присвоено звание Героя Советского Союза трём военнослужащим соединения — младшему лейтенанту Александру Андреевичу Дивочкину, красноармейцу Анатолию Александровичу Кокорину (посмертно) и старшему политруку Николаю Матвеевичу Руденко. Они стали первыми воинами внутренних войск, удостоенными Золотой Звезды во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Это был примечательный факт для начального периода войны — присвоение звания Героя одновременно троим военнослужащим дивизии войск НКВД СССР. Скоро награждали в те трудные дни. Тем значимее высокая оценка подвигов воинов-чекистов, стоявших насмерть в боях на Ленинградском направлении [15, с. 96–97].

21-я дивизия имела в своём составе 13-й и 14-й оперативные полки войск НКВД СССР, 6-й и 8-й пограничные полки, а также около 1,5 тысячи ленинградских милиционеров. Позднее в её состав были включены подразделения 22-й мотострелковой дивизии НКВД СССР. Подразделения дивизии прикрывали южные подступы к Ленинграду в районе Урицка и Пулковских высот. За спиной её бойцов был Кировский завод, который в эти критические для города дни работал для фронта без перерыва. Завод

в эту трудную пору передал дивизии 75 орудий, 18 пушек установили на автомашинах. Заводчане изготовили для дивизии много бронеколпаков из стальных щитков. В цехах ремонтировалось оружие, доставляемое с поля боя [16, с. 29].

На обороняемом дивизией участке фронта фашисты не смогли продвинуться к городу. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, командовавший Ленинградским фронтом в самый тяжёлый период обороны Ленинграда с 11 сентября по 6 октября 1941 года, в своих мемуарах «Воспоминания и размышления» дал высокую оценку 21-й дивизии, отметив её в числе особо отличившихся в отражении удара врага через Лигово и Пулково [17]. Воины дивизии остановили врага в нескольких километрах от города, вблизи Кировского завода. На рубежах Урицк — Старо-Паново — больница Фореля (Автово) дивизия стояла насмерть. Воины считали своим девизом слова: «Чекисты в плен не сдаются!» [18, с. 5].

Командир дивизии полковник М.Д. Папченко лично водил бойцов в атаку, штаб дивизии находился в нескольких километрах от передовой. Героические действия воинов дивизии, а наиболее ожесточённые бои проходили 13–17 сентября 1941 года, сорвали планы немецкого командования с ходу ворваться в Ленинград на юго-западном направлении. Линия фронта была стабилизована и фактически оставалась неизменной до января 1944 года. В настоящее время, на одном из таких участков указанного рубежа дислоцированы несколько факультетов Санкт-Петербургского университета МВД России и Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации.

В апреле 1942 года был пресечён прорыв норвежского добровольческого

легиона войск СС в полосе обороны 14-го полка 21-й дивизии войск НКВД СССР. Потеряв более 200 человек, легионеры отступили, было захвачено несколько пленных. Во второй половине июля — начале августа 1942 года подразделения дивизии участвовали в Старо-Пановской наступательной операции, в ходе которой удалось добиться определённых тактических успехов. Был приобретён опыт преодоления глубоко эшелонированной обороны противника, а также удалось захватить в плен 26 гитлеровцев [19, л.10], которых провели под конвоем по центральной улице Ленинграда — проспекту 25-го октября (в январе 1944 года было возвращено прежнее историческое название — Невский проспект) [20].

Об этом знаменательном событии, имевшем огромный морально-психологический эффект, по горячим следам написал один из ведущих публицистов блокадного города Н.С. Тихонов, работавший в Политуправлении Ленинградского фронта и впоследствии удостоенный в 1966 году первым из советских писателей и поэтов звания Героя Социалистического Труда. Его очерк-хроника впервые появился в газете «Красная звезда» 30 августа 1942 года. Главный редактор центральной красноармейской газеты фронтовой поры Д.И. Ортенберг вспоминал: «Николай Тихонов прислал очерк “Ленинград в августе”. Поразительна его пунктуальность! Как и договаривались, он точно к последнему дню каждого месяца передавал очерк о жизни и борьбе блокадного города за истекший тридцать один день» [21, с. 321].

В 1943 году многие из рассказов и очерков Н.С. Тихонова о блокаде были собраны под одной обложкой в книге «Ленинград принимает бой». Вот что он

тогда писал по горячим следам об операции под Урицком. «...Бой идёт близко, за городскими окраинами, — с пожелтевшими страниц слышен грохот канонады и отзвуки боя. — Грузовики с ранеными проезжают по городским улицам. Нами одержан местный успех. Это уже знают все. Бойцы воодушевлены. В помещении стоят немецкие пленные. Они все взяты в бою в рукопашной. У них порванные, грязные мундиры, обалделые лица и тусклые глаза пойманых на месте преступления разбойников [22, с. 267–268].

Известный советский поэт и журналист Ю.П. Воронов, в подростковом возрасте также переживший весь период блокады, написал впоследствии такие строки:

«По Невскому пленных ведут.
На сотню — четыре конвойных.
Они никуда не уйдут,
И наши солдаты спокойны.
В блокаде — куда им уйти,
В какой закоулок податься?» [23, с. 73].

Один из очевидцев прохождения захваченных пленных под конвоем по улицам Ленинграда вспоминал: «Они шли мимо Витебского вокзала, шли молча. Понурясь. Конвоиры скорее охраняли их от населения — да и вряд ли кому из них пришло бы в голову бежать. Люди, смотревшие на фрицев, в основном молчали. Вот кто ругал и проклинал — так это инвалиды. Если б не образцовое выполнение конвоем своих функций, пленные бы точно получили бы по шее костылями» [24].

В дальнейшем, 21-я дивизия была переформирована в 109-ю стрелковую дивизию, участвовала в окончательном снятии блокады и в Выборгской наступательной операции. За мужество и героизм, проявленный командирами и красноармейцами дивизии, она была награждена орденом

Красного Знамени, получила почётное наименование «Ленинградская». О том, как воевали военнослужащие 21-й дивизии, свидетельствуют награды, полученные бойцами и командирами к ноябрю 1942 года: помимо трёх военнослужащих, удостоенных Золотой Звезды Героя Советского Союза, о которых рассказали выше, 482 воина-чекиста были отмечены орденами и медалями, в том числе 9 — орденом Ленина, 51 — орденом Красного Знамени, 98 — орденом Красной Звезды, 215 — медалью «За отвагу», 180 — медалью «За боевые заслуги» [25, с. 187]. В 1941 году о них написала газета «Правда»: «Бессмертной славой покрыли себя навечно бойцы-чекисты, ученики Феликса Дзержинского. Они бились в рукопашной схватке, и только через мёртвые их тела враг мог продвинуться на пядь вперёд» [26].

28 апреля 2023 года состоялось торжественное открытие улицы Генерала Папченко в Красносельском районе г. Санкт-Петербурга. Это название, бывший безымянный проезд на окраине Поляежаевского парка, там, где находились боевые позиции воинов 21-й дивизии, получил в соответствии с Постановлением Правительства г. Санкт-Петербурга № 867 от 22 сентября 2022 года на основании ходатайства Санкт-Петербургского университета МВД России [27; 28].

Во время блокады внутренние войска и подразделения ленинградской милиции участвовали в обеспечении работы и охране Дороги жизни, проложенной по льду Ладожского озера. Так, силами лишь двух автоколонн 13-го мотострелкового полка войск НКВД за 100 дней и ночей первой блокадной зимы по ледовой трассе было доставлено 674 тонны горючего, боеприпасов, продовольствия и других грузов и вывезено из города свыше 30 тысяч ле-

нинградцев, главным образом детей [29, с. 96–97]. Сотрудники милиции обеспечивали правопорядок в период осуществления эвакуации, пресекали хищения продовольствия в ходе следования грузов, помогали в регулировании движения автоколонн. Для решения этих задач были сформированы специальные милиционные подразделения в посёлках Борисова Грива, Кобона и Ваганово.

В ответ на упорное сопротивление защитников города, фашисты усилили засадку диверсантов и шпионов в наш тыл. Уже в первые месяцы войны в Ленинграде было создано управление войск по охране тыла Ленинградского фронта, которое возглавил генерал-лейтенант Г.А. Степанов, до войны командовавший Ленинградским пограничным округом. На бойцов и командиров, несущих карабульную службу и патрулировавших на улицах города, была возложена сложная задача, несколько не отличавшаяся от боевых действий на переднем крае, требующая бдительности, смелости и отваги. Отметим, что патрульными группами войск только в период с начала войны до 10 декабря 1941 года было задержано и направлено на сборные пункты десятки тысяч военнослужащих, отставших или потерявших свои части. Среди этого количества задержанных было выявлено 5872 дезертира [30, с. 167]. На Ленинградском фронте только за период с 22 июня 1941 года по 1 апреля 1942 года нарядами войск НКВД по охране тыла было задержано 269 агентов и диверсантов врага [31, с. 40].

Особая страница обороны Ленинграда — это героические боевые будни сотрудников милиции, выполнивших самые тяжёлые и ответственные задачи на своём «незримом» фронте, который, как в названиях популярных советских кинофильмов

70-х гг. прошлого века, был «фронтом без флангов» и «фронтом за линией фронта». На ленинградскую милицию, помимо традиционных задач борьбы с преступностью, были возложены новые задачи, вызванные близостью фронта: участие в противовоздушной обороне, обеспечение эвакуации населения, решение вопросов устройства детей, оставшихся без родителей, пресечение хищений грузов, подлежащих эвакуации, розыск и задержание дезертиров, прекращение действий паникёров и распространителей провокационных слухов, оказание помощи органам государственной безопасности в выявлении вражеских агентов и их пособников, борьба с диверсантами.

Действовать приходилось в условиях большого некомплекта личного состава, пополнивших в основном воинские части войск НКВД СССР, сражавшихся на передовой. Так, из 13 тысяч сотрудников довоенной милиции, к сентябрю 1941 г. в строю оставалось немногим более 5-ти тысяч человек, среди которых было много женщин [32, с. 12]. Служебная нагрузка выросла в несколько раз. Сложившаяся ситуация потребовала перестройки деятельности милиции, акцент был сделан на охране вокзалов, нефтебаз, особо важных объектов промышленности, мостов, складов и продовольственных магазинов. Ежедневно выделялось более 400 парных постов, ночью службу несли более 100 парных патрулей, участковые уполномоченные были переведены на круглосуточное дежурство [33]. Дополнительной нагрузкой стало несение службы по всему городу в составе единой заградительной линии на контрольно-пропускных пунктах.

На милицию блокадного города была возложена несвойственная правоохранительным органам задача — организация

местной противовоздушной обороны (МПВО), когда каждый район Ленинграда делился на участки, соответствующие расположениям отделов (отделений, участков) милиции. Начальник отделения милиции соответственно являлся начальником МПВО своего участка, а участковый уполномоченный — квартала. В обязанности сотрудников милиции входили: контроль соблюдения светомаскировки, обеспечение работы и состояния бомбоубежищ, организация медицинской помощи пострадавшим.

Самоотверженность ленинградских милиционеров поражает. Их питание осуществлялось на общих основаниях, по рабочим карточкам, не по нормам снабжения воинских частей. Службу сотрудники фактически несли бессменно, отдыха практически не было. При артобстрелах и бомбардировках города фашистской авиацией погибло 125 сотрудников ленинградской милиции, от ран и истощения в первую блокадную зиму умерли 970 милиционеров. Всего же в годы блокады погибло более 1230 сотрудников. Но даже в этих условиях, раскрываемость преступлений оставалось достаточно высокой, не уступая довоенной. Всего за период блокады только в Ленинграде было задержано более 5000 преступников, у которых было изъято: пулемётов — 16, автоматов — 245, винтовок — 549, более 3000 мин и гранат, а также ценностей на сумму 75 миллионов рублей [34, с. 5].

За образцовое выполнение заданий правительства в годы войны, доблесть и мужество, проявленные сотрудниками, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 августа 1944 года Ленинград-

ская городская милиция первой в стране была награждена орденом Красного Знамени. К этому времени почти весь её личный состав имел медаль «За оборону Ленинграда», а 1536 человек было награждено государственными наградами. Символом героизма ленинградских милиционеров стал памятник «Блокадному милиционеру», открытый в торжественной обстановке 10 ноября 2023 года у метро «Нарвская», в честь сотрудников, погибших в период обороны Ленинграда. Памятник представляет собой скульптуру милиционера, держащего на руках ребёнка. У этой скульптуры есть свой прототип — участковый уполномоченный П.Д. Винокурцев, ценой своей жизни спасший маленькую девочку в ходе бомбёжки 8 ноября 1941 года.

Таким образом, очевиден вывод о значительной роли органов милиции и воинских частей НКВД СССР в обороне Ленинграда в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. На всех порученных участках бойцы, командиры войск и сотрудники милиции мужественно выполняли поставленные боевые задачи, проявляли исключительную стойкость и самоотверженность. Для современного поколения защитников Отечества — сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих войск национальной гвардии, сохранение исторической памяти о героизме своих предшественников, приумножение боевых традиций и понимание чувства сопричастности за судьбу страны, являются базовыми основами формирования мировоззренческих ценностей.

Литература и источники

1. 9 августа в России установлен день воинской славы — День окончания Ленинградской битвы [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/76593> (дата обращения: 8.04.2025).
2. Испытанные войной. Пограничные войска (1939–1945 гг.). М.: Граница, 2008. — 710 с.
3. Некрасов В.Ф. Внутренние войска Советского государства (1917–1977 гг.). М.: Академия МВД СССР, 1980. — 469 с.
4. Некрасов В.Ф. На страже интересов Советского государства. М.: Военное издательство, 1983. — 368 с.
5. Кривец В.Д., Холоден В.Ф., Штуттман С.М. История строительства внутренних войск 1917–1945 гг. Краткий очерк. Ч. 1. М. 1978. — 334 с.
6. План «Д». Том 1. 1941 год. СПб., 2005. — 188 с.
7. Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне 1941: Сборник документов и материалов. М.: Наука, 1976. — 943 с.
8. Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Сборник документов. М.: Изд-во Юридическая литература, 1975. — 725 с.
9. ...И при царях, и при генсеках. Очерки из истории внутренних войск/ Сост. Казаков Н.Н.- М.: Редакция журнала «На боевом посту», 2014. — 384 с.
10. Войска НКВД и снайперское движение. [А.П. Поздняков и др.] / Под общ. ред. Ф.В. Бубенчикова. М.: 1984. — 160 с.
11. На страже Родины. — 1942. — 7 января.
12. Золотые Звезды войск правопорядка. Книга 1. 1934–1944 / [В.П. Баранов и др.] Изд. 2-е, испр. М.: Ред. журнала «На боевом посту», 2024. — 440 с.
13. Служба пограничная — судьба необычная. Книга 2., П.Е. Павленко, Псков, 2010. — 236 с.
14. Два века на службе Отечеству. — СПб., 2011. — 128 с.
15. История войск правопорядка. От внутренней стражи Российской империи к войскам национальной гвардии Российской Федерации. М.: Редакция журнала «На боевом посту» войск национальной гвардии Российской Федерации, 2024. — 272 с.
16. На Урицком направлении / Сборник воспоминаний ветеранов войны. Ч. 3. / Сост. М.П. Болотов. Ленинград. 1988. — 85 с.
17. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2-х т. Т. 1. М., Олма-Пресс, 2002. — 415с. / URL.: https://royallib.com/book/gukov_georgiy/vospominaniya_i_razmishleniya.html (дата обращения: 7.04.2025).
18. Из боя в бой / Т.Н. Курьянов. Л.: Лениздат, 1982. — 240 с.
19. Центральный музей войск национальной гвардии Российской Федерации (далее — ЦМ ВНГ РФ). Оп. 4. Д. 15. П. 28. № 1951.
20. Марченко Г.В., Колесников С.С. По Невскому пленных вели. // На боевом посту. 2025. № 5. С. 26–31.
21. Ортенберг Д.И. Год 1942. Рассказ-хроника. М.: Политиздат. 1988. — 462 с.
22. Тихонов Николай. Ленинград принимает бой / ОГИЗ — Государственное издательство художественной литературы. Ленинград, 1943. — 412 с.
23. Воронов Ю.П. Блокада: стихи. Л.: Лениздат, 1977. — 144 с., ил.
24. Алексей Волынец. Вражеские военнопленные в Ленинграде / URL: <http://www.apn-spb.ru/publications/print11167.htm> (дата обращения 23.02. 2025).
25. Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Сборник документов. М.: Изд-во Юридическая литература, 1975. — 725 с.

26. ВВ в годы Великой Отечественной войны / История URL: https://web.archive.org/web/20161010002738/http://vvmvd.ru/istoriya/vv-vov/vv-vov_452.html (дата обращения 21.02. 2025 г.).
27. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 22 сентября 2022 года № 867 «О присвоении наименований безымянным проездам в Красносельском районе Санкт-Петербурга» / URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/282935892> (дата обращения: 23.02.2025 г.).
28. Балащенко М. Новая улица на карте Санкт-Петербурга. // Граница России. — 2023–24–30 мая — № 19.
29. История войск правопорядка. От внутренней стражи Российской империи к войскам национальной гвардии Российской Федерации. — М.: Редакция журнала «На боевом посту» войск национальной гвардии Российской Федерации, 2024. — 272 с.
30. История внутренних войск. 1941–1945 гг. Т. 3. Изд. 2-е доп. М., 2013. — 424 с.
31. Белозеров Б.П. Войска и органы НКВД в обороне Ленинграда (июнь 1941 — январь 1944): историко-правовой аспект: автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук., СПб, 1996. — 24 с.
32. Панфилец А.В., Удальцов А.А. Деятельность органов милиции по борьбе с дезертирством в годы блокады Ленинграда // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 4 (68). С. 9–13.
33. Работа милиции в блокадном Ленинграде / URL: <https://raduzhnyi-city.ru/about/info/omvd/39481/> (дата обращения 23.02. 2025).
34. Ленинградская милиция в годы войны 1941–1945 гг.: ощущение времени. СПб.: ООО Издательско-полиграфическая компания «КОСТА», 2010. — 709 с.

Marchenko G. V.

*Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
St. Petersburg*

Kolesnikov S. S.

*Central Museum of the National Guard Troops of the Russian Federation,
Moscow*

«Dzerzhinsky Steel»: Chekist Soldiers and Militia Officers in the Defense of Leningrad during the Great Patriotic War of 1941–1945

The article examines the role of military personnel and employees of the NKVD of the USSR in the defense of Leningrad during the Great Patriotic War of 1941–1945, reveals their contribution to the protection of the city on the battlefields and maintaining law and order throughout the entire period of the Battle for Leningrad (July 10, 1941 — August 9, 1944). The authors focus on the issues of operational and tactical use law enforcement agencies in the besieged city and the nature of their actions in solving service and combat tasks, organizing modern memorial work in the internal affairs bodies to perpetuate the exploits of soldiers and employees who died in the line of military and official duty.

Keywords: defense of Leningrad; internal affairs bodies; troops of the NKVD of the USSR; lines of defense; historical memory; heroic traditions; ideological values.

Сидоренко В.П.

Доктор исторических наук, профессор,

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,

Санкт-Петербург

Войска НКВД СССР в боях и на службе в годы Великой Отечественной войны (к 80-летию Великой Победы)

В статье раскрываются основные направления служебно-боевой деятельности войск НКВД в 1941–1945 гг.: участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками; охрана тыла Действующей Красной армии, охрана особо важных предприятий промышленности и железных дорог; охрана правительенной «ВЧ» связи; служба конвойных войск; обеспечение порядка на освобождённой от врага территории; борьба с бандгруппами и вооружёнными националистическими формированиями; проведение специальных операций.

Ключевые слова: бандгруппы; безопасность; Берия; боевые действия; важные предприятия промышленности; Великая Отечественная война; внутренние войска; выселение; дивизии НКВД; железные дороги; националистические вооружённые формирования; немецко-фашистские войска; оборона; охрана; тыл Красной армии.

В 2025 г. Российская Федерация отмечает 80-ю годовщину Победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками. Определённый вклад в эту Победу внесли войска Наркомата внутренних дел (НКВД). С первых дней войны важнейшей задачей высших органов советской власти явилось обеспечение внутренней безопасности государства. Выполнение этой задачи было возложено на войска НКВД. В условиях военное время их служебно-боевая деятельность осуществлялась в соответствии с постановлениями Государственного Комитета Обороны (ГКО), Указами Президиума Верховного Совета (ПВС) СССР, постановлениями и директивами Совета Народных Комиссаров (СНК) и Политбюро ЦК ВКП(б): «О Военном положении», «О мобилизации военнообязанных», «О мероприятиях по борьбе

с парашютными диверсантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе», «Партийным и советским организациям прифронтовых областей» и др. Эти и другие нормативные документы положили начало перестройки деятельности войск НКВД в военное время.

Накануне войны внутренние войска (без пограничных войск) насчитывали 173 186 чел. После проведения мобилизации численность войск НКВД составляла: пограничные войска — 168 135 чел., оперативные войска — 65 139 чел., войска по охране железных дорог — 112 405 чел., войска по охране важных промышленных предприятий — 66 939 чел., конвойные войска — 44 432 чел., войска НКВД по охране тыла Красной армии — 163 388 чел. Всего — 620 438 чел. В начале 1945 г. численность всех видов войск НКВД достигла уже 833 000 чел. [5, с. 171–173;

8, с. 217; 19, с. 35; 4, с. 124]. В годы войны численность каждого вида войск НКВД изменялась в зависимости от объема задач и обстановки на фронте.

В условиях сложной обстановки на фронтах командующие армиями вынуждены были почти повсеместно привлекать части и соединения войск НКВД к боевым действиям с регулярными силами противника. Воины-чекисты сражались на всех главных направлениях наступления немецко-фашистских войск. При этом важно отметить, что по своему вооружению и техническому оснащению они не предназначались для ведения боевых действий с регулярными силами противника и самостоятельной обороне боевых рубежей. Но уже в первый день войны одиннадцать оперативных полков НКВД, дислоцированных в приграничных западных районах страны, во взаимодействии с пограничниками, первыми встали на защиту нашего Отечества. Вместе с армейскими подразделениями мужественно защищали Брестскую крепость воины 132-го отдельного конвойного батальона. В 1966 г. в честь их подвига на стене казармы была установлена мемориальная доска.

Всего на фронтах Великой Отечественной войны самоотверженно сражались с фашистами одна армия, 58 дивизий и 23 бригады войск НКВД. В защите только трёх городов — Ленинграда, Москвы и Сталинграда участвовало 22 дивизии, из них три — награждены боевыми орденами. Наиболее отличилась в обороне Ленинграда 21-я мотострелковая дивизия, она удостоилась почётного наименования «Ленинградская», а 482 бойца и командира награждены орденами и медалями [1, с. 30; 3, с. 199]. Важно отметить, что в боях на Ленинградском направлении одними из первых

во внутренних войсках 5 чел. удостоились звания Героя Советского Союза. 10-я стрелковая дивизия НКВД за героическую оборону Сталинграда стала именоваться — «Сталинградская».

В Курской битве мужественно сражалась с противником 70-я армия (бывшая Отдельная армия НКВД), на их счету около 20 000 уничтоженных фашистов. Значительный вклад в оборону Кавказа внесли восемь дивизий войск НКВД. В предгорьях Главного Кавказского хребта пять дивизий действовали как регулярные армейские соединения в защите Орджоникидзевского, Грозненского, Махачкалинского, Дербентского особых оборонительных районов и Нальчикского укрепрайона. Более 90 000 военнослужащих НКВД были награждены медалью «За оборону Кавказа», 290-й отдельный мотострелковый полк войск НКВД удостоен почётного наименования — «Новороссийский». За геройизм в боях на Кавказе 6 человек удостоились звания Героя Советского Союза [16, л. 257].

Важно отметить, что на завершающем этапе войны три полка внутренних войск участвовали в боях на территории государств Восточной Европы. Два стрелковых полка были удостоены почётных наименований (145-й — «Познанский» и 273-й — «Гданьский»). 374-й стрелковый полк НКВД мужественно сражался с фашистами в Берлине. Всего за период войны 32 полка и дивизии получили правительственные боевые награды, а 4 — удостоены почётного наименования «Гвардейские» [16, л. 8, 257]. За период войны войска НКВД понесли потери: пограничные войска — 61400 чел., внутренние войска — 97700 чел. [4, с. 125]. Итоговые показатели боевых действий внутренних войск НКВД изложены в таблице 1 [10, л. 232; 15, с. 66].

Таблица 1. Итоги боевых действий внутренних войск НКВД в годы войны

№	Наименование	Уничтожено	Захвачено	Собрано
1	Танков	377	55	17
2	Самолётов	46	—	—
3	Бронемашин	44	1	—
4	Орудий (разных)	568	104	794
5	Пулемётов	468	4057	7048
6	Миномётов	512	108	1165
7	Винтовок, автоматов	—	240 051	105 030
8	ПТР	—	109	680
9	Пистолетов	—	21 006	—
10	Гранат	—	136 643	—
11	Патронов	—	7 млн 296 тыс.	—
12	Дотов, дзотов	180	—	—
13	Блиндажей	124	—	—
14	Уничтожено фашистов	374 000	—	—

В соответствии с постановлениями СНК СССР войска НКВД с первых дней войны стали основным резервом пополнения Красной армии. Всего в годы войны в Красную армию были переданы одна армия и 29 дивизий внутренних войск (более 111 000 чел.) [6, с. 8].

В условиях военного времени важнейшей задачей советского руководства являлось обеспечение безопасности прифронтовых и фронтовых районов страны. Эти решения властей были вполне обоснованы. С началом войны активность спецслужб противника значительно возросла. Более 60 спецшкол и курсов готовили шпионов, диверсантов и террористов для заброски в советский тыл, прежде всего в прифронтовые районы. Для ограждения страны от прописков врага Постановлением СНК СССР от 25 июня 1941 г. охрана войскового тыла была возложена на войска НКВД, а на следующий день созданы Управле-

ния войск НКВД по охране тыла каждого из фронтов. Общее руководство войсками в прифронтовых районах осуществлял созданный 08.07.1941 г. Штаб войск НКВД во главе с генерал-майором Н.И. Яценко. До апреля 1942 г. их правовое положение определялось постановлениями Военных советов фронтов. Со значительным опозданием, 28 апреля 1942 г., было утверждено Положение о войсках НКВД, охраняющих тыл фронта, а задачи изложены в Инструкции, подписанной наркомом внутренних дел 29 апреля. Этими нормативными документами войска руководствовались до конца войны. Приказом НКВД от 13.10.1945 г. Главное управление войск НКВД по охране тыла Красной армии было расформировано, личный состав включён в штаты внутренних войск. Результаты боевой службы войск по охране армейского тыла изложены в таблице 2 [7, с. 208–209].

Таблица 2. Итоги служебно-боевой деятельности войск НКВД по охране тыла Красной армии в 1941–1944 гг.

№	Наименование	Задержано	Взято в плен	Убито, ранено
1	Фашистские солдаты и офицеры	469 342	19 986	303 545
2	Ставленники и пособники врага	35 161		
3	Бежавшие из мест заключения	2010		
	Изменники и предатели	30 277		
	Мародёры	3450		
4	Грабители	162 023		
5	Бандиты	28 926		9867
6	Дезертиры Красной армии	112 255		
7	Нарушители установленного режима	374 084		
8	Без документов	5 118 263		
9	Установление подлинности документов	1 647 615		
10	Советские граждане, сотрудничавшие с немцами	Более 17 000		
11	Потери войск НКВД по охране тыла Красной армии			26 808

Изменение обстановки на советско-германском фронте в пользу Красной армии привело к корректировке функций внутренних войск. Постановлением ГКО от 04 января 1942 г. задачи по обеспечению безопасности на освобождённой от врага территории возлагалась на гарнизоны войск НКВД: очищение территории от вражеской агентуры, восстановление законных органов власти, борьба с бандитизмом и др. В связи с увеличением объёма задач было признано целесообразным перейти к окружной системе руководства войсками. 15 января 1943 г. был создан первый окружной орган — Северо-Кавказский округ внутренних войск НКВД, в дальнейшем аналогичные округа были созданы на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Показатели служебно-

боевой деятельности внутренних войск на освобождённой от врага территории были значительными (см. таблицу 3) [15, л. 2].

Одним из направлений обеспечения внутренней безопасности советского государства являлась борьба с бандитизмом. Для войск НКВД эта проблема была актуальной ещё в довоенное время, а в начале войны приобрела ещё большие масштабы. В годы войны проблема борьбы с бандитизмом рассматривается по периодам: первый (июнь 1941–1943 гг.) характеризуется борьбой с бандформированиями, главным образом на Северном Кавказе; второй (1944–1-я половина 1945 гг.) определяется борьбой с националистическим подпольем и бандитскими группировками в Западной Украине, Западной Белоруссии и Прибалтике. В период про-

Таблица 3. Итоги служебно-боевой деятельности внутренних войск НКВД на освобождённой от врага советской территории

№	Наименование	Задержано
1	Изменников Родины	88 889
2	Дезертиров	125 956
3	Уклонившихся от службы в Красной армии	251 518
4	Отставших от своих частей	348 935
5	Неорганизованно отходящих с поля боя	156 621
6	Нарушителей прифронтового режима	5 318 265
7	Бежавших из мест заключения	2019
8	Грабителей, воров, мародёров	162 025
9	Дезертиров трудового фронта	20 791
10	Без документов	3 538 430

Таблица 4. Итоги служебно-боевой деятельности войск НКВД по борьбе с бандитизмом в период войны

№	Наименование	1941	1942	1943	1944	1-я пол. 1945
1	Убито бандитов	108	1718	2341	29511	30057
2	Захвачено бандитов	152	2174	22575	50270	119366

ведения спецопераций войска пытались применять меры разъяснительного характера, однако в большинстве случаев они были не эффективными, поэтому в борьбе с бандитизмом преобладали меры силового воздействия. Итоговые показатели борьбы с бандитизмом изложены в таблице 4 [13, л. 13; 9, с. 424–427; 14, л. 27; 15, л. 2–3].

В период изгнания фашистов из государств Восточной Европы охрана тыла советских войск осуществлялась в соответствии с постановлением ГКО от 18 декабря 1944 г. Советский армейский тыл охраняли 103 166 военнослужащих НКВД [18, с. 76]. Итоги их деятельности отражены в таблице 5. За мужество и героизм более 5 200 военнослужащих были

награждены орденами и медалями, из них 7 чел. удостоены звания Героя Советского Союза [4, с. 119]. В период войны с империалистической Японией три стрелковые дивизии внутренних войск участвовали в боях с японцами и охраняли армейский тыл 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, освободили от преступных элементов 194 населённых пункта. Подразделения 3-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД ликвидировали 1225 японских бандитов [12, л. 176].

В годы войны ответственные задачи выполняли войска НКВД по охране железных дорог. Постановлением ГКО от 14.12.1941 г. охрана транспортных объектов была возложена на войска НКВД, которые приняли под охрану 3120 объектов.

Таблица 5. Итоги службы войск НКВД по охране тыла Красной армии на территории стран Восточной Европы в первой половине 1945 г.

№	Наименование	Задержано	Взято в плен	Освобождено	Убито
1	Немецко-фашистские войска	15 162	19 918		8 731
2	Военнослужащие союзных армий, находившиеся в плену	25 302		53 469	
3	Советские военнослужащие, находившиеся в плену			93 163	
4	Преступные элементы	221 432			
5	Советские граждане, угнанные в Германию			242 237	

В дальнейшем их количество только возрастило. В целях более оперативного управления войсками 19.01.1942 г. было создано Управление войск НКВД по охране железных дорог. В начале 1944 г. войска охраняли уже 3809 объектов. Наряду с выполнением задач по охране транспортных коммуникаций, многие подразделения войск участвовали в боях с противником, в том числе и около 30 бронепоездов войск НКВД. В начале 1943 г. был утверждён перечень должностей, которые разрешалось комплектовать женщинами. Кроме этого войска НКВД передали НКПС для сторожевой охраны 310 менее важных объектов. В связи со значительным увеличением объёма перевозок и бесперебойной работы транспорта Указом ПВС СССР от 15.05.1943 г. на всех железных дорогах было введено Военное положение, повышенены требования к охране перевозимых грузов, особенно это стало актуальным на освобождённых территориях Украины, Белоруссии и Прибалтики. В 1944 г. 98374 военнослужащих обеспечивали охрану 3606 объектов [5, с. 281].

Не менее значимые задачи выполняли войска НКВД по охране особо важных

предприятий промышленности. 24 июня 1941 г. СНК принял постановление об охране предприятий и учреждений. Войска взяли под охрану 403 важных объекта. В целях оперативного руководства войсками 19.01.1942 г. было создано самостоятельное Управление войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности. В конце 1944 г. 72335 военнослужащих обеспечивали охрану 487 особо важных предприятий [10, л. 7; 7, с. 226]. Итоговые показатели службы войск по охране объектов и коммуникаций изложены в таблице 6 [1, с. 128; 12, л. 12].

Актуальной и дискуссионной проблемой является служебная деятельность конвойных войск. Начальный период войны для войск стал наиболее сложным периодом службы, им была поставлена задача в срочном порядке провести эвакуацию из западных районов страны более 141000 осуждённых, которая в большинстве своё осуществлялась пешим порядком. В зависимости от обстановки на фронте, подразделения конвойных войск, вместо выполнения задач в соответствии со своим предназначением, нередко привлекались к боевым действиям с регулярными силами противника, так

Таблица 6. Итоги службы войск НКВД по охране железных дорог и важных предприятий промышленности в годы войны

Войска НКВД по охране железных дорог (на 01.09.1944 г.)		
1	Задержано шпионов и диверсантов	268
2	Предотвращено крушений поездов	786
3	Ликвидировано пожаров на объектах и в эшелонах	1380
Войск НКВД по охране важных предприятий промышленности		
1	Задержано шпионов и диверсантов	260
2	Предотвращено попыток проникновения на объекты	Более 300
3	Ликвидировано пожаров на объектах	Более 2000

Таблица 7. Итоги службы конвойных войск в годы войны

№	Охрана объектов	2-я пол. 1941	1942	1943	1944	1-я пол. 1945
1	Тюрем	54	51	64	131	710
2	Складов НКВД	13	12	17	8	
3	Спецобъектов НКВД	9	13	10	6	
4	Лагерей и госпиталей военнопленных	8	26	81	135	
5	Приёмных пунктов военнопленных	26			118	
6	Проверочно-фильтрационных лагерей		8	10	24	26
7	Лагерей спецконтингента		6	13	8	30
8	Обслуживание плановых маршрутов	120	96	125	174	
9	Обслуживание судебных учреждений	109	81	155	237	
10	Конвоирование военнопленных	12 627	118 380	40	434 967	

было в период обороны Бреста, Одессы, Москвы, Воронежа, Сталинграда, Ленинграда и других городов. За мужество и самоотверженность в боях с противником 3413 военнослужащих получили боевые награды. В ходе боёв конвойные войска понесли потери: убито и ранено 380 военнослужащих, 2359 — пропало без вести. К маю 1945 г. численность

войск возросла до 150 000 чел. Ответственные задачи конвойные войска выполнили на завершающем этапе войны. 17 июля 1944 г. 236-й конвойный полк и кавалерийский полк ОМСДОН по улицам Москвы провели под конвоем 57 600 пленных немецко-фашистских военнослужащих, в том числе 19 генералов. В 1944 г. 511 гарнизонов войск охраняли

Таблица 8. Итоги специальных операций войск и органов НКВД СССР в 1941–1944 гг.

№	Народы, этнические группы	Дата проведения спецоперации	Количество выселенных	Участвовало в выселении	
				Войск НКВД	Милиции и госбезопасности
1	Немцы	25.9–30.10.1941	856 340	19 900	6 910
2	Немцы, финны, ингерманландцы*	08–11.1941; 01–04.1942	92 135	1 890	3 870
3	Карачаевцы	02–03.11.1943	69 267	21 900	4 500
4	Калмыки	27–29.12.1943 20–27.03.1944	93 139	24 555	6 100
5	Чеченцы, ингуши	23–29.02.1944	478 479	96 073	19 000
6	Балкарцы	08–09.03.1944	37 044	17 000	4 000
7	Турки-месхетинцы, курды, хемшины и др.	04–05.1942. 15–26.11.1944	119 046	20 000	4 000
8	Крымские татары, греки, армяне, болгары.	18–20.05.1944 27–28.06.1944	228 127	23 000	9 000
9	Семьи оуновцев, повстанцы из Западных районов Украины	04.1944–1945	59 660	11 250	Около 2 700

* Учитывая, что спецоперация войск и органов НКВД в Ленинграде и Ленобласти называлась не выселение, а обязательная эвакуация немцев, финнов и ингерманландцев, активное участие в ней принимали советские и партийные органы. В выселении других народов участвовали только войска и органы НКВД.

288 объектов, а в конце войны — 710 лагерей, тюрем и других объектов (см. таблицу 7) [7, с. 235–241; 5, с. 283].

Дискуссионной до настоящего времени является проблема участия войск НКВД в выполнении специальных задач, связанных с принудительным выселением некоторых советских народов и этнических групп в годы войны. В постановлениях ГКО и СНК СССР выселение народов из мест постоянного проживания обосновывалось по-разному: одних высыпали по превентивным признакам, безопасностью приграничных районов и укреплением государственной границы; других — за участие в повстанческом движении, бандитизм, сотрудничество

с фашистскими диверсантами, пособничество немецко-фашистским войскам, вооружённое сопротивление властям и Красной армии и др. При этом важно отметить, что в нормативных документах обвинялась в преступлениях только «зачитательная часть» высыпаемого народа, за что выселению подлежал весь народ. Решением высших органов государственной власти страны 227 212 военнослужащих войск НКВД и 98 325 сотрудников госбезопасности и милиции, вместо выполнения своих непосредственных задач, в годы войны привлекались для выселения немцев, финнов, ингерманландцев, карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар, турок,

Таблица 9. Выполнение внутренними войсками НКВД специальных заданий советского руководства в годы войны

№	Наименование
1	Эвакуация из Москвы драгоценностей Алмазного фонда
2	Эвакуация из Москвы Оружейной Палаты Московского Кремля.
3	Выставление Почётного караула при встречах и проводах руководителей иностранных государств.
4	Участие войск НКВД в Военном параде 08.11.1941 г.
5	Участие восьми батальонов дивизии им. Ф.Э. Дзержинского в параде Победы 24.07.1945 г.
6	На параде Победы личный состав батальона дивизии им. Ф.Э. Дзержинского пронёс по Красной площади и бросил к подножию Мавзолея В.И. Ленина знамёна разгромленных фашистских частей.
7	131-й мотострелковый полк внутренних войск обеспечивал безопасность участников Тегеранской конференции.
8	На Крымской (Ялтинской) конференции Два сводных полка войск НКВД охраняли делегации союзных государств антигитлеровской коалиции.
9	Охрану специального поезда советской делегации в пути следования на Потсдамскую конференцию обеспечивали 17 000 военнослужащих внутренних войск, 1515 оперативных работников и 8 бронепоездов войск НКВД
10	105-й полк войск НКВД охранял здание, где был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Германии.

курдов и хемшинов из мест их постоянного проживания в Сибирь, Казахстан, Киргизию и другие отдалённые районы страны. Механизм и масштабы специальных операций войск НКВД в годы войны изложены в таблице 8 [6, с. 125; 11, л. 4–8; 15, л. 6–8; 20, с. 568–579].

В годы войны важнейшей специальной задачей для войск НКВД являлась охрана линий правительенной «ВЧ-связи». Эти задачи они выполняли в соответствии с Постановлением СНК СССР от 29.06.1941 г. и приказом НКВД СССР от 10.07.1941 г. До 1943 г. охрану линий правительенной «ВЧ» обеспечивали войска НКВД по охране железных дорог. 30.01.1943 г. ГКО возложил

на войска дополнительные задачи по обслуживанию и охране линий «ВЧ-связи». 10.06.1943 г. было создано Управление войск правительенной «ВЧ-связи», подчинённое НКВД, которое выполняло эти функции до конца войны. Руководство страны поручало войскам НКВД выполнение и других специальных задач, изложенных в таблице 9.

Родина высоко оценила вклад внутренних войск НКВД СССР в достижение Победы над немецко-фашистскими захватчиками. Более 100 000 военнослужащих были награждены орденами и медалями, 297 чел. удостоены звания Героя Советского Союза, в том числе 4 чел. удостоены этого звания дважды [4, с. 125].

В честь воинов НКВД — мужественных защитников нашего Отечества, на территории бывших республик СССР сооружено 284 памятника и обелиска, более 10 часовен; установлено 117 мемориальных досок; названо 5 городов, 7 площа-

дей, 205 улиц, 14 скверов, 8 погранзастав, 16 кораблей, 65 средних учебных заведений, 1 залив; имеется 187 братских могил; 17 человек являются Почетными гражданами населённых пунктов [2, с. 290–354].

Литература и источники

1. Алексеенков А. Е., Сидоренко В. П. Внутренние войска в годы суровых испытаний: домыслы и реальность. СПб.: СПб. ВИ ВВ МВД России, 2002. — 297 с.
2. Баранов В. П., Штутман С. М., Елагин В. М. и др. Внутренние войска: время, события, люди. М.: На боевом посту, 2008. — 480 с.
3. Войска называются внутренними. Краткий исторический очерк. М.: типография ВВ МВД России, 1982. — 496 с.
4. Внутренние войска. Исторический очерк. М.: «На боевом посту», 2007. — 271 с.
5. История строительства внутренних войск. 1917–1945 гг. Краткий очерк. Ч. 1. М.: Типография ВВ МВД России, 1978. — 335 с.
6. Лысенков С. Г., Сидоренко В. П. Внутренние войска: страницы истории. СПб.: СПб.: ВИ ВВ МВД России, 2001. — 174 с.
7. Марценюк Ю. А., Беркутов А. С., Сидоренко В. П., Ченцов А. С. Штутман С. М. и др. Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Военно-исторический труд. М.: Новости, 2011. — 496 с.
8. На страже границ Отечества. Пограничные войска России в войнах и вооружённых конфликтах XX в. Т. 3. М.: Граница, 2000. — 504 с.
9. НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооружённым националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956): сборник документов / составители: Н. И. Владимирцев, А. И. Кокурин. М.: Объединённая ред. МВД России, 2008. — 638 с.
10. Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 38652. Оп. 1. Д. 41.
11. РГВА. Ф. 38660. Оп. 1. Д. 6.
12. РГВА. Ф. 38261. Оп. 1. Д. 34.
13. РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 128.
14. РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 140.
15. РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 313.
16. РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 295.
17. РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 618.
18. РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 853.
19. Сидоренко В. П. Внутренние войска в годы Великой Отечественной войны. СПб.: СПб. ВИ ВВ МВД России, 2006. — 298 с.
20. Сталинские депортации. 1928–1953. / Сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М.: «Материк», 2005. — 904 с.

Sidorenko V.P.

*Doctor of Historical Sciences, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
St. Petersburg.*

Troops of the USSR People's Commissariat for Internal Affairs in Battles and on Service during the Great Patriotic War (to the 80th Anniversary of the Great Victory)

The article reveals the main areas of service and combat activities of the NKVD troops in 1941–1945: participation in battles against the German fascist invaders; protection of the rear of the Active Red Army, protection of particularly important industrial enterprises and railways; protection of government high-frequency communications; service of convoy troops; ensuring order in the territory liberated from the enemy; fighting against bandit groups and armed nationalist formations; conducting special operations.

Keywords: gangs; security; Beria; military operations; important industrial enterprises; Great Patriotic War; internal troops; eviction; NKVD divisions; railways; nationalist armed formations; German fascist troops; defense; security; rear of the Red Army.

Анисимов Д. С.

*Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение
Московской области «Колледж «Подмосковье», г.о. Химки.*

Кадровый вопрос в Смерш

Автор рассматривает один из важнейших аспектов функционирования советской военной контрразведки в годы Великой Отечественной войны — кадровый вопрос. В боевых условиях сотрудники Смерша выполняли задачи, связанные с обеспечением государственной безопасности, при выполнении которых оперативники контрразведки несли потери. Именно поэтому автор считает вопрос пополнения действующих подразделение контрразведки обученными сотрудниками ключевым, так как в условиях секретности необходимо было обеспечить развертывании системы подготовки личного состава Смерша и переподготовки в оперативников контрразведки фронтовых офицеров, имевших опыт ведения боевых действий, но не знающих особенностей проведения агентурно-оперативных мероприятий.

Ключевые слова: Смерш; подготовительные курсы; обучение личного состава; школы контрразведки; кадры; переподготовка.

Великая Отечественная война требовала от советского народа огромного напряжения сил. Потери в войне составили около 1/6 населения СССР. Цифры, которые ежегодно озвучиваются на День Памяти и Скорби, а также на День Победы заставляют задуматься о том, сколько контрразведчиков не вернулось с заданий, сколько погибло при исполнении своего долга при проведении агентурно-оперативных мероприятий. Данная статья посвящена памяти погибших и пропавших без вести в ходе Великой Отечественной войны.

Анализируя состав, численность структурных подразделений Смерша, необходимо исследовать способы пополнения личного состава этих подразделений. Конечно же, во времена существования Управления Особых Отделов НКВД были созданы курсы подготовки оперативных работников контрразведки на базе специальных учебных заведений Наркомата

внутренних дел. Однако, в связи с возросшей численностью Красной армии, а также с усилением подготовки вражеской агентуры и интенсивности заброски её в тыл и части Красной армии, Главное управление контрразведки Смерш нуждалось не только в повышении качества работы по противодействию агентуре противника, но и в увеличении общего числа сотрудников, которых можно было подготавливать и направлять в подразделения военной контрразведки. При этом, стоит сказать, что оперативный состав подразделений Смерша, проводя активную работу среди личного состава частей Красной армии непосредственно на передовой, нередко активно участвовал в ведении боевых действий против наступающих или обороняющихся частей Вермахта и иных вооружённых формирований, противостоящих Красной армии. Также, сотрудники отделов контрразведки нередко принимали на себя

командование подразделениями в случае гибели командира [1, с. 5]. Таким образом, непосредственное участие сотрудников Смерша в боях на фронтах Великой Отечественной войны приводило к потерям среди контрразведчиков, а, значит, потребность в пополнении личного состава структурных подразделений военной контрразведки возрастала по мере увеличения числа общих потерь.

Одними из первых учебных заведений, созданными для того, чтобы насыщать кадровый состав Смерша стали 1-я и 2-я Московские школы, находившиеся по адресам 2-й Кабельный переулок, д. 4/6 в здании бывшего Военно-хозяйственного училища войск НКВД на базе школы Особых Отделов и Малый Гнездниковский переулок д. 2 соответственно. Приказ о формировании данных подразделений подписал лично И. В. Сталин 15 июня 1943 года [4, с. 78]. Помимо московских школ в приказе числятся учебные центры в Ташкенте, Хабаровске, Свердловске, Новосибирске. Для каждой из них установлен лимит набора обучающихся, а также сроки подготовки. Учитывая тот факт, что зачастую в структуры Смерша попадали опытные офицеры-фронтовики, главной задачей первых учебных заведений военной контрразведки — переподготовить специалиста в ускоренные сроки. Причём, для каждой школы эти сроки устанавливались индивидуально. Так, например, Сталин своей рукой внёс правку в приказ, которая заменила предполагаемую четырехмесячную программу сроком от шести до девяти месяцев, давая офицерам важное для учёбы время. Регламентировался и штат обучающихся. Самой крупной из всех была 1-я Московская школа, штат остальных — меньше [4, с. 78]. Таким образом была

создана база обучения личного состава военной контрразведки.

В условиях непрекращающейся войны и растущих потерь имевшиеся в наличии центры подготовки кадрового резерва уже не удовлетворяли потребности существующих подразделений в восполнении потерь. Было принято решение вначале создать новые курсы контрразведки в крупных городах Советского Союза. После прорыва блокады Ленинграда зимой 1943 года, организовать курсы в этом городе стало возможным. Ленинградские курсы контрразведки были созданы 2 августа 1943 года со штатом слушателей в 100 человек [2, с. 324]. При этом, основным отличием от курсов подготовки сотрудников Особых Отделов являлось наличие отделения переподготовки. Данное отделение обучало офицеров-фронтовиков действующей армии, прошедших строгий отбор. Однако, вскоре стало очевидно, что двухмесячные курсы не удовлетворяют потребностям подразделений Смерша в пополнении обученными кадрами. Поэтому, закономерно, в апреле 1944 года, курсы были реорганизованы в школу ГУКР Смерш НКО СССР. Данная мера была не единственной, применённой только к курсам в Ленинграде, однако, смогла увеличить не только количество выпускаемых оперативников Смерша, а также повысить общий квалификационный уровень сотрудников контрразведки, которые по окончанию данной школы направлялись в действующие подразделения. Однако, как это всегда бывает, за качество подготовки приходится платить скоростью подготовки. Именно поэтому в отделении подготовки обучалось 150 человек ровно полгода — 6 месяцев, а в отделении переподготовки — 50 человек выпускались раз в 3 месяца [2, с. 324]. Однако, увеличение,

как времени обучения, так и количества слушателей дало положительные результаты о которых написано ниже.

Похожая ситуация сложилась вокруг курсов контрразведки в городе Свердловске. Курсы были развернуты ещё летом 1943 года, а преобразованы в школу, также как и Ленинградские — в 1944 году. Однако, ключевым отличием Свердловской школы от Ленинградской являлось отсутствие отделения переподготовки. Это было связано с трудностью организации процесса обучения офицеров-фронтовиков, так как школа находилась в глубоком тылу, а транспортные расходы были непозволительной роскошью. В 1944 году Ленинград находился в относительной близости от линии фронта, что позволяло организовывать оперативную отправку вновь подготовленных сотрудников контрразведки в боевые части, на фронт. В Свердловске обучалось 350 человек сроком от 6 до 9 месяцев [2, с. 515]. Это давало возможность, не отвлекая от ведения боевых действий опытных офицеров-фронтовиков и большом количестве, не затрачивая время и ресурсы на их транспортировку, наладить учебный процесс для слушателей категории «с нуля». Однако, реального опыта у таких выпускников практически не было, и поэтому, зачастую им приходилось набирать его, непосредственно работая в действующих подразделениях Смерша. Данная ситуация была схожа с организацией пополнения кадров Особых Отделов, однако, отличие заключалось в сроках подготовки. В условиях 1944 года, когда победа во Второй Мировой войне стран-членов антигитлеровской коалиции была очевидна, Главное управление контрразведки могло сосредоточиться на повышении качества подготовки будущих оперативников.

Конечно же, решение вопросов, относящихся к кадровому составу, обучению, организации пополнения связано с довольно важным аспектом деятельности контрразведывательной организации. Однако, без формирования системы набора/отбора кадров невозможно представить функционирование любой силовой структуры, однако, в данной статье исследуются основные отличия ГУКР Смерш НКО СССР от Управления Особых Отделов НКВД. В рамках статьи, уместен анализ именно кадрового аспекта деятельности, так как Смерш имел принципиальные отличия о предшественников в этом вопросе.

В рамках анализа структуры Смерша стоит добавить, что на местах (на фронтах, а также в тылу и иных военных окружах), оперативники-контрразведчики распределялись между ОКР в распоряжении фронтов находились управления контрразведки (УКР фронта), таким образом, структурная организация Смерша подстраивалась под нужды армии, при этом сохраняя автономность управления, которая была необходима для поддержания эффективной деятельности.

Подобное деление чем-то похоже на то, что существовало в Управлении Особых Отделов до реорганизации, однако оказалось более гибким, при этом, устанавливалось, что органы Смерша освобождались от осуществления деятельности, не входящей в рамки, установленные Постановлением СНК СССР № 415-138сс: непосредственное противодействие проникновению и деятельности агентуры противника в частях Красной армии, борьба с антисоветскими элементами, действующими в армейских подразделениях, борьба с предательством и изменой, дезертирством (не относится к работе по противодействию Абверу, но сами

случаи дезертирства зачастую являлись следствием разлагающего эффекта, возникающего от деятельности вражеской агентуры и работы антисоветских элементов) и др.[3, с. 397]. Соответственно, это позволило оперативникам ОКР сосредоточить все усилия на борьбе с агентами Абвера, а также на поддержании строгой дисциплины и эффективности боевых действий.

Собственно, эта самая эффективность и высокий уровень дисциплины — факторы, которые сами по себе препятствуют проникновению через линию фронта, а также в части действующей армии агентуры противника. Именно поэтому строгому надзору за частями, находящимися на линии соприкосновения уделялось не меньше внимания, чем непосредственно борьбе с уже проникшими агентами Абвера, ведь, как уже говорилось выше — одним из главных условий успешного противостояния немецкой разведке являлось недопущение проникновения агентов и пресечение любых попыток данного проникновения и внедрения. А основа этому — качественное обучение новых сотрудников и своевременная доставка пополнения в действующие подразделения контрразведки.

Чёткое разграничение полномочий сотрудников Смерша являлось положительным фактором и сказалось на общей эффективности работы, так как оперативники действовали в довольно удобных рамках, пользуясь зачастую ими как должностной инструкцией, при этом, не отвлекаясь на проведение мероприятий, не связанных непосредственно с контрразведывательной деятельностью.

Также важно отметить возросший уровень сотрудничества с армейскими подразделениями и повышением уровня доверия к контрразведчикам среди ря-

дового и командно-начальствующего состава Красной армии. В рамках повышения уровня взаимодействия подразделений контрразведки с частями действующей армии отмечается гибкая система структурных подразделений контрразведки, приписанных к конкретного рода воинским формированиям, а также возможность использования для непосредственного проведения агентурно-оперативных мероприятий ресурсы и личных состав армейских подразделений, что давало возможность не только плотного контакта оперативников Смерша с солдатами и офицерами, но и позволяло отдельным сотрудникам военной контрразведки сосредотачиваться на выполнении своих конкретных задач, не отвлекаясь на участие в деятельности групп оперативного реагирования. Опять же, этому способствовало и чёткое разграничение полномочий конкретных подразделений Главного управления контрразведки, и высокий уровень подготовки офицеров контрразведки, часть из которых составили бывалые ветераны-фронтовики, имеющие опыт командования и координации частями действующей армии.

Помимо этого, укрепление связи военной контрразведки и армии связано с иными факторами: приведение внешнего вида оперативных работников Смерша в соответствие с видом частей, в которых они работали, переход на общее армейскую систему званий и знаков отличия, возможность набора в состав отделов контрразведки опытных офицеров-фронтовиков, которые не только были хорошо осведомлены о ситуации на фронте и способах работы среди солдат и офицеров частей действующей армии. Тем не менее, практика набора и обучения новых оперативных работников была перенята

у предшественника — Управления Особых Отделов с небольшими изменениями: расширение численности слушателей специальных курсов и школ, а также увеличение сроков подготовки, что было связано с благоприятной для Красной армии обстановкой на фронтах Великой Отечественной войны. Реорганизация подготовительных курсов, пересмотр учебной программы способствовали не только качественному росту уровня подготовки выпускников данных учебных заведений, но и относительно количественному росту, так как единовременно выпускалось большее количество сотрудников Смерша, чем до реорганизации органов советской контрразведки. Однако, при всех прочих факторах система набора кадров в контрразведку, существовавшая в 1941–1942 годах, в той же степени отвечала потребностям фронта и тыла в пополнении, что и система, изменённая в 1943 году и просуществовавшая до конца войны.

Таким образом, реорганизация органов контрразведки, проведённая в апреле 1943 года, явилась вполне логичным развитием данных силовых структур. Причём, скорее это процесс эволюционного развития, на который подтолкнул советское руководство новый вызов, с которым

пришлось встретиться: коренной перелом в войне. Именно поэтому Советскому Союзу и Красной армии требовался мощный щит в виде усовершенствованного контрразведывательного аппарата, способного вести усиленную работу по противодействию германской разведке для эффективного планирования и осуществления как наступательных, так и оборонительно-наступательных операций. Кадры Смерша пополнялись опытными офицерами-фронтовиками, разбиравшимися в оперативно-тактической обстановке, а также в командовании отдельными армейскими подразделениями, которые выделялись контрразведке для содействия в рамках проведения агентурно-оперативных и оперативно-разыскных мероприятий. Однако эффективность преобразования Управления Особых Отделов в Главное управление контрразведки Смерш ещё предстоит выяснить, ибо 1943 год — это только середина войны. Причём, это именно тот период, когда Абвер, возглавляемый адмиралом В. Канарисом, продолжал совершенствовать не только материально-техническую базу, но и набирался опыта в подготовке своих агентов, улучшал методы подготовки и заброски агентуры на территорию, контролируемую частями Красной армии.

Литература и источники

1. Иванов Л. Г. Правда о «Смерш»: записки военного контрразведчика. М.: Дельта НБ, 2007. — 286 с.
2. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. Т. 5. Кн. 1. Вперёд на Запад. 1 января-30 июня 1944 г. М.: Кучково поле, 2007. — 726 с.
3. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. Т. 4. Кн. 1. Секреты операции «Цитадель». 1 января-30 июня 1943 г. М.: Русь, 2008. — 795 с.
4. Смерш: Исторические очерки и архивные документы. Изд. 3-е, испр. и доп. / В. С. Христофоров, В. К. Виноградов, О. К. Матвеев и др. М.: ОАО «Московские учебники и Картолитография» по лицензии Издательства Главархива Москвы, 2010. — 343 с.

Anisimov D.S.

*State Budgetary Professional Educational Institution
of the Moscow Region «College “Podmoskovye”», Khimki*

Personnel issue in Smersh

The author examines one of the most important aspects of the functioning of the Soviet military counterintelligence during the Great Patriotic War — the personnel issue. In combat conditions, Smersh officers performed tasks related to ensuring state security, during which counterintelligence operatives suffered losses. That is why the author considers the issue of replenishing the existing counterintelligence unit with trained personnel to be key, since in conditions of secrecy it was necessary to ensure the deployment of a system for training Smersh personnel and retraining front-line officers who had combat experience but did not know the specifics of conducting intelligence operations.

Keywords: Smersh; preparatory courses; personnel training; counterintelligence schools; personnel; retraining.

Веригин С.Г.

Доктор исторических наук, профессор,

*Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск*

Радиоигры в противостоянии финских и советских спецслужб на Карельском фронте в годы Великой Отечественной войны

Одним из эффективных методов борьбы с агентурой противника, забрасываемой в прифронтовую полосу как советских, так и финских войск на Карельском фронте в годы Великой Отечественной войны, были особого рода спецоперации, получившие название «радиоигры». Если радиоигры, проводившиеся советской стороной исследованы достаточно полно, то радиоигры финской военной разведки не получили своего освещения в отечественной историографии. Именно этой проблеме и посвящена данная статья. Она подготовлена на основе анализа широкого круга архивных источников, многие из которых впервые введены автором в научный оборот.

Ключевые слова: радиоигры; Великая Отечественная война; финские спецслужбы; советские органы безопасности; Карельский фронт.

Радиоразведка является разновидностью технической разведки, обеспечивающей получение информации путём перехвата с помощью радиосредств открытых и шифрованных сообщений, радиопереговоров; обработку и анализ полученных данных и подготовку на их основе информационных материалов для политического руководства и военного командования страны. Радиоигры являлись не только особыми операциями при осуществлении радиоразведки, но и единственным направлением военной контрразведывательной работы обеих противоборствующих сторон в годы Второй мировой войны. Они позволяли спецслужбам внедрять своих агентов в разведорганы противника, выводить в свой тыл вражеских разведчиков, которые затем обезвреживались органами государственной безопасности. С помощью радиоигр стороны осуществляли дезинформацию противника.

Одной из главных особенностей военно-оперативной обстановки на Северо-Западном театре военных действий было то, что советским спецслужбам противостоял тесный союз и координация деятельности немецкой и финской разведок. Взаимодействие спецслужб Германии и Финляндии осуществлялось по всем направлениям разведывательно-диверсионной работы, носило систематический и плановый характер. Финская разведка ни в чём не уступала немецкой, а в некоторых областях, в частности в радиоразведке, даже превосходила своих союзников.

Важнейшей чертой деятельности финской разведки являлось широкое и умелое применение разведывательно-диверсионных групп и разведывательно-диверсионных методов работы. Руководство всей разведывательно-диверсионной деятельностью было строго централизовано и возлагалось на «Отдельный

разведывательно-диверсионный батальон» главной квартиры финской армии под командованием подполковника Савио общей численностью до 700 человек, который действовал в составе рот на Савонлинском (Петрозаводском), Суомуссалмско-Каянском (Ухтинском), Ребольско-Ругозерском направлениях.

Финская разведка имела многолетний довоенный опыт тайного противоборства с СССР и достаточно квалифицированный кадровый корпус разведчиков, контрразведчиков и радиоразведчиков, среди которых можно выделить, прежде всего, руководящих сотрудников: Паасонена, Сомерто, Холстрема, Кякконена, Карпела, Раски, Халламаа и др. Эффективно и достаточно профессионально действовал батальон радиоконтрразведки при 2-м отделе Генштаба финской армии общей численностью до 2 тыс. человек, имевший в военный период радиоцентры в Лахти, Рованиеми, Коувола, Каяни, Суомуссалми, Хаукиперя, Раутсаари, а также в оккупированном Петрозаводске [1, л. 5–6]. Финская радиоконтрразведка в годы войн с СССР в 1939–1940 гг. и 1941–1944 гг. была одной из наиболее подготовленных радиоконтрразведывательных служб в Европе.

Сотрудники финской радиоразведки Паалко и Лаутсаари имели ряд крупных открытий и изобретений в радиотехнике и активно применяли их на практике. Контрразведывательное бюро 2-го отдела Генштаба финской армии имело, по данным советских контрразведывательных органов, девять отделов надзора, в том числе на оккупированной территории Карело-Финской ССР (Петрозаводск, Сортавала, Олонец, Медвежьегорск, Ладва, Великая Губа). Одной из особенностей разведывательно-диверсионной деятельности финской разведки в военный

период являлось активное проведение радиоигр с советскими спецслужбами.

Созданной системе разведывательно-диверсионных органов и школ немецкой и финской разведок на Северо-Западе СССР в годы войны противостояла система советских армейских и территориальных органов государственной безопасности, в состав которой входили подразделения управлений особых отделов (с апреля 1943 г. военной контрразведки Смерш) Карельского, Ленинградского, Волховского и 3-го Прибалтийского фронтов, Ленинградского, Карело-Финского, Мурманского, Архангельского и Вологодского территориальных управлений НКВД–НКГБ СССР. Специфика военно-оперативной обстановки на Северо-Западном театре военных действий, стабильность Карельского фронта в течение двух с половиной лет войны (декабрь 1941–июнь 1944 г.) способствовали накоплению опыта по проведению контрразведывательных операций против немецких и финских войск, в том числе и использованию радиоигр со спецслужбами противника.

Сразу отметим, что в течение всех лет войны радиоигры осуществлялись, как правило, только с согласия и при участии сотрудников 2-го Управления (контрразведка) НКВД СССР. С весны 1943 г. проведение радиоигр с противником было возложено на Главное управление контрразведки Смерш (ГУКР Смерш) НКО СССР.

По данным российских исследователей, советскими спецслужбами в 1942–1944 гг. на Карельском фронте с финской военной разведкой было проведено 10 радиоигр, в трёх из которых участвовали военные контрразведчики Карелии [2, с. 131]. Эти три игры («Башлыков», «Южная-1», «Южная-2» получили своё

освещение в статье В.Г. Макарова «Радиоигры советских спецслужб на Карельском фронте в годы Великой Отечественной войны», опубликованной в сборнике «Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности. Материалы V международной научной конференции (Петрозаводск, 22–23 мая 2014 года)» [2, с. 129–141].

В результате этих радиоигр советские контрразведчики оперативно получали сведения о планах противника, которые передавались Верховному командованию Красной армии, сообщали финскому военному командованию дезинформацию, смогли перекрыть каналы переброски агентуры противника в советский тыл, изучали формы и методы работы финской военной разведки, методику подготовки агентуры.

Если радиоигры, проводимые в военный период советской контрразведкой на Карельском фронте, исследованы достаточно полно, то радиоигры финской военной разведки практически не освещены в отечественной историографии спецслужб.

Следует подчеркнуть, что финские спецслужбы при задержании советских разведывательно-диверсионных групп особое внимание обращали на радиостанции, которые в обязательном порядке входили в состав этих групп. Финны стремились в первую очередь получить от радиостанций шифр, расписание радиосвязи и другие данные для проведения радиоигр с советскими разведорганами. В настоящее время на основе анализа архивных документов можно говорить по крайней мере о трёх таких радиоиграх финской разведки: две из которых были успешными для финской стороны, а одна закончилась провалом.

Одной из первых радиоигр финской военной разведки стала радиоигра Петрозаводского отдела надзора (финская контрразведка) в 1942 г. Финские контрразведчики использовали в ней сдавшуюся в плен радиостанцию разведотдела 7-й отдельной армии Карельского фронта Айру Хуусконен.

В 1931 г. Айра Карловна Хуусконен, финка по национальности, с семьёй нелегально прибыла из Финляндии в СССР. Закончила среднюю школу в г. Петрозаводске и до войны работала инструктором физкультуры в спортивном обществе «Динамо». 7 июля 1941 г. была завербована в Петрозаводске разведотделом 7-й армии под псевдонимом «Рая» для выполнения спецзаданий в тылу противника. Прошла подготовку на курсах радиостанций. Несколько раз в составе групп советских разведчиков забрасывалась в тыл финских войск. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. была награждена орденом Красного Знамени за то, что в июле 1941 г. вместе с другими советскими разведчиками успешно выполнила диверсионное задание, взорвав мост у деревни Большая Гора в районе г. Олонец [3, л. 1, 2, 27, 105].

8 июля 1942 г. в качестве радиостанции с радиостанцией «Север» в составе разведгруппы, в которую входили также Эйно Матикка и Вейе Луото (оба по национальности финны), была высажена на гидросамолёте в тылу финнов в районе озера Большое Мужало (Прионежский район Карелии). Задача группы состояла в том, чтобы прибыть и обосноваться в Петрозаводске, провести разведку расположения воинских частей, выявить агентурную обстановку в городе, определить характер движения по дороге Петрозаводск — Подпорожье, а также

произвести вербовку патриотически настроенных советских граждан г. Петрозаводска. Первые три недели, двигаясь к Петрозаводску, группа проводила наблюдение за движением финских частей по железной дороге в направлении Петрозаводска. Хуусконен все сведения передавала по радио в разведотдел 7-й армии [3, л. 2, 3].

10 августа 1942 г. группа попала в засаду финнов, Хуусконен была задержана и доставлена в Петрозаводск в Службу надзора финской армии (финская военная контрразведка). Её допрашивал опытный финский контрразведчик капитан Ялконен. Хуусконен рассказала ему свою биографию, задание заброшенной разведгруппы и какие сведения успела передать по радио советской стороне. Ялконен предложил советской разведчице сотрудничество с финской разведкой, и она согласилась [3, л. 4–7].

На второй день после задержания — 11 августа 1942 г. Хуусанен стала работать на радиостанции под диктовку финнов. По заданию Ялконена она передала советской разведке дезинформационные сведения о том, что группа захватила «языка» — финского лейтенанта и сотрудницу организации «Лотта — Свярд» и запросила возможность вывезти пленных на советскую территорию. При направлении на задание советской разведкой Хуусканен получила особый пароль — «ХВ», который, который должна была сообщить по радио в случае её задержания, означавший, что она работает под контролем финнов. Однако и пароль, и другие разведсведения были выданы капитану Ялконену ещё во время первого допроса. В результате 3-х радиосеансов Хуусканен сумела вызвать в район Шапшезеро (посёлок в 30 км от Петрозаводска) для вывоза пленных два самолёта 7-й отдель-

ной армии, которые были захвачены противником. Четыре советских лётчика, попав в финскую засаду, погибли в перестрелке [3, л. 4–7].

Затем Хуускане продолжила сотрудничество с Петрозаводской школой финской разведки и в течение месяца работала на радиостанции с финскими разведчиками, действовавшими в тылу советских войск. Кроме того, по заданию капитана финской контрразведки Вихуринена проводила осмотр раций типа «Север», отобранных финнами при задержании советских разведчиков, и при обнаружении каких-либо неисправностей в аппаратуре, устранила неполадки. После возвращения в СССР в ноябре 1944 г. во время допроса советскими контрразведчиками Хуусканен сообщила, что во время работы в Петрозаводской школе финской разведки в конце августа — начале сентября 1942 г. она осмотрела и отремонтировала 15 советских раций типа «Север». Кроме того, назвала имена и фамилии 7 девушек — радиосток, которые вместе с ней готовились на курсах радиостов для заброски в тыл финской армии. Она также предоставила сведения о сотрудниках советской разведки, которые осуществляли подготовку разведчиков и радиостов [3, л. 7–8].

Первоначально финская контрразведка планировала продолжить сотрудничество с Айрой Хуусконен. По её словам, 16 сентября 1942 г. перед переведом из Петрозаводской школы финской разведки в Петрозаводскую тюрьму она встретилась с финским майором — начальником разведшколы, который сказал ей, что сделает всё, чтобы её возвратили к нему на радиостанцию школы и оформили как официального сотрудника, выдали питание и зарплату. Хуусконен выразила согласие работать в финской разведшколе. После этого в течение

6-ти дней ей в камеру Петрозаводской тюрьмы ежедневно приносили сухой паёк, хлеб, масло, мармелад, сыр, дали матрац и постельное бельё, физкультурные брюки. Однако затем планы финской разведки изменились. По словам Хуусканен, на 7-й день пребывания в тюрьме к ней в камеру зашёл сотрудник Отдела надзора финской армии и сказал, что будет суд и на радиостанции Петрозаводской школы финской разведки она больше работать не будет. Финская контрразведка решила использовать Хуусканен в качестве своего агента в Петрозаводской, а затем в Центральной финской тюрьме (Киндасовская тюрьма) для выявления советских разведчиков и патриотов. И Хуусканен оправдала доверие финской контрразведки, выдав несколько советских заключённых, которые готовились к побегу из Киндасовской тюрьмы [3, л. 8–36]. В октябре 1944 г. по требованию Союзной Контрольной Комиссии (СКК) была передана советской стороне и понесла заслуженное наказание.

Две радиоигры финской военной разведки с советскими разведорганами пришли на весну 1944 г. 4 апреля 1944 г. самолётом на территорию Финляндии в район Суомуссалми была заброшена агентурная группа «Соседи» в составе Андрея Иевлевича Юнтунена (Корпи), Эссы Омеевича Кемпайнена (Юрье) и Рейно Ласеевича Пехтконена (Рае) с задачей сбить данные о деятельности Суомуссалминского пункта финской разведки и его агентуры. Уже после войны в ходе проведённого расследования было установлено, что 16 апреля 1944 г. группа пошла на хутор к родственникам агента Корпи. При попытке установления с ними связи последние выдали группу противнику. Юнтунен (Корпи) и Кемпайнен (Юрье) были расстреляны, а радиста Пехтконена (Рае)

финские спецслужбы попытались использовать в радиоигре. Выйдя в очередной раз на связь 19 апреля 1944 г. Рае передал условный сигнал, что работает под диктовку противника [4, л. 23–24].

НКГБ КФССР, получив установленный сигнал, начал радиоигру с финской разведкой. С 19 апреля по 25 мая 1944 г. радиостанции группы «Соседи» по указанию сотрудников финской разведки передавали несколько радиограмм, в которых содержалась дезинформация о сосредоточении финских войск на Ухтинском участке фронта и якобы готовящемся на этом участке фронта наступлении. При каждом сеансе связи Рае передавал сигнал о работе под диктовку противника. По характеру работы в эфире связь с радиоцентром поддерживал сам Рае. В целях придания дезинформации видимость правдивости финская разведка передала в НКГБ КФССР сообщение об уничтожении в конце апреля 1944 г. разведывательной группы штаба Карельского фронта. Об этой операции радиостанция передала: «В Паакуттая говорили, что 29 апреля уничтожены парашютисты и взяты в плен». По данным разведывательного отдела Карельского фронта, 27 апреля 1944 г. в район действия группы «Соседи» была направлена разведгруппа, связь с которой прервалась 29 апреля, о её судьбе ничего не было неизвестно. 14 мая радиостанции было дано указание о выходе с финской территории и возвращении в тыл Красной армии.

3–18 мая 1944 г. от радиостанции было получено 12 радиограмм, из которых усматривалось, что он во время каждого сеанса работал сам и каждый раз передавал сигнал о работе под диктовку. Противник в ходе радиоигры пытался передавать военную дезинформацию. 18 мая радиостанция сообщила о затруднениях с выбором

маршрута якобы в связи с концентрацией финских войск по всей линии фронта и о своём намерении перейти линию фронта южнее оз. Куйто. 19 мая НКГБ КФССР дал согласие на выбранный маршрут и просил информировать о движении группы. После 25 мая 1944 г. радиостанция Рае в эфире не появлялся и связь с ним была прервана [4, л. 23–24].

Таким образом, радиоигра советской контрразведки с финской разведкой длилась около двух месяцев. Что касается радиостанции группы Рейно Ласеевича Пехтконена (Рае), то он был осуждён финским судом, но после войны по репатриации возвратился в СССР [1, л. 21, 41, 57–58, 94–95; 4, л. 23–24].

10 марта 1944 г. на территорию оккупированного финнами Пряжинского района Карелии 4-м отделом НКВД КФССР была заброшена разведывательная группа «Приятели» в составе трёх человек (Юсси, Кедровский, Ковалев). Руководство НКВД КФССР считало, что Петрозаводская школа финской разведки переведена из города в данный район, и разведчики должны были установить связь и провести вербовку курсантов этой школы.

Группа регулярно по радио выходила на связь и докладывала о выполнении задания. 18 мая 1944 г. пришло сообщение о том, что разведчики начали разработку курсанта Петрозаводской разведшколы Евгения Михайловича Неверова (агент Моряк), бывшего капитана теплохода «Кремль» Ленинградского порта. 31 мая разведчики сообщили, что Неверов заинтересован. Он сообщил, что в разведшколе обучаются 38 курсантов, работают 15 преподавателей. Разведшкола по-прежнему дислоцируется в дер. Улялега Пряжинского района. Одновременно разведчики сообщили, что начатая в апреле 1944 г. группой «Приятели» разработка препода-

вателя разведшколы Сердюкова (курсант, а затем преподаватель Петрозаводской школы финской разведки) «не получила нужного разворота, так как Сердюков 1 мая 1944 г. и после этого дня вопреки обещаниям у агента Тани не был, а последняя связаться с ним не имеет возможности» [5, л. 132, 183, 262, 287, 305, 310, 320, 329, 356, 360]. Но всё это оказалось блефом.

Как стало известно уже после освобождения Петрозаводска, финнам удалось обнаружить и арестовать всю группу «Приятели», которая с конца марта и до середины июня 1944 г. содержалась в Петрозаводской тюрьме. Радиостанция группы Кедровский был перевербован и под диктовку противника с 30 марта по 21 июня 1944 передавал дезинформацию о деятельности Петрозаводской школы финской разведки [1, л. 7, 52–53, 56–59; 89].

Этот факт карельские контрразведчики признали в докладной записке «Об агентурно-оперативной работе 4-го отдела НКГБ КФССР», датированной июлем 1944 г., на имя начальника 4-го управления НКГБ СССР П.А. Судоплатова. В ней отмечалось: «Противник легендировал разработку нового набора курсантов разведшколы через “завербованного” агента Моряк. Передал через корреспондента (радиостанция. — Прим. авт.) за июнь 1944 г. информацию о 10 курсантах, якобы проходящих подготовку к переброске в наш тыл. Сообщались ФИО каждого курсанта, дата и место рождения, место жительства и работа. Проверкой, проведённой нами по месту рождения и прежней работы ни у одного из указанных лиц не установлено, что они проживали и работали в указанных местах, что ещё раз подтверждает вымыселность сведений, сообщённых противником» [1, л. 111–112].

В связи с началом наступления частей Красной армии на Карельском перешейке группе было дано указание об активизации деятельности по вовлечению курсантов школы в партизанскую войну и уничтожению руководителей школы. На это радиостанция 21 июня 1944 г. передал следующее: «Кроме Моряка, надёжных нет. Для подготовки восстания времени нет. Вторжение нас троих и Моряка в школу чревато провалом. С вашими людьми в четверг провели бы сами операцию. Если 22 июня получим поддержку, то 23 действуем на свой риск» [1, л. 112]. После передачи этой радиограммы радиостанция передал, что питание к рации кончилось и поэтому связь держать он больше не может. С этого дня связь с ним прервалась, в эфире он больше не появлялся [1, л. 113].

Эту радиоигру можно рассматривать как хорошо продуманную операцию финской военной контрразведки (отдела надзора) против советских спецслужб. Сама Петрозаводская школа финской разведки к этому времени была передислоцирована из Пряжинского района Карелии на территорию Финляндии. Представляется, что финская военная контрразведка создала легендированную разведшколу с целью привлечь внимание органов без-

опасности Карелии к несуществующему разведывательному объекту.

Несомненно, что радиоигры финских спецслужб с советской военной контрразведкой на Карельском фронте в годы Великой Отечественной войны, кроме приведённых выше трёх радиоигр, было гораздо больше. Об этом можно судить по публикациям финских исследователей, которые писали об арестованных советских радиостанциях, работавших под диктовку финской военной разведки. Так, финский историк Владимир Паншин в книге «Руководство Главным штабом деятельности военной контрразведки» утверждает, что 24 советских агента были задействованы финской радиоконтрразведкой в радиоиграх с советской разведкой.

Наибольшая по продолжительности операция радиоигры финской разведки против советской контрразведки длилась почти два года — с 7 июня 1942 г. по 5 февраля 1944 г. К радиоигре был привлечен советский разведчик младший лейтенант Евгений Котов, задержанный финской стороной после третьей разведывательной ходки в Финляндию [6, с. 52–58]. Данная тема требует дальнейшего исследования с привлечением архивных источников из фондов финляндских государственных архивов.

Литература и источники

1. Архив Управления Федеральной службы безопасности России по Республике Карелия (Архив УФСБ РФ по РК). Фонд контрразведывательного отдела (ФКРО). Оп. 1. Д. 95.
2. Макаров В. Г. Радиоигры советских спецслужб на Карельском фронте в годы Великой Отечественной войны // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности: материалы V междунар. науч. конф. (Петрозаводск, 22–23 мая 2014 г.) / науч. ред. К. Ф. Белоусов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. С. 129–148.
3. Архив УФСБ РФ по РК. Ф. 8.1. № 15418. Т. 1.
4. Архив УФСБ РФ по РК. Фонд служебного делопроизводства (ФСДП). Оп. 1. Д. 302.
5. Архив УФСБ РФ по РК. Фонд литерных дел (ФЛД). Д. 25. Т. 2.

6. *Panschin V.* Kasvottomien miesten sota. Paamajan vaalvontaosaton toiminta jatkosodassa // «Salaisen sodan sivut (Tiedustelua, vakoilua ja salatoiminta jatksodassa) Ohto Manninen 60 vuotta. Maanpuolustuskorkeakoulu. Sotahistorian laitos. Helsinki, 2003.

Verigin S. G.

*Doctor of Historical Sciences, Professor Institute of History,
Political and Social Sciences of Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk*

Radio games in the confrontation between Finnish and Soviet special services on the Karelian front during the Great Patriotic War

One of the effective methods of combating enemy agents sent to the frontline zone of both Soviet and Finnish troops on the Karelian Front during the Great Patriotic War were special operations called «radio games». While the radio games conducted by the Soviet side have been studied quite thoroughly, the radio games of Finnish military intelligence have not received coverage in domestic historiography. This article is devoted to this problem. It is based on an analysis of a wide range of archival sources, many of which the author has brought into scientific circulation for the first time.

Keywords: radio games; Great Patriotic War; Finnish special services; Soviet security agencies; Karelian Front.

Новые детали и версии по делу террориста Шило-Таврина

В статье проанализирована часть опубликованных материалов следственного дела НКГБ СССР № 5071–1944 в отношении П. И. Шило-Таврина о попытке террористического акта в Москве, подготовленного Главным управлением имперской безопасности Германии. Привлечение и рассмотрение новых источников позволило выявить накопленные ошибки в историографии, уточнить детали и выдвинуть новые версии.

Ключевые слова: Шило-Таврин; Грэфе; Грайфе; Краус; Скорцени; НКГБ; Смерш; РСХА; «Цеппелин».

Историки и исследователи отечественных спецслужб в течение 60 лет кропотливо анализируют детали операции Главного управления имперской безопасности (РСХА) по ликвидации Верховного главнокомандующего Вооружёнными Силами СССР и материалы следственного дела № 5071. Некоторые из них склонились к крайним позициям: три тома — «не слишком умело состряпанный чекистский фейк» [1], «к ВМН приговорён не он (Шило-Таврин), а какой-то другой человек» [2, с. 94].

Признаем, что за последние годы ошибок и неточностей в публикациях накопилось достаточно много.

1. Начнём от печки — установочные данные «героя» разведывательно-подрывного органа «Цеппелин» и советского правосудия. Профессиональные историки В. Г. Макаров и А. В. Тюрин в грандиозном труде «Смерш: Война в эфире, 1942–1945» именуют его фамилией от рождения «Шило Пётр Иванович (нем. псевдонимы Таврин, Политов 1909–1952)» [3, с. 871], ссылаясь на его признание и запись в метрической книге Троицкой церкви Нежинского уезда Чер-

ниговской губ. о рождении 12 июня 1909 г. младенца Петра, «родители: хутора Бобрика козак Иоанн Павлович Шило и Васса Иоакимовна» [4, л. 90 об.].

Однако в бурные 1930-е годы многие люди в СССР меняли фамилии по различным причинам. Во время допроса несостоявшийся террорист признал: «В 1939 я по фиктивным справкам получил документы на имя ТАВРИНА и под этой фамилией впоследствии был призван в Красную Армию» [5, с. 18]. Как видно — никакого «немецкого псевдонима Таврин» вовсе и не было.

Расчистим ещё один тупик. Исследователь И. И. Ландер пришёл к выводу, что подтвердить обучение П. И. Шило (Таврина) в Московском институте цветных металлов и золота невозможно, поскольку все документы за предвоенные годы были утеряны [2, с. 94], однако на первом же допросе после задержания П. И. Таврин показал, что имеет образование: «вышедшее окончил горный институт [имени] Орджоникидзе¹» [6, с. 242].

¹ Московский геологоразведочный институт им. Орджоникидзе образован в 1932 г. на ул. Моховой,

По документам Исовского РВК Свердловской области в «Книге учёта военнообязанных, призванных в [Красную] армию в 1941 г.» значится «*Таврин Пётр Иванович, 1909 г.р., ВУС-1, состав М[ладший] к[омандир]-1, место работы — Ис[овский] пр[ииск], призван Вологинским В[оенно]-У[чётным] С[толом] 14 августа [в команду] 588*» [7, л. 141].

Согласно списку начсостава 28-го запасного полка 21-й стрелковой бригады Уральского военного округа, «*командир стрелкового взвода младший лейтенант Таврин Пётр Иванович, 1909 г.р., русский, б/п, служащий, окончил Школу особого назначения УПО¹ и два курса института, уволен с военной службы в 1940 г., призван 14 июля 1941 г. с должности начальника геолого-разведочной партии Исовского прииска треста “Уралзолото”, проживал в п. Карелино, Исовского района Свердловской обл.*» [8, л. 2].

Во второй половине 1941-го «младший командир запаса» Таврин попал в запасную часть УрВО (полки бригады базировались в Челябинске, Кургане, Уфе, Свердловске и Нижнем Тагиле), с учётом двух курсов вуза прошёл подготовку и получил звание мл. лейтенант, а 5 января 1942 г. лейтенант был отправлен на Калининский фронт в качестве командира 145-го марсового батальона [2, с. 115].

Кстати, уральский след Шило-Таврина косвенно подтверждается и тем, что он дал показания в плену о работе Белорецкого и Магнитогорского заводов на Южном Урале [9, с. 140]. Инженер-геолог работал в северной части Свердловской

принимал студентов с 16 лет без экзаменов и документов о среднем образовании согласно Декрету СНК от 2.08.1918 г.

¹ ШОН УПО — Школа особого назначения Украинского погранокруга при Спецбюро НКВД СССР в г. Харькове.

области, знакомился с картами Нижнетуринского района и трассами высоковольтных линий. По мнению автора, он вполне мог консультировать сотрудников «Цеппелина» по месту высадки диверсантов группы «Ульм» (18.02.1944) на Среднем Урале с учётом факторов малолюдности, удобного выхода и совершения диверсий на ЛЭП 110 кВ: Пермь-Кизел-Чусовая-Верхняя Тура-Нижний Тагил... [10, с. 50-67].

По трофеинным документам Вермахта, 30 мая 1942 г. командир пулемётной роты 1196-го стр. полка 359-й дивизии ст. лейтенант Таврин П.И. перешёл линию боевого соприкосновения около д. Нелюбино Ржевского района и сдался в плен добровольно. С его слов в трофеиных карточках лагерей Офлаг XIII-L (11.1942) и Шталаг XVII-B (01.1943) немцы зафиксировали: «*Таврин-Шило Пётр, 1909 г.р., инженер геолог цветных металлов; отец — Иван; мать — Шило, адрес проживания (матери): Таврина-Шило Василиса Якимовна — Киев, ул. Большая Владимирская, 24-17*» [11]. Учётные лагерные карточки содержали данные военнослужащего: фамилия и имя, дата и место рождения, имя отца, девичья фамилия матери, род занятий, дата и место пленения и другие сведения. Назвав отца — Иваном Шило, а мать — Таврина-Шило, «наш герой» стал наследником своих родителей. Столица Украины была оккупирована, и проверить указанные сведения в отношении агента нацистским спецслужбам не составляло труда.

Многие критики считают «подставой» РСХА следующее. По общим правилам конспирации, изменившему Родине предателю во время агентурной подготовки в Германии и заброски в советский тыл давали новые легендированные установочные данные и псевдоним.

У Таврина этого не случилось. Исследователь И. И. Ландер выдвинул убедительную версию несменяемости фамилии. В случае непредвиденной встречи в Москве заброшенного германского агента с сослуживцами, знавших о его пропажи без вести в 1942 г., Пётр Иванович мог уверенно объяснять, что он служил и служит в органах госбезопасности, перешёл линию фронта по заданию руководства под прикрытием пехотного офицера [2, с. 331].

Таким образом, в 1941 г. в Красную армию был призван, равно как и переброшен немцами через линию фронта в 1944 г. — Пётр Иванович Таврин. В трёх лагерях для военнопленных он записал мать как Шило-Таврина Василиса Якимовна с хутора Бобрик, претендуя на две фамилии. Именно по двойной фамилии Шило-Таврин он совершенно обоснованно прошёл следствие и внесён в приговор Верховного суда СССР 1 февраля 1952 г.

2. У некоторых исследователей вызывает сомнение стремительный рост выпускника ШОН УПО НКВД СССР офицера военного времени П. И. Таврина за 10 месяцев войны (половина на передовой): от сержанта запаса до ст. лейтенанта с представлением к ордену. Жизнь пехотного лейтенанта Красной армии во время войны была недолгой, их готовили тысячами, чтобы восполнить потери. А примеров получения должностей и званий во внеочередном порядке предостаточно. И уже в качестве курьёза отметим, что «карьера героя» продолжилась в плену: в 1943 — гвардии капитан РККА, в 1944 — майор Смерш. Ясно, что последние чины — немецкие фальшивки.

3. Однако дело агента-террориста таит немало вопросов. Как и когда два десятка фотоснимков подготовки Шило-Таврина

на оккупированной территории попали к советской контрразведке и в материалы следственного дела?

В ходе выступления на Лубянских чтениях в декабре 2024 г. автор озвучил версию о том, что в результате уникальной зафронтовой операции Управления НКГБ СССР по Ленинградской обл. «С Новым годом» в январе 1944 г. был переправлен спецбортом в Москву руководитель диверсионной школы в селе Печки (под Псковом) вместе с секретным содержимым его сейфа. Агентурные дела спецшколы (нем. Ваффеншule) с фотографиями подготовляемых диверсантов «Цеппелина» позволили уличить десятки опасных преступников, в т. ч. агентурную пару Таврин и Шилова [12, с. 183–191].

Укажем только пару расхожих версий перемещения фотографий в Москву: 1) немцы сделали фотоснимки для фиксации агентурной подготовки, Таврин инициативно взял их с собою, т. к. «*Абвер и СД не проверяли багаж диверсантов перед выброской на предмет наличия у них компромата¹*» [3, с. 727]; 2) по мнению бывших сотрудников КГБ СССР и СБУ Украины И. И. Ландера, П. А. Михайлова и украинского кинооператора В. Калюты «*фотографические снимки изготовлены путём фотомонтажа*» после войны в Москве для шантажа кадрового сотрудника БНД ФРГ Георга Грайфе для «*вербовки под принуждением на компромате*», а после срыва плана оказались в открытой печати [2, с. 307, 314–318].

Внимательный исследователь И. И. Ландер отметил, что «*снимки оказываются приобщёнными к делу в ка-*

¹ В материалах арх-сл. дела № 170–1944 в отношении трёх диверсантов «Ульм» РСХА приобщены два письма «унтершарфюреру СС Стахову Николаю от со-служивца из Варшавы», что отчасти свидетельствует в пользу изложенного утверждения.

честве вещественных доказательств <...>, протокол датирован 1951 г. <...>, хотя в списке предметов, изъятых у Таврина в ходе личного обыска 5 сентября 1944 г., отсутствуют» [2, с. 306]. Допускаем, что нет и допросов по обстоятельствам фотографических снимков, так как к началу 1950-х признания и доказательства преступления давно получены. Таким образом, если принять факт приобщения фотографий к делу спустя 6–7 лет, то версии об инициативной экипировке фотоуликами и халатном эс-эсовском досмотре перед заброской — обнуляются. Позднее процессуальное приобщение снимков к материалам уголовного дела № 5071 можно объяснить большим количеством дел оперативного учёта, проблемой состыковок и чедрой реформ органов госбезопасности СССР в середине XX в. В то же время автор допускает, что несколько фотографий Таврина и его супруги, например, в форме РККА или довоенного времени (Шилова была уроженкой и жительницей Пскова) могли оправданно оказаться в багаже агентурной пары в подтверждение легенды РСХА. Список выявленных в открытых источниках 24 снимков прилагается и сами они представлены в ходе презентации доклада на «Лубянских чтениях» в декабре 2025 г.

4. Где и когда были сделаны фотографии Шило-Таврина, могли ли храниться в сейфе руководителя Печковской Ваффеншule на 1 января 1944 г.

Весной 1943 г. «СС Главная команда Россия-Север» (СС Хаупткомандо «Русланд Норд») Цеппелина РСХА разместилась в Пскове, ей вменялось охватить участок советско-германского фронта от Белого моря до Украины, а в глубину — до Сибири. Вместе с ней прибыла школа диверсантов «Ваффеншule», которая в тече-

ние 9 месяцев дислоцировалась в старинном русском селе Печки Петсерского уезда Эстонии (ныне Печорский р-н Псковской обл.) на берегу Псковского озера, в 20 км западнее Пскова. А в 8 км по дороге в Печки, в помещичьей усадьбе Халахальня разместился штаб и мощный приемо-передающий радиоцентр, а также службы обеспечения. Именно там собирались подготовленные к заброске группы агентов-диверсантов на заключительном этапе. С августа 43-го «Руссланд Норд» возглавил штурмбаннфюрер СС Краус Otto (нем. Krauss Otto; 1884–1971).

Как показал П.И. Таврин, он был завербован гестапо в начале 1943 г. и выполнил ряд заданий среди русских эмигрантов в гг. Вене, Белграде, Берлине под легендой сына белогвардейского полковника инженера Политова, затем его передали внешней разведке РСХА, освободив из Офлаг XIII-D 9 августа [2, с. 272–275]. В таких случаях в карточках бывших советских военнослужащих и военнопленных делались отметки: «Согласно распоряжению Верховного командования Вермахта от 26.03.1942 г. освобождён из военного плена и зачислен в организацию “Цеппелин” в Занберге» [9, с. 276–278].

Агента РСХА отправили в В.Силемию в Особый лагерь СС Замберге (ж.-д. ст. Брайкенмарк) для первичной подготовки. Из приемно-распределительного лагеря П.И. Таврин «в последних числах августа был доставлен в Берлин к подполковнику “СС” Грэфе» (нем. Gräfe Heinz; 1908–25.01.1944; штандартенфюрер СС посмертно), который определил пригодность агента к террористической деятельности. После выработки в сентябре плана теракта «во время торжественного заседания в Москве, он одобрил его и направил меня в распоряжение начальника главной

команды “Цеппелин” (Норд) майора Отто КРАУС, под руководством у которого я должен был проходить подготовку. КРАУС в то время постоянно находился в городе Пскове, куда я и прибыл 23 сентября 1943 г.» В ходе подготовки П. И. Таврин ещё трижды встречался с одним из руководителей «Цеппелина» доктором Хайнцем Грэфе, а затем, после его гибели в автокатастрофе, с его преемником, а также трижды с начальником саботажного отдела РСХА О. Скорцени [5, с. 17–19].

Непосредственными инструкторами стрелковой и тактической подготовки Шило-Таврина стали сотрудники команды «Норд» унтерштурмфюреры СС (лейтенанты) Георг Грайфе¹ и Павел Делле, свободно владеющие русским языком.

По указанию штурмбаннфюрера Крауса 5 декабря Таврина перевели в Ригу, куда в январе 1944 г. эвакуировались остальные подразделения «Цеппелин-Норд» из Пскова, ввиду наступления Красной армии [2, с. 289].

Одновременно с П. И. Тавриным осенью и зимой проходили подготовку в с. Печки, усадьбе Халахальне, Пскове и Риге диверсанты, предназначенные для заброски в Вологодскую область для устройства диверсий на Северной железной дороге с целью срыва поставок ленд-лиза и группы «Ульм», нацеленная

на подрыв оборонной промышленности Урала [10, с. 189–200].

Приведём воспоминания бывшего диверсанта П. Соколова о пребывании в Ваффенштурмфюрером СС Грайфе. Это был молодой ещё (лет 35) худощавый блондинчик в очках, в тонкой позолоченной оправе, с ясными голубыми глазами и приветливой улыбкой на тонких губах. Однако он был не так прост, как казался. Он был не очень разговорчивым, но из отдельных высказываний и фраз можно было понять, что он давно причастен к разведке. Перед войной он был в немецком посольстве в Москве, под маркой шофёра, провёл ряд удачных операций. Ему приходилось отрываться от “хвоста”, пристроившегося к его машине. Кстати, по части вождения он был асс. Мне приходилось раза два ездить с ним, и я с удивлением и некоторым страхом наблюдал, как он ведёт свой “Опель-кадет” по узкой и извилистой дороге со скоростью 90 км/час. По-русски Грайфе говорил абсолютно чисто <...>.

Ниже с. Печки в озеро глубоко вдавался длинный кочковатый мыс, на котором зайцы устраивались на днёвку. Мы, развернувшись цепью, замыкали основание мыса, и, сближаясь, продвигались вдоль клина. Косые мчались вглубь мыса, но, дойдя до озера, боялись ступать на прозрачный лёд, и устремлялись назад, идя на прорыв. Тут мы и встречали их огнём автоматов...» Кстати, и Павел Соколов удостоился приёма Скорцени среди лучших «ульмовцев» осенью 1943 г. [13].

В Ваффенштурмфюрером СС Грайфе в тупиковом селе на берегу Псковского озера создали условия для скрытых тренировок вождения автотранспорта, стрельбы из оружия и пан-

¹ Грайфе (Greife) Георгий Эрнестович родился 1 августа 1906 г. в семье выпускника и преподавателя ИМТУ (ныне МГТУ им. Баумана), совладельца технической конторы «Greife & Einer» в Москве, где окончил школу, в 1921 г. семья переехала в Германию, в середине 1930-х вступил в нацистскую партию и СС, сотрудник РСХА, оберштурмфюрер СС (ст. фельдфебель) и до 1941 г. работал на технических должностях посольства Германии в СССР, далее начальник Особой команды «Цеппелин-Север».

церкнакке, там и могли быть сделаны искомые фотоснимки с пистолетом, на автомашине и мотоцикле. Основная подготовка П.И. Таврина проходила осенью 1943-го, т.к. его готовили к заброске 15 января 1944 г., но по различным причинам операция переносилась, вплоть до сентября.

5. В публикациях часто поднимается вопрос ошибочного расположения наград «на сердце» террориста, что якобы и стало причиной задержания агента. В доказательство ошибки приводят отдельный фотоснимок П.И. Таврина и газетную вырезку «Красное знамя» с портретом «капитана» без датировки. Попробуем привязать фальшивку к определённому времени. Согласно статье «Вручение орденов и медалей СССР <...> орден Ленина и медаль “Золотая Звезда” вместе с грамотой о присвоении звания Героя Советского Союза вручаются <...> капитану П.И. Таврину <...>. Орден Трудового Красного Знамени <...> известному дирижёру проф. А.И. Орлову, награждённому в день 70-летия за многолетнюю плодотворную музыкальную деятельность» [2, с. 290, 292].

Действительно, А.И. Орлов родился 18/30 августа 1873 г. в С.-Петербурге. Таким образом, сфальсифицированная публикация «отсыпает» награждение и фотографию П.И. Таврина к концу лета 1943-го.

Известно, что на второй год войны учредили новые ордена и медали, поэтому награждённые, особенно во фронтовых частях, носили их без определённого порядка, например, все на одной стороне. И только Указ ПВС СССР от 19 июня 1943 г. «Об утверждении <...> правил ношения орденов, медалей, орденских лент и знаков отличия» навёл порядок. Согласно ему, винтовые ордена, име-

ющие форму звезды, переносились на «правую сторону груди». Доведение требований последующего приказа НКО от 21 июня до личного состава РККА затянулось, особенно на фронте, и поэтому неверно объяснять фотоснимок капитана Таврина (1943) с наградами на левой стороне дремучестью или подставой германских спецслужб. К тому же удостоверение зам. начальника ОКР Смерш 39-й армии (1944) фотография майора Таврина была с правильным расположением наград.

6. Нелепо слышать от критиков «дела Шило-Таврина» довод: если за грандиозную операцию поимки диверсанта никого не наградили, то это означает «чекистский фейк». То есть, если вами не выявлены награждённые лица, то значит и подготовки, и предотвращения теракта не было? При этом причинно-следственные связи просто отключаются. Историческая логика и правда жизни состоит в обратном — тысячи успешных операций остались неотмеченными, как и тысячи военнослужащих Красной армии не были вознаграждены за соверщённые подвиги. Но это не означает, что их не было вовсе! Были. Приведём малоизвестный факт, относящийся к поимке террориста. 15 сентября 1944 г. командир 23-го зенитного полка 2-й зенитно-пулемётной дивизии капитан Бобков представил наводчика мл. сержанта Александру Ивановну Горланову, 1921 г.р., уроженку Нижней Салды Свердловской обл. к награждению медалью «За отвагу» за боевой подвиг: «Находясь на обороне объекта ст. Можайск, неоднократно отражала налёты вражеской авиации. Являясь наводчиком основного командирского пулемёта, упорно обучала свой расчёт к боевым действиям вочных условиях и добилась высокой выучки в ведении огня по наблюдаемым целям.

Отражая налёты самолётов противника 5.09.1944 мл. сержант Горланова проявила себя мужественной и стойкой в деле и своими умелыми действиями обеспечила концентрированный огонь всего взвода, в результате чего 5.09.1944 г. совместно с другими частями расчётом был сбит самолёт Ме-34». Командир дивизии полковник Б.Г. Басин и командающий артиллерией Особой Московской армии (ОМА) ПВО генерал-майор М.И. Удовыдченко поддержали представление [14, л. 365]. Действительно, в отчёте штаба ОМА за 5 сентября отмечалось: «В 0:54 в Можайске и 01:17 на ж.-д. ст. Колочь (в 15 км западнее Можайска. — Прим. авт.) вели заградительный огонь по Ме-34. Огнём зенитной артиллерии и зенитных пулемётов самолёт противника был подбит и упал в 1:53 в районе 3 км северо-восточнее д. Яковлево, 35 км северо-восточнее Гжатска» [15, л. 110, 169].

Известно, что из-за обстрела ПВО и полученных повреждений, самолёт с Шило-Тавриным не достиг плановой

точки посадки в Подмосковье, т.к. один из двигателей воспламенился. В обоих служебных документах ПВО тип подбитого самолёта указан как десантно-грузовой Ме-34. Ошибка вполне объяснима, гораздо позднее специалисты ВВС СССР определили, что совершивший вынужденную посадку был новым четырехмоторным Арадо-232 (эскадра «КГ-200»), сконструированный для приземления на неподготовленные площадки.

В 2025 г. Управление ФСБ России по Свердловской области рассекретило материалы ахивно-следственного дела № 170–1944 в отношении троих диверсантов группы «Ульм». Рано или поздно и дело № 5071 по обвинению Шило-Таврина станет доступнее, тогда исследователи смогут проанализировать уникальные документы с различных точек познания, развеять имеющиеся сомнения и убедить критиков в исторически значимости успешного противодействия акту центрального террора осенью 1944-го и законности приговора.

Приложение. Перечень опубликованных фотоснимков П.И. Таврина и Л.Я. Шиловой

1. Таврин — портрет, лицо, поворот 3/4 (костюм, светлая рубашка и воротник в полоску)..

2. Таврин — погрудный портрет, анфас, в форме лейтенанта РККА с двумя петлицами без наград.

3. Таврин — погрудный портрет, анфас, в форме капитана РККА, все ордена, медали и Золотая звезда прикреплены на груди слева.

4. Таврин — погрудный портрет, 3/4, в форме капитана РККА, все ордена, медали и Золотая звезда слева (снимок использовался для изготовления фальшивого удостоверения Смерш).

фцированного указа в газете «Красная Звезда»).

5. Таврин — погрудный портрет 3/4, в форме майора РККА с правильным расположением трёх орденов: Красной Звезды (справа) Ленина и Красного Знамени (слева), без Золотой звезды (снимок использовался для изготовления фальшивого удостоверения Смерш).

6. Таврин — сидит на заднем бампере автомобиля «Опель» кабриолет с пистолетом, в лесу, осень.

7. Таврин — с пистолетом разглядывает мишень «Сталин» на фоне леса.

8. Таврин — поясной портрет, прицеливание из пистолета в лесу, в костюме и кепке, осень.

9. Таврин — прицеливание из пистолета в лесу, на переднем фоне водитель «Опеля» в форме, оба в рост.

10. Грайфе Г. (в форме и пилотке) и Таврин (в костюме, с сигаретой) — портрет в рост в осеннем лесу.

11. Грайфе Г. в очках (справа в пилотке, помечен крестиком) с офицером и водителем — все в рост; снимок из следственного дела предъявлялся Таврину для опознания.

12. Таврин (за рулём) и Грайфе Г. (сзади, очки) сидят на мотоцикле Цундапп с коляской на фоне леса.

13. Таврин (в костюме) и Грайфе Г. (профиль, в форме, очки) — погрудный, в автомашине без верха.

14. Грайфе Г. снимает на камеру мотоциклиста Таврина в кожаной куртке, шлеме с очками на фоне дома, на переднем плане мотоцикл с коляской.

15. Грайфе Г. (профиль, в мундире с нашивкой SD) и Таврин — погрудный 3/4 (в мундире РККА, все ордена и Золотая звезда на сердце).

16. Таврин и переводчик Делле (прозвище «Длинный») — поклонный портрет в костюмах и галстуках.

17. Супруги Таврин и Шилова (он в костюме сзади обнимает её за плечи, она в кресле в тёмном платье).

18. Супруги Шилова и Таврин — погрудный портрет в костюмах и светлых рубашках.

19. Супруги Шилова и Таврин — поклонный портрет (он в кожаном плаще, левая рука в кармане, она в перчатках и с дамской сумочкой, оба в галстуках и шляпах) в Берлине, ноябрь 1943 г.

20. Шилова (в шляпке, жакете, плисированной юбке), Таврин (в костюме, шляпе) и начальник «Цеппелин-Норд» штурмбаннфюрер СС Краус (справа, в форме) в рост, на фоне автомобиля и леса.

21. Шилова (в светлом плаще и шляпке) между двух германских офицеров на лесной дороге (справа Краус) — в рост.

22. Шилова — поясной портрет в форме мл. лейтенанта РККА с медалью.

23–24. Шилова — портреты из довоенной жизни.

Литература и источники

1. Комягин Ю. «Диверсант» Шило-Таврин и его «покушение» на Сталина. Всё — чекистский фейк. [Электронный ресурс]. — URL: <https://jurikan.livejournal.com/287824.html> (дата обращения: 10.05.2025).
2. Ландер И.И. Покушение на Сталина: дело Таврина-Шило. М.: Язу-Каталог, 2017. — 688 с.
3. Макаров В.Г., Тюрин А.В. Смерш: Война в эфире, 1942–1945. М.: Русский путь, 2018. — 888 с.
4. Государственный архив Черниговской области. Ф. 679. Оп. 10. Д. 1384.
5. Убить Сталина // Служба безопасности. Новости разведки и контрразведки. 1993. № 3. С. 13–23.
6. Долматов В. «СМЕРШ». 1943–1946. Главные документы и оперативные материалы. М.: Комсомольская правда, 2023. — 368 с.
7. Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 3.
8. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО РФ). Ф. 384. Оп. 244028. Д. 1.
9. Смыслов О. Иуды в погонах. М.: Вече, 2010. — 320 с.

10. Кашин В. Урал под прицелом. Операция «Ульм». Нижний Тагил: ДиАл, 2015. — 296 с.
11. ОБД МО РФ «Мемориал» [Электронный ресурс]. — URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=272208211&p=769-772> (дата обращения: 12.05.2025).
12. Кашин В. Операция с Новым годом. Январь 1944 г. // Исторические чтения на Лубянке. Юбилей даты отечественных органов госбезопасности в 2024 г.: материалы XXVIII межд. науч. конф. / Сост. А. А. Плеханов. М.: Фронткнига, 2024. — 336 с.
13. Соколов П. Ухабы. Рукопись. Красноярск, 1991 // [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.memo-rial.krsk.ru/memuar/sokolov/1-77.htm> (дата обращения: 12.05.2025).
14. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 1311.
15. ЦАМО РФ. Ф. 13609. Оп. 20354. Д. 503.

Kashin V.V.

*Society for the Study of the History of Domestic Special Services,
Sverdlovsk region, Nizhniy Tagil*

New details and versions in the case of terrorist Shilo-Tavrin

The article analyzes part of the published materials of the NKGB USSR investigation file No. 5071–1944 regarding P.I. Shilo-Tavrin about the attempted terrorist act in Moscow, prepared by the German Reich Main Directorate of Imperial Security. The involvement and consideration of new sources made it possible to identify accumulated errors in historiography, clarify details and put forward new versions.

Keywords: Shilo-Tavrin; Graefe; Greif; Kraus; Skorzeny; NKGB; SMERSH; RSHA; «Zeppelin».

Иванов В.А.

Кандидат исторических наук,

Крымский университет культуры, искусства и туризма,

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,

г. Симферополь

«...Сообщили очень важные данные о работе вражеской разведки»: роль старшего уполномоченного Особого отдела НКВД Ильи Васильевича Харченко в разведывательной работе партизан Крыма в 1941–1944 гг.

В годы Великой Отечественной войны органы НКВД придавали огромное значение разведывательно-диверсионной работе в глубоком тылу врага. С 1941 по 1944 гг. Крым был оккупирован гитлеровскими войсками. Основная тяжесть борьбы легла на плечи партизан и подпольщиков, одним из которых был старший уполномоченный Особого отдела НКВД Илья Васильевич Харченко. Уроженец Украинской ССР, он сыграл важную роль в сборе, анализе и передаче разведывательной информации из партизанского леса на Большую землю, лично планировал и осуществлял ряд специальных операций, боролся против немецких и румынских разведывательных спецслужб. На основании ряда источников, впервые введённых в научный оборот из фондов Государственного архива Республики Крым и крымских историко-краеведческих музеев, автор рассматривает персональный вклад И.В. Харченко в освобождении полуострова от нацистов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, И.В. Харченко, Особый отдел НКВД, разведывательная работа, партизаны, Крым.

Проблемы вклада органов государственной безопасности в деятельность партизанского движения, основные направления функционирования советских спецслужб в тылу противника, формы и методы работы, особенности проведения разведывательных, контрразведывательных, диверсионных и иных операций в годы Великой Отечественной войны до сих пор являются недостаточно изученными темами в отечественной историографии.

Если говорить о вкладе отечественных спецслужб в разгром гитлеровской Германии на территории Крыма в годы Великой Отечественной войны, то здесь

можно выделить две основные работы: В.М. Брошевана [1], С.Н. Ткаченко, С.А. Терехова и А.Ю. Бутовского [2]. Авторы рассматривали участие представителей органов госбезопасности схематически и обобщающе, личному вкладу участников сопротивления не было уделено достаточно внимания. В настоящей публикации рассматривается роль чекиста Ильи Васильевича Харченко в борьбе против нацистской Германии её сателлитов на территории Крыма в 1941–1944 гг.

И.В. Харченко родился в 1912 г. в Винницкой губернии в крестьянской семье. Его отец в числе первых вступил в колхоз. В школу И.В. Харченко пошёл впервые

в 1922 г. в десятилетнем возрасте. С малых лет ему пришлось тяжело работать.

В 1926 г. в Киев его забрал старший брат, который учился в медицинском университете и работал лектором. Здесь И. В. Харченко закончил семилетнюю школу и поступил в Политехникум водных путей сообщения. Стипендия была маленькой. На жизнь её не хватало, поэтому приходилось работать.

После окончания учёбы, в 1932 г. начал работать на водном транспорте в Херсоне. Ходил на различных судах штурманом, вступил в ВЛКСМ, стал диспетчером движения. В 1939 г. был мобилизован в Черноморский флот.

Начало Великой Отечественной войны И. В. Харченко встретил под Херсоном, в Цюрупинске (ныне Алёшки Херсонской области Российской Федерации. — Прим. авт.) и Казачьих Лагерях.

В сентябре 1941 г. после оккупации Николаевской области нацистскими войсками, Николаевское облуправление НКВД было упразднено. И. В. Харченко в числе других сотрудников был передан в ряды НКВД Крыма. Свою работу он начал в рядах 4-го отдела под руководством Смирнова и занимался вопросами формирования партизанских отрядов — Красноперекопским, [3, л. 1], Джанкойским, Тельманским, Биюк-ОНларским, Судакский и гор. Керчь [3, л. 1 об.].

Большую работу по организации и укомплектовании партизанских отрядов в Керчи, Джанкойском, Биюк-ОНларском и Судакском районах в сентябре–октябре 1941 г. проводил оперативный работник НКВД Крыма Илья Васильевич Харченко, который в годы оккупации находился в рядах «народных мстителей» на

должности начальника разведки отряда и соединения.

Он вместе с Сиротой, Хватковым, Пахомовым с фонарями тщательно обследовали Аджимушкайские и Карантинские каменоломни, как будущие базы для партизан подземелья Керчи [3, л. 7].

В ноябре 1941 г. И. В. Харченко ушёл в лес, в ряды партизан Крыма. Он воевал в должности начальника Особого отдела Биюк-ОНларского, затем Зуйского отряда и начальника Особого отдела второго района [3, л. 1 об.].

И. В. Харченко совместно с секретарями райкомов, председателями райисполкомов и начальниками райотделов НКВД комплектовал партизанские отряды на базе существующих истребительных батальонов в Джанкое, Биюк-ОНларе и Судаке [3, л. 7].

И. В. Харченко сам часто ходил на встречу со своими агентами в деревни. Ежедневно для своих разведчиков он давал заявки на сухой паёк. Так продолжалось изо дня в день. Благодаря этому партизаны всегда были в курсе мероприятий и намерений нацистских оккупантов. «Он не отступит, пока не добьёмся своего. Вот и сейчас пошли четвёртые сутки, а его всё нет. Так он воспитывает и своих подчинённых», — вспоминал о нём один из участников партизанского отряда [3, л. 2].

Большой проблемой самого существования партизанского движения в Крыму была нехватка продовольствия, обмундирования, оружия и медикаментов [3, л. 7 об.]. Только организация поставок самолётами частично помогла решить эту проблему. Об этом в частности пишет в своей документальной книге «Воздушные тропы» В. Емельяненко: «Ответственным за приёмку по-

сланца с Большой земли был назначен начальник разведки Зуйского и Биюк-Онларского отрядов, в прошлом сотрудник органов НКВД Илья Васильевич Харченко. В распоряжении этого энергичного с цыганским чубом человека находился радиостанция, специально сброшенный разведотрядом фронта для обслуживания авиарейсов. В стартовую команду были подобраны самые проверенные люди, на подступах к площадке выставили охранение. В каком порядке надо выкладывать сигнальные костры, а также пароль и отзыв знал только Харченко» [4, с. 133].

На И.В. Харченко также была возложена обязанность по созданию агентурной сети из местного населения, сбор и анализ, получаемой от них информации.

В своей дневниковой записи от 16 апреля 1942 г. И.Г. Генов рассказал о том, как начальник разведки Зуйского отряда капитан И.В. Харченко обезвредил двух румынских разведчиков, засланных к партизанам Крыма. До этой поры партизаны беспрерывно совершали диверсии на Феодосийской, Алуштинской, Ускутской, Судакской и других дорогах, взрывали мосты, подрывали танки, автомашины, перерезали связь, из засады нападали на войска противника. Такие успешные операции патриотов привели к тому, что немцы и румыны стали отправлять своих шпионов из числа русскоязычного населения в отряды. Но такие агенты, как правило, проваливались. Чекисты быстро их разоблачали. Некоторых из засланных агентов сами признавались в том, что являются провокаторами. Тогда начальник румынской разведки в Крыму полковник Ионеску решил действовать «наверняка» — засыпать свою агентуру из числа румынских солдат,

якобы стремившихся перейти на сторону партизан [3, л. 13].

31 марта 1942 г. в расположении одной из застав Зуйского партизанского отряда были обнаружены два кадровых румынских солдата. Они представились: Михаилом Драгос и Константином Игнаску (у Н.Д. Лугового Михаил Дерибуш и Константин Наспас. — *Прим.авт.*) [5, с. 149]. В частности, заявили, что бежали из своего батальона к партизанам [3, л. 13]. Обнаружил их Марк Климович Деревянко [5, с. 132–133; 6, с. 61; 7], командир второй заставы Зуйского партизанского отряда. Он доложил Николаю Дмитриевичу Луговому, комиссару Зуйского партизанского отряда о том, что «...четвёрку взяли — два румына и две женщины-русские. Говорят, что сбежали от фашистов, решили партизанить» [5, с. 133]. На первоначальном допросе выяснилось, что девушки являлись беженками из Украины. Их приютили в предгорном с. Нейзац (до 1945 г., ныне — Красногорское в Белогорском районе Республики Крым. — *Прим. авт.*). Там они познакомились с румынскими перебежчиками. Последние украли лошадей в кавэскадроне, добыли обмундирование для девушек, чтобы замаскироваться под конный разъезд. На подступах к лесу румыны с девушками выкрикивали «партизанский пароль» (который придумали сами): «Прощай Москва!.. Долой Гитлера!..» и пели песню «Три танкиста»... [5, с. 133].

Они просили доставить их в штаб партизан, где они всё расскажут поподробнее. Оба румына свободно владели русским языком [3, л. 14]. В штабе отряда Михаил и Константин высказали своё недовольство властью, что они решили дезертировать из своей части и бежать

к партизанам. Они называли себя молдаванами, а не румынами. Рассказали о дислокации румынских воинских частей в районе Зуя — Карасубазар, о том, что ещё 12 солдат из батальона скрываются в соседних деревнях, побоявшись идти к партизанам. Михаил более развитой и воинственный, чем Константин начал интересоваться, нет ли в партизанах их земляков — молдаван, чтобы поговорить на молдавском или румынском языках [5, с. 138]. «Миша — так завали одного из румын — в отличие от своего соратника, молчаливого Кости, был весьма разговорчив. Умев кое-что говорить по-русски, он несколько раз повторяет обещание привести в отряд целую группу румын, дезертировавших с фронта: — Человек двадцать пять переведём в лес. Они кинули фронт» [5, с. 133].

В штабе перебежчикам сказали, что они у партизан первые и будут находиться в штабе в качестве переводчиков. Пока, они должны были передохнуть несколько дней, а затем их пошлют в разведку, чтобы они привели остальных своих товарищей. Тогда из них будет создана отдельная румынская партизанская группа [3, л. 14].

Н.Д. Луговой в своих воспоминаниях описывал как происходила проверка румын-перебежчиков: «В лагере сделали так: освободили для румын малую землянку. С ними поселили и их боевых подруг» [5, с. 133].

В Зуйском отряде был партизан, хорошо владеющий румынским языком Иван Данилович Харин, по происхождению этнический молдаванин. К партизанам он попал в ноябре 1941 г. Он оказался хорошим разведчиком и диверсантом, много раз принимал участие в боевых

операциях [3, л. 15]. Румын-перебежчиков заставили написать листовку для солдат и офицеров румынской армии: «Дорогие друзья, солдаты румынской армии! Обращаемся к вам, наши друзья по оружию и испытаниям. Участвуя в бессмысленной, кровопролитной войне против Советского Союза, в которую нас втолкнули Гитлер и его лакей Антонеску, мы убедились в силе и непобедимости Красной Армии, которая наносит нам чувствительные потери и всё сильнее гонит нас со своей земли. Мы убедились также в том, что румынские солдаты, не желая идти на верную гибель за Гитлера и Антонеску, уклоняются от войны и дезертируют с фронта... Румынская армия разложилась. Увидев всё это, мы бросили гибельную для нас войну и присоединились к партизанам. Партизаны нас с радостью приняли и приласкали. Приняли как братьев. Мы убедились в том, что партизаны честные и бесстрашные воины» [5, с. 149]. В конце листовки содержались такие строки: «бросать безнадёжную войну против наших братьев, советских героических воинов... Переходить на сторону Красной Армии и красных партизан» [5, с. 132–150].

Румынам-перебежчикам после завершения текста листовки предложили приставить свои подлинные имена и фамилии, а также их звания и место службы. Листовку размножили до пятидесяти экземпляров и вручили Михаилу и Константину. Те категорически отказались, под предлогом того, что румынская спецслужба сигуранца будет угрожать их семьям. Это происшествие заставило партизанское руководство призадуматься, поскольку общеизвестно, что в немецкой и румынской армиях дезертиров

объявляют вне закона (тем более перебежчиков), причём естественно их семьи попадают под удар. Михаил и Константин при «переходе» на сторону советских партизан не могли не знать об этом.

Михаила и Константина поместили в землянку партизана И.Д. Харина [5, с. 150]. Последнего предупредили, чтобы он ни в коем случае не выдал, что знает румынский язык. Такое соседство И.Д. Харина с Михаилом и Константином длилось неделю. Каждое утро И.Д. Харин сообщал в штаб о всех разговорах, какие ночью вели Константин и Михаил между собой на румынском языке. Из их бесед, в частности, И.Д. Харин узнал, что Михаил и Константин румынские агенты сигуранцы. Их начальник — полковник Ионеску обещал в случае успешного выполнения задания им наивысшую воинскую награду Королевства Румыния и месячный отпуск для поездки домой, к семьям на Родину. На шестые сутки между Михаилом и Константином произошла ссора. Михаил настаивал на том, что для побега надо ночью ликвидировать часового. Константин предлагал дождаться дня, когда их отправят в разведку, а уже оттуда бежать [3, л. 15].

За неделю нахождения в партизанском лагере Михаил и Константин узнали его расположение, определили численность и вооружение, выяснили как устроена система охранения. Их вызывали на беседы в штабную землянку. Константин в одной из бесед напомнил, что они должны пойти в разведку в деревню и, что это необходимо ускорить, так как немцы могут поймать и расстрелять их товарищей, якобы дезертировавших из батальона. После этой беседы агенты румынской разведки начали готовиться к «опера-

ции»: ночью, когда все уснут, захватить оружие, у штабной землянки снять часового, забросать её гранатами и бежать из леса. 10 апреля 1942 г. они предприняли попытку осуществить свой замысел. Перебежчики стремились передать собранные сведения своему начальству как можно быстрее. Уже были собраны силы для уничтожения партизан. Румынское командование собрало: 1-я блиндированная, 18-я пехотную и 8-я кавалерийскую дивизии 3-й румынской королевской армии [5, с. 151].

Чтобы предотвратить побег, И.Д. Харин вернулся в землянку и притворился спящим. Однако вскоре он «проснулся» и сделал замечание Михаилу, что тот громко разговаривает. Затем он отлучился из землянки под предлогом посещения уборной, а сам немедленно отправился в штабную землянку. Там он предупредил партизанское руководство о замыслах румынских шпионов. Через несколько минут в землянку Драгоса и Испаску пришёл начальник разведки капитан И.В. Харченко [3, л. 16], заявив им, что они арестованы и будут сопровождены под конвоем для дальнейшего допроса. Драгос был уведён в штабную землянку. Допрос проходил в присутствии комиссара отряда Николая Дмитриевича Лугового и секретаря партийной организации Андрея Андреевича Засименко [3, л. 17].

И.В. Харченко потребовал от Драгоса рассказать по заданию кого и с какой целью они пришли к партизанам? Обращаясь к Харину, Харченко попросил перевести его вопрос по-румынски. На чистом румынском языке И.Д. Харин задал вопрос Драгосу. Тот, услышав речь И.Д. Харина, по словам И.Г. Генова:

«вздрогнул, лицо его покрылось крупными каплями пота, тяжело вздохнув, он еле слышно сказал: “Всё сделано чисто и хорошо”» [3, л. 17]. В итоге агенты румынской сигуранцы во всём признались и сообщили очень важные данные о работе вражеской разведки [3, л. 17].

В конце 1943–1944 гг. в рядах партизан Крыма И. В. Харченко стал начальником контрразведки Смерш. Он участвовал в боях по освобождению Севастополя. После освобождения Крыма от нацистских оккупантов в составе Управления контрразведки Смерш И. В. Харченко выехал в Ленинградскую область, где 18 апреля 1944 г. был создан 3-й Прибaltийский фронт (до 18 октября 1944 г. — *Прим. авт.*). Он продолжил службу в должности начальника отделов 67-й армии. Окончание Великой Отечественной войны И. В. Харченко встретил под Кёнигсбергом в апреле 1945 г. (с 1946 г.

Калининград, административный центр Калининградской области Российской Федерации. — *Прим. авт.*) [3, л. 1 об.].

Таким образом, в настоящей статье автор рассмотрел участие старшего уполномоченного Особого отдела НКВД Ильи Васильевича Харченко в разведывательной и контрразведывательной работе партизан Крыма. Он занимался:

- 1) организацией агентурной сети в период оккупации полуострова;
- 2) сбором и обработкой разведывательной информации;
- 3) оказывал активное противодействие разведывательным структурам нацистской Германии и королевской Румынии, разоблачая вражеских шпионов;
- 4) разработкой и проведением боевых операций крымских партизан.

Его борьба, как и борьба тысяч советских патриотов стала прологом победы в Великой Отечественной войне.

Литература и источники

1. Брошеван В. М. Чекисты в партизанских отрядах Крыма, 1941–1944 гг.: Историко-документальный очерк. Симферополь: ЦНТЭИ, 2005. — 76 с.
2. Ткаченко С. Н., Терехов С. А., Бутовский А. Ю. «По линии 4-го от отдела...». Чекисты в подпольно-партизанском движении Крыма (1941–1944 гг.). М.; СПб.: Нестор-История, 2018. — 408 с.
3. Государственный архив Республики Крым. Ф. П-8417. Оп. 1. Д. 88. 17 л.
4. Емельяненко В. Б. Воздушные тропы: Документальные повести. М.: ДОСААФ, 1985. — 198 с.
5. Луговой Н. Д. Страна партизанская: 900 дней в тылу врага. Дневниковые записи. Симферополь: ЧП «Эльиньо», 2004. — 732 с.
6. Книга памяти Республики Крым. Партизаны и подпольщики / отв. ред. И. В. Иванченко. Симферополь: Таврида, 1995. Т. 6. — 272 с.
7. Деревянко Марк Климович / Виртуальный некрополь Севастополя. Реестр захоронений времён Великой Отечественной войны в Севастополе. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.tombs-sevastopol.ru/partisan/23592> (дата обращения: 06.05.2025).

Ivanov V.A.

Candidate of Historical Sciences,

Crimean University of Culture, Arts and Tourism,

Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov,

Simferopol

«...They reported very important data on the work of enemy intelligence»: the role of the senior authorized representative of the Special Department of the NKVD Ilya Vasilyevich Kharchenko in the intelligence work of the Crimean partisans in 1941–1944.

During the Great Patriotic War, the NKVD bodies attached great importance to intelligence and sabotage work deep behind enemy lines. From 1941 to 1944, Crimea was occupied by Nazi troops. The main burden of the struggle fell on the shoulders of the partisans and underground fighters, one of whom was the senior authorized representative of the Special Department of the NKVD ChGV Ilya Vasilyevich Kharchenko. A native of the Ukrainian SSR, he played an important role in collecting, analyzing and transmitting intelligence information from the partisan forest to the mainland, personally planned and carried out a number of special operations, fought against the German and Romanian intelligence services. Based on a number of sources, first introduced into scientific circulation from the funds of the State Archives of the Republic of Crimea and Crimean historical and local history museums, the author examines the personal contribution of I. V. Kharchenko to the liberation of the peninsula from the Nazis.

Keywords: Great Patriotic War; I. V. Kharchenko; Special Department of the NKVD ChGV; intelligence work; partisans; Crimea.

Бернев С.К.

Кандидат исторических наук,

«Институт истории обороны и блокады Ленинграда» СПб ГБУК ГММОБЛ,

Санкт-Петербург

Гатчинская школа подготовки руководителей карательных органов в случае захвата немецкими войсками Ленинграда

В статье рассказывается о гатчинской школе гестапо (полиции безопасности и «СД») готовившей кадры квалифицированной агентуры для занятия руководящих постов в административно-хозяйственных, политических и карательных органах в случае захвата Ленинграда немецкими войсками.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Ленинград; Ленинградская область; Гатчина; оккупация; школа гестапо; полиция безопасности и «СД»; Управление НКГБ по Ленинградской области; АУФСБ СПб и ЛО.

22 января 1944 г. в городе Ленинграде заместитель начальника Управления НКГБ по Ленинградской области полковник государственной безопасности Кожевников в «Ориентировке о деятельности зондер-команды немецкой политической полиции “SHD” (Зихерхайтсдинст), дислоцирующейся в городе Красногвардейске Ленинградской области» сообщал:

«...Главное Управление Зихерхайтсдинст имеет на оккупированной территории свою периферию так называемые Зондеркоманды “SHD”, часто именуемые зондеркомандами полит. полиции “SD”.

Одна из таких команд имеется в городе Красногвардейске. Начальник команды — полковник Деплер. Одним из его ближайших помощников является предатель Родины — Рутченко Николай Николаевич, бывший аспирант Публичной библиотеки в Ленинграде, известен под псевдонимом “РУБАО”...

В связи с подготовкой к штурмовому захвату Ленинграда, Красногвардейская

команда “SHD”, кроме военной политической разведки в нашем тылу, заранее готовила кадры квалифицированной агентуры, которая должна была явиться костяком аппарата, формировавшегося “правительства”. Представители этого “правительства” должны были после взятия Ленинграда занять руководящие посты административно-хозяйственных, политических и карательных органов.

В этом плане показательно привлечение в “официальный” состав команды представителей белогвардейских белоэмигрантских кругов и организаций (в частности НТСНП), бывших высших офицеров царской и белой армии, дворян и т.п., а также активных предателей изменников нашей Родины, из числа бывших командиров Красной Армии и местных жителей...

Прилагая при этом список выявленной агентуры Красногвардейской команды “SHD”, предлагаю в процессе агентурно-оперативной работы на освобождённой от противника территории принять

активные меры к их розыску и задержанию» [1, л. 17].

26 февраля 1944 г. войсками Ленинградского фронта был освобождён г. Гатчина (Красногвардейск).

На следующий день 27 января 1944 г. разведывательно-поисковой группой войск НКВД в г. Гатчине был задержан Александр Альфредович Бене, 1881 г.р., по происхождению из прибалтийских немцев, в прошлом подполковник царской и белой армий. Причиной задержания была информация о том, что он в 1942 г. был переведён на работу в полицию безопасности и «СД» и посещал школу гестапо.

4 февраля 1944 г. А.А. Бене был арестован Управлением НКГБ по Ленинградской области. В постановлении на арест говорилось, что: «...В июле 1942 г. А.А. Бене добровольно поступил в школу гестапо, созданную в Гатчине, для подготовки административных кадров для Ленинграда, на случай оккупации города немецкими войсками. Также, Бене добровольно изъявил желание командовать батальоном “Добровольцев” формировавшегося из числа изменников при СД для борьбы с партизанами» [2, л. 1].

В процессе следствия было установлено, что Бене с сентября 1941 г. проживал на территории, оккупированной немецкими войсками, в Гатчине и работал заведующим столовой Гатчинского Интендантского управления немецкой армии. Весной 1942 г. он по своей инициативе разработал план мероприятий по борьбе с партизанским движением на оккупированной территории и затем передал этот план коменданту строительного отдела Интендантского управления капитану немецкой армии Магнусу.

В июле 1942 г. Бене был вызван на биржу Труда и направлен на Замко-

вую ул., д. 19 к лейтенанту Боссе. Там размещалось гестапо (СД) и Бене был принят там помощником Боссе — Рутченко, который подробно расспросил о его биографии. Рассказывая Рутченко свою биографию, Бене подчёркивал, что вся его жизнь была посвящена борьбе с советской властью [2, л. 83].

Затем Рутченко провёл Бене к лейтенанту Боссе, который выслушав его биографию через Рутченко предложил сотрудничать с гестапо и возглавить формируемый батальон по борьбе с партизанами. При этом Рутченко отметил, что такие батальоны создаются повсеместно на оккупированной советской территории и в дальнейшем составят «русскую армию» для борьбы против советской власти. Бене принял предложение Боссе и дал своё согласие сотрудничать с немецкой разведкой.

После вербовки Бене был временно до сформирования батальона направлен в школу гестапо, помещавшуюся в сторожевом красном домике Гатчинского дворцового парка, в распоряжение начальника школы Смирнова.

Через несколько дней после прибытия в школу Смирнов оформил его вербовку, предложив написать автобиографию и дать подпись о согласии добровольно сотрудничать с органами немецкой разведки, выполнять все её поручения и не разглашать тех данных, о её работе, которые станут известны в результате его сотрудничества. После оформления вербовки Бене был присвоен псевдоним «Милин». [2, л. 84]

В красном домике в парке Бене познакомился с 8-ю его обитателями. В течении 10 дней команда занималась подготовкой школы: вычистили сарай, прилегающий к дому, вставили стёклла, привнесли мебель, столы, 2 шкафа,

скамейки, сделали нары, сами работники оделись в костюмы (форму) и приступили к занятиям. Была принесена и повешена на стене карта Ленинграда, на которой были намечены типографией красные цифры всех военных объектов, фабрик, казарм, заводов, были нанесены линии прохождения трамваев с обозначением их №№, а также принесена бумага и карандаши. Руководитель школы Смирнов сказал Бене, что из слушателей будут организованы административно-политические начальники районов, когда будет взят Ленинград, что их надо пополнить до 12, по крайней мере [2, л. 56].

О назначении школы гестапо Бене, показал, что: «Школа Гестапо, расположенная в сторожевом красном домике дворцового парка в г. Гатчине была предназначена для подготовки административно-политических работников районного масштаба для города Ленинграда на случай оккупации его немцами. Школа начала формироваться в июле 1942 года, в момент усиленной подготовки немецких войск, расположенных под Ленинградом к штурму города. Курсанты, обучавшиеся в Гатчинской школе Гестапо, должны были войти в Ленинград сразу же вслед за немецкими войсками, причём, каждый из курсантов в будущем должен был получить назначение в определённый район города, в качестве начальника политической полиции района.

Первоочередными задачами начальников политической полиции в районах, являлось следующее: руководство захватом и изъятием всей секретной переписки из Райкомов ВКП(б) и спецотделов крупнейших предприятий и учреждений и производство дознания по делам задерживаемых в Ленинграде советских патриотов.

Во время моего пребывания в школе гестапо изучались следующие предметы: а) производство дознания и б) изучение карты Ленинграда.

Производство дознания преподавал Смоленский, который в своих лекциях рассказывал курсантам, как нужно составлять протоколы допросов и другие документы по следственным делам.

Изучением карты Ленинграда руководил старшина школы, причём наглядным пособием при изучении Ленинграда служил вывешенный на стене в помещении школы план Ленинграда на немецком языке с нанесёнными на нём объектами, имеющими оборонное значение. Эти объекты были изображены на плане типографским способом в виде красных кружков с цифрами, причём таких кружков на плане было свыше двухсот.

В процессе изучения старшина указывал места расположения Райкомов ВКП(б), Райисполкомов и других имеющих важное политическое значение учреждений.

Никаких других предметов в Гатчинской школе Гестапо в период моего пребывания там не изучалось» [2, л. 84].

Из руководящего состава школы Бене назвал:

«Рутченко — сотрудник немецкой разведки “СД”, являющейся помощником начальника одного из гатчинских отделов “СД” лейтенанта Боссе. Рутченко давал руководящие указания начальнику школы и по существу направлял всю её практическую деятельность, а также пользовался большим авторитетом и доверием со стороны немцев, всегда ходил в немецкой форме и был награждён немцами орденом за активность, проявленную в поимке партизан.

Смирнов, настоящая ли это фамилия или псевдоним не знаю, но полагаю, что

это его псевдоним. Смирнов являлся начальником школы гестапо по подготовке административно-политических кадров для гор. Ленинграда на случай оккупации его немцами и кроме того, вёл ещё какую-то работу по линии “СД” в Гатчине.

Из преподавательского состава школы мне известны:

Смоленский — настоящая ли это его фамилия или псевдоним я не знаю. Преподавал в школе предмет — производство дознания. О прошлом Смоленского мне известно, что он военнопленный, бывший полковник Красной армии, в плен попал под Новгородом, ранее проживал в Сталинграде, по образованию юрист.

Старшина школы гестапо. Ни фамилии, ни псевдонима не помню. Преподавал в школе изучение карты Ленинграда. Из прошлого старшины мне известно, что он житель Ленинграда, бывший лейтенант или старший лейтенант Красной армии. Ранее работал мастером на каком-то заводе на Васильевском острове, а затем был студентом Института физкультуры им. Лесгафта.

Должен дополнить, что по распоряжению Рутченко при школе готовилось общежитие из расчёта того, что общее количество курсантов школы будет доведено до 25 человек.

Все курсанты школы гестапо находились на казарменном положении и были одеты в форму чернорубашечников» [2, л. 85–86].

О своей работе Бене показал: «к гатчинской школе гестапо по подготовке административно-политических работников для гор. Ленинграда он был прикомандирован, как командир формируемого гестапо батальона, причём Рутченко и Смирнов говорили, что в связи с предполагаемым наступлением немецких войск на Ленинград, возглавляя-

емый им батальон будет использован не для борьбы с партизанами, как это первоначально предусматривалось, а войдет в Ленинград вслед за немецкими войсками в качестве карательного отряда гестапо по борьбе с советскими патриотами в Ленинграде, но какие именно функции будут возложены на карательный отряд — производство ли арестов, приведение ли в исполнение приговоров и т. п., этот вопрос не уточнялся».

В школе гестапо Бене пробыл около двух недель в июле–августе 1942 года. В период формирования школы он принимал активное участие в разработке руководящих документов для школы. Им лично была разработана инструкция для подготавливаемых в школе начальников политической полиции районов, в которой он, исходя из того, что после оккупации немцами Ленинграда, будет объявлена регистрация коммунистов, оставшихся в Ленинграде, предусматривал вопросы фильтрации коммунистов, являющихся на регистрацию и взятие их на картотечный учёт и под надзор полиции, за исключением особо ответственных партийных и советских работников, которые, как он указывал в инструкции, подлежат немедленной отдаче под суд.

В инструкции Бене подробно разработал порядок проведения фильтрации коммунистов, составление ими анкет и автобиографий, заведения на них учётных дел и правила приобщения к этим учётным делам дополнительно поступающих на того или иного коммуниста сведений, а также порядок подразделения прошедших фильтрацию на ряд категорий: благонадёжных, подозрительных и находящихся под гласным или негласным надзором полиции.

В разработанной им инструкции подчёркивалось, что важнейшей задачей

начальников политической полиции районов является выявление в оккупированном Ленинграде подпольных партийных организаций и групп, а также складов с оружием, оставленных Горкомом и Райкомами ВКП(б).

На основании опыта, вынесенного Бене ещё из эпохи гражданской войны, он был убеждён, что партийные организации в каждом захваченном противником городе оставляют, как правило, свои подпольные организации, в связи с чем и рекомендовал в своей инструкции особое внимание начальникам политической полиции обратить на выявление этих подпольных организаций, как «самых опасных в смысле нанесения вреда делу построения “новой России”» [2, л. 88–89].

16 сентября 1943 года был допрошен Николай Андреевич Пигуловский, 1917 г.р., бывший член ВКП(б) с 1941 года, образование высшее, воен инженер 3 ранга, который показал, что пробы в Сиверском лагере военнопленных несколько дней, 4 мая 1942 г. его и младшего политрука Федотова или Федорова (точно фамилию не помнит), вызвали в штаб лагеря, где сказали, что их отправляют в Красногвардейск. В лагерь за ними приехал оберфельдфебель, одетый в форму «СД», их посадили на машину и повезли. Позже он узнал, что фамилия его Донне. В Красногвардейске его опять стали допрашивать по тем же вопросам, что и в лагере ст. Сиверской, а затем посадили в подвал, в арестное помещение. В этом здании, куда их поместили по прибытию в Красногвардейск, размещалось гестапо, все сотрудники этого учреждения носили форму «СД», на фуражке чепр и часть сотрудников имела на рукаве пришитый ромб, на котором имелись вышитые буквы «СД». В этом органе он просидел около 10 дней, был завербован

в качестве агента, а затем освобождён из-под стражи и помещён на жительство по Красноармейской ул. д. № 17 [2, л. 19 об.].

После неоднократных допросов, избиений и инсценировок расстрела Пигуловский согласился на предложение немцев работать по выполнению их заданий против Советского Союза.

Перед тем, как Пигуловский дал согласие быть агентом, его вызвал штурмбаннфюрер (майор) Краус и предложил подписать протокол допроса, написанный на немецком языке, который ему переводчик прочитал по-русски. До подписания протокола допроса, ему предложили на петлицу гимнастёрки с правой стороны прицепить знаки различия — один прямоугольник, после этого он подписал протокол.

Через два дня Пигуловский снова был вызван к штурмбаннфюреру Краус, который предъявил ему фотокарточки, где он был снят сидящим за столом и подписывающим бумагу и предложил на обороте фотокарточки в двух экземплярах написать свою фамилию, имя, отчество, год рождения и расписаться, что им и было сделано. Прожив около 15 дней в общежитии на Красноармейской ул. д. № 17, Пигуловский был направлен на курсы подготовки агентуры, находящиеся здесь же в Красногвардейске, которые размещались в доме, расположенном в Екатерининском парке около Павловского дворца.

Какому разведывательному органу подчинялась школа Пигуловскому было неизвестно, но он полагал, что она находилась в распоряжении органов разведки «СД», так как возглавлял школу штурмбаннфюрер «СД» Краус, кроме того другие немцы, имевшие отношение к школе, тоже носили форму «СД». Всем находя-

шимся в школе Краус заявлял, что мы готовимся для работы в Ленинграде в различных учреждениях, в случае занятия его немецкими войсками [2, л. 20].

Далее Пигулевский показал, что в школе обучалось около 40 человек, все военнопленные, завербованные в различных лагерях, имеющие высшее образование, большинство из них жители Ленинграда и области или знающие этот город. За время его нахождения в школе, с мая по декабрь 1942 г., часть обучавшихся из школы куда-то направлялась немцами, но куда — неизвестно. В этой школе о разведывательной работе в тылу Красной армии и вообще на оккупированной территории, ничего не преподавалось.

Находясь в школе, все курсанты изучали по карте расположение Ленинграда, где находятся и какие заводы, предприятия и учреждения, как проехать к ним, а также знакомились с историей развития города и его экономики. Больше других предметов за время его нахождения в школе, не изучали.

Пигулевский назвал следующих руководителей и преподавателей школы в Красногвардейске:

1. Руководителем школы являлся штурмбанфюрер «СД» (майор) Краус, около 50–53 лет, всегда ходил один в форме «СД».

2. Заместитель начальника школы оберштурмфюрер (обер-лейтенант) «СД» Босс, в прошлом журналист, немец из Прибалтики. Около 40 лет.

3. Комендант школы Смирнов Владимир Владимирович или Иванович, русский, по специальности инженер-электрик, во время оккупации г. Калинина был там зам. бургомистра города, до войны якобы проживал в г. Калинине, где у него осталась семья. Около 50–55 лет.

4. Преподаватель Глазунов, преподавал историю в Ленинграде, бывший офицер царской армии в чине капитана, до войны проживал в г. Пушкине. В ноябре 1942 г. был переведён для работы в команду «ЦЭТ». Около 53–56 лет.

Также Пигулевский назвал 15 фамилий агентов, обучавшихся вместе с ним в школе в Красногвардейске [2, л. 20 об. — 21].

В школе Пигулевский находился до конца ноября 1942 г. получил отпуск для проездки на родину г. Глусск и выехал к матери. Больше в школу он уже не возвращался [2, л. 23].

25 февраля 1944 года в Управлении НКГБ по Ленинградской области был допрошен ещё один агент СД И.С. Никитин, 1908 г.р., который в конце сентября 1942 г. был временно зачислен Рутченко Н.Н. в гатчинскую школу гестапо, располагавшуюся в помещении красного домика на территории Гатчинского парка, и в течение 10–12 дней учился в ней вместе с другими добровольцами германской армии.

Никитин показал о гатчинской школе гестапо, которая располагалась в красном домике дворцового парка г. Гатчине, следующее:

«Начало её формирования относится примерно к июлю–августу месяцу 1942 г., т.е. к периоду усиленной подготовки немцев для наступательных операций на Ленинградском фронте. Гатчинская школа гестапо была предназначена для подготовки административно–политических работников для гор. Ленинграда на случай захвата его немецкими войсками, причём по расчётом немцев, обучавшиеся в школе, должны были войти в Ленинград вслед за немецкими войсками и каждый из курсантов в этом случае получил бы назначение в один из районов города в качестве начальника политической полиции.

В школе гестапо проводились занятия по следующим дисциплинам: производство дознания, составление протоколов допроса, порядок ведения следствия и т.п. Помимо того, изучались районы г. Ленинграда, расположение оборонных объектов и учреждений города и проводились лекции на политические темы.

За время моего пребывания в гатчинской школе гестапо, с 14 по 31 октября 1942 г., из числа руководящего и преподавательского состава школы я знал Рутченко Н.Н., руководителя школы, шефа, Смирнова Сергея Владимировича или Владимира Сергеевича, нач-ка школы, Глазунова, имя и отчества не помню, старшина группы и Смоленского, имя и отчества не знаю, преподавателя следственного дела» [3, л. 87 об.].

Летом 1943 г. Бене в Гатчине случайно встретился на улице около дома со Смоленским и по его приглашению зашёл к нему на квартиру. Из разговора со Смо-

ленским и Смирновым, который также жил в этой квартире, он узнал, что они продолжают сотрудничать с «СД» и рассказали Бене, что вскоре после его ухода из школы гестапо, осенью 1942 г. в связи с напряжённым положением под Стalingрадом, немецкие войска, предназначенные для штурма Ленинграда, были переброшены на юг, наступление на Ленинград было отложено и, в связи с этим, гатчинская школа гестапо по подготовке административных политических работников для Ленинграда была расформирована [2, л. 92–93]. Все обучавшиеся и преподаватели были направлены на службу в карательные отряды СД, РОА и другие подразделения немецкой армии.

Таким образом, гатчинская школа гестапо просуществовала всего несколько месяцев с июня до ноября 1942 г., а планы немецких оккупантов захватить Ленинград, так и остались их несбыточной мечтой.

Литература и источники

1. Архив Управления ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее — АУФСБ СПб и ЛО). Ф. 8. Оп. 39. Д. 55. Л. 17.
2. АУФСБ СПб и ЛО. ФУД. Д. П-91767.
3. АУФСБ СПб и ЛО. ФУД. Д. 26144.

Bernev S. K.

*Candidate of Historical Sciences,
Institute of the History of the Defense and Siege of Leningrad
St. Petersburg State Budgetary Institution of Culture,
St. Petersburg*

Gatchina Training School for leaders of punitive bodies in the event of the capture of Leningrad by German troops

The article describes the Gatchina school of the Gestapo (security police and SD), which trained qualified agents to occupy senior positions in administrative, political and punitive bodies in the event of the capture of Leningrad by German troops.

Keywords: The Great Patriotic War; Leningrad; Leningrad region; Gatchina; occupation; Gestapo school; security police and SD; NKGB Directorate for the Leningrad region; AUFSB St. Petersburg and LO.

Край К.И.

Доктор наук о безопасности, профессор,
Университет Яна Кохановского (Кельце),
Республика Польша, Краков

Курсы подготовки кадров для органов безопасности будущей Польши в Куйбышеве

Статья посвящена короткому описанию курса подготовки кадров для будущих органов безопасности в Польше после её освобождения в 1944–1945 годах. Автор представил схему набора участников курса, информацию о курсе обучения, которая доступна в Польше. Он также указал другие курсы обучения, в которых поляки участвовали в Советском Союзе. Обозначил судьбу и карьеру некоторых из них, в том числе граждан СССР, вернувшихся в страну из Польши. В заключительных выводах предложил совместный исследовательский проект, который позволил бы написать полноценную монографию, посвящённую курсу в Куйбышеве и судьбе его избранных выпускников.

Ключевые слова: Куйбышев; офицерская школа № 366; органы безопасности; Министерство общественной безопасности; куйбышевики.

Сотрудничество органов безопасности Польской Народной Республики и Советского Союза, в силу союзнических отношений, связывавших эти две страны, происходило на разных уровнях. Сотрудничество органов безопасности представляют и изучают в основном исследователи Института национальной памяти. В 2013 году вышел специальный выпуск журнала *Przegląd Bezpieczeństwa Wewnętrznego* (Обзор внутренней безопасности), издаваемого Агентством внутренней безопасности, посвящённый вопросу сотрудничества в 1970–1990 годах [1]. Среди польских учёных — авторов исследований можно указать Вл. Булгака (Wł. Bułhak), А. Пачковского (A. Paczkowski), В. Багеньского (W. Bagieński), Л. Павликовича (L. Pawlikowicz) и многих других [2, с. 16]. По мнению автора, первым шагом в сотрудничестве органов безопасности Польской Народ-

ной Республики и СССР стали курсы, на которых обучалась часть сотрудников будущего Министерства общественной безопасности (МПБ) Польши. Эти курсы проходили в резервной столице Советского Союза — Куйбышеве. Два курса прошли в Куйбышеве, и именно они, а также их выпускники являются героями статьи. Конечно, многие поляки (активисты Польской коммунистической партии) ранее окончили военно-политическую школу Коминтерна, командиром которой был генерал Карл Сверчевский «Вальтер», офицер советской военной разведки и участник боевых действий в Испании. Выпускники курсов в Куйбышеве именуются в польской литературе, в том числе и научной, куйбышевиками (*kujbyszewiacy*).

Польские политики, активисты, выходцы, в том числе, из действовавшего в СССР Союза польских патриотов,

готовясь к взятию власти в Польше, понимали, что помимо организации Войска Польского, необходимо иметь, и силовые структуры, и эффективную политическую партию.

Конечно, советские власти осознавали неизбежность столкновения с Третьим рейхом. После победоносной войны предполагалось, что в Польше будет создано новое государство, основанное на новых политических принципах, которому потребуются квалифицированные кадры, в том числе и для органов безопасности. Поэтому уже в сентябре 1940 года в Смоленске, его Александровском районе, была создана школа (батальон) НКВД, именуемая в литературе Александровской школой [3, с. 82]. Отбором слушателей курсов занимался отдел кадров НКВД в Минске. В состав слушателей курсов вошли представители национальностей, проживающих на восточных территориях Республики Польша. Это были поляки, евреи, белорусы и украинцы. Командиром был подполковник (?) Стрельцов, имя неизвестно¹. В батальоне насчитывалось около 200 человек. Обучение длилось с сентября 1940 по март 1941 года. Оно охватывало военные, разведывательные и политические вопросы. Некоторые выпускники были направлены в другую школу, расположенную в городе Горки. Школу возглавлял полковник (?) Журавлев, имя неизвестно. В этой школе, политическая и диверсионная подготовка велась на более высоком уровне. Можно предположить в связи с оценкой обучаемых, как пригодных для руководящих должностей. Выпускники направлялись

на службу в Красную армию или на выполнение специальных заданий [3, с. 82]. Среди выпускников представленных курсов были будущий глава МВД Мечислав Мочар (Николай Демко, Mikołaj Demko, Mieczysław Moczar), Конрад Светлик (Konrad Świetlik) (заместитель министра МПБ), Александр Кокошин (Aleksander Kokoszyn) (будущий глава Военной внутренней службы [контрразведки и военной полиции]) и многие другие видные офицеры органов безопасности Польской Народной Республики [3, с. 82]. После начала войны под Москвой в (Пушкино и Кушнаренково под Уфой) были организованы курсы диверсионных групп, где обучались представители разных национальностей. Одним из выпускников этих курсов был Ежи Фрей-Белецкий (Jerzy Frey-Bielecki), начальник управления общественной безопасности в Кракове, а впоследствии генерал-летчик, командующий военно-воздушными силами Польской Народной Республики [3, с. 83; 4; 8, с. 19]. Вышеупомянутый Союз польских патриотов (СПП) был политическим центром, который должен был стать альтернативой польского правительства генерала Владислава Сикорского (Władysław Sikorski) в изгнании, эмиграции. Организатором и председателем СПП была Ванда Василевская (Wanda Wasilewska), а 1-ю дивизию имени Тадеуша Костюшко, которая не подчинялась командованию Польских вооружённых сил на Западе, возглавлял полковник Зигмунд Берлинг (Zygmunt Berling). Не вдаваясь в подробности, подготовкой кадров для будущей деятельности в Польше занимался Национальный отдел Главного управления СПП. Кроме того, с января по август 1944 г. действовало Центральное бюро польских коммунистов, связанное с Центральным комитетом Всероссий-

¹ Автор просмотрел анкетные данные, размещённые на сайте shieldandsword.mozohin.ru/personnel_gb4.htm, но фамилии Стрельцов там не нашёл. Тем более, что в 1940 году в органах НКВД не существовало звания подполковника.

сой коммунистической партии (большевиков), с которым Национальный отдел Главного правления СПП тесно сотрудничал [3, с. 83–84; 5]. Одной из главных фигур ЦБПК был будущий министр общественной безопасности Станислав Радкевич (Stanisław Radkiewicz) (выпускник Мархлевского Коммунистического университета «Менцинств Запада»). Радкевич был инициатором формирования Польского отдельного специального батальона в местечке Беломут под Москвой [6, с. 25–30]. О батальоне и одном из его офицеров я опубликовал статью в газете «Самарские чекисты» [7, с. 6]. В дальнейшем бойцы батальона составили ядро формирующихся внутренних войск (Корпуса внутренней безопасности) и кадрового состава органов безопасности. В рамках подготовки бойцов специального батальона было подготовлено около 1400 человек [1, с. 121].

В польской историографии принято считать, что важнейшей инициативой для подготовки кадров органов безопасности будущей Польши были курсы, организованные в Куйбышеве по инициативе Центрального бюро польских коммунистов в СССР. Инициатором и создателем идеи был Александр Завадский¹ (Aleksander Zawadzki). Конечно, реализация курса должна была происходить с согласия советских властей. Курс был организован на базе 366² (?) Офицерской школы

в Куйбышеве (название курса Офицерская школа № 366). Поэтому можно предположить, что советские власти видели в этих мероприятиях политический и организационный смысл. Отобранные для курса участники были в основном из 1-й дивизии им. Т. Костюшко (150 солдат), 2-й пехотной дивизии им. Г. Домбровского и 1-й артиллерийской бригады им. Й. Бема [8, с. 20]. Набор на курс проводился в обстановке секретности, поскольку потенциальные участники курса не были проинформированы о цели процедуры проверки. Как вспоминал один из слушателей Бронислав Ясинский (Bronisław Jasiński), после вызова к заместителю командира дивизии ему после короткой беседы сообщили, что он отобран для специальной офицерской школы. Когда Б. Ясинский согласился, ему предложили написать заявление о поступлении в школу. Через несколько дней будущий слушатель сдал оружие и другое снаряжение и отправился в Куйбышев [8, с. 20–21]. Только на месте он узнал, что его направили в учебный центр НКВД. Учреждение, где проходило обучение, было небольшим, но лекции проводились в одном месте. Курс начался примерно 18 апреля 1944 года и, вероятно, продолжался до 31 июля³ того же года [8, с. 20]. Стандарт пребывания был относительно высоким для условий военного времени. Участникам курса не требовалось застилать постели и убираться, их обслуживали официанты в столовой. День начинался с подъёма в 7:00, завтрака в 8:00, затем лекций. После обеда снова лекции, затем время для индивидуальных занятий. У каждого участника курса был личный пропуск, который он

¹ Завадский А. (1899–1964) — выпускник военно-политической школы Коминтерна, председатель ЦБПК, генерал-лейтенант Войска Польского. В Польской Народной Республике — член Политбюро ЦК ПОРП, заместитель председателя Совета Министров, в 1952–1964 годах — председатель Государственного Совета (приравненный к президенту).

² К сожалению, мне не удалось определить тип школы [9, с. 72–75]. Польские источники молчат на эту тему.

³ Указаны альтернативные даты окончания курса — 26 и 28 июля.

мог взять в шкафчике на посту охраны и выйти в город [8, с. 21]. Группа слушателей курса, скорее всего, насчитывала 217 человек. Среди них были офицеры, унтер-офицеры и рядовые. Уровень образования мог быть разным, но в эту группу входили только люди с аттестатом об окончании начальной школы, что также не совсем точно. Обучение было очень интенсивным (практически 9 часов в день). Лекции читались на русском языке, лекторами были сотрудники НКВД и гражданские преподаватели советских вузов (общеобразовательные предметы). Вопрос о языке обучения с большой долей вероятности указывает на то, что большой процент слушателей курсов были выходцами из СССР и поляками с территорий, аннексированных Советским Союзом (Западная Украина и Белоруссия). На польском языке представлялась только информация о современной Польше. Её предоставлял Леон Анджеевский (Leon Andrzejewski), который в будущем был, среди прочего, заместителем командира учебного центра МПБ в Легионово, а также директором канцелярии министра публичной безопасности и уполномоченным правительства ПНР по использованию ядерной энергии.

В рамках политической подготовки также читались лекции по истории СССР, его органов безопасности, в том числе о деятельности Феликса Дзержинского. Преподавались криминалистика (дисциплина «Б») и политическая экономия. И конечно, занятия по оперативным приемам и методам, вербовке агентуры и методам работы разведки и контрразведки (дисциплина «А»). Проводилась также военная подготовка курсантов к действиям против лесных отрядов противника. Курсантов также знакомили с оперативно-разыскной работой [10, с. 87; 8, с. 23.].

Участники курса были разделены на две роты. Командирами были старший сержант Кларов (имя неизвестно) и сержант Константин Янковский. Кроме того, имелся офицерский взвод, командир лейтенант Фаустын Гжибовский (Faustyn Grzybowski¹). Командиром курса был подполковник Драгунов (имя неизвестно), вероятно, контрразведчик из Ленинграда. Его заместителем по учебной части был подполковник Сомов (имя также неизвестно). Заместителем по политической части был вышеупомянутый Леон Анджеевский. После окончания курса его выпускники получали характеристики, определявшие их пригодность к службе в отдельных организационных подразделениях органов безопасности. После окончания обучения участники курса, сдав экзамены по обеим вышеупомянутым дисциплинам («А» и «Б») и снаряжение, направились в Польшу, в Люблин, где уже действовал Польский комитет национального освобождения (ПКНО). Вероятно, в середине августа 1944 года выпускники школы в Куйбышеве были включены в оперативные группы по организации управлений общественной безопасности. Их также направили в штаб-квартиру Ведомства общественной безопасности² в Люблине. Как пишет Кшиштоф Лесяковский (Krzysztof Lesiakowski), они стали важным элементом формирования кадров польских органов безопасности. Они также выделялись среди других определенным уровнем профессиональных знаний и такой же униформой, которую получили в Куйбышеве [8, с. 23–25].

¹ В период существования Польской Народной Республики он был, в частности, директором Департамента охраны правительства МПБ.

² Первоначальное название Министерства публичной безопасности.

В Куйбышеве был организован второй курс (3 октября 1944 г. — 1 марта 1945 г.). Участники курсов отбирались из числа призывников 3-го запасного пехотного полка в Люблине (230 участников курсов). Критерием было среднее образование. По прибытии в Куйбышев участники курсов осознавали, в какую школу они направлены. Их подвергали интенсивной политической и пропагандистской подготовке, часть участников курсов отчислили. Также было изменено содержание обучения (например, были исключены вопросы контрразведки), которые не хотели передавать участникам курсов, к которым не испытывали доверия. Только 30 участников курсов поступили в штат органов безопасности, остальные были направлены в части Войска Польского [8, с. 26]. Стоит отметить, что многие слушатели из Куйбышева и выпускники других курсов, проводившихся органами безопасности Советского Союза, служили в МВД до рубежа 1970-х и 1980-х годов. Анализ послужного списка выпускников Куйбышевского курса интересен и может стать основой для углублённого изучения истории органов безопасности Польской Народной Республики на начальном этапе их развития и в зрелом виде (начиная со второй половины 1950-х годов).

Куйбышевики имели преимущество в плане подготовки и оперативных знаний перед своими коллегами, которые направлялись из Народной армии, или не имели никакой декларации, даже не имели боевых навыков. Большинство куйбышевцев попали в местные структуры (воеводства и районы) органов безопасности. В первые годы службы трудно найти имена курсантов, куйбышевцев

в штаб-квартире МПБ¹. Лишь позже туда попали и сделали карьеру: Николай Крупский (Mikołaj Krupski), Станислав Кларо (Stanisław Klaro), Фаустын Гжиковский (Faustyn Grzybowski), Лонгин Колач (Longin Kołacz), Виктор Лешкович (Wiktor Leszkowicz), Николай Лаховский (Mikołaj Lachowski) и Владзимеж Зверхановский (Włodzimierz Zwierchanowski).

Возможно, что это было связано с тем, что эти офицеры проявили себя наилучшим образом на полевой работе. А может быть, с тем, что к ним относились как к «чужакам» по отношению к офицерам, набранным на территории Польши². Несколько выпускников школы в Куйбышеве уехали в СССР в 1950-х годах [3, с. 92–93]. Прослеживание выпускников курсов из Куйбышева может стать интересным исследованием организации и облика польских органов безопасности и кадровой политики министерства.

Выпускники куйбышевских курсов сыграли важную роль в качестве инструкторов в Центральной школе МПБ в Лодзи, а затем, с 1947 года, в Учебном центре МПБ в Легионово под Варшавой. Скорее всего, обучение проводили в общей сложности 12 выпускников из Куйбышева. Я расскажу о судьбе только трёх, на мой взгляд, наиболее интересных фигур среди них.

Первый, кого я хотел бы представить, это капитан Антоний Томницкий (Antoni Tomnicki), фактический организатор обучения и преподаватель Центральной школы МПБ в Лодзи. Томницкий родился в крестьянской семье в 1911 году (Романово, Житомирская губерния).

¹ Были это: Иосиф Краковский (Józef Krakowski), Ян Шевчик (Jan Szewczyk), Станислав Заштофт (Stanisław Zaszt喬ft).

² Аналогичная разделительная линия проходила и в рядах ПРП/ПОРП.

В его личных документах всегда указывалось, что он советский гражданин. Он был единственным из участников курсов из Куйбышева, работавших в Лодзи, кто имел высшее образование. Был выпускником Сельскохозяйственного института в Одессе (инженер-агроном), членом ВКП(б) с 1939 года. В 1941 году как офицер запаса был мобилизован и включён в состав РККА. В мае 1943 года он был направлен в 1-ю дивизию имени Тадеуша Костюшко и принимал участие в битве под Ленино, где был ранен. После выздоровления был направлен на курсы в Куйбышев. Во время обучения он отличился своей ориентацией в политических вопросах и стремлением к приобретению профессиональных знаний. Службу в Министерстве безопасности начал 23 августа 1944 года. Однако уже в декабре 1944 года стал командиром учебной роты в Школе офицеров безопасности в Люблине. Также работал преподавателем специальных дисциплин. После перевода в Лодзь был фактическим организатором учебного процесса. По мнению командира Учебного центра МПБ подполковника Мечислава Бронятовского (Mieczysław Broniatowski), он нравился курсантам, как умный, опытный преподаватель специальных дисциплин, способствовавший повышению уровня подготовки. После перевода школы в Легионово под Варшавой Томницкий занимал должность заместителя командира Учебного центра по подготовке и был руководителем курса начальников управлений публичной безопасности. В январе 1949 года он занял должность начальника II отдела (охрана членов Политбюро ЦК Польской объединённой рабочей партии) в Департаменте правительенной охраны МПБ. Позже был переведён на должность начальника V отдела (сельское и лесное хозяйство)

IV Департамента МПБ, отвечающего за экономические вопросы. Однако у него возникли проблемы с адаптацией к работе в оперативном подразделении, и в августе 1954 года он был уволен из органов безопасности. Уехал в СССР. Интересно, что он не сдал табельное оружие [8, с. 66–69].

Вторым офицером, которого я хотел бы представить, был лейтенант Виктор Лой (Wiktor Łoj), родившийся в Красноярском крае в 1919 году (точная дата рождения неизвестна). В личных документах он затруднялся определить своё гражданство, но всегда указывал польское происхождение. В Учебном центре он был начальником учебного отдела. Имел среднее педагогическое образование (окончил педагогический техникум в СССР). Начальство его уважало, хотя в характеристиках его обвиняли в излишней толерантности к курсантам. В течение многих лет он играл значительную роль в Учебном центре МПБ в Легионово (заместитель директора по науке). Однако, как отмечено в его личных делах, он «терялся» в моральном плане. В 1954 году он вернулся в Советский Союз. Среди курсантов он имел прозвище «Кот в сапогах», потому что летом и зимой носил большие сапоги. Он был груб в обращении, но смягчался после 200 граммов водки, но затем был очень активен по отношению к женщинам [8, с. 69–70; 11, с. 167].

Ещё одной интересной фигурой, за судьбой которой после возвращения в Советский Союз стоит проследить, был капитан Виктор Каменецкий (Wiktor Kamieniecki), 1923 года рождения, которого в качестве дисциплинарной меры перевели в Учебный центр из Воеводского управления общественной безопасности в Варшаве (пьянство и связь со случайной женщиной). Перевод состоялся несмотря на то, что его начальник

написал, что он не должен работать в органах безопасности. В Учебном центре он пользовался хорошей репутацией среди начальства как преподаватель специальных дисциплин и преподаватель семинара. Он подавал надежды на будущее. Однако Каменецкому не нравилось служить в польских органах безопасности. В результате представленных им рапортов, которые он оправдывал семейными обстоятельствами и желанием окончания медицинского образования. В 1947 году получил разрешение и уехал в СССР.

В короткой статье трудно изложить всю историю выпускников из Куйбышева и их значение, а также роль, которую они сыграли в становлении польских органов безопасности. Это интересная тема, но из-за ограниченности источников с польской стороны (в основном только личные анкеты из личных дел, характе-

ристики, выданные начальником курсов). Её можно изучать только однобоко. Нет информации о советских кадрах, проводивших подготовку специалистов. Мы даже не знаем фамилий руководителей курсов и течения курсов, которые позволили бы выяснить мнение и оценку уровня подготовки. Расширить информацию о курсе. Польским, да и российским читателям было бы интересно проследить жизненный путь выпускников курса, в том советских граждан, вернувшихся в Советский Союз.

Здесь я вижу площадку для сотрудничества польского члена Общества с исследователями из Самары. В результате такого сотрудничества могла бы быть создана полноценная монография о курсе, проводившемся в Куйбышеве, и судьбе его выпускников.

Литература и источники

1. Współpraca SB MSW PRL z KGB ZSRR w latach 1970–1990 próba bilansu (red. Zb. Nawrocki), BPBW3 — Emów 2013.
2. W. Bagieński, Współpraca służb wywiadowczych PRL i Związku Sowieckiego jako element relacji dwustronnych KGB z MSW (1956–1990). // Aparat represji w Polsce Ludowej 1944–1989 nr 21–2023.
3. Sł. Poleszak, «Pomoc» sowiecka przy tworzeniu komunistycznego aparatu bezpieczeństwa w Polsce// Piotrkowski Zeszyty Historyczne nr 11 — Piotrków Trybunalski 2010.
4. St. Czmur; W. Wójcik, Generałowie w stalowych mundurach — Warszawa, 2003.
5. A. Friszke, Polska. Losy państwa i narodu 1939–1989 — Warszawa, 2003.
6. A. G. Kister, Pretorianie Polski Samodzielny Batalion Specjalny i Wojska Wewnętrzne 18 X 1943–26 III 1945 — Warszawa, 2010.
7. K. Край, Юзеф Липиньский — польский диверсант с Востока // Самарские чекисты № 3. март 2016.
8. K. Lesiakowski, Centralna Szkoła Ministerstwa Bezpieczeństwa Publicznego 1945–1947, Łódź — 2017.
9. Е.Д. Проценко, Е.В. Байкеев, Деятельность военно-учебных заведений войск НКВД по подготовке офицерских кадров в годы Великой Отечественной Войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2005 — № 2.
10. D. Nowicka, Kształtowanie się służb specjalnych jako aparatu represji Polski Ludowej // Z Dziejów Prawa t. 14–2021.
11. K. Lesiakowski, Kadra Centralnej Szkoły Ministerstwa Bezpieczeństwa Publicznego 1945–1947 Początki polskiego aparatu bezpieczeństwa // Przegląd Nauk Historycznych Nr 1–2016.

Kray K.

*Doctor of Sciences in Security, Professor, Jan Kochanowski University, Kielce, Republic of Poland,
Krakow*

Training courses for the security services of future Poland in Kuibyshev

The article is devoted to a brief description of the course of personnel for future security organs in Poland, after its liberation in the years 1944–1945. The author presented an outline of the recruitment of course participants, information on the course of training, which is available in Poland. He also indicated other training courses in which Poles participated in the Soviet Union. He indicated the fate and careers of some of them, including citizens of the USSR who returned to the country from Poland. In the final conclusions, he proposed a joint research project that would allow for the writing of a full monograph devoted to the course in Kuibyshev and the fate of its selected graduates.

Keywords: Kuibyshev; officer school no. 366; security organs; Ministry of Public Security; Kuibyshevik.

Степанов А. С.

Доктор исторических наук,

Научно-исследовательский центр (фундаментальных военно-исторических проблем)
Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации,
Москва

Советские контрразведчики и их работа в период проведения Берлинской наступательной операции Красной армии

Данная статья связана с исследованием деятельности советских контрразведывательных органов на завершающем этапе Великой Отечественной войны — во время Берлинской наступательной операции и взятия Берлина. Советские контрразведчики вместе с передовыми частями Красной армии захватывали здания разведывательных органов и школ противника, принимали неотложные меры к задержанию их личного состава и к поиску архивной и иной документации. В ходе их работы были выявлены и задержаны видные нацистские чиновники, сотрудники и агенты немецких спецслужб.

Ключевые слова: Берлинская операция; армия; контрразведка; «Смерш»; захват; архивы; военные преступники.

В результате успешных наступательных действий Красной армии и американо-английских войск, положение Германии к концу марта 1945 г. стало катастрофическим. Советское военно-политическое руководство сделало ставку на разгром группировки немецких войск, сосредоточенной в районе Берлина, овладение германской столицей и стремительный выход на р. Эльба.

На заседании Ставки ВГК 1 апреля в присутствии И.С. Конева и Г.К. Жукова И.В. Сталин потребовал подготовить операцию в короткие сроки, причём начать её не позднее 16 апреля и завершить через 12 дней [1, с. 387].

Берлинское направление обороны направили войска групп армий «Висла» и «Центр» под командованием генералов Г. Хейнрици и Ф. Шернера. 5 апреля А. Гитлер присвоил последнему зва-

ние генерал-фельдмаршала. Войска, сосредоточенные на этом направлении от Балтики до Карпат, насчитывали около миллиона солдат и офицеров [2, с. 269].

К Берлинской стратегической наступательной операции привлекались 2,5 млн человек [2, с. 270]. Операция началась 16 апреля 1945 г. Чекисты заблаговременно подготовились к её проведению. Перед органами военной контрразведки и войсками по охране тыла стояли задачи по сохранению в тайне планов командования, захвату главарей фашистского рейха, сотрудников и агентуры гитлеровских спецслужб, архивов разведывательных органов и многие другие. Требовалось и заблаговременно подготовиться к обеспечению общественной безопасности в огромном городе после его захвата советскими войсками [3, с. 556].

Приведём выдержки из «Плана организации оперативных групп УКР Смерш 1-го Белорусского фронта по г. Берлину и его пригородам» от 22 апреля 1945 г. Этот план был разработан и утверждён начальником УКР Смерш 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенантом А.А. Вадисом в период проведения этапов Берлинской стратегической наступательной операции советских войск — окружение и расчленение войск противника, уничтожение окружённых группировок и взятие Берлина.

«По гор. Берлину

Центральная оперативная группа по руководству всей работой по Берлину — начальник опергруппы зам. начальника управления «Смерш».

Оперативную работу по гор. Берлину ведут оперативные группы УКР «Смерш» фронта.

Город разбивается на 20 районов: на правой стороне реки Шпрее — 9 районов, на левой — 11 районов.

Кроме того, выделено 2 района безномерных: Моабит и Фриденау.

В задачу опергрупп входят: розыск и арест руководителей немецко-фашистского правительства и всех подлежащих изъятию в соответствии с приказом НКВД СССР № 0016, а также установление хранилищ ценностей и документов, имеющих оперативное значение.

[...]

Для обеспечения работы опергрупп по гор. Берлину по договорённости с зам. наркома НКВД СССР оперативно подчинить один из полков войск НКВД охраны тыла начальнику опергруппы гор. Берлина.

Из этого полка каждой опергруппе района придать по две погранзаставы бойцов.

Опергруппе гор. Берлина придать роту грузовых автомашин.

Пригороды гор. Берлина

В пригородах гор. Берлина работу проводят оперативные группы «Смерш» армий.

Наряду с этим при продвижении вперед в направлении Берлина и его окрестностей ОКР «Смерш» армий проводят работу в своей полосе обычным порядком.

Зам. начальника Управления
контрразведки «Смерш»
1-го Белорусского фронта

Мельников¹

[4, с. 411–412].

25 апреля в районе Кетцина замкнулось кольцо окружения вокруг берлинской группировки. В тот же день в районе Торгай части 58-й гвардейской стрелковой дивизии 5-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта, переправившись через Эльбу, вошли в соприкосновение с разведывательными группами 69-й пехотной дивизии американских войск [5, с. 678].

К сожалению, в отечественной исторической науке до сих пор встречаются серьёзные неточности относительно важнейших фактических данных, связанных с Берлинской операцией. Может показаться странным, но это относится даже к таким хрестоматийным сведениям, как численность немецких войск, с которыми предстояло сразиться советским войскам

¹ Мельников Григорий Александрович (1898–1972). Сотрудник советских органов госбезопасности, контрразведчик. Генерал-майор. В органах госбезопасности (ВЧК) с августа 1919 г. Служил на различных должностях в особых отделах ВЧК–ОГПУ–НКВД Белоруссии. Участник Великой Отечественной войны (служил в органах военной контрразведки Брянского и Юго-Западного фронтов). С февраля 1944 по август 1945 года был заместителем начальника Управления контрразведки Смерш Белорусского фронта.

при штурме Берлина. И подобные расхождения можно встретить в фундаментальных военно-исторических трудах!

Приведём цитату из пятого тома труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов»: «Гарнизон Берлина к 25 апреля насчитывал 300 тыс. человек, 3 тыс. орудий и миномётов, 250 танков и штурмовых орудий. Возглавлял его генерал Г. Вейдлинг, назначенный 12 апреля комендантом города-крепости» [1, с. 398]. Ссылка в тексте указывает на соответствующую страницу из первого тома того же самого труда [5, с. 681]. Те же самые цифры численности гарнизона Берлина — 300 тыс. человек — приведены и в изданной четверть века назад книге З «Освобождение» военно-исторических очерков «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.» [2, с. 282].

Обратим внимание, что в фундаментальных трудах даже советского периода фигурировали совершенно иные и гораздо меньшие цифры. Соответствующие тома «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.» в 1963 г. или «Истории второй мировой войны» в 1979 г. сообщали, что общая численность Берлинского гарнизона лишь превышала 200 тыс. человек, но о 300 тыс. — речь не шла вовсе [См.: 6, с. 253; 7, с. 312]. Удивительно, но постсоветские историки с лёгкостью завысили эти данные в 1,5 раза!

Ясность в этот вопрос вносит историк А.В. Исаев в своём исследовании «Берлин 45-го. Сражение в логове зверя», изданном в 2020 г. [8]:

«Какова же была численность защитников Берлина? Традиционной для отечественной исторической литературы является оценка численности берлинского гарнизона в 200 тыс. человек. Однако эта цифра представляется завышенной. Хоро-

шую количественную оценку немецких войск в Берлине даёт Зигфрид Кнаппе ... Кнаппе оценивает численность соединений, подчинённых LVI корпусу, в 40 тыс. человек, а с учётом различных частей, находившихся на территории Берлина, — 60 тыс. человек и 50–60 танков. К цифре численности берлинского гарнизона, называемой в советских источниках, он относится скептически. Кнаппе считает эту цифру расчётной исходя из штатной численности войск, а не их реального состояния к началу штурма города.

Помимо оценок Кнаппе есть конкретные цифры, приведённые в книге «The fall of Berlin» английских историков Энтони Рида и Дэвида Фишера. На 19 апреля в распоряжении военного коменданта Берлина генерал-лейтенанта Гельмута Реймана было 41 253 человека. Из этого числа только 15 000 были солдатами и офицерами вермахта, люфтваффе и кригсмарине. В числе остальных было 1713 полицейских, 1215 «гитлерюгендов» и представителей рабочей службы и 24 000 фольксштурмистов. Теоретически в течение шести часов мог быть поставлен под ружьё призыв, называвшийся «Clausewitz Muster», численностью 52 841 человек. Но возможность такого призыва и его боевые возможности были достаточно условными. Кроме того, большой проблемой было вооружение и боеприпасы. Всего в распоряжении Реймана было 42 095 винтовок, 773 пистолета-пулемёта, 1953 ручных пулемёта, 263 станковых пулемёта и небольшое число миномётов и полевых орудий. Резюмируя состояние обороны города, Рид и Фишер называют Берлин «крепостью с бумажными стенами». В Берлине также дислоцировалось элитное подразделение «Караульный полк Великая

Германия Берлин» (Wachregiment Grossdeutschland Berlin)» [8, с. 155].

А. В. Исаев уточняет также, что отход в Берлин LVI танкового корпуса незначительно усилил гарнизон последнего:

«Вейдлинг вспоминал: “56-й танковый корпус прибыл в Берлин, вернее, отступил в Берлин, имея в 18-й мд до 4000 человек, в дивизии „Мюнхеберг“ до 200 человек, артиллерию дивизии и четыре танка; мд СС „Нордланд“ имела в своём составе 3500–4000 человек; 20-я мд — 800–1200 человек; 9-я адд — до 500 человек, но в Берлине она пополнилась до 4000 человек, т.е. 56-й тк к началу своих операций непосредственно в Берлине насчитывал 13000–15000 человек”. Разумеется, качественно регулярные войска превосходили фольксштурмистов, но их было недостаточно для эффективной обороны города. Особняком среди защитников Берлина стояла личная охрана Гитлера, насчитывавшая около 1200 человек» [8, с. 155].

Ниже А. В. Исаев приводит дополнительные данные, базирующиеся на показаниях пленных, которые тоже расходятся с официальной советской оценкой числа немецких сил в Берлине:

«Ещё одну оценку дают показания захваченных в ходе штурма пленных о численности защитников секторов обороны Берлина. Начальник оперативного отдела участка “Б” подсектора-2 сектора “С” обер-лейтенант Фридрих Арендт, захваченный в плен 25 апреля, утверждал: “По плану намечалось, что каждый сектор будет оборонять до 24 000 чел. В действительности же на 20 апреля наш сектор „С“ насчитывал 12 000 чел. (прежде всего, фольксштурм второго призыва, заводские охранные батальоны и рабочие, разбронированные с некото-

рых военных заводов и других предприятий). Другие сектора также насчитывали около 12 000 чел.». Оценки других пленных также лежат в промежутке от 12 тыс. до 15 тыс. человек в составе защитников отдельных секторов обороны города. Это позволяет предположить, что всего в девяти секторах было 110–140 тыс. человек [8, с. 155–156].

В итоге, он делает следующий важный вывод: «Наиболее близкой к истине представляется оценка численности берлинского гарнизона в 100–120 тыс. человек» [8, с. 156].

Войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, штурмовавшие Берлин, имели около 464 тыс. солдат и офицеров. В ходе штурма города к ним присоединились 12,5 тыс. польских воинов. Превосходство над противником было подавляющим. Утром 26 апреля советские войска, наступая начали штурм Берлина [1, с. 398].

План осуществления оперативно-чекистских мероприятий в немецкой столице, в том числе по поддержанию общественной безопасности, был 24 апреля 1945 г. согласован с Г. К. Жуковым. От штаба фронта в 20 районов Берлина были назначены военные коменданты. Кроме того, в каждый район направлялись оперативные группы из 10–15 сотрудников аппарата уполномоченного НКВД фронта во главе с начальником, назначаемым из опытных чекистов с должности не ниже заместителя начальника контрразведки Смерш армии или корпуса. Оперативные группы имели заранее подготовленные разыскные списки, а также опознавателей из числа местных жителей. Вокруг Берлина силами войск НКВД по охране тыла были расставлены контрольно-пропускные пункты общей

численностью 4200 человек и создана одна пограничная застава для конвоирования арестованных [3, с. 556–557].

Оперативным группам удалось захватить архивы многих германских учреждений, включая тайную политическую полицию (гестапо) и абвер. Особо отличились контрразведчики отдела Смерш 47-й гвардейской стрелковой дивизии 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта. О проведении операции вспоминал генерал-лейтенант в отставке А.И. Матвеев:

«Перед 47 гв. сд, где я был начальником отдела, стояла боевая задача: преодолеть сопротивление противника и выйти на окраину Берлина в район Целендорф. В полосе наступления дивизии дислоцировалось одно из центральных учреждений абвера, замаскированное под сельскохозяйственный институт. Прибывшие в особый отдел 47 гв. сд начальник отдела контрразведки “Смерш” по 8 гв. армии генерал-майор Витков Григорий Иванович и начальник отдела 4 гв. корпуса полковник Кузьмин Александр Николаевич поставили задачу: организовать захват личного состава, агентуры и документов абверовского центра. Вместе с Витковым Г.И. и Кузьминым А.Н. мы обсудили возможные варианты решения этой задачи. Было признано наиболее целесообразным подготовить и провести десантную операцию, чтобы исключить возможность эвакуации абверовского центра на запад Германии. Витков Г.И. тут же по телефону договорился с командующим 8 гв. армии Чуйковым В.И. о выделении для десантной операции танковой роты и мотострелкового батальона. Для руководства десантной операцией была создана оперативная группа в составе пяти человек,

которую я и возглавил. В состав оперативной группы входили старшие оперуполномоченные отдела контрразведки “Смерш” по 47 гв. сд Голубцев М.И., Коратуев М.И., Маринин М.И., Шишин Г.А. и прикомандированный из разведотдела дивизии переводчик Васильев Г.Л. Операция развивалась успешно. После огневого налёта на узком участке фронта десант при содействии частей поддержки прорвал линию обороны и, не ввязываясь в бои, устремился вперёд к намеченной цели. Надо было преодолеть около 12 км. Сельскохозяйственный институт, где находились абверовцы, был взят с ходу, без особого сопротивления, поскольку охранялся только часовыми и налёт для абверовцев был совершенно неожиданным. Во дворе стояли снаряжённые для эвакуации грузовые машины и 5 бронетранспортёров сопровождения без экипажей. Обитатели “заведения” спали перед предстоящей эвакуацией. Всего взято было в плен более 100 человек. Среди них офицеры и лица в гражданской одежде различных национальностей, в том числе русские...

Сомнений не было — цель достигнута. Теперь задача состояла в том, чтобы все захваченные документы и людей сохранить до прихода наших основных сил. По условиям плана десантной операции с наступлением рассвета должен был быть осуществлён прорыв основных сил дивизии с задачей выхода на рубеж западнее города Фертенвальде, и таким образом предполагалось деблокировать десант. Задача десанта состояла в том, чтобы занять круговую оборону и не допустить противника на территорию разведывательного органа, занятую десантом. Но получилось не всё так, как планировалось. На рассвете части дивизии не смогли

прорвать оборону противника. Когда же немцы обнаружили, что разведорган захвачен десантом, они предприняли одну за другой яростные атаки, но были отбиты. Затем немцы открыли артиллерийский и миномётный огонь, в основном зажигательными снарядами, чтобы уничтожить гружёные автомашины с документами. ... Круговую оборону пришлось держать целые сутки... Только на следующее утро основным силам дивизии удалось потеснить противника и деблокировать десант. Мы оказались в тылу наступающих войск, сохранив в целости все трофеи. Документы и показания пленных оказались весьма ценными. Они, в частности, неопровергимо доказывали, что фашистские разведывательные органы действительно концентрируют свои силы на юге Германии. Об этом свидетельствовало и то, что захваченный нами абверовский центр разведки должен был «эвакуироваться» на юго-запад Германии в район Баварии... прихватив с собой наиболее ценные кадры (по русским делам) и оперативную документацию» [9, с. 101–103].

С утра 30 апреля завязались ожесточённые бои за Рейхстаг, явившийся важнейшим опорным пунктом центрального участка обороны города. К исходу 1 мая сложил оружие его гарнизон, а 2 мая в 6 часов 30 минут генерал Г. Вейдлинг, командовавший обороной Берлина, заявил и о безоговорочной капитуляции всего гарнизона столицы. Только в этот день советские войска пленили до 135 тыс. вражеских солдат и офицеров [1, с. 401, 405].

После захвата центра Берлина оперативные группы вели активную работу по задержанию интересующих контрразведку лиц и изъятию документов в зданиях гестапо, министерств авиации

и пропаганды и на других аналогичных объектах. Активные мероприятия проводились оперативными группами и по розыску нацистских главарей. Первые сведения о том, что А. Гитлер оставался в бункере до 28 апреля, поступили к смершевцам в ходе боёв за Рейхстаг. Последнее убежище фюрера было занято советскими войсками 2 мая, и в тот же день вечером военные контрразведчики обнаружили в нескольких метрах от входных дверей бомбоубежища и в самом бомбоубежище трупы семьи Й. Геббельса. 3 мая в 4 часа 45 минут начальник УКР Смерш 1-го Белорусского фронта А. А. Вадис как заместитель уполномоченного НКВД СССР по ВЧ-связи доложил Л. П. Берии о результатах розыска опергруппами деятелей нацистской партии и крупных чиновников ведомств фашистской Германии в Берлине. В числе захваченных оказались начальник отдела радиовещания министерства пропаганды Ганс Фриче, консультант Геббельса по агитации и пропаганде Вольф Хайнрихсдорф, начальник госпиталя рейхсканцелярии, личный врач Гитлера профессор Вернер Хаазе, президент союза германских моряков в Берлине Э. Гинцман. Последний утверждал, что Гитлер и Геббельс покончили жизнь самоубийством и трупы их сожжены, причём труп фюрера, по его данным, мог находиться «в котловане убежища». Кроме того, в докладе начальника военной контрразведки фронта сообщалось о прибытии к командующему 8-й гвардейской армией В. И. Чуйкову коменданта Берлина генерала Гельмута Вейдлинга, который подписал приказ о сдаче всего личного состава берлинского гарнизона [3, с. 558].

Приведём текст Спецсообщения УКР Смерш 1-го Белорусского фронта в ГУКР Смерш НКО СССР о капитуляции частей

берлинского гарнизона и самоубийстве А. Гитлера, переданного по ВЧ:

«2 мая 1945 г.

В ночь на 1 мая 1945 г. на участке 8-й гвардейской армии из окружённой группы немецких войск в Берлине прибыл парламентёр — генерал-лейтенант пехоты Кребс¹, который сообщил, что Гитлер погиб в Берлине и труп его якобы сожжён, что Гитлер оставил завещание, согласно которому организовано новое правительство в следующем составе: рейхспрезидент — гросс-адмирал фон Дениц, он же командующий флотом; рейхсканцлер — Геббельс; министр иностранных дел — Зейсс-Инкварт²; министр внутренних дел — гауляйтер Мюнхена Гислер³; командующий войсками СС, он же начальник гестапо г. Бреслау — Шанке; командующий сухопутными силами фельдмаршал Шернер⁴.

Начальник генштаба генерал-лейтенант пехоты Кребс прибыл с полномочиями от нового правительства о заключении перемирия. После коротких переговоров генерал Кребс был отправлен обратно с предложением, переданным командованием фронта, об отказе от ведения переговоров до немедленной и полной капитуляции с объявлением о готовности капитулировать по радио.

Около 6 часов утра 2 мая на участок 8-й гвардейской армии прибыл с немец-

кой стороны командующий Берлинским гарнизоном комендант Берлина генерал артиллерии Г. Вейдлинг⁵.

Генерал Вейдлинг сообщил, что Гитлер застрелился вместе с семьёй, что правительство под руководством фон Деница против капитуляции, а он лично считает дальнейшее сопротивление невозможным и готов отдать приказ о сдаче Берлинского гарнизона.

Через некоторое время был отпечатан приказ войскам Берлинского гарнизона, который подписал генерал артиллерии Вейдлинг и разбросан над немецкими частями. С 6–7 часов утра 2 мая 1945 г. началась сдача в плен немецких частей Берлинского гарнизона нашим войскам.

По состоянию на 11 часов утра всего сдалось более 20 тысяч солдат и офицеров. По состоянию на 15.00 сдалось более 40 тысяч. Сдача частей Берлинского гарнизона продолжается. Части фронта продолжаются по улицам Берлина.

Нами дополнительно к тем мероприятиям, которые были организованы ранее, высланы оперативные группы в отделы «Смерш» армий с задачами организации оперативных мероприятий по закрытию всех выходов из Берлина, тщательной фильтрации всего состава Берлинского гарнизона и выявлению опознавателями руководителей гитлеровского правительства, гестапо, жандармерии, разведорганов и РОА, а также прочего враждебного элемента.

ОКР «Смерш» 8-й гвардейской армии задержаны заместитель Геббельса доктор Фриче, 4 начальника отдела министерства Геббельса и секретарь Геббельса. Там же задержан личный доктор Гитлера (фамилия пока не установлена).

¹ Кребс Ганс — начальник генерального штаба немецких сухопутных сил.

² Зейсс-Инкварт Артур — один из главных военных преступников.

³ Гислер Паул — имперский комиссар обороны

⁴ Шернер Фердинанд — генерал-фельдмаршал. С 1944 г. командовал группами армий «Южная Украина», «Север» и «Центр». 30 апреля 1945 г. был назначен главнокомандующим сухопутными войсками вермахта.

⁵ Вейдлинг Гельмут — командующий обороной Берлина.

ОКР «Смерш» 1-й Польской армии на занятой территории задержан Ларго Кабальеро¹, который находится пока при отделе «Смерш» армии.

Заместитель начальника УКР
«Смерш»
1-го Белорусского фронта
генерал-майор Сиднев²»
[4, с. 480–481].

Военный прокурор 5-й ударной армии 1-го Белорусского фронта полковник юстиции Н. М. Котляр, назначенный на должность первого военного прокурора Берлинского гарнизона, вспоминал: «3 мая я узнал от генерала Л. И. Яченина³, что фронтовому отделу “Смерш” переданы плenённые телохранитель Гитлера и начальник личной охраны Гитлера генерал Раттенхубер. На допросах они рассказали об обстоятельствах смерти Гитлера и Евы Браун, подтвердив своё присутствие при сожжении трупов» [10, с. 425].

По данным А. А. Вадиса на 18 часов 2 мая, из числа оборонывших город в плен сдались 46 тыс. немецких офицеров и солдат, среди которых были три генерала и вице-адмирал Ганс-Эрих Фосс.

¹ **Ларго Кабальеро Франсиско** — деятель испанского рабочего движения. В 1936–1937 гг. — премьер-министр и военный министр правительства Народного фронта республиканской Испании. В 1939 г. эмигрировал во Францию. В 1943–1945 гг. находился в немецком концлагере в Ораниенбауме, откуда был освобождён Красной армией.

² **Сиднев Алексей Матвеевич** (1907–1958). Сотрудник советских органов госбезопасности, контрразведчик. В органах госбезопасности (НКВД) начал служить в 1939 г. Был на руководящих должностях в особых отделах Ленинградского военного округа. Участник Великой Отечественной войны (военная контрразведка — Ленинградский и Карельский фронты). С июня 1944 г. по ноябрь 1945 г., — зам. начальника Управления контрразведки «Смерш» 1-го Белорусского фронта.

³ **Яченин Леонид Иванович** (1897–1952), генерал-майор юстиции, военный прокурор.

Из документов следовало, что оперативные группы Смерш фронта проводят мероприятия не только вокруг имперской рейхсканцелярии, но и в зданиях гестапо, министерств авиации и пропаганды, в доме Геббельса и других местах в целях задержания интересующих контрразведку лиц, тщательного осмотра и изъятия имеющихся документов. 3 мая 1945 г. в 21 час 30 минут командующий войсками 1-го Белорусского фронта маршал Г. К. Жуков и член Военного совета фронта генерал-лейтенант К. Ф. Телегин доложили И. В. Сталину о результатах разыскных мероприятий опергруппы Смерш в Берлине. Только 5 мая солдаты взвода ОКР Смерш 9-го стрелкового корпуса в одной из воронок от бомбы во дворе рейхсканцелярии обнаружили трупы А. Гитлера и его жены Е. Браун. Останки наци № 1, министра пропаганды и членов их семей, а также начальника верховного командования сухопутных войск вермахта генерал-лейтенанта Г. Кребса в дальнейшем находились под контролем контрразведчиков указанного стрелкового корпуса. Помимо охраны важнейших доказательств смерти главарей рейха сотрудники Смерш продолжали поиски новых свидетелей и необходимых документов для опознания и идентификации останков. По указанию генерала К. Ф. Телегина, для осуществления экспертиз в распоряжение чекистов была выделена группа военных медиков, которая провела необходимую работу по идентификации останков А. Гитлера и других нацистских главарей, оформив результаты соответствующими актами. В дальнейшем сотрудники Смерш провели большую работу по сбору доказательств смерти главарей рейха, поиску свидетелей, документов и т. п. [3, с. 558].

В мае — июне 1945 г. берлинская опергруппа обнаружила часть архивов РСХА, в частности разработки гестапо по аппарату германского МИДа и его сотрудникам за границей, материалы бывшего 6-го управления (внешняя разведка) с информацией по вопросам внешней политики фашистской Германии и сведениями о заграничной агентуре. В помещении командного состава войск СС в столице были захвачены списки агентуры, заброшенной в тыловые районы СССР в 1942–1943 гг. [11. с. 95].

Приведём текст Справки о работе оперативной группы № 11 УКР Смерш 1-го Белорусского фронта по выявлению архивных документов германской разведки от 5 мая 1945 г.:

«Оперативной группой № 11 в процессе изучения архивов, принадлежащих 6-му Главному управлению СД¹ выявлены следующие документы:

- а) агентурные данные о лицах немецкого происхождения, проживающих за границей. Сведения о немецкой агентуре, действующей за границей;
- б) агентурные материалы о коммунистическом движении в Югославии и Италии;
- в) агентурные материалы о политическом положении в Италии и отношении Италии к другим странам Европы;
- г) агентурные материалы о политических настроениях и коммунистической пропаганде в Албании;
- д) агентурные материалы о финансовых отношениях Германии с Италией;

¹ Речь идёт о 6-м управлении Главного управления имперской безопасности (РСХА) фашистской Германии, которое возглавлял бригаденфюрер СС Вальтер Шелленберг. Управление являлось зарубежной разведывательной службой СД и проводило широкую подрывную деятельность во всех странах мира.

е) агентурные материалы, полученные от немецкой агентуры из Италии о евреях и масонах;

ж) агентурные материалы об иностранной печати. Материалы об итальянской печати и редакциях.

Поименованные документы у меня.

Зам. начальника Управления контрразведки «Смерш»
1-го Белорусского фронта
генерал-майор *Мельников*»
[4, с. 485–486].

В самом конце войны и в первые месяцы после её завершения сотрудникам Смерша удалось разыскать и арестовать многих руководителей немецкой военной разведки, среди них бывшие начальник отдела абвер-1 Ганс Пиккенброк, заместитель начальника отдела абвер-2 и начальник абверштабле «Берлин» Эрвин Щтольце, начальник отдела абвер-3 Франц Бентивини, начальник подразделения ЗФ1 (контрразведка за линией фронта) Фридрих фон Розенберг-Грушницкий, начальник абверштабле «Вена» Отто Эрнст Амстер, начальник абверштабле «Прага» Ганс фон Деммель, начальник абверштабле «Бухарест» Эрих Роддер, начальник отдела «Валли-2» Теоджор Мюллеть, а также ряд руководителей абверкомманд, абвергрупп, начальников разведывательных школ и курсов [11, с. 159–160].

Таким образом, советские контрразведчики на завершающем этапе боевых действий выполнили значительный объём работы. Они вместе с передовыми частями Красной армии захватывали здания разведывательных органов и школ противника, по горячим следам принимали неотложные меры к задержанию их личного состава, агентуры, обнаружению архивной и иной документации. Были

выявлены и задержаны видные нацистские чиновники, сотрудники и агенты немецких спецслужб, а также другие категории лиц.

Литература и источники

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. М.: Кучково поле, 2013—864 с.
2. Великая Отечественная война, 1941–1945 гг.: Воен-ист. очерки: В 4-х кн. Кн.3. Освобождение. М., 1999. — 509 с.
3. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Кучково поле, 2013. — 864 с.
4. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. VI.: Победа (1 января — 9 мая 1945 г.). М.: Кучково поле, 2014 — 560 с.
5. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 1. Основные события войны. Изд. доп. и испр. М.: Кучково поле, 2015. — 976 с.
6. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. в 6-ти т. Т. 5. Победоносное окончание войны с фашистской Германией. Поражение империалистической Японии (1945 г.). М.: Воениздат, 1963. — 658 с.
7. История Второй Мировой войны 1939–1945. В 12 т. Т. 10. Завершение разгрома фашистской Германии. М.: Воениздат, 1979. — 543 с.
8. *Исаев А.В.* Берлин 45-го. Сражения в логове зверя. М.: Яузा, 2020—349 с.
9. *Матвеев А.И.* Последние дни войны. Особые отделы в Берлинской операции // Информационный бюллетень УВКР ФСБ России. Специальный выпуск. М., 1995.
10. *Бобренев В.А.* Прокуроры на войне. М.: Изд. дом «Граница», 2020. — 518 с.
11. Смерш: исторические очерки и архивные документы. М.: Изд-вл Главархива Москвы, 2003. — 337 с.

Stepanov A.S.

*Doctor of Historical Sciences, Research Center (Fundamental Military-Historical problems)
Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Moscow*

Soviet counterintelligence officers and their work during the Berlin Offensive of the Red Army

This article is related to the study of the activities of Soviet counterintelligence bodies at the final stage of the Great Patriotic War — during the Berlin Offensive and the capture of Berlin. Soviet counterintelligence officers, together with the advanced units of the Red Army, captured the buildings of the enemy's intelligence agencies and schools, took urgent measures to detain their personnel and to search for archival and other documentation. In the course of their work, prominent Nazi officials, employees and agents of German intelligence services were identified and detained.

Keywords: Berlin operation; army; counterintelligence; SMERSH; capture; archives; war criminals

Лиманский А.В.

*Кандидат исторических наук, доцент,
Российское военно-историческое общество,
Москва*

Развитие системы награждения частей и соединений войск НКВД и присвоения им почётных наименований в годы Второй мировой войны

В статье рассмотрены вопросы развития системы награждения частей и соединений войск НКВД и Красной армии, укомплектованных кадровым составом пограничных войск в 1941–1945 годах.

Ключевые слова: пограничные войска; поощрения; награды; ордена; благодарность; части и соединения НКВД; Красная армия; почётные наименования.

В рассматриваемый период важнейшим направлением по развитию советской наградной системы являлась практика награждения частей и соединений войск НКВД и присвоения им почётных наименований.

3 сентября 1941 г. командующий 44-й армией приказом по войскам объявил благодарность личному составу 43-го и 44-го пограничных отрядов за преданность Советской Родине, высокую организованность, дисциплину и мужество, проявленные при выполнении поставленной правительством СССР задачи в связи с вводом советских войск в Иран. 21 сентября 1941 г. командующий 53-й Отдельной Среднеазиатской армией приказом по войскам объявил благодарность пограничникам Туркменского погранокруга за смелые и решительные действия по ликвидации иранских погранпостов на советско-иранской границе при обеспечении ввода советских войск в Иран [1, с. 233, 234].

Высшей степенью отличия за совершение героических подвигов, коллективные

заслуги перед Советским государством и обществом являлось награждение частей, соединений и объединений НКВД, а также переданным в состав Красной армии формирований, укомплектованных военнослужащими пограничных и других войск НКВД, орденами. С 1941 г. по 1945 г. в целом система государственных наград в СССР пополнилась 11 орденами и 21 медалью [2, с. 65, 67].

12 декабря 1942 г. Президиум Верховного Совета принял постановление о награждении 10-й дивизии НКВД орденом Ленина. В длительных ожесточённых боях за Сталинград 10-я дивизия войск нанесла врагу большие потери: уничтожила 113 танков, 189 миномётов и пулемётов, истребила свыше 15 тыс. вражеских солдат и офицеров. 13 декабря 1942 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество орденом Красного Знамени был награждён 25-й пограничный полк войск НКВД. 10 февраля 1943 г. за успешное

выполнение боевых заданий командования в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками орденом Красного Знамени были награждены 23-й и 26-й пограничные полки по охране тыла. 14 апреля 1943 г. за образцовое выполнение боевых заданий на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество орденом Ленина был награждён 95-й пограничный полк, а 83-й, 91-й и 92-й пограничные полки — орденом Красного Знамени. 25 ноября 1943 г. от немецко-фашистских захватчиков освобождён г. Гомель. За героизм, проявленный в боях за Гомель, 102-я Дальневосточная стрелковая дивизия была награждена орденом Красного Знамени [3, с. 458].

Важными наградами в годы войны стало присвоение частям и соединениям звания «гвардейские» и различных почётных наименований. 18 сентября 1941 г. четыре дивизии (100-я, 127-я, 153-я и 167-я), входившие в состав 24-й армии, возглавляемой генерал-майором К.И. Ракутиним (до войны — начальник Прибалтийского пограничного округа) были удостоены гвардейского наименования. Всему начсоставу этих дивизий была установлена выплата полуторных, а рядовому составу двойных окладов денежного содержания. Так родилась Советская гвардия — и её родоначальником по праву можно назвать генерал-майора К.И. Ракутина [4, с. 454–455].

В обороне Сталинграда в составе 1-й бригады речных кораблей (3 канонерские лодки, 6 бронекатеров, 2 плавбатареи; контр-адмирал С.М. Воробьёв) Волжской военной флотилии приняли участие и моряки-пограничники, переданные с началом войны в ВМФ. Бригада наносила огневые удары по противнику, доставляла боеприпасы войскам, прикры-

вала от ударов авиации переправы в южной части города, эвакуировала раненых. Все экипажи бронекатеров бригады стали гвардейскими, а канонерская лодка «Усыскин» награждена орденом Красного Знамени [5, с. 531].

За подвиги, совершенные экипажем морского охотника «МО-65» под командованием старшего лейтенанта П.П. Сивенко, приказом наркома ВМФ СССР от 25 июля 1943 г. почётное звание «гвардейский» было присвоено самому катеру. Случай действительно уникальный, так как в соответствии с положением о Гвардии Флота Союза ССР, это звание не присваивалось отдельному катеру, а только дивизиону катеров [6, с. 384–385].

В то же время ни одна дивизия, ни один пограничный полк НКВД не получили за годы войны этого почётного наименования. Этот факт объясняется позицией И.В. Сталина. В своём выступлении на заседании ГКО 5 февраля 1943 г. он так объяснил свою точку зрения по данному вопросу: «Не может идти речи о присвоении частям войск НКВД звания гвардейских. По сути своей — это гвардия победившего пролетариата. Для них нет невыполнимых задач. Вспомните, как в сорок первом году под Москвой они силами двух дивизий остановили две армии — отступающую Советскую и наступающую немецкую» [7].

Отдельные подразделения пограничных полков успешно действовали непосредственно в боевых порядках главных сил при проведении Ясско-Кишинёвской операции (20–29 августа 1944 г.). За отличия в боях с немецко-фашистскими захватчиками приказами Верховного Главнокомандующего в сентябре 1944 г. 128-му и 37-му пограничным полкам присвоены почётные наименования Ясский, 10-му — Рымникский, 17-му — Измаиль-

ский, 25-му — Нижнеднестровский [5, с. 540–541].

24 апреля 1944 г. приказом Верховного Главнокомандующего за отличия в боях при форсировании реки Прут 24-му пограничному полку было присвоено почётное наименование Прутского. 23 июля 1944 г. 132-му пограничному полку, отличившемуся в боях за освобождение от немецко-фашистских оккупантов столицы Белоруссии — Минска, было присвоено почётное наименование Минского. 25 июля 1944 г. 13-му пограничному полку, отличившемуся в боях за г. Вильнюс, присвоено почётное наименование Виленского. 1 сентября 1944 г. 87-му пограничному полку, отличившемуся в боях за город и крепость Осовец, присвоено почётное наименование Осовецкого. 20 октября 1944 г. пограничный корабль «Дзержинский» за образцовое выполнение заданий командования в борьбе с японскими империалистами был награждён орденом Красного Знамени.

19 февраля 1945 г. за образцовое выполнение заданий командования в боях с немецко-фашистскими захватчиками 10-й пограничный Рымникский полк войск НКВД был награждён орденом Богдана Хмельницкого II степени [6, с. 924].

5 апреля 1945 г. 127-му пограничному полку войск НКВД, отличившемуся в боях за Померанию, было присвоено почётное наименование Померанского: 336-му пограничному полку войск НКВД, отличившемуся в боях за столицу Венгрии — Будапешт, наименование Будапештского. За образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками были награждены: орденом Красного Знамени — 38-й и 157-й пограничные полки войск НКВД; орденом Красной Звезды — 215-й пограничный полк войск НКВД;

орденом Суворова III степени — 18-й пограничный полк войск НКВД; орденом Александра Невского — 109-я мангруппа и 128-й пограничный полк войск НКВД; орденом Богдана Хмельницкого II степени — 24-й и 134-й пограничные полки войск НКВД. 17 мая 1945 г. за образцовое выполнение заданий командования в боях с немецко-фашистскими захватчиками орденом Кутузова III степени была награждена 109-я отдельная манёвренная группа, орденом Александра Невского — 336-й пограничный полк войск НКВД [3, с. 461].

Служебная и боевая деятельность войск охраны тыла получила также высокую оценку. 21-й пограничный полк был награждён орденами СССР, в том числе: орденом Ленина — 1, Красного Знамени — 12 полков и 112-я отдельная Карпатская манёвренная группа, Суворова — 2 полка, Кутузова — 4, Александра Невского — 5, Богдана Хмельницкого — 5, Красной Звезды — 7 полков [8, с. 399].

Всего за годы Великой Отечественной войны за образцовое выполнение заданий командования в боях с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество 32 пограничных полка награждены орденами СССР (4 из них — дважды) [5, с. 241]. За отличие в боях с немецко-фашистскими захватчиками по прорыву обороны немцев, овладение городами, форсирование рек 25 пограничным полкам присвоены почётные наименования. 20 пограничных полков за отличные боевые действия получили благодарность Верховного Главнокомандующего (7 из них — дважды) [8, с. 399].

В ходе войны 13 из 15 сформированных стрелковых дивизий НКВД получили почётные наименования, 10 из них были награждены орденами, некоторые —

дважды. За столь высоким признанием Советским государством боевых заслуг этих соединений стояли беспримерная стойкость, мужество и героизм бойцов, командиров и политработников пограничных войск [4, с. 439].

За успешные боевые действия шесть дивизий 70-й армии, сформированной из пограничных и внутренних войск, награждены орденами и удостоены почётных наименований. К концу войны они стали именоваться: 102-я стрелковая Дальневосточная Новгород-Северская ордена Ленина, Краснознамённая, ордена Суворова дивизия; 106-я стрелковая Забайкальская Днепровская Краснознамённая, ордена Суворова дивизия; 162-я стрелковая Среднеазиатская Новгород-Северская Краснознамённая дивизия; 140-я стрелковая Сибирская Новгород-Северская ордена Ленина, дважды Краснознамённая, орденов Суворова и Кутузова дивизия; 175-я стрелковая Уральско-Ковельская Краснознамённая, ордена Кутузова дивизия; 181-я стрелковая Сталинградская ордена Ленина, Краснознамённая, орденов Суворова и Кутузова дивизия [4, с. 452–453].

По результатам служебно-боевой деятельности награждались орденами особо отличившиеся пограничные отряды, ряду пограничных частей присваивались почётные наименования.

20 сентября 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Приаргунский и Шилкинский (Сретенский) пограничные отряды за образцовое выполнение заданий командования в борьбе

с японскими милитаристами были награждены орденами Красного Знамени. Приказом Верховного Главнокомандующего в сентябре 1945 г. Даурскому пограничному отряду было присвоено почётное наименование Хинганский.

За образцовое выполнение заданий командования в боях против японских войск стали орденоносными 14 пограничных отрядов, авиаполк, батальон связи, 2 корабля. Четырём пограничным отрядам присвоены почётные наименования. Так, в сентябре 1945 г. 52-му пограничному отряду присвоено почётное наименование Сахалинского, отдельному батальону связи пограничных войск Хабаровского погранокруга — Амурского, 57-му пограничному ордена Трудового Красного Знамени отряду войск НКВД — Уссурийского. Посытский пограничный отряд за боевые заслуги награждён орденом Красного Знамени и получил почётное наименование Хасанский. Ханкайский пограничный отряд был награждён орденом Красного Знамени, Гродековский и Хасанский пограничные отряды — орденом Кутузова II степени [9, с. 55].

Таким образом, в 1941–1945 гг. за храбрость и героизм на фронтах Великой Отечественной и советско-японской войн, были награждены орденами многие части и соединения НКВД и Красной армии, укомплектованные личным составом пограничных и других войск НКВД. Некоторым из них было присвоено звания «гвардейские», ряд частей и соединений были удостоены почётных наименований.

Литература и источники

1. Летопись пограничных войск КГБ СССР // Кисловский Ю.Г., Безуглый М.М., Гайдук Н.В. и др. М.: Воениздат. 1981. — 576 с.

2. Романов В.А. Наградная система отечественной пограничной службы (1893–2003 годы). Историческое исследование: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. — 349 с.
3. Боевой путь советских пограничных войск: краткий исторический очерк / Любимов С.Е., Теряев И.И., Нестеров А.В.; Полит. упр. пограничных войск КГБ при Совете Министров СССР. — 2-е изд., доп. М: Воениздат. 1967. — 477 с.
4. Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: сборник документов. / Сост.: Чугунов А.И. Коряева Т.Ф. Сахарова Е.В. и др.; Ин-т истории АН СССР, Гл. упр. погран. войск, Полит. упр. погран. войск, Центр. гос. архив Советской Армии; М.: «Наука», 1968. — 708 с.
5. Пограничная служба России: энциклопедия: формирование границ, нормативная база, структура, символы / Федеральная служба безопасности Российской Федерации, Пограничный научно-исслед. центр; [под общ. ред. В.Е. Проничева]. М.: Военная книга: Кучково поле, 2009. — 621 с.
6. Пограничные войска СССР в годы Великой Отечественной войны 1942–1945 гг.: сборник документов. / Ин-т истории АН СССР, Гл. упр. погран. войск, Полит. упр. погран. войск, Центр. гос. архив Советской Армии; Отв. сост. Е.Д. Соловьев, А.И. Чугунов. М.: Наука, 1976. — 980 с.
7. Почему ни одна войсковая часть НКВД не стала гвардейской в годы Великой Отечественной войны // URL: <https://pulse.mail.ru/article/pochemu-ni-odna-voinskaya-chast-nkvd-ne-stala-gvardejskoj-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny- 9176155261457116007-4999089839791427866/> (дата обращения 31.03.2020).
8. На страже границ Отечества. История пограничной службы. Краткий очерк. / Д-р. ист. наук В.И. Боярский, В.И. Борискин, канд. ист. наук В.И. Бурдужук и др.; Гл. редкол.: А.И. Николаев и др.; Федер. погранич. служба РФ. М.: Граница, 1998. —606 с.
9. Пограничник. — 1967. — № 22.

Limansky A.V.

*Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Russian Military History Society,
Moscow.*

Development of the system of awarding units and formations of the NKVD troops and giving them honorary titles during the Second World War

The article examines the development of the system of awarding units and formations of the NKVD troops and the Red Army, which were staffed by personnel from the border troops, in 1941–1945.

Keywords: border troops; incentives; awards; orders; gratitude; NKVD units and formations; Red Army; honorary titles.

Кутовой А.А.

Доцент, профессор Академии военных наук,

Москва

К вопросу о фальсификации пограничной истории периода Великой Отечественной войны

В статье раскрывается актуальность Великой Победы советского народа Великой Отечественной войне как составной части Второй мировой войны, излагаются отдельные вопросы и ответы на фальсификацию пограничной истории.

Ключевые слова: Президент России; фальсификация; история; пограничные войска; Победа.

2025 год проходит под знаком 80-летия Великой Победы советского народа. Тема победы над фашизмом сегодня стала актуальной как никогда и вызывает огромную гордость у российского народа.

Вместе с тем, фальсификация истории Второй мировой и Великой Отечественной войн — часть информационной войны против России. Её ведут мощные силы: государственные и межгосударственные, надгосударственные и общественные структуры. В числе примеров — резолюция Европарламента от 19 сентября 2019 г. «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», содержащая циничную ложь о том, будто бы дорогу к началу Второй мировой войны «проложил» Договор о ненападении между Германией и СССР (пакт Молотова — Риббентропа). Эту попытку поставить на одну доску немецких агрессоров и Советский Союз, обвинить его наряду с нацистской Германией в развязывании Второй мировой войны развенчал Президент России В.В. Путин 20 декабря 2019 г. в Санкт-Петербурге [1].

Незадолго до этого, 11 декабря 2019 г., на заседании Российского организаци-

онного комитета «Победа» Президент России отметил: «Мы продолжим рассказывать о событиях, фактах Великой Отечественной войны, раскрывать и публиковать архивные материалы во всей их полноте. А то складывается впечатление, что некоторые наши оппоненты то ли читать, то ли писать не умеют, то ли глаз у них нет, как будто не знают ничего... Убеждён: в истории нет и не может быть “невыгодных”, “неудобных” страниц. Она нужна в совокупности, как единое целое, и для нас, и для будущих поколений, что особенно важно, причём без всяких прикрас и изъянов» [2].

Ответом на эти извращения истории являются убедительные факты и доказательства о роли и месте советских пограничных войск в годы войны, что является предметом исследования пограничной истории.

Уместно заметить, что пограничная история — это 1) процесс формирования, функционирования, охраны и защиты пределов, передовых рубежей и государственных границ государств; 2) учебная дисциплина в образовательных организациях Пограничной службы России;

3) отрасль отечественной исторической науки, составная часть истории внешней политики (дипломатии), военной истории, истории оперативных органов безопасности, базовая основа пограничной науки (погранологии). Она изучает процессы формирования пограничных рубежей и государственной границы России, пограничной политики государства, эволюции системы их защиты и охраны специальнойвойсковой пограничной службой при участии различных органов и институтов государственной власти и приграничного населения в зависимости от изменений социально-экономических и политических условий жизни общества [3].

22 июня 1941 г. Германия без объявления войны напала на СССР. На нашу страну обрушился удар агрессора огромной сокрушительной силы. В составе армий вторжения вермахта насчитывалось 192 дивизии (в т.ч. 153 германских), 4, 3 тыс. танков, 47 тыс. орудий и миномётов, до 5 тыс. боевых самолётов. Общая численность армий фашистского блока, пересёкших западные границы СССР от Баренцева до Чёрного морей, составляла 5,5 млн чел. [4, с. 27].

Война со стороны Германии и её европейских союзников носила захватнический, несправедливый характер.

Ещё до начала агрессии против СССР германское руководство имело детальный план политического уничтожения и экономического ограбления нашей Родины, установления режима колониального управления на оккупированных территориях.

Годы накануне войны были суровой и строгой проверкой всей системы организации охраны границы пограничными войсками, их способности планировать

и решать задачи обеспечения безопасности рубежей государства.

К началу Великой Отечественной войны в составе пограничных войск НКВД СССР было 18 пограничных округов: Мурманский, Карело-Финский, Ленинградский, Прибалтийский, Белорусский, Украинский, Молдавский, Черноморский, Грузинский, Армянский, Азербайджанский, Туркменский, Среднеазиатский, Казахский, Западно-Сибирский, Забайкальский, Хабаровский и Приморский.

Все пограничные отряды в основном имели однотипную организацию и вооружение. Пограничный отряд включал четыре–пять пограничных комендатур, каждая из которых объединяла четыре линейные заставы, резервную заставу и управление пограничной комендатуры. Манёвренная группа (150–250 чел.) состояла из управления и трёх–пяти застав (по 50 чел. каждая). Школа сержантского состава отряда насчитывала 70–100 чел. Всего в отряде имелось от 1400 до 2000 чел. личного состава [5, с. 31–42].

На вооружении у пограничников находилось только лёгкое стрелковое оружие. Подразделения отряда (пограничные комендатуры и заставы) в Белорусском и Украинском округах дислоцировались на удалении 6–8 км. друг от друга. В остальных округах удаление было ещё большим. Вооружение и организация подразделений пограничных отрядов позволяли им вести борьбу преимущественно с одиночными нарушителями границы, небольшими разведывательно-диверсионными группами и отрядами противника (от отделения до роты).

Особенно активно псевдоисториками сегодня муссируется идея о профессиональной никчёмности бойцов Красной армии и пограничных войск и её военачальников: воевали мол не умением,

а числом, что приводило к большим потерям личного состава.

В пограничных войсках наиболее тяжелый жребий выпал тем частям и подразделениям, которые оказались на направлениях главных ударов противника. Это были пограничные отряды Украинского, Западного и Прибалтийского округов: 90-й (Владимир-Волынский), 91-й (Равва-Русская), 92-й (Перемышль), 17-й (Брест), 86-й (Августов), 88-й (Шепетово), 105-й (Кретинга), 106-й (Таураге), 107-й (Мариямполе), 12-й (Лиепая).

Даже находясь в заведомо худших условиях, пограничники на главном направлении наступления врага не только оборонялись, но и совместно с подразделениями РККА предпринимали контратаки и имели в этом деле успех.

Классический пример — ночная атака г. Перемышля подразделениями 99-й стрелковой дивизии и 92-го пограничного отряда (начальник полковник Я.И. Тарутин, начальник штаба майор Я.О. Агейчик, заместитель по политчасти батальонный комиссар Г.В. Уткин). После 10-часового боя восточная часть г. Перемышль (вплоть до р. Западный Буг) была очищена от противника. Немцы оставили на улицах города большое количество убитых и раненых, несколько орудий, 12 тяжёлых пулемётов, два подбитых танка.

И это непрофессионализм и отсутствие боевого духа? Конечно же нет!

25 июня 1941 г. Советское Информбюро сообщило: «Стремительным ударом наши войска вновь овладели Перемышлем. Враг был выбит из Перемышля 23 июня — на другой день после нападения фашистской Германии на нашу Родину». Впервые с начала Второй мировой войны гитлеровские войска были вынуждены отступить и сдать город.

В другом случае умело руководили действиями своих подразделений начальник 87-го (Ломжа) пограничного отряда полковник И.М. Горбатюк (начальник штаба майор П.В. Кольцов, начальник отдела политпропаганды батальонный комиссар Я.И. Земляков). Получив от задержанных диверсантов сведения о возможном начале военных действий, начальник пограничного отряда ещё 18 июня привёл все заставы, комендатуры и подразделения в повышенную боевую готовность. На их усиление командир 5-й кавалерийской дивизии направил два эскадрона [6, с. 97–110].

Однако один из злопыхателей пограничной истории некто В.И. Городинский безосновательно утверждал, что 87-й пограничный отряд по состоянию на 14.00 22 июня 1941 г. находился на территории нынешней Минской области (свыше 300 км. на восток от линии государственной границы), т.к., якобы, штаб пограничного отряда и некоторые его подразделения ещё до начала фашистской агрессии покинули место своей дислокации и направились в сторону Минска [7, с. 165].

Для чего делаются такие голословные заявления не совсем понятно.

В ходе первых оборонительных операций большинство пограничников погибло или пропало без вести в ходе боёв, в нарядах, на рубежах обороны застав, при выходе из окружения. Именно в те дни пограничные войска понесли самые тяжёлые потери за всю войну.

Архивные документы свидетельствуют, что в период с начала войны по апрель 1942 г. общие потери пограничных войск НКВД СССР составили 35 703 чел.: безвозвратные 27 463 чел. (убито и умерло от ран 3 684, пленено 136, пропало без вести 22 687, другие причины 956 чел.); са-

нитарные потери — 8 240 чел. Кроме того, в состав войск НКВД СССР не возвратился ряд частей пограничных войск — 12 611 чел. Эти части вместе с частями Красной армии отошли с государственной границы и полных данных об их личном составе получено не было [8, л. 33–34].

Тот же Городинский в той же книге утверждает, что «абсолютное большинство носителей ценнейшей объективной информации об участии пограничников в боях с фашистскими захватчиками в первые 3–4, самые тяжёлые, месяца войны погибли или оказались в плену» [7, с. 59]. В другом случае он утверждает, что «число пограничников, оказавшихся в немецком плену, было весьма значительным» [7, с. 509]. Эти посылы, очевидно, слабо аргументированы.

Учитывая, что по состоянию на 25 августа 1941 г. в действующую Красную армию было передано 97 520 пограничников [9, л. 223] ни о какой массовой сдаче в плен речи быть не может.

Ещё одним некорректным заявлением В.И. Городинского стало опять же голословное утверждение, что «из трёх парадов на Красной площади, которые проходили в 1941–1945 гг. (в том числе Парад Победы), пограничники, в отличие от предвоенных лет, ни разу в них участия не принимали. Это также наводит на определённые размышления» [7, с. 336].

Заметим, что в 1942–1944 гг. парады на Красной площади не проводились совсем. Пограничники на первомайском параде 1941 г. были представлены Московским военно-техническим училищем войск (МВТУ) НКВД СССР им. В.Р. Мен-

жинского. А в 1945 г. личный состав МВТУ (413 чел.) в одном строю с Саратовским военным училищем войск НКВД СССР (203 чел.) по Красной площади прошёл в пограничной форме, отличительной чертой которой являлась зелёная фуражка.

Это убедительно, с опорой на архивные и надёжные исторические источники, доказано в книге С.Г. Бандурина [10, с. 104–112].

Бесспорно, что решающая роль в разгроме нацистской Германии и милитаристской Японии принадлежит Советскому Союзу и его Вооружённым силам. Победа советского народа в Великой Отечественной и Советско-японской войнах имеет поистине историческое значение. Она обеспечила свободу и независимость нашего Отечества, избавила мир от угрозы порабощения.

Современная информационная война против России становится всё более изощрённой и агрессивной, циничной, кощунственной, за которой скрываются далеко идущие геополитические и иные цели. Война против правды истории нацелена на разрушение духовного фундамента нашей жизни. Её ведут против настоящего и будущего России.

Оружие нашей защиты от этой информационной агрессии — правда истории. Необходимо применять его как можно более эффективно, настойчиво продолжать научные исследования событий Второй мировой, Великой Отечественной и Советско-японской войн, усиливая борьбу против фальсификаций истории.

Литература и источники:

1. Неформальный саммит СНГ. 20 декабря 2019 г. // [Интернет-ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62376> (дата обращения: 8.04.2025).

2. Заседание Российского организационного комитета «Победа». 11 декабря 2019 г. // [Интернет-ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62376> (дата обращения: 8.04.2025).
3. Пограничный словарь. М.: Академия ФПС России, 2002. — 260 с.
4. История Второй мировой войны. 1939–1945 гг. В 12 т. Т. 4: Фашистская агрессия против СССР. Крах стратегии «молниеносной войны». — М.: Воениздат, 1975.—536 с.
5. Сечкин Г.П. Граница и война: Пограничные войска в Великой Отечественной войне советского народа 1941–1945. М.: Граница, 1993. — 464 с.
6. Иванчшин П.А., Плеханов А.М. [и др.]. Часовые советских границ: краткий очерк истории пограничных войск СССР. М.: Политиздат, 1979. — 285 с.
7. Городинский В.И. Правда истории или мифология? Малоизвестные страницы служебно-боевой деятельности Пограничных войск НКВД СССР в начальный период Великой Отечественной войны. М.: Грифон, 2016. — 558 с.
8. Центральный архив ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 18.
9. Российский государственный военный архив. Ф. 38652. Оп. 1. Д. 12.
10. Бандурин С.Г. Трижды на исторических парадах. Научно-популярное издание. М.: АО «Красная звезда», 2025. — 128 с.

Kutovoy A.A.

*Associate Professor, Professor at the Academy of Military Sciences,
Moscow*

On the issue of falsification of the frontier history of the period The Great Patriotic War

The article reveals the relevance of the Great Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War as an integral part of the Second World War, presents some questions and answers to the falsification of border history.

Keywords: President of Russia; falsification; history; border troops; Victory.

Жадан А.В.

Доктор исторических наук,

Российский государственный исторический архив Дальнего Востока,

г. Владивосток

Принципы и методы исследования деятельности органов НКВД СССР по борьбе с преступностью и охране общественного порядка на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны

В статье предлагается авторский подход к методологии исследования истории органов внутренних дел Дальнего Востока в период военного времени 1941–1945 гг. Делается вывод, что интерпретация установленных в процессе работы с источниками фактов и событий должна опираться на принципы объективности, историзма, системности и исторической целостности. Решению конкретных задач способствует использование эвристического потенциала общенаучных и специальных научных методов исследования, а также возможностей междисциплинарной методологии единого поля социально-гуманитарных наук.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Дальний Восток; органы НКВД; методология; принцип исследования; метод исследования.

Выявление источников исторического знания является первоосновой исследования событий, явлений и процессов той или иной прошедшей эпохи. Однако сами по себе источники содержат лишь набор отдельных фактов, как правило, не давая прямого ответа на вопросы об их причинах, взаимосвязях и последствиях. Подлинно научным историческое исследование становится только в результате теоретического осмысления — интерпретации фактологического материала, базирующейся на общепринятой историографической парадигме и совокупности теоретико-методологических подходов, принципов и методов познания прошлого.

Интерпретацию выявленных фактов и событий целесообразно осуществлять на основе принципов объективности, историзма, системности и исторической целостности.

Характеризуя первый из перечисленных принципов, оговоримся, что сама возможность объективного постижения исторических процессов является дискуссионным вопросом, поскольку результатом исследования выступает продукт сознания историка, преломлённый через его внутреннюю систему стереотипов, ценностей, убеждений, предпочтений и языковые средства выражения. В этом смысле любая интерпретация исторических событий субъективирована личностью историка, несёт на себе след его авторской позиции. Одновременно и сам исследуемый источник в большей или меньшей степени является отражением внутренней картины мира своего автора, его взглядов и интересов, понять которые возможно лишь в той мере, в которой один человек способен понять другого, а ускользающая с годами канва

культурно-исторического контекста лишь усложняет эту задачу. В этой связи, сторонники постструктурализма в принципе подвергают сомнению возможность объективного познания исторического источника [1].

Также важно отметить, что объект исторического познания (как общая совокупность фактов и событий прошлого) столь широк и многообразен, что в принципе является неисчерпаемым, и в этом смысле исследователь может лишь в определённой степени приблизиться к истине, установить лишь некие тенденции и закономерности предмета своего исследования.

Вместе с тем объективность научного исследования является основополагающим ценностным ориентиром работы историка, предполагающим его дистанцирование от своих внутренних политических убеждений, культурных стереотипов, социально-групповых (национальных, профессиональных, семейных и др.) интересов и т.д. При изучении истории органов внутренних дел периода 1941–1945 гг. непредвзятый взгляд важен для освещения, в частности, таких аспектов как: сущность правоохранительной деятельности в условиях сталинизма, влияние военной обстановки на морально-психологическое состояние общества, преступность среди сотрудников НКВД и военнослужащих, дезертирство и др.

Максимальная степень объективности достигается исключительно при условии критического анализа и оценки эмпирического материала, полученного из широкого круга синхронных документов. Применение соответствующих научных методов для получения и сопоставления информации из различных источников, непредвзятый учёт всех документально установленных фактов, отказ от заранее

определенённых теоретических моделей и схем, позволяют получить относительно многогранную, свободную от политической конъюнктуры и культурных стереотипов картину истории правоохранительных органов Дальнего Востока, их взаимодействия с обществом и другими элементами советского государственно-политического механизма, установить общие тенденции и региональную специфику.

Важным условием объективного познания человеческого прошлого является применение принципа историзма, подчёркивающего уникальность каждой эпохи, каждого процесса, явления, события, и позволяющего исследователю выйти за рамки общих ярлыков и стереотипных клише. Данный принцип предполагает «вживание», «вчувствование» познающего субъекта в конкретную историческую обстановку [2, с. 447–449], позволяет учитывать политический и культурный контекст принимаемых решений и реализуемых органами НКВД действий, интерпретировать их в рамках логики своей, а не нынешней эпохи.

Использование принципа историзма даёт возможность исследовать процесс эволюции органов правопорядка Дальнего Востока в специфической обстановке военного времени 1941–1945 гг., позволяет оценивать их деятельность по борьбе с преступностью и охране правопорядка с учётом социально-демографических характеристик кадрового состава, его культурно-образовательного уровня, внутренней мотивации, профессиональной подготовки, материального обеспечения, бытовых условий жизни и службы. Этот же принцип позволяет шире осмыслить причины и условия, детерминировавшие преступность, приблизиться

к объективному пониманию криминологической картины в регионе.

Тесное сочетание принципа историзма с принципом системности, позволяет обеспечить рассмотрение объекта исследования как совокупности элементов, находящихся в определённом взаимодействии между собой и с окружающим миром. Будучи частью советского социума и его государственно-политического механизма как более крупных систем, органы НКВД, в свою очередь сами являлись сложным структурным образованием, с внутренней иерархией подсистем и чётким (нормативно определённым) распределением функций составных элементов. Фактически, в рамках единой системы Народного комиссариата внутренних дел, каждый его территориальный орган может рассматриваться как относительно самостоятельная подсистема со своей внутренней структурой элементов. В этой связи использование принципа системности позволяет получить представление об организационных механизмах противодействия преступности и охраны правопорядка через установление характера взаимосвязей и распределения функциональных обязанностей между центральными, региональными и периферийными аппаратами органов НКВД (и внутри таковых), их взаимодействия с советскими и партийными органами власти, активной общественностью. Этот же подход применим для анализа систем воспитательной работы и профессиональной подготовки. Исследование взаимосвязей органов НКВД с другими частями советского политического механизма, прежде всего, с правящей коммунистической партией даёт возможность установить скрытые рычаги влияния на деятельность органов правопорядка.

Использование принципа исторической целостности позволяет исследовать историю органов НКВД Дальнего Востока как часть единой системы исторических событий 1941–1945 гг., выявлять устойчивые связи и закономерности в явлениях данного периода, устанавливать механизм реагирования элементов системы на серьёзные изменения какой-либо составляющей. Данный принцип позволяет объяснять закономерности изменений, происходивших в органах НКВД (структурные реформы, кадровая политика и др.) в условиях военной обстановки как реакцию на изменения в системах более высокого порядка — государственно-политическом механизме страны и советском обществе в целом.

Реализации конкретных задач научного исследования служит набор общенаучных и специальных исторических методов познания.

Важную эвристическую роль в исследовании прошлого играет метод восхождения от абстрактного к конкретному, предполагающий движение познающего субъекта от исходной умозрительной схемы к всестороннему, целостному знанию, получению максимально полной исторической картины. Практической основой этого метода является выявление историком новых источников, установление максимально полного объёма исторических фактов, которые становятся реальным наполнением абстрактных схем, позволяют подтверждать или опровергать первоначальные гипотезы исследования.

Метод единства исторического и логического, как интерпретация принципов объективности и историзма, позволяет соединить исторический процесс изменения объективной действительности и его научно-теоретическое осмысление,

основанное на законах логики. Использование данного метода позволяет, в частности, интерпретировать те или иные решения, принимаемые руководством территориальных органов НКВД Дальнего Востока, опираясь на знания о предшествовавших им фактах, событиях, тенденциях общественно-политической жизни исследуемого периода.

Важную роль в изучении прошлого дальневосточных органов внутренних дел играет применение таких общеначальных гносеологических методов как индукция, дедукция, анализ и синтез.

Особое значение, обусловленное региональным содержанием исследования, следует отвести методу индукции, позволяющему выделять единичные факты и локальные особенности в общеисторических процессах и событиях. Исследование единичного позволяет уточнять представления об общих процессах и тенденциях. В свою очередь, метод дедукции даёт возможность связать между собой и систематизировать разрозненные факты частного характера, типологизировать исследуемые явления. Оба метода, в своей логической взаимосвязи, приближают исследователя к многогранному, объективному восприятию исторической картины прошлого.

Обязательной частью методологического инструментария историка являются анализ и синтез. Исследование крупных институциональных систем невозможно без теоретического расчленения объекта исследования на части. В этой связи отдельными направлениями исследования являются: кадровая политика органов НКВД, их структура, вопросы материального обеспечения, формы и методы противодействия преступности в целом и её отдельным видам в частности (бандитизм, дезертирство, посягательства на социали-

стическую собственность, преступность несовершеннолетних, военнослужащих и др.). Изучив выделенные аспекты, историк получает возможность синтезировать общие выводы, где знания об отдельных составляющих исторической деятельности переплетаются между собой и выводят теоретические представления об объекте исследования на качественно новый уровень.

Дополнением общеначальных методов являются специальные методы исторической науки.

Изучение прошлого в обязательном порядке должно строиться с использованием хронологического метода, предполагающего изучение исторических процессов строго во временном порядке. Данный подход обеспечивает правильное понимание причинно-следственных связей, позволяет интерпретировать исторические события в рамках их логики. Важная роль хронологического метода, служащая обеспечению принципов объективности и детерминизма, состоит в недопущении произвольного исключения (замалчивания) историком существенных фактов прошлого в угоду политическим или иным интересам.

Актуальный характер, с учётом специфики предмета исследования, имеет применение проблемно-хронологического метода, дающего возможность изучить логику развития таких явлений (проблем) как: рост отдельных видов преступности, совершенствование форм и методов противодействия им; изменения в системах профессиональной подготовки, воспитательной работы с личным составом, обеспечения законности и служебной дисциплины в трудовых коллективах. Заслугой данного метода является возможность эффективно извлекать практический, как положительный, так и отрицательный,

опыт решения отдельных проблем правоохранительной деятельности.

Синхронный метод даёт возможность анализировать и сопоставлять исторические процессы развития криминологической обстановки и соответствующих изменений, происходивших в органах правопорядка одновременно в разных регионах страны в годы Второй мировой войны. Данный метод позволяет выделить как общие для СССР тенденции, так и особенную, дальневосточную специфику, протекавших одновременно исторических событий. Особое значение этот метод имеет в рамках реализации структурно-функционального подхода, позволяя прослеживать одновременную эволюцию различных подсистем советского общества и государственно-политического механизма, выявлять между ними взаимозависимости.

Установлению специфики общего государственных и региональных закономерностей и особенностей исследуемых исторических процессов способствует также применение историко-типологического и историко-сравнительного методов исследования.

Собирая фактологический материал, осмысливая и систематизируя его на основе сочетания методов дедукции и индукции, можно типологизировать ряд явлений, представляющих интерес в рамках предмета исследования: причины и условия роста преступности, пути противодействия данному явлению, формы и методы различных направлений кадровой работы и др.

Использование историко-сравнительного метода позволяет, во-первых, сопоставить разновременные состояния изучаемых явлений, т.е. провести сравнение «по вертикали». А во-вторых, с привлечением общероссийского материала

исследований, даёт возможность «горизонтального» анализа синхронных исторических процессов в разных регионах страны и частях Дальнего Востока.

Использование историко-генетического метода, дающего возможность последовательно раскрывать причины происхождения исторических явлений, их изменения на различных этапах своего существования, позволяет «показать причинно-следственные связи и закономерности исторического развития в их непосредственности, а исторические события — в индивидуальности и образности» [3, с. 170]. Использование данного метода позволяет устанавливать закономерности развития криминологической обстановки на Дальнем Востоке, а также причины и механизм принятия (последующей корректировки) тех или иных управленческих решений в органах НКВД.

Особенности предмета исследования предполагают использование эвристических возможностей междисциплинарной методологии исторического познания, связанных с применением подходов и методов других социально-гуманитарных наук. В частности, применение концептуальных положений дисциплин юридического цикла (теории государства и права, административного и уголовного права) для характеристики отдельных социо-юридических явлений и категорий (бандитизм, дезертирство, общественный порядок и др.) в их конкретно-историческом преломлении. Исследование проблем преступности и охраны общественного порядка обусловило обращение к социо-криминологическим и политологическим теориям, в том числе связанным с представлениями о влиянии политического режима на преступность, состояние общественного порядка, контролирующие

возможности правоохранительных органов в условиях тоталитаризма [4; 5; 6; 7].

Особую роль для постижения предмета исследования играют методы социальной истории. Обращение к таким аспектам как демография, мобильность населения, социальное благополучие семей, экономическая характеристика региона, условия труда и отдыха работников, информационная среда общества, даёт возможность установить взаимосвязи между обусловленными войной изменениями социальных структур Дальнего Востока и развитием криминогенной обстановки, ростом тех или иных видов преступности, иными негативными явлениями (беспрзорность и безнадзорность несовершеннолетних). В то же время, персонал НКВД, будучи органической частью социума, сам становился объектом воздействия негативных социально-экономических факторов. Учёт этого аспекта является важным условием понимания причин и условий, детерминировавших уровень служебной дисциплины и преступности внутри служебных коллективов органов НКВД.

Наконец, важное значение для воссоздания наиболее полной исторической картины деятельности дальневосточных органов НКВД в годы Второй мировой войны имеет обращение к таким сферам человеческой быденности как: условия проживания, труда и отдыха сотрудников, их быт, питание, обеспечение обмун-

дированием, организация медицинского обслуживания, социальная поддержка семей и другим аспектам повседневности, способным влиять на сознание, эмоциональные реакции, мотивацию и поведение людей. Исследование региональной дальневосточной специфики повседневной жизни сотрудников НКВД в годы войны открывает дополнительные возможности для научной интерпретации таких аспектов как: социальная политика в органах внутренних дел, эффективность выполнения должностных обязанностей сотрудниками, соблюдение ими служебной дисциплины и законности.

Таким образом, авторская концепция исследования деятельности органов НКВД СССР по борьбе с преступностью и охране общественного порядка на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны предполагает опору на принципы объективности, историзма, системности и исторической целостности. Решение конкретных задач должно опираться на эвристический потенциал общенаучных и специальных научных методов исследования, а также методологические возможности единого поля социально-гуманитарных наук. Несмотря на значимость каждого из методов в отдельности, необходимо подчеркнуть, что ни один из них не является универсальным и должен применяться с учётом специфики решаемой научной задачи и источникового материала.

Литература и источники

1. Гуревич А. Я. Историк конца XX века в поисках метода // Одиссей: Человек в истории. 1996. Т. 1996. С. 5–10.
2. Новейший философский словарь / Под ред. А. А. Грацианова. Минск: Книжный Дом. 2003. — 1280 с.
3. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. Москва: Наука, 2003. — 486 с.
4. Власть: криминологические и правовые проблемы / Редкол.: Ванюшкин С. В., Даниленко Н. Н., Долгова А. И. (Отв. ред.). Москва: Криминолог. ассоц., 2000. — 400 с.

5. Кабанов П.А. Тоталитарная преступность должностных лиц Советского государства. — Нижнекамск: Нижнекамский филиал Московск. гуманитарно-экономического ин-та, 1999. — 44 с.
6. Преступность, общество, государство: проблемы социогенеза: опыт междисциплинарного теоретико-прикладного исследования / Ю.Е. Аврутин [и др.]. — Санкт-Петербург: Фонд «Университет», 2002. — 414 с.
7. Петрухин И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). Москва: Юристъ, 1999. — 392 с.

Zhadan A. V.

*Doctor of Historical Sciences,
Russian State Historical Archive of the Far East,
Vladivostok*

**Principles and methods of research on the activities
of the NKVD of the USSR in combating crime
and protecting public order in the Far East
during the Great Patriotic War**

The article offers an author's approach to the methodology of studying the history of the internal affairs bodies of the Far East during the wartime period 1941–1945. It is concluded that the interpretation of facts and events established in the process of working with sources should be based on the principles of objectivity, historicism, consistency and historical integrity. The solution of specific tasks is facilitated by the use of the heuristic potential of general scientific and special scientific research methods, as well as the possibilities of interdisciplinary methodology in the unified field of social sciences and humanities.

Keywords: The Great Patriotic War; the Far East; NKVD organs; methodology; research principle; research method.

Куренков Г.А.

Кандидат исторических наук,

Российский государственный архив социально-политической истории,

Москва

Защита информации по атомному проекту в средствах массовой информации и литературе в 1945–1946 гг.

В данной статье рассматриваются вопросы деятельности Уполномоченного СНК–СМ СССР по охране военной и государственных тайн в печати и Главлита, а также спецслужб в развертывании работ по защите секретных сведений по советскому атомному проекту, а также создание специальной цензорской группы по контролю материала, издающихся в открытой печати по вопросам атомной энергии и геологии редких элементов, показаны примеры запрещения и изъятия литературы по атомной тематике в открытой печати в 1945–1946 гг.

Ключевые слова: НКВД; НКГБ; Уполномоченный СНК–СМ СССР по охране военной и государственных тайн в печати; Главлит; атомный проект; государственные органы; защита информации; государственная и военная тайна; секретность.

Данная статья продолжает освещение роли Уполномоченного СНК–СМ СССР по охране военной и государственных тайн в печати, Главлита и спецслужб в начальный период развития советского атомного проекта, начиная с 1944 года. Литература, использованная при освещении работ по атомному проекту в представленной ранее по 1944 году актуальна и для данной статьи. Данная работа основана на материалах фонда Главлита в Государственном архиве Российской Федерации [1].

Через две недели после американской атомной бомбардировки г. Хиросимы, 20 августа 1945 г. в Советском Союзе принимается постановление ГКО СССР № 9887сс/оп (совершенно секретно, особая папка) «О Специальном комитете при ГОКО» [так в тексте документа]. Государственный комитет обороны постановил образовать при ГОКО [так в тексте документа] Специальный комитет во главе

с Л.П. Берия. С этого дня на Специальный комитет было возложено стратегическое руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана: развитие научно-исследовательских работ; развертывание геологических разведок и создание сырьевой базы по добыче урана на территории СССР, а также использование урановых месторождений за его пределами (Болгарии, Чехословакии и др. странах); организации промышленности по переработке урана, производству специального оборудования и материалов; строительство атомно-энергетических установок и разработку и производство атомной бомбы.

Для предварительного рассмотрения научных и технических вопросов был создан Технический совет. Для непосредственного руководства организациями создавалась единая для всех отраслей народного хозяйства государственная структура управления по использованию

внутриатомной энергии урана и созданию атомного оружия — Первое главное управление при СНК СССР (ПГУ), подчинив его Специальному комитету при ГКО СССР.

В Госплане СССР было создано управление по обеспечению заданий Специального комитета при ГКО. Финансирование расходов и содержания должны проводиться по союзному бюджету по статье «Специальные расходы ГКО».

Начальником Первого главного управления при СНК СССР и заместителем председателя Специального комитета при ГКО назначался Б.Л. Ванников. Было установлено, что работа Первого главного управления и работа организаций, выполняющих его задания, контролируются только Специальным комитетом при ГКО. Никакие другие организации не имели право вмешиваться в работу ПГУ без особого разрешения ГКО.

Спецкомитету при ГКО поручалось в 10-ти дневный срок внести на утверждение Председателю ГКО СССР предложения о передаче ПГУ при СНК СССР необходимых для его работы организаций и предприятий, а также утвердить структуру, штаты и оклады работников аппарата комитета и ПГУ при СНК СССР. Л.П. Берии поручалось принять меры по организации закордонной разведывательной работы по получению более точной технической и экономической информации об урановой промышленности и атомных бомбах, возложив на него руководство всей разведывательной работы в этой области, проводимой органами разведки (НКГБ, РУКА и др.) [2, л. 80–84].

Почти вся информация и литература (кроме уже общеизвестной и открытой на тот момент), прямо или косвенно, относящаяся к атомной тематике, должна была цензурироваться и контролиро-

ваться. Данные вопросы курировал лично Л.П. Берия. К этому были привлечены основные цензурные органы страны — Уполномоченный СНК СССР по защите военной и государственной тайн в печати и структуры Главлита. Следует отметить, что Главлит фактически являлся аппаратом Уполномоченного по защите военной и государственной тайн в печати. Перечень сведений, составляющих военную и государственную тайну, параграфом номер 224 запрещал опубликование материалов по изысканию и добыче урана и сведения по торию.

Как известно, контрразведывательную деятельность по всему комплексу атомной программы осуществляло Управление «К» Министерства государственной безопасности СССР, которое тесно взаимодействовало в данном направлении с цензурными органами. Данное управление осуществляло не только контроль информации, но и деятельность организаций по защите атомной информации. Так, 27 июня 1946 г. Управление «К» Министерства государственной безопасности СССР направило письмо Уполномоченному СМ СССР по защите военной и государственной тайн в печати К.К. Омельченко в котором указывалось, что цензором С... 20 февраля 1944 года пропущен сборник рефератов НИИ за 1944 год геолого-географического отделения АН СССР. Отмечалось, что в одном реферате были указаны среднеазиатские месторождения урановых руд, информация о которых нигде ранее не опубликовывалась. Разъяснялось, что данные об урановых рудах являются секретными, тем самым был нарушен параграф 224 Перечня от 6 октября 1944 года и совершенно секретные директивы самого же Уполномоченного СМ СССР по защите военной и государственной тайн

в печати. 300 экземпляров данного издания были распространены по научным учреждениям, а 400 экземпляров для продажи за границу. Управление «К» предложило Главлиту принять соответствующие меры [3, л. 57].

После окончания войны, в 1945 году вышел новый «Перечень сведений, составляющих военную и государственную тайну на мирное время», в который были внесены, наряду с другими, и определённые сведения по полезным ископаемым, геологии, металлам, редким элементам. Приказом Уполномоченного при Совете Министров СССР по защите военной и государственной тайн в печати от 6 июля 1946 года № 36/1219с подтверждалось запрещение опубликования всяких сведений о месторождениях и мероприятиях по изысканию и добыче тория [4, л. 93]. Как видно, контролю подлежали сведения по полезным ископаемым, могущие иметь отношение к производству или использованию атомной энергии. Всего же на рассмотрении и экспертизе в Главлите, в 1946 году, находились вопросы, требующие решения по 11 работам по атомной энергии [5, л. 11].

Сверхсекретная атомная программа требовала особого организационного и контрразведывательного сопровождения и обеспечения секретности. Так как данное направление курировал Л.П. Берия, по определённым вопросам министерства и ведомства, прямо или косвенно, имеющие причастность к «атомной проблеме», обращались лично к нему. Так, в 17 июня 1946 г. министр геологии И.И. Малышев обратился с вопросом по изданию методического пособия для специальных геолого-разведывательных работ [5, л. 11].

13 сентября 1946 г. С.И. Вавилов направляет письмо заместителю председа-

теля Совета Министров СССР Л.П. Берии с представлением списка научно-исследовательских тем по разным областям естествознания и техники, имеющих существенное (прямое или косвенное) значение для проблемы энергии атомного ядра и её использования. Были указаны основные разделы и темы: математика (разработка методов и организация вычислительных и машинно-вычислительных работ по вопросам атомной энергии), астрономия (проблема источников звёздной энергии в связи с ядерными реакциями в условиях высоких давлений и температур), физика и техника (использование урановых котлов для генерации электрической энергии), химия (радиохимические исследования), геология и геофизика (дальнейшая разработка радиоактивных, сейсмических и термических методов разведки урана), биология (влияние на растения радиоактивных веществ, попадающих в почву и воду), медицина (расширение работы по диагностическому использованию искусственных радиоактивных веществ как методу изучения заболеваний, вызываемых радиоактивностью) и др.

В июле 1946 года Главлитом в Совет Министров СССР были направлены выпущенная Академией наук СССР книга Я.И. Френкеля «Освобождение внутриатомной энергии» и книга Э.В. Штольского «Атомная энергия» со своими заключениями и с просьбой сообщить, не встречаются ли возражения у Совета Министров против выпуска этих изданий в свет [6, л. 17–18]. Из этого следует, что Главлит, в данном случае, сам решения не принимает и просит мнение Совета Министров. Можно предположить, что и поэтому, 10 сентября 1946 года Уполномоченный Совета Министров СССР по охране военной и государственной

тайн в печати К.К. Омельченко направляет заместителю Председателя Совмина СССР Л.П. Берии совершенно секретное письмо № 1732/сс, в котором отмечает: «Главлитом за последнее время было временно задержано несколько книг, журналов и статей по вопросам атомной энергии. В них содержится информация, выходящая за пределы официальных иностранных сообщений, изложенных в известной книге Смита. Мы вынуждены были потребовать внесения соответствующих изменений в книгах Я.И. Френкеля — «Освобождение внутриатомной энергии» (издательство Академии Наук СССР), В.Л. Гинсбурга — «Атомное ядро и её энергия» (Гостехиздат), Э.В. Шпольского «Атомная энергия» (Гостехиздат), И.А. Соколова «Атом и его энергия» (Гостехиздат) и других работ советских авторов. Специфический характер материалов по вопросам ядерной теории и практического применения атомной энергии вызван необходимостью особо тщательной цензуры всех идущих в открытой печати как теоретических, так и популяризаторских работ в данной области.

Он отмечал, что в Англии и США существует строжайшая цензура всех печатных работ по вопросам атомной энергии и к этому привлечены виднейшие специалисты. У нас же пока дело поставлено кустарно и при существующем порядке нет уверенности в том, что важные сведения не будут раскрыты каким-либо словоохранильным автором. В целях предотвращения возможных случаев проникновения в печать материалов, связанных с работой советских учёных над расщеплением атомного ядра, а также сведений прямо или косвенно дающих возможность установить уровень, на котором находятся эти работы и практическое применение их — необходимо установить особый порядок

контроля всех печатных работ в этой области.

Далее К.К. Омельченко предлагал создать специальное засекреченное бюро при Уполномоченном Совете Министров СССР по охране военной и государственной тайн в печати, к работе которого должна быть привлечена, в качестве цензоров-консультантов, группа высококвалифицированных специалистов. Все печатные произведения по вопросам атомной энергии выходящие в Москве и на периферии, должны подвергаться цензорскому контролю этого бюро и поступать в печать лишь с его разрешения» [6, л. 30–31].

Далее, в ноябре 1946 года, Главлитом в Совет Министров СССР было направлено письмо с предложением о создании «Особого цензорского бюро» по надзору за сведениями по атомной тематике. К письму прилагались проект распоряжения Совета Министров СССР и положение об Особом цензорском бюро.

На заседании Специального комитета при Совете Министров СССР 27 ноября 1946 года рассматривался вопрос «О создании особого цензорского бюро». Было принято решение отклонить проект постановления, представленный К.К. Омельченко (Главлит), Б.Л. Ванниковым, М.Г. Первухиным, С.И. Вавиловым, И.В. Курчатовым. Также было отмечено, что со стороны Уполномоченного Совета Министров СССР по охране военных и государственных тайн в печати был не в полной мере организован надлежащий цензорский контроль издающихся в открытой печати материалов, связанных с работой советских учёных и инженеров над вопросами атомной энергии благодаря чему, имели место случаи опубликования данных не подлежащих оглашению. Так, государственным издательством

геологической литературы Министерства геологии СССР в 1945 году с ведома и разрешения органов цензуры была издана и пущена в продажу книга О. Шубниковой «Минералы редких элементов и их диагностика», в которой разглашены данные о расположении в СССР месторождений тория и урана и сведения, характеризующие анализы руд этих месторождений. Спецкомитет обязал Главлит в недельный срок принять необходимые меры, обеспечивающие организацию надлежащего цензорского контроля за опубликованием материалов, связанных с вопросами атомной энергии и о принятых мерах доложить Совету Министров СССР. Также было принято решение считать представленные Министром геологии СССР И.И. Малышевым объяснение по поводу издания книги О. Шубниковой «Минералы редких элементов и их диагностика» неудовлетворительным, так как оно, по мнению Спецкомитета, оправдывает безответственность, допущенную Госгеологиздатом, и обязало И.И. Малышева навести в издательской деятельности Министерства порядок, обеспечивающий соблюдение государственной тайны.

Получив негативную оценку своей деятельности в этом направлении и во исполнении решения Спецкомитета при Совете Министров СССР, 30 ноября 1946 г. Уполномоченный Совета Министров СССР по защите военной и государственной тайн в печати издаёт по своему ведомству секретный приказ № 52/2490сс. Этим приказом запрещалось всем органам цензуры без ведома Главлит (Москва): «а) выпускать в свет книги, брошюры, а также статьи и информации в журналах, сборниках, газетах о каких-либо работах советских учёных в области расщепления атомного ядра.

б) публиковать сведения прямо или косвенно, дающих возможность установить уровень, на котором находятся СССР, работы в области атомной энергии и практическое применение их. в) публиковать сведения о месторождениях, запасах, изысканиях и добычи радиоактивных элементов урана, тория, радия, ниобия, бериллия и других на территории СССР. г) передавать по радио указанные сведения. д) перепечатывать из иностранной печати статьи и другие материалы об атомной энергии и атомной бомбе. Примечание: Настоящий приказ не распространяется на официальные материалы, передаваемые ТАССом» [4, л. 121].

Не известно была ли оказана со стороны Спецкомитета и Совета Министров СССР помощь Главлиту кадрами и материалами или он обошёлся что называется, «своими силами». Так как проблема специальной экспертизы информации оставалась, Главлит стал более тщательно проверять материалы, относящиеся к атомной тематике.

Так, в ноябре 1946 г. Главлитом было дано заключение по сборнику «Труды Радиоактивного института АН СССР», в котором были помещены статьи, имеющие отношение к проблемам атомной энергии и работам в области урана и тория. В частности, Главлит указывал, что в статье Мурашова было указано месторасположение [Кольский полуостров и Карелия] и дана характеристика радиоактивных руд в этих районах. Статья И. Е. Старика являлась частью его труда «Методы определения радиоактивности природных образований», на которые министр геологии И. И. Малышев просил наложить гриф «секретно». В итоге, Главлит делает заключение, что выпуск в свет «Трудов Радиевого института» возможен только с грифом «секретно» [7, л. 17].

Государственным геологическим издательством с грифом «дсп» была выпущена книга «Методы определения радиоактивности природных образований», авторами выступали профессор И.Е. Старицкий и доцент Е.С. Щепотьева. Главлит просил Министерство геологии СССР дать заключение о возможности их использования для служебного пользования. Главлит, со своей стороны, учитывая, что в книге имеются материалы, не подлежащие широкому распространению, считал возможным выпускать данную книгу только с грифом «секретно» [8, л. 416].

2 декабря 1946 года вышел приказ Главлита № 54/2511сс об изъятии книги Шубниковой «Минералы редких элементов и их диагностика». 10 декабря 1946 г. в письме Главлита в Молотовский обллит по поводу работы Ю.М. Абрамовича «О химическом составе титанита из гранитного пегматита» указывалось, что об обнаружении в Токовском месторождении радиоактивного титана в пегматите и его анализ в печати, опубликовывать не разрешается. Также не подлежат разглашению сведения о содержании радиоактивных элементов в природных образованиях СССР, поэтому опубликовывать работу открытым порядком, было запрещено [9, л. 188].

Советом Министров СССР всё же было рассмотрено предложение о создании в Главлите подразделения по надзору за сведениями по атомной тематике. Как уже указывалось, в начале это предложение было отклонено Спецкомитетом при Совете Министров СССР, и теперь, вместо цензорского бюро, в 4 отделе Главлита создавалась специальная группа.

11 декабря 1946 г. вышел секретный приказ Уполномоченного СМ СССР по охране военной и государственной тайн в печати № 63/2583сс. Параграф 1 при-

каза гласил создать в 4-м отделе специальную цензорскую группу в составе 4-х человек по контролю материала, издающихся в открытой печати по вопросам атомной энергии и геологии редких элементов в составе... Параграф 2 обязывал начальника 4-го отдела Б.Я. Каминского организовать просмотр всей вышедшей литературы по атомной энергии и сырьевым запасам редких элементов за 1945–1946 гг. и представить заключение о возможности обращения выпущенных книг [4, л. 146].

В результате, в декабре 1946 г. приказами Главлита были изъяты из библиотек и торговой сети книги О.М. Шубниковой «Минералы редких элементов и их диагностика», издания Госгеолиздата 1945 года [4, л. 129] и И.Е. Клименко «Атом и его энергия», издания Сталинград, 1946 года [4, л. 167]. При этом предписывалось изъятые книги немедленно уничтожить, а акты прислать в Главлит.

В отчёте Главлита за 1946 г. констатировалось увеличение количества изданий после войны. Указывалось, что Главлитом в первую очередь просматривалась вышедшая и выходящая литература по «Проблеме № 1», атомной энергии, физике, химии и геологии [10, л. 20–21]. По данной тематике были проработаны вопросы изъятия информации по урановой проблеме, изданы административно-управленческие документы, такие как: Перечневые указания по редким металлам, урану, циклотрону; приказ № 36/1219с от 16 июля 1946 года (все сведения о месторождениях и изысканиях тория); приказ № 54/2511сс от 2 декабря 1946 года (об изъятии книги Шубниковой «Минералы редких элементов и их диагностика»); приказ № 52/2490сс от 30 ноября 1946 года (запрещение публиковать без разрешения Главлита материалов

по вопросам расщепления атомного ядра, атомной энергии) [10, л. 1–2].

Таким образом, в 1945–1946 гг. в начале наблюдались негативные моменты по работе с информацией по атомной энергии, пропуски их в открытую печать в связи с недостаточным знанием темы и проблем предыдущих лет, но постепенно были приняты соответствующие меры организационного и иного характера. Первое, что нужно было сделать, — это создать подразделение, которое бы занималось только этой тематикой. Как уже было отмечено, цензорское бюро по контролю за «атомной информацией», создать не удалось, но создавалась специальная группа, организовано обучение и, соответственно, порядок доступа к данным сведениям, изданы руководящие ведомственные документы для служебного пользования, облегчающие работу сотрудников цензурных органов по атомной тематике. Так, в Главлите для ориентирования в данных специфических вопросах

и контроля публикаций, имелся список (с грифом «совершенно секретно») радиоактивных минералов, список мест где находятся месторождения, а также список минералов, найденных в СССР и содержащих радиоактивные материалы: урана, радия, тория, ниобия, бериллия [11, л. 32]. В аппарате Уполномоченного СМ СССР имелись инструктивные и другие материалы, помогающие отслеживать сведения по атомной тематике в литературе и средствах массовой информации. Это позволяло не пропускать распространение секретных сведений, т.е. запрещать опубликовывать или налагать на издания ограничительные грифы. Все эти мероприятия, наряду с другими, позволили сохранить факт создания советского атомного оружия до самого последнего момента его испытания в 1949 году, что было полной неожиданностью для всего мира и особенно для «коллективного Запада».

Литература и источники

1. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р-9425. Оп.1.
2. См. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 2. Д. 533.
3. См. ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп.1. Д. 498.
4. ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп.1. Д. 403.
5. См. ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп.1. Д. 606.
6. См. ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп.1. Д. 400.
7. См. ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп.1. Д. 612.
8. См. ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп.1. Д. 503, ч. 2.
9. См. ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп.1. Д. 504.
10. См. ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп.1. Д. 413.
11. См. ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп.1. Д. 521.

Kurenkov G.A.

*Candidate of Historical Sciences,
Russian State Archive of Socio-Political History,
Moscow*

Protection of information on the atomic project in the media and literature in 1945–1946.

This article discusses the activities of the SNK Commissioner — Council of Ministers of the USSR for the protection of military and state secrets in the press and Glavlit, as well as special services in the deployment of work to protect classified information on the Soviet nuclear project, as well as the creation of a special censorship group to control material published in the open press on issues of atomic energy and geology of rare elements, shows examples of prohibition and seizure of literature on atomic subjects in the open press in 1945–1946.

Keywords: NKVD; NKGB; SNK Commissioner — USSR Council of Ministers for the Protection of Military and State Secrets in the Press; Glavlit; atomic project; state bodies; information protection; state and military secrets; secrecy.

Васильев Ю.А.

*Доктор исторических наук, профессор,
Московский гуманитарный университет,
Москва*

Андропов vs Семичастный

В публикации освещается критическая тональность мемуаров бывшего председателя КГБ при СМ СССР В. Е. Семичастного в отношении Ю. В. Андропова, который сменил его на должности руководителя органов государственной безопасности. Критика Семичастного связана в основном с «Ленинградским делом». Воспоминания генерала Семичастного, опубликованные в 2002 г., а также его скандальное интервью в газете «Известия» в 2009 г. послужили своего рода триггером в появлении изданий ряда авторов, подвергавших Андропова резкой критике за якобы причастность к репрессиям, в том числе по «Ленинградскому делу».

В статье опровергаются домыслы, основанные на мифотворчестве, представлены неизвестные документальные факты политической биографии главного критика — В. Е. Семичастного.

Ключевые слова: Ю. В. Андропов; В. Е. Семичастный; Г. Н. Куприянов; «Ленинградское дело»; история СССР; критика; партийный и государственный деятель.

В традиции русской исторической школы важнейшим методологическим основанием является принцип исторической достоверности (по выражению М. В. Ломоносова, «строгого и правильного разыскания истины»), который олицетворяется фактической точностью описаний исторических событий, отбором фактов, их оценкой, определением смысла явлений [1, с. 32]. В условиях подъёма национального самосознания персональная история, основанная на опыте русской исторической школы, даёт возможность презентации знаковых исторических деятелей советской эпохи, внедрения исторического знания в общественное сознание [2, с. 96–97]. В данном историческом контексте значительный интерес представляет личность Ю. В. Андропова, в отношении которого до сих пор существуют многочисленные домыслы и мифы.

В мемуарах предшественника Ю. В. Андропова на посту председателя КГБ В. Е. Семичастного, опубликованных в 2002 г., сквозила неприкрыта обида на Андропова, который заменил его в КГБ после скандальной отставки Семичастного от занимаемой должности. Оценка Андропова была выражена в короткой характеристике: Андропов — «человек в высшей степени беспричинный и бесхарактерный» [3, с. 458]. Основанием для столь неприятного суждения послужило утверждение о «Ленинградском деле», в котором, по мнению Семичастного, Андропов «выглядел в этой истории не самым лучшим образом»: «...Мне известно, что после смерти [Г. Н.] Куприянова руководители теперь уже Карельской автономной социалистической республики передали две объёмные тетради с его записями, сделанными им во время пребывания в тюрьме, [А. Н.] Ше-

лепину, а тот — [Л.И.] Брежневу» [3, с. 415]. Утверждалось, что «Андропов приложил свою руку к тому, что некоторые ленинградцы оказались среди ре-прессырованных» [3, с. 415]. Бывший председатель КГБ при Совете министров СССР В.Е. Семичастный, обладавший благодаря своей должности конфиденциальной информацией, тем не менее признавал: «Что было сделано с этими тетрадями, каков их дальнейший путь, никому и ничего не известно. Их можно было передать в прокуратуру, а можно было и поберечь на всякий случай, дав знать Андропову, что они существуют» [3, с. 415]. Семичастный сообщил также, что в середине 1960-х гг. в ЦК КПСС поступило письмо из Ленинграда, в котором Андропов обвинялся в причастности к «Ленинградскому делу». Из ЦК оно было передано на рассмотрение в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС, оттуда — в КГБ, в это время его возглавлял генерал-полковник Семичастный. По его указанию чекисты провели расследование, которое показало, что «часть сведений действительно имела место», однако «главным виновником репрессий Андропов, конечно же, не был» [3, с. 416]. Заключение КГБ Семичастный передал зам. председателя КПК З.Т. Сердюку. По поводу данной истории в своих мемуарах В.Е. Семичастный сделал следующий вывод: рассмотрение дела не получило никаких последствий, поскольку «Андропов был подходящей фигурой для Брежнева» [3, с. 416].

В «Ленинградском деле» действительно очень болезненным оказался карельский отголосок в 1949–1950 гг. В тот период Ю.В. Андропов являлся вторым секретарём ЦК компартии Карело-Финской ССР. Партийную организацию республики возглавлял выходец из Ленин-

града Г.Н. Куприянов. В сентябре 1949 г. в Карелию, кроме бригады представителей ЦК ВКП(б), начавших проверку республиканской партийной организации, прибыла группа московских чекистов. Многие годы спустя, по свидетельству одного из руководителей органов госбезопасности СССР генерал-лейтенанта В.А. Кирпиченко, однажды в разговоре с ним председатель КГБ Ю.В. Андропов поинтересовался, «как чувствует себя и как работает один наш сотрудник старшего поколения, и рассказал с грустной усмешкой, что этот человек в момент, когда было сфабриковано т.н. «Ленинградское дело», выделил его, Андропова, вопрос в отдельное дело, что означало на практике неминуемый арест» [4, с. 153]. В 1950 г. судьба Андропова могла оказаться роковой по персональному уголовному делу.

Несколько представителей андроповского окружения из числа организаторов подпольной работы в годы войны подверглись арестам. Так, Марии Бульятковой пришлось пережить арест, допросы с пристрастием и заключение в гулаговских лагерях (1951–1955 гг.). Следователи требовали от девушки признания в измене Родины, сотрудничестве с финляндской разведкой, шпионаже. При нуждали также дать показания против Андропова. Тележурналист и писатель А.А. Гордиенко опубликовал запись воспоминаний Марии Бульятковой. По её свидетельству, на допросах особенно жестоким был следователь госбезопасности Львов: «Этот, как зверь... Всегда выпивший, глаза, налитые кровью, слюной брызжет. Оскорблял, унижал. И всегда матом, матом. Кричал вначале одно и то же: «Мы всё знаем. Ты предательница. Работаешь на финскую разведку. Какое задание тебе дали, признавайся!... Он как

с цепи сорвался. Нагнётся ко мне, перегаром водочным несёт от него, и криком, криком: Где золото? Отвечай, где золото, которое дал тебе твой Андропов? Отвечай! Не отпирайся, у нас есть документы, что он давал тебе золото. Монеты, часики, кольца, чтобы вы меняли якобы на продукты в Паданах. Отвечай, где спрятала золото? Марию Артемьеву, твою подружку, мы тоже взяли. Она призналась во всём, она сообщила, что у тебя и Игнатьевой видела золото. Отвечай!”» [5, с. 26].

Во время допросов следователя особо интересовал Андропов: «Рассказывай всё об Андропове, — орал он. — Знаем его грешки, всё знаем! Сбежал; думает, в Москве мы его не достанем. Дотянемся и до него, разберёмся, какой он был руководитель карельского комсомола, почему его ходоки то и дело попадали к финнам в лапы. Дотянемся! У чекистов длинные руки!» [5, с. 26]. Позднее к допросам подключился новый следователь в звании майора. Он «требовал, чтобы я созналась, сколько золота дал мне Куприянов и в каком виде, сколько раз бывала у него в кабинете перед отправкой на задание, что он мне говорил. Спрашивал: знаю ли я, где нынче находится Куприянов? Всегда начинал с крика и матерщины. “Ну, ты, патриотка… (такая-то, растакая). Орден захотела! Мы тебе крест дадим. Деревянный. Мы Куприянова взяли. Он плевал на вас. Он только о себе думал. Настоящий перерожденец, враг народа. И Андропову бы такая же честь, да он вовремя смылся”. Дальше забористым матом, да таким, что не описать, рука отвалится и язык в камень превратится» [5, с. 27].

В отношении представленной в мемуарах позиции В. Е. Семичастного в отношении Ю. В. Андропова возникли обоснованные сомнения. Речь идёт об

утверждении, что после смерти Куприянова руководители Карельской АССР (в 1956 г. бывшая союзная Карело-Финская республика стала автономной в составе РСФСР) передали две объёмные тетради с его записями, сделанными им во время пребывания в тюрьме, А. Н. Шелепину (предшественник Семичастного сначала в должности первого секретаря ЦК ВЛКСМ, затем — председателя КГБ при СМ СССР), а тот — Л. И. Брежневу. Семичастный не знал, что руководители Карелии не могли это сделать. Дело в том, что в воспоминаниях Куприянова давалась резкая нелицеприятная оценка поведению в годы войны ряда руководителей Карелии 1960-х — 1970-х гг.: первому секретарю Карельского обкома КПСС И. И. Сенькину (1958–1984 гг.), председателю Президиума Верховного Совета Карельской АССР П. С. Прокконену (1956–1979 гг.) и др. Куприянов обвинял Прокконена в том, что в период «Ленинградского дела» он «не возвысил свой голос председателя Совмина Карелии» в его защиту. Критика высказывалась также в адрес первого заместителя председателя Совета министров КАССР В. В. Степанихина (1956–1957 гг.), бывшего зампреда правительства КФССР (1941–1947 гг., в годы войны — представителя Карело-Финской ССР при правительстве СССР в Москве, в 1957–1973 гг. — ректора Петрозаводского государственного университета) [см.: 6, с. 440]. Поэтому руководители республики оказывали категорическое противодействие публикации книги Куприянова в Карелии, хотя она неоднократно включалась в планы издательства «Карелия», но затем снималась по указанию сверху.

Публикация мемуаров В. Е. Семичастного открыла дорогу целой группе критиков Ю. В. Андропова. Вслед за Семичастным тележурналист Л. М. Млечин

предложил своему читателю ряд трактовок фактов, связанных с биографией Андропова. Выше упомянуто свидетельство генерал-лейтенанта В.А. Кирпиченко, у которого председатель КГБ СССР Ю.В. Андропов однажды поинтересовался о сотруднике органов, который, когда-то чуть не завёл на него отдельное дело. Из этого факта Млечин сделал вывод, что Андропов был незлопамятный человек: «Юрий Владимирович не только не пытался наказать этого человека, но даже не отправил его на пенсию...» [7, с. 53]. Но интерпретация данного тезиса получилась неожиданная: «Незлопамятность и широта души — качества положительные. Но зачем же держать в аппарате госбезопасности следователя, который фабриковал такие гнусные дела? Если этот случай подлинный, то выходит, что Юрий Владимирович Андропов в душе не осуждал палачей и фальсификаторов следственных дел?» [7, с. 53]. Оказывается, не только он. Министром госбезопасности Карело-Финской республики с 1943 г. был полковник А.М. Кузнецов. В сентябре 1950 г. его сменил полковник Н.П. Гусев, ставший впоследствии генералом. Млечин подчеркнул, что ни того, ни другого в хрущёвские времена к ответу за соучастие в «Ленинградском деле» не привлекли [7, с. 53]. Это глубокомысленное суждение со стороны журналиста напоминает запоздалое доносительство на чекистов уже ушедшего прошлого.

А теперь следует обратиться к теме «доноса», запущенной в обиход Млечиным, которое рассматривается как важное обвинительное свидетельство со стороны многих любителей написания обличительной политической биографии Андропова. В книге Млечина читаем: «Александр Николаевич Шелепин рассказывал, что в бытность председателем КГБ он видел форменный донос на Куприя-

нова, подписанный Андроповым. Уже в брежневские времена Шелепин прямо сказал об этом Андропову и предупредил, что поставил об этом в известность Брежнева. Зачем ты это сделал? — обречённо произнёс Андропов. Но он напрасно испугался. Эта история не помешала Брежневу сделать Андропова председателем КГБ. Леонид Ильич, как и многие властители, любил держать на ключевых постах людей, в чём-то замешанных. Они служили рьяно и преданно» [7, с. 52–53]. Полное совпадение оценочных суждений с В.Е. Семичастным. По утверждению Млечина, «посадили практически всех руководителей республики, кроме Андропова» [7, с. 51]. По его оценке, «многие петрозаводские историки считают, что во время чистки перепуганный Юрий Владимирович топил товарищей по партии, чтобы уцелеть самому» [7, с. 52].

Проведённый контент-анализ текста письменных показаний Ю.В. Андропова из «дела Куприянова» (в качестве одного из 44 свидетелей!) позволяет констатировать, что содержание приведённых фактов соответствовало действительности. Они являются достоверным материалом, характеризующим репутацию бывшего руководителя партийной организации Карелии. Работники КПК щепетильно проверяли информацию, проводили беседы и получали письменные объяснения, сообщения, заявления свидетелей по делу, которые были названы в показаниях Андропова, которые сопоставлялись с информацией других свидетелей по делу. Следует отметить, что в данном деле ни сам Куприянов, ни другие арестованные не отказывались называть Андропова среди своих «соучастников». В этом Ю.В. Андропов мог убедиться сам: известно, что, став председателем КГБ, он попросил помощников принести ему архивное «дело Куприянова». Пись-

менные показания Андропова, о которых сообщал А.Н. Шелепин как о «форменном доносе» (Млечин не уточнил источник своей информации), не были изъяты как компромат на советского партийного и государственного деятеля. Это является свидетельством того, что по прошествии почти двух десятилетий Андропову как автору этих показаний нечего было скрывать — факты имели основание. Благодаря Ю.В. Андропову «дело Куприянова», которое могло быть изъято из архива целиком (или уничтожено), вернулось на своё прежнее место и ожидает своих будущих исследователей.

Через семь лет после издания мемуаров В.Е. Семичастного, в 2009 г., в газете «Известия» появилось его интервью, данное журналисту Н. Добрюхе. В этой публикации вновь в центре внимания оказались две пресловутые «тяжёлые карельские тетради» Г.Н. Куприянова «об излишнем усердии Андропова в так называемом расстрельном “Ленинградском деле”» [8, с. 5]. Сообщалось, что «во времена Берии и Маленкова, когда старость начала брать верх даже над таким человеком, как Сталин, разгорелась страшная борьба за его власть и вылилась в “Ленинградское дело”. В этом кровавом деле сыграл свою роль и Юрий Андропов...» [8, с. 5]. В интервью было сказано, что Куприянов написал целое досье на Андропова, в котором утверждалось, что репрессии были делом рук Андропова. Досье попало в распоряжение Брежнева. По рассказу Семичастного, он дал команду сотрудникам КГБ всё выяснить [8, с. 5].

Несложно увидеть разнотечения по повествованию в интервью 2009 г. с мемуарами Семичастного 2002 г. Исчезли важные свидетельства — как «тяжёлые карельские тетради» попали к Брежневу, а также факты о расследовании письма из

Ленинграда. Возможно, виновато время, стирающее из памяти очевидцев событий прошлого. Или же журналисты, печатающие сенсационное интервью и помогающие авторам в написании мемуаров, проявили чрезмерное усердие, чтобы оживить сюжеты яркими красками на потребу читателям. А может быть, прав был ветеран органов госбезопасности генерал В.А. Кирпиченко, который заметил, что в Семичастном «было больше комсомольского задора, чем политической мудрости» [4, с. 152]. Ведь знаменитый руководитель внешней разведки работал в КГБ и при Семичастном, и при Андропове — мог сравнивать. Ю.В. Андропова он считал выдающимся государственным деятелем.

Следует отметить, что сам В.Е. Семичастный не избежал причастности к «Ленинградскому делу». 12 августа 1949 г. А.Н. Шелепин руководил разгромным комсомольским пленумом в Ленинграде. 25 июля 1950 г. Семичастный представлял ЦК комсомола на пленуме Ленинградского обкома ВЛКСМ. За полгода до этого пленума 26-летний комсомольский руководитель Украины был переведён в Москву после того, как его покровитель член Политбюро ЦК ВКП(б) Н.С. Хрущёв в декабре 1949 г. стал первым секретарём Московской партийной организации и секретарём ЦК партии. Для Семичастного командировка в Ленинград в разгар репрессий вызывала тягостные раздумья. Ему самому уже пришлось пережить тяжкое состояние безысходности. Как свидетельствуют архивные документы, в 1948–1949 гг. судьба бывшего первого секретаря ЦК ЛКСМ Украины Владимира Семичастного, занимавшего эту должность с 1947 г., могла совершить роковой поворот, аналогичный трагическим ситуациям, в которых оказались его бывшие товарищи по бюро

ЦК ВЛКСМ — второй секретарь ЦК комсомола В.Н. Иванов и первый секретарь Ленинградского обкома и горкома В.И. Чернецов. Дело в том, что в феврале 1949 г. на имя зам. председателя КПК при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятова поступило анонимное письмо, компрометирующее руководителя комсомола Украины. Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлов 25 февраля доложил о ситуации секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову. Он сообщил, что осенью 1948 г. ЦК ВЛКСМ по информации органов госбезопасности стали известны факты о поведении Семичастного. В записке Михайлову от 5 октября 1948 г. заместитель министра госбезопасности СССР С.И. Огольцов информировал руководителя комсомола, что родной брат Семичастного в декабре 1947 г. был арестован УМГБ Хабаровского края за измену Родине, осуждён военным трибуналом к 25 годам заключения в ИТЛ, с поражением в правах сроком на 5 лет [9, л. 31]. Борис Семичастный в августе 1941 г. попал в плен, в январе 1943 г. добровольно поступил в немецкую школу в Польше, после её окончания был назначен в той же школе командиром отделения, обучал курсантов. С июля 1943 г. он служил командиром взвода в войсках по охране лагерей военнопленных в Кракове, а затем в Ченстохове, за проявленное усердие был награждён двумя немецкими медалями и получил звание фельдфебеля. Во время наступления советских войск эвакуировался в Данию, где стал командиром охранного немецкого батальона. После капитуляции Германии находился в английской зоне оккупации, откуда отказался возвратиться в СССР, однако был депатриирован союзниками по антигитлеровской коалиции в СССР, осуждён.

На закрытом заседании бюро ЦК ВЛКСМ были заслушаны объяснения Семичастного по поводу его ходатайства за

осуждённого брата. Он заявил, что совершил ошибку, послав брату письмо и объявил, что отрекается от него, считает, что действия этого изменника Родины опозорили всю их хорошую, честную семью. На склоне лет в своих воспоминаниях Семичастный констатировал: «Хрущёв мне помог в, казалось бы, безнадёжном деле» [3, с. 55]. Действительно, Н.С. Хрущёв написал письмо на имя И.В. Сталина с личным поручительством за комсомольского руководителя республики.

По прошествии полувека трактовка данного эпизода в мемуарах Семичастного была поправлена. Оказалось, что он обратился с двумя письмами в адрес тогдашнего начальника управления МГБ Хабаровского края — уполномоченного МГБ СССР по Дальнему Востоку С.А. Гоглидзе. Владимир Семичастный писал о больных лёгких брата, силикозе, который тот приобрёл в немецких, а затем в советских лагерях, просил перевести его для дальнейшего отбывания срока в родной Донбасс. Брату также написал несколько писем. После заседания бюро ЦК ВЛКСМ своё состояние Семичастный выразил словами: «В Киев я вернулся совершенно убитым. Понятия не имел, что меня теперь ожидает. Мне начинало казаться, что не брат приедет ко мне, а я последую за ним» [3, с. 56]. Вероятно, у него возникали ассоциации с судьбой бывшего ленинградского руководителя, о котором бывший председатель КГБ сообщил: «Иванов в тюрьме повесился» [3, с. 57]. Семичастный изложил сюжет о вызове в ЦК ВЛКСМ. О деталях разбирательства в бюро ЦК комсомола не упоминалось, но сообщалось о разговоре у второго секретаря ЦК ВЛКСМ Всеволода Иванова, его суть заключалась в следующем: не следовало защищать «врага народа», поэтому Семичастному «нечего делать

в комсомоле». Вопрос стоял о его снятии с должности [3, с. 56].

По карьерным ступенькам он продвигался в значительной степени благодаря поддержке Н.С. Хрущёва. Семичастный занимал должности секретаря, первого секретаря ЦК комсомола Украины (1946–1950 гг.), секретаря ЦК ВЛКСМ (1950–1958 гг.), первого секретаря ЦК ВЛКСМ (1958–1959 гг.), председателя КГБ при Совете министров ССР (1961–1967 гг.). Однако именно В.Е. Семичастный оказался одним из основных участников смещения первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущёва в октябре 1964 г., под руководством которого работал ещё на Украине, который фактически спас его карьеру (а возможно, и судьбу) в истории с реопрессированным братом.

В отношении критики собственной персоны В.Е. Семичастный занимал не-примириимую позицию. В этой связи примечателен следующий исторический факт. В 1993 г. на экраны страны вышел фильм «Серые волки» об антихрущёвском заговоре. В этом фильме режиссёра И. Гостева в качестве сценариста принимал участие Сергей Хрущёв — сын Н.С. Хрущёва. Роли в фильме исполняли известные артисты: Хрущёва играл Ролан Быков, Семичастного — Богдан Ступка. Данный фильм был воспринят Семичастным как личное оскорблени. В газету «Правда» 10 апреля 1993 г. было написано письмо по поводу ряда сюжетов (авторы — В.Е. Семичастный и Н.Н. Месяцев, его соратник по бывшей партийной группировке «шелепинцев»). Резкое опровержение касалось представленных в фильме эпизодов, когда под руководством Семичастного проводились подслушивания и слежки, использование против Хрущёва средств органов госбезопасности. Утверждалось, что освобождение

Хрущёва для Семичастного было большой личной трагедией [10].

В газете «Правда» решили дать сокращённую версию полученной рецензии, причём сообщалось, что оба автора сами пришли в редакцию. В материале под заголовком «Свидетельствуют очевидцы» отвергалась версия смещения Хрущёва с руководящих постов в качестве заговора. Семичастный и Месяцев (в 1964–1970 гг. Месяцев был председателем Гостелерадио) утверждалось о строгом соблюдении демократических принципов. Суть их позиции следующая. Отвечая на вопрос — почему ближайшие соратники Н.С. Хрущёва решили выступить против него — авторы категорически отрицали желание захватить власть. Объяснение заключалось в констатации, что «в народе нарастала тревога по поводу всё новых необоснованных решений Хрущёва», ему об этом говорили, «но он не обращал внимания на замечания товарищев, перестал замечать нарастание недовольства среди трудящихся» [10]. Всё это, по интерпретации Семичастного и Месяцева, заставило пойти на крайнюю, но необходимую меру — созвать внеочередной пленум ЦК КПСС и поставить вопрос об ответственности Хрущёва за допущенные крупные ошибки. Принявшие такое решение руководители во главе с Брежневым пошли на этот шаг сознательно, исходя из государственных интересов страны.

Что касается непосредственного участия некоторых руководителей в отстранении Хрущёва от власти, очевидцы событий свидетельствовали: «В то время Шелепин и Семичастный по существу только начинали свою карьеру, не входили в состав Президиума ЦК КПСС. Ставить их в один ряд, а тем более отводить лидирующую роль — значит показать явное незнание истинного положения дел» [10].

Оказывается, позднее в мемуарах можно было позволить обличать Ю.В. Андропова в предательстве его партийного руководителя Г.Н. Куприянова, а вот в отношении участия В.Е. Семичастного в заговоре против Н.С. Хрущёва — совсем другая история.

В.Е. Семичастный и Н.Н. Месяцев сообщили, что вместе с А.Н. Шелепиным они хотели всю информацию поведать журналистам, пригласив на встречу

с ними некоторых работников КГБ того времени. Но, по их словам, у пресс-службы органов госбезопасности России не хватило смелости организовать такую пресс-конференцию, поэтому они оставили за собой право обратиться в суд к создателям фильма «Серые волки» «за ложь, клевету и нанесение морального ущерба» [10]. Однако заявленное намерение не получило реального осуществления.

Литература и источники

1. Васильев Ю.А. М. В. Ломоносов в русской исторической школе. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2016. — 168 с.
2. Васильев Ю.А. Как преодолеть разрыв между историческим знанием и общественным сознанием? (опыт русской исторической школы) // Власть. — 2016. — № 2. — С. 96–100.
3. Семичастный В.Е. Беспокойное сердце. М.: Вагриус, 2002. — 458 с.
4. Кирпиченко В.А. Разведка: лица и личности. Изд. 2-е, доп. М.: Междунар. отношения, 2001. — 400 с.
5. Гордиенко А.А. Из огня да в полымя // Север. — 2008. — № 5–6. — С. 5–36.
6. Воспоминания // Гордиенко А.А. Куприянов и его время. Петрозаводск: Карелия, 2010. — С. 422–445.
7. Млечин Л.М. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М.: Центрполиграф, 2008. — 511 с.
8. Неизвестный Андропов // Известия. — 2009. — 19 июня (№ 107).
9. Российский государственный архив социально–политической истории. Ф. М-1. Оп. 18. Д. 4377.
10. Семичастный В., Месяцев Н. Свидетельствуют очевидцы // Правда. 1993. 28 апреля.

Vasiliev Yu. A.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow University for the Humanities, Moscow

Andropov vs Semichastny

The publication highlights the critical tone of the memoirs of the former chairman of the KGB under the Council of Ministers of the USSR V.E. Semichastny in relation to his successor as head of the state security agencies Yu.V. Andropov. Semichastny's criticism mainly concerns the «Leningrad cause». The memoirs of general Semichastny, published in 2002, as well as his scandalous interview in the *Izvestia* newspaper in 2009, served as a kind of trigger for the appearance of publications by a number of authors who harshly criticized Andropov for his alleged involvement in the repressions, including the «Leningrad cause».

The article refutes speculations based on myth-making and presents unknown documentary facts of the political biography of the main critic, V.E. Semichastny.

Keywords: Yu.V. Andropov; V.E. Semichastny; G.N. Kupriyanov; «Leningrad cause»; history of the USSR; criticism; party and statesman.

Жаров С.Н.

Доктор юридических наук, доцент,

Институт права Челябинского государственного университета,

г. Челябинск

Формы и методы борьбы «коллективного запада» против СССР в публичных выступлениях Ю.В. Андропова

Статья посвящена анализу опубликованных выступлений председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова на различных публичных мероприятиях перед советскими гражданами и иностранцами, в которых он разоблачал усилия иностранных разведывательных служб по дестабилизации обстановки в Советском Союзе.

Ключевые слова: Ю.В. Андропов; КГБ СССР; угрозы советским гражданам; национализм; идеологическая диверсия.

Председатель КГБ СССР неоднократно использовал возможности открытых трибун для освещения перед советскими гражданами сложной и важной деятельности подчинённого ему органа обеспечения государственной безопасности, опасностей и угроз советским гражданам со стороны спецслужб и подрывных центров империалистических государств.

2 ноября 1966 года Ю.В. Андропов выступил перед студентами и преподавателями МГУ им. М.В. Ломоносова на тему «Некоторые вопросы развития и укрепления мировой системы социализма» [1, с. 69–84]. В этом выступлении он, в частности, обратил внимание слушателей на различные формы противостояния двух базовых систем — империализма и социализма, и их изменения, связанные с развитием социалистической системы. С появлением социалистических государств империализм, руководствуясь так называемыми доктринаами «отбрасывания» и «освобождения», предпринимал попытки прямого выступления против

стран социализма, пытаясь реставрировать в них капитализм силовыми, вооружёнными методами, не остановившись и перед разжиганием мировой войны.

Через два десятка лет ненависть империализма к социалистической системе ничуть не уменьшилась, но надежды на силовое решение проблемы рухнули, хотя время от времени осуществляются такие попытки. Докладчик привёл в пример Вьетнам, где осуществлялась открытая агрессия США, но нам сегодня известны многие точки на планете, которые с уверенностью можно было назвать «горячими».

Новая тактика враждебных действий империалистических государств — это результат молчаливого признания прочного утверждения нового строя в социалистических странах, который уже не взломать прямой военной агрессией. В основу этой тактики положен расчёт на так называемую «эволюцию» народов социалистических государств, выраженную во внутренних изменениях государственного строя, которые капиталисты стре-

мятся вызвать при помощи различных средств в политической, экономической и особенно идеологической сфере. Понимая всю опасность такой тактики, нам необходимо наряду с её разоблачением противопоставлять ей нашу тактику. Но, с другой стороны, такие изменения в тактике империалистов свидетельствуют о нарастающем влиянии социалистического содружества, его побед и укрепления. Империализм таким образом принял наш вызов на мирное соревнование, и в этих условиях огромное значение приобрело укрепление успешное продвижение к цели построения нового общества, всемерное укрепление социалистического содружества.

Практика социалистического строительства в течение двух послевоенных десятилетий дала Ю.В. Андропову основание определить основные угрозы миру социализма. Первой из них он назвал национализм, способный возникнуть на той же почве, что и национальная культура и патриотизм, и проникнуть в партию, повлияв на её политическую и идеологическую работу.

Другая угроза представлена слепым следованием методам управления экономикой, сложившимся ранее. Необходимость связи развития экономики с научно-технической революцией требует совершенствования этих методов, не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве.

Не менее опасно и искривление принципа демократического централизма в политической организации социализма. Жёсткая централизация власти, естественная в годы войны, некоторыми руководителями гипертрофируется, что ведёт к сворачиванию социалистической демократии и иным негативным последствиям.

Эти и другие ошибки нашего руководства обязательно используются нашими противниками для подрывной деятельности внутри нашего общества.

В юбилейном докладе «Пятьдесят лет на страже безопасности советской Родины», прочитанном в Дворце съездов 20 декабря 1967 г. [1, с. 85–106], Ю.В. Андропов отметил, что формы и методы обеспечения безопасности страны тесно связаны с исторической ситуацией, с этапами укрепления социалистических основ. Так, в первое десятилетие советской власти в основе деятельности органов была борьба с внутренними классовыми врагами, а в предвоенный период центр тяжести перешёл на борьбу с внешним противником, прежде всего с разведками империалистических государств. В годы Великой Отечественной войны контрразведчики успешно оберегали Красную Армию и Флот от шпионов и диверсантов,

Докладчик отметил, что теперь изменились границы и масштабы подрывных действий наших врагов. Империализм организует провокации, перевороты и путчи, применяет клевету и дезинформацию в радиовещании на социалистические страны, стремясь ослабить их могущество и единство. Важнейшим оружием для успешных подрывных действий являются идеологические диверсии.

Подробную характеристику этого вражеского оружия дал Ю.В. Андропов в своём выступлении на совещании в КГБ СССР в феврале 1979 г. [1, с. 161–168]. Область применения такой диверсии — политическая, философская, правовая, нравственная, эстетическая, религиозная и прочие. Цель её — ослабление, расшатывание идейного единства наших народов, осуществляется она специальными средствами и является, как правило, вмешательством во внутренние

дела государств. В международном масштабе — дискредитация реального социализма, ослабление его боевого потенциала и снижение накала классовых битв в странах капитала, разложение в рядах трудящихся, и в целом прекращение борьбы против эксплуататоров. Основные методы, на которые указывал ещё В.И. Ленин — ложь и клевета, поэтому строится диверсия на подтасовке и грубом искажении фактов. В результате наши враги стремятся идеино опустошить нашего человека, возбудить в нём чувства неуверенности в завтрашнем дне, недоверия к власти, эгоизма, посеять в нём аполитичность и националистические предрасудки. Именно такой человек становится лёгкой жертвой идеологической диверсии.

Докладчик говорил о двух сторонах борьбы с идеологическими диверсиями, поскольку их организаторы и часто даже исполнители находятся за рубежом, а объектом воздействия являются советские люди. И хотя в СССР нет социальных основ для антисоветской деятельности, появляются люди, впавшие в политические или идеологические, религиозные заблуждения, моральное разложение или нежелание работать. Не все они встанут на путь антисоветской деятельности, но каждый, кто встал на него — ранее уже отступил от норм социалистической морали.

Борьба с организаторами идеологических диверсий — иностранными спецслужбами и подрывными центрами ведётся постоянно, решительно и бескомпромиссно. Но гораздо более сложный участок нашей работы — это борьба за каждого советского человека, когда он оступился, оказание ему помощи в возращении на правильный путь.

Органы государственной безопасности не смогли бы добиться впечатляющих успехов в этом противостоянии без активной помощи советских людей, считающих своим священным долгом беречь и охранять безопасность Родины. Империализм, по мнению Ю.В. Андропова, в целом утратил социальную базу внутри нашей страны.

История не подтвердила убеждённости председателя КГБ СССР, и угрозы, о которых от предупреждал, во многом стали причиной распада нашего государства, после которого высказанные Андроповым идеи стали весьма неудобны строителям «рыночного общества», вследствие чего их постарались удалить из народной памяти. Однако, как отметил историк О. М Хлобустов, некоторые из этих идей до сих пор актуальны не только для работников государственной безопасности, но и для всех граждан России [2, 265].

Литература и источники

1. *Андропов, Ю.В. Избранные статьи и речи. М.: Политиздат, 1983. — 320 с.*
2. *Хлобустов, О. М. Четвёртый председатель КГБ СССР — Юрий Владимирович Андропов // Исторические чтения на Лубянке. «Щит и меч Советского Союза»: материалы XXVIII междунар. науч. конф. / Сост. А. А. Плеханов. — М.: Издательство Фронткнига, 2024. — С. 260–269.*

Zharov S.N.

*Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
Institute of Law, Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk*

Forms and Methods of the «Collective West» Fight against the USSR in the Public Speeches of Yuri V. Andropov

The article is devoted to the analysis of the published speeches of the Chairman of the KGB of the USSR, Yuri V. Andropov, at various public events before Soviet citizens and foreigners, in which he exposed the efforts of foreign intelligence services to destabilize the situation in the Soviet Union.

Keywords: Yuri Andropov; KGB of the USSR; threats to Soviet citizens; nationalism; ideological sabotage.

Бекман Й.

Доктор общественно-политических наук, доцент правовой социологии,

Университет Хельсинки,

Финляндия, Хельсинки,

доцент, специалист,

Петрозаводский государственный университет,

Россия, Петрозаводск

КГБ и Финляндия

В статье рассматривается деятельность КГБ в Финляндии с точки зрения известных резидентов с 1930-х по 1990-е гг. и причины, по которым финские журналисты и историки освещают и популяризируют резидентов КГБ в Финляндии (в то время как в России почти забыли про них). Сами резиденты КГБ в Хельсинки также опубликовали свои мемуары только на финском языке для финнов, что повысило их популярность в Финляндии. Популярность резидентов КГБ в Финляндии растёт: в 2025-м году появились про них новые книги в Финляндии.

Ключевые слова: КГБ; Финляндия; резидент; журналистика; СССР.

Когда я выступал с докладами на эту тему на «Исторических чтениях на Лубянке» в декабре 2024 года в Москве, а также на других мероприятиях в России, было необычно отметить, что, хотя деятельность резидентов КГБ в Финляндии является предметом особого внимания финских историков и журналистов, многие известные резиденты в русской аудитории до сих пор почти неизвестны. Например, Виктор Михайлович Владимиров — генерал КГБ, десятилетиями проработавший в Финляндии и установивший тесные связи со всей финской элитой, вызывает постоянный интерес финских историков и журналистов, но в России его мало помнят. В некотором смысле можно даже сказать, что в Финляндии популяризация резидентов КГБ достигла своего пика.

Хотя Финляндия сейчас ведёт информационно-гибридную войну против России, финны по-прежнему уважают

своих резидентов КГБ, которые работали в Финляндии в советском посольстве. В результате резиденты КГБ также издали несколько книг на финском языке для финнов. Эти книги к сожалению до сих пор не переведены на русский язык.

Под оперативным псевдонимом «Кин» был хорошо известный в Финляндии советский разведчик Борис Аркадьевич Рыбкин (1899–1947), использовавший также псевдоним «Ярцев». Именно под этим именем «Ярцев» его знают финны, и это очень известное имя в финской исторической литературе и журналистике. Рыбкин получил секретное задание от Сталина провести переговоры с финским руководством в Хельсинки в 1938 г. с целью отговорить финское руководство от стремления к сближению с нацистской Германией и заставить Финляндию согласиться на оборонительный договор и обменяться территорией с СССР. Другими словами, секретная миссия Ярцева состо-

яла в том, чтобы предотвратить начало войны, которая позже была названа «Войны Эркко» или «Зимней Войны». Именно связи с этим в исторической сознании финнов остался термин «переговоры Ярцева». Рыбкин был опытным дипломатом, его жена была известной разведчицей З.И. Воскресенская (представитель «Интуриста» в Хельсинки, псевдоним «Александра Круглова») [1, с. 344–353]. Ярцев стал известен в Финляндии после того, как финский историк Юхани Суоми (политический сторонник Центристской партии и Кекконена) опубликовал в 1973 году докторскую диссертацию под названием «Фон зимней войны», в которой подробно обсуждались «переговоры Ярцева» [2]. Ярцев также появился на финском телевидении, когда в 1978 году по каналу TV2 финского телевидения транслировался крупной телесериал «Люди войны и мира», который вызывал много внимания и интереса. Таким образом, Ярцев стал для финнов даже «телезвездой» [3].

Финны не могут забыть Ярцева, ведь совсем недавно, в феврале 2025 года, в популярной книге «Сталинская шпионка в Финляндии: дело Ярцевой» [4], опубликованной известным финским журналистом-расследователем Мартти Бакманом, романтизировалась деятельность супружеской пары в Финляндии. «Захватывающее повествование о самой успешной женщине-шпионке Советского Союза, которая также сыграла решающую роль в судьбе Финляндии», пишут в аннотации книги.

Самым известным довоенным делом о шпионаже в Финляндии было так называемое дело Пенттикяйнена. Вилхо Пенттикяйнен был офицером финской армии в Хельсинки, родившимся в 1903 году, чья истинная деятельность на благо СССР стала известна только после того, как

Пенттикяйнен бежал в СССР в 1933 году. К сожалению, точная судьба Пенттикяйнена неизвестна — даже год его смерти неизвестен. В СССР он якобы пользовался псевдонимом «Эрик Арт». Говорят, что он был активен в различных кругах, от Ленинской школы до Испании. Журналист Бакман опубликовал о нём довольно качественную книгу в 2017 году [5].

Самым важным человеком в отношениях Финляндии с КГБ является, конечно же, Виктор Михайлович Владимиров — генерал КГБ, проработавший в советском посольстве в Финляндии в течении четырёх десятилетий. Владимиров — имя, известное всем финским журналистам и историкам, — свободно говорил по-фински, и ему удалось установить функциональные отношения со всей финской элитой, включая президентов. Он также помог создать систему, в которой спецслужбы обеих стран в первую очередь защищали доверие и добрососедство между двумя странами, а также позитивный политический климат (именно то, что финны разрушили после 2022 года). В 1993 году Владимиров опубликовал свои мемуары на финском языке под названием «Вот как это было... воспоминания и наблюдения о закулисной дипломатии в Финляндии в 1954–1984 годах» [6], в которых он дал точные оценки ряду направлений финской политики и финскому политикуму в целом. Книга достаточно обширная, 450 страниц, и привлекла много внимания в Финляндии. Когда книга вышла в свет, мне было 22 года, и я хорошо помню, как даже младёжь в Финляндии с интересом читала эту книгу. Эти мемуары доступны только на финском языке. Сам Владимиров пишет в предисловии к своей книге: «В этой книге я рассказываю о событиях и людях, которые так или иначе повлияли

на политическое положение Финляндии, её внешнюю политику и развитие финско-советских отношений. Мои мемуары охватывают 30-летний период с 1954 года, когда я начал вникать в проблемы Финляндии, до 1984 года, когда я наконец покинул эту замечательную страну» [6, с. 7].

Ещё в 1995 году Владимиров опубликовал на финском языке исследование под названием «Навстречу Зимней войне» [7], в котором описываются истоки Зимней войны (того самого процесса, который «Кин» пытался предотвратить). По моим оценкам, эта книга обоснована на доклад (возможно, «Кина»), или диссертации самого Владимирова, который захотел её опубликовать для финнов чтобы предотвратить возможные подобные процессы.

Особенностью финской политики является популярность Владимирова, который действительно популярен в полном смысле этого слова. Фотография, на которой Владимиров ловит рыбу с президентом Кекконеном, а также бесчисленное множество других фотографий, журналистских репортажей, книг и мемуаров, в которых упоминается Владимиров, являются наглядными примерами. Каждый финский журналист и историк также знает, кем был В.М. Владимиров, но, к сожалению, в России о нём почти забыли. Это связано с тем, что в прошлом в СССР было подготовлено несколько офицеров разведки (а также партийных работников), которые специализировались на финских делах. Они были хорошо знакомы с финским языком, финской политикой и политиками. Сейчас Россия уделяет больше внимания подготовке экспертов по вопросам ЕС и НАТО.

Знаменитый тайный переговорщик Рыбкин («Ярцев») не оставил мемуаров, но во время и после войны Елисей Тихонович Синицын («Елисеев»), работавший

в Хельсинки и Стокгольме, опубликовал мемуары на финском языке в 1995 году под названием «Безмолвная правда — показания секретного агента» [8]. Синицын много рассказывал о дипломатии военного времени и позиции Финляндии, а также о своих контактах с финскими политиками. Однако финские читатели и эксперты не всему поверили, потому что информацию нельзя было ни с чем сравнить. Таким образом, Владимиров продолжал оставаться самым популярным и пользующимся доверием советским резидентом в Финляндии. В случае с Елисеевым идея заключалась в том, что важной задачей резидентов КГБ в Финляндии было продвижение демократии и укрепление добрососедских отношений: по словам редактора книги, Елисеев «стремился содействовать демократизации страны и укреплению дружбы между народами Советского Союза и Финляндии» [8, с. 8].

Совсем недавно, в 2018 году, когда многолетний директор финской разведки Сеппо Тиитиинен опубликовал свои мемуары, Владимиров также сыграл в них ключевую роль. Владимирова уважали в Финляндии, и считалось важным, что такой опытный человек был направлен заниматься финскими делами. Примечательно, что глава финской полиции охраны в 1978–1990 годах Сеппо Тиитиинен опубликовал свои мемуары в 2018 году и подробно рассказал о своём сотрудничестве с Владимировым в своей книге [9].

Финны никак не могут забыть Владимирова. Ещё в 2022 году молодой финский историк Мари Луукконен опубликовала свою докторскую диссертацию, и даже она не смогла забыть Виктора Михайловича. Книга Луукконена называлась «В тенях железного занавеса: финская политика безопасности

в напряжениях между Востоком и Западом 1978–1990» [10]. Луукконен в своём исследовании рассказал о годах, когда Тиитиинен возглавлял финскую разведывательную службу, и большая часть книги посвящена сотрудничеству между Тиитииненом и Владимировым. По словам Луукконена, их взаимодействие сформировало своего рода функциональную систему.

Главным начальником В.М. Владимира в КГБ был Ю.В. Андропов, который возглавлял КГБ с 1967 по 1982 год. Пока Андропов был генеральным секретарём с 1982 по 1984 год, важное значение приобрели отношения с президентом Финляндии Мауно Койвисто. В докторской диссертации, опубликованной в 2023 году, на основе финских архивов описывается, как Андропов использовал Койвисто для общения и уточнения позиций с различными западными лидерами, начиная с премьер-министра Пальме и заканчивая вице-президентом Бушем и президентом Рейганом. Например, осенью 1983 года в Вашингтоне Койвисто задал вице-президенту Бушу вопросы, присланные Андроповым и написанные на бумаге. Целью встречи было изучение возможностей проведения саммита и развития отношений между США и СССР [11, с. 203].

Преемником Виктора Михаловича в 1985 году на посту резидента КГБ в Хельсинки стал Феликс Дмитриевич Сутырин (псевдоним «Карасев»). В 1998 году он также опубликовал свои мемуары в Финляндии под названием «Воспоминания соседского мальчика» [12]. Сутырин работал в Ленинграде в 1970-х годах с такими молодыми разведчиками, как Владимир Путин, Сергей Нарышкин и Сергей Иванов. Сутырин также был популярен в Финляндии, хорошо выполнял свою работу,

и его книга вызвала интерес в финской аудитории.

Особенностью этого дела является то, что послы СССР в Хельсинки не оставили после себя мемуаров, единственным исключением был Юрий Дерябин, опубликовавший свои мемуары в 1997 году. Как пишет сам Дерябин, «я старался не упоминать без необходимости имена финских или других политиков, не говоря уже о том, чтобы характеризовать или оценивать их» [13, с. 13].

Позиция Дерябина прямо противоположна позиции Владимира, который в своей книге подробно оценивает финских политиков. Название мемуаров Дерябина «Под своим именем» отсылает к одной интересной советской традиции в Финляндии: изданию просветительских книг для финской аудитории в 1970–1980 гг. Именно Дерябин ранее участвовал в проекте, в рамках которого под псевдонимом «Юрий Комиссаров» было опубликовано несколько просветительских книг об отношениях и политике между Финляндией и Советским Союзом. В своих мемуарах Дерябин «признаётся», что он был тем Комиссаровым, о котором идёт речь (это девичья фамилия его жены). В серии были опубликованы следующие работы на финском языке: «Финляндия занимает свою позицию» (1973) [14], «30 лет добрососедства» (1977) [15], «Этапы сотрудничества» (1979) [16], «Линия» (1985) [17], и «Север Европы глазами Москвы» (1989) [18].

Поскольку эти книги касались жизненно важных отношений между Советским Союзом и Финляндией, военной политики и политики безопасности, а также разнообразной базы знаний, очевидно, что в их работе принимал участие КГБ (возможно, рабочая группа). Просветительские книжные проекты в 1970-х

и 1980-х годах также были довольно популярны в Финляндии, и прозвище «Комиссаров» было популярным понятием. Следует отметить, что за книгами «Комиссарова», изданными в конце 1980-х годов, сразу же последовали мемуары резидентов КГБ в начале 1990-х.

Финские писатели-антисоветчики также интересовались деятельностью резидентов. Ханну Рауткалио, один из самых важных финских историков, занимающийся темой, которую мы обсуждаем, изучал карьеру президента Кекконена и деятельность КГБ в Финляндии. Одна из его самых известных книг называется «Лаборатория Суоми: Кекконен и КГБ, 1944–1962» [19]. Таким образом, «Финляндия» для Рауткалио была «лабораторией» КГБ, в которой Кекконен сыграл значительную роль. Ещё одна важная книга — «Инцидент в Новосибирске» [20], которая связана со знаменитой советской «нотой» Финляндии 1961 года. В Финляндии это событие получило название «нотовой кризис», когда СССР потребовал военных консультаций, сославшись на немецкую угрозу. По словам Рауткалио, это был заговор с КГБ, с целью переизбрания Кекконена на пост президента. В Финляндии Рауткалио подвергся критике как так называемый «доцент по единому документу», что означает, что он якобы делает важные выводы только из одного документа. Отцом Ханну Рауткалио был Пааво Каллио, полицейский и член парламента, который во время советской оккупации Карелии был комендантом Петрозаводского концентрационного лагеря № 5, а после войны был приговорён к тюремному заключению в Финляндии, за что Кекконен отказался его помиловать.

Одним из самых известных финских писателей-антисоветчиков является Юкка

Сеппинен, который также является активным реваншистом который требует «вернуть Карелию». Он стремится переписать политическую историю Финляндии, утверждая, что руководство финского государства тоже были реваншистами, т.е. они преследовали реваншистские цели по возвращению территорий. Сеппинен, например, утверждает, что Кекконен пытался обменять Карелию на признание ГДР или на кусочек Лапландии [21]. Хотя финские историки и журналисты обвиняли Сеппинена в политизации науки, ему тем не менее удалось доказать, например, определённые реваншистские амбиции Кекконена.

Сеппинен даже считает, что является создателем нового научного направления в Финляндии, исследований разведывательных служб, в т.ч. в своей почти 800-страничной энциклопедической книги о стратегии КГБ в Финляндии, под названием «Советская разведка в Финляндии 1917–1991 — стратегия и деятельность» [22]. Работа в основном базируется на архивах финской полиции безопасности и подробных отчётах о том, с кем агенты КГБ встречались в Финляндии. Цель книги — доказать, что многие политики и чиновники встретились с агентами КГБ почти открыто, но финская контрразведка наблюдала что происходит, и в некоторых случаях, хотела нарисовать красные линии. В этой книге о советской разведке в Финляндии, Сеппинен пишет: «Роль советской службы безопасности в Финляндии заключалась не только в шпионаже, но и в значительной степени в этом. На ведущем уровне политической реальности мы больше не можем говорить о шпионаже за теми, кто создаёт реальность» [22, с. 20].

В 2007 году была опубликована книга под названием «Человек, который сказал

“НЕТ” КГБ» [23] — это собственные мемуары Юкки Сеппинена, в которых он объясняет, почему его карьера была не такой успешной, как у других чиновников министерства иностранных дел Финляндии, поскольку он категорически отказывался сотрудничать с агентами КГБ. Он также пытается объяснить, как КГБ искажал развитие финской политики. Сеппинен рассказывает о своей собственной деятельности в Министерстве иностранных дел Финляндии, где он участвовал в подготовке многих важных решений. Сеппинен — интересная личность, поскольку у него есть несколько университетских дипломов, полученных в Финляндии, а также он прошёл специализированную подготовку во Французской школе государственной службы. По его собственному мнению, он прекрасно знал, как действовал КГБ в Финляндии, поэтому ему удалось избежать любого сотрудничества с КГБ, из-за чего он и не получил заслуженного продвижения по службе. Сеппинен в своей автобиографии «Человек, который сказал “НЕТ” КГБ» так определил свою роль: «Я работал политработником передовой линии обороны на Восточном фронте Финляндии». Сеппинен считал важной задачей не допустить продвижения КГБ в МИД Финляндии притайной поддержке президента Кекконена: «В МИДе мне пришлось блокировать продвижение КГБ в Финляндии и тем самым действовать против мейнстрима. Задача была великолепная и требовала патриотизма, и рискованных действий против мейнстрима. Поддержка Кекконена на такой должности была великим делом» [23, с. 136, 294].

Юкка Сеппинен хотел опубликовать всеобъемлющую презентацию о роли Финляндии в мире разведки. Он опубликовал двухтомный энциклопедиче-

ский труд «Независимая Финляндия в мире шпионажа», первая часть которого посвящена 1917–1945 годам [24], а вторая — 1945–2018 годам [25]. Очень плодотворная работа Сеппинена как автора книг поднимает вопрос о том, использует ли он помощников при их написании.

В связи с подготовкой Финляндии к вступлению в НАТО в Финляндии также возникла необходимость разрушить хорошую репутацию Владимира. Была придумана история о том, что Владимира не был дипломатом, который развивал отношения между Финлядией и СССР, но его настоящей задачей была организация убийств, а его работа в Финляндии была лишь прикрытием. Роман «Ангел души» (2014) [26] был написан финским лютеранским священником Арто Луукканеном, известным своей активной антироссийской деятельностью и сотрудничеством с Службой безопасности Украины. Утверждается, что Владимира возглавлял секретный отдел КГБ, который организовывал убийства.

В заключение хотелось бы отметить, что в политической истории Финляндии существует особый жанр, который популяризирует деятельность резидентов КГБ. Резиденты являются уважаемыми людьми в Финляндии, и финские историки и журналисты имеют право воздать должное вкладу, внесённому резидентами в развитие отношений между СССР и Финлядией. Особой центральной фигурой здесь является Виктор Михайлович Владимира, проработавший в Финляндии четыре десятилетия. Резиденты были важными людьми, чья работа была успешной. В то время СССР было важно обучать и нанимать на работу финских специалистов. Резиденты сами внесли свой вклад в популяризацию своей страны, активно

публикуя книги воспоминаний, которые обычно издаются только на финском языке. С другой стороны, в Финляндии также работали резиденты разведывательных служб других стран, с которыми

финские политики также поддерживали контакты. О них мало что известно, поскольку популяризация КГБ как бы заслонила их.

Литература и источники

1. *Барышников В.Н.* «Б.Н. Ярцев» и его роль в секретных советско-финляндских переговорах 1938 года // Личность в истории в эпоху Нового и новейшего времени. Памяти профессора С.И. Воропшилова. СПб., 2011. С. 344–353.
2. *Suomi Juhani*. Talvisodan tausta. Neuvostoliitto Suomen ulkopolitiikassa 1937–1939. 1, Holstista Erkkoon. Väitöskirja, Helsingin yliopisto. Otava. Helsinki. 1973.
3. *Tapio Matti*. Sodan ja rauhan miehet. Телесериал в 10-х частях, документальная драма. 679 min. TV2. 1978. URL: <https://www.imdb.com/title/tt0816402/> (дата обращения: 20.07.2024).
4. *Backman Martti*. Stalinin vakoojatar Suomessa: Tapaus Jartseva. Docendo. Helsinki. 2025. [Электронная версия книги].
5. *Backman Martti*. Vakoojat: Vilho Pentikäisen pako ja neuvostovakoilun romahdus 1933. Gummerus. Helsinki. 2017.
6. *Vladimirov Viktor*. Näin se oli... Muistelmia ja havaintoja kulissientakaisesta diplomaattitoiminnasta Suomessa 1954–84. Otava. Helsinki. 1993.
7. *Vladimirov Viktor*. Kohti talvisotaa. Otava. Helsinki. 1995.
8. *Sinitsyn Jelisei*. Vaiettu totuus: salaisen agentin todistajanlausunto. Otava. Helsinki. 1995.
9. *Tiitinen Seppo & Pekka Ervasti*. Tiitinen: Vakoilijoita ja veijareita. Otava. Helsinki. 2018.
10. *Luukkonen Mari*. Rautaesiripun varjossa: supo idän ja lännen jännitekentässä 1978–1990. Otava. Helsinki. 2022.
11. *Ovaska Juho*. Hiljainen käänne: Suomen ulkopolitiikan ja ulkopolitiisisen päättöksenteon murrokset vuosina 1982–1992. Väitöskirja. Turun yliopisto. Turku. 2023.
12. *Karasev Felix*. Naapurinpojan muistelmat. Otava. Helsinki. 1998.
13. *Derjabin Juri*. Omalla nimellä. Reunamerkintöjä Juri Komissarovin kirjoihin ja omaan elämään. Otava. Helsinki. 1997.
14. *Komissarov Juri*. Suomi löytää linjansa. Neuvostoliittolaisen historiantutkijan näkemys Suomen tasavalan vaiheista. Otava. Helsinki. 1973.
15. *Bartenjev T. & J. Komissarov*. Kolmekymmentä vuotta hyvää naapurua. Otava. Helsinki. 1977/
16. *Bartenjev T. & J. Komissarov*. Yhteistyön taipaleelta. Otava. Helsinki. 1979.
17. *Komissarov Juri*. Linja. Otava. Helsinki. 1985.
18. *Komissarov Juri*: Euroopan pohjoinen Moskovan näkökulmasta. Helsinki: Kirjayhtymä, 1989.
19. *Rautkallio Hannu*. Laboratorio Suomi: Kekkonen ja KGB 1944–62. WSOY. Porvoo. 1996.
20. *Rautkallio Hannu*. Novosibirskin lavastus: noottikriisi 1961. Tammi. Helsinki. 1992.
21. *Seppinen Jukka*. Menetetty Karjala?: Karjala-kysymys Suomen poliitikassa 1940–2000. Minerva. Helsinki. 2006.
22. *Seppinen Jukka*. Neuvostotiedustelu Suomessa 1917–1991: strategia ja toiminta. Ajatus. Helsinki. 2006.
23. *Seppinen Jukka*. Mies joka sanoi KGB: Ile EI — Ulkopolitiikan taustavaikuttajana 1970–1992. Edita. Helsinki. 2007.

24. *Seppinen Jukka*. Itsenäinen Suomi vakoilun maailmassa 1917–1945: tiedustelu on valtiollisen päätöksen-teon salaista tukitoimintaa. Docendo. Jyväskylä. 2017.
25. *Seppinen Jukka*. Itsenäinen Suomi vakoilun maailmassa 1945–2018: tiedustelu on valtiollisen päätöksen-teon salaista tukitoimintaa. Docendo. Jyväskylä. 2018.
26. *Luukkanen Arto*. Suojelusenkeli. Paasilinna. Helsinki. 2014.

Bäckman J.

*Doctor of Social and Political Sciences, Associate Professor of Legal Sociology,
University of Helsinki,
Finland, Helsinki,
Associate Professor, Specialist,
Petrozavodsk State University,
Russia, Petrozavodsk*

The KGB and Finland

The article examines the activities of the KGB in Finland from the perspective of well-known rezidents from the 1930s to the 1990s and the reasons why Finnish journalists and historians have covered and popularized the KGB rezidents in Finland (while they have almost been forgotten in Russia). Several KGB rezidents themselves in Helsinki also published their memoirs only in Finnish for Finns, which increased their popularity in Finland. The popularity of the KGB rezidents in Finland is growing: new books about them were published in Finland in 2025.

Keywords: KGB; Finland; rezident; journalism; USSR.

Кукарека А.Н.

*Кандидат исторических наук, доцент,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
и Российской Государственный социальный университет,
Москва*

**Неутомимый чекист
(к 110-летию со дня рождения генерал-лейтенанта
Е.П. Питовранова)**

Статья посвящена видному руководителю органов государственной безопасности СССР Евгению Петровичу Питовранову. В работе освещаются наиболее яркие эпизоды, характеризующие личность указанного сотрудника как в период его чекистской работы, так и в годы деятельности на внешнеэкономическом поприще нашего государства. Даны оценки деловым и личным качествам Е.П. Питовранов и указаны основные вехи и награды его боевой и трудовой деятельности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Высшая школа КГБ СССР; ГДР; контрразведка; НКВД СССР; органы госбезопасности, чекистско-войсковая операция

В органах государственной безопасности имеется добная традиция — чтить память видных личностей. Эта статья воздаёт должное памяти Евгения Петровича Питовранова, которому 20 марта 2015 г. исполнилось бы 110 лет со дня рождения. Связав с юных лет свою жизнь с полной тревог и опасностей службой в оперативных подразделениях, он добился значительных успехов в борьбе с разведывательной и иной подрывной деятельностью иностранных спецслужб, террористами и различного рода экстремистами. Его энергичная деятельность на невидимом и одновременно на переднем крае защиты нашего государства — яркий пример для подражания современным защитникам нашего Отечества.

В начале большого пути

Евгений Петрович Питовранов пришёл в органы безопасности в пору их реорганизации после чисток, в августе 1938 г., сразу же после окончания 4-го курса Московского электромеханического института по путёвке Московского комитета ВКП(б). Органы госбезопасности в этот непростой период крайне нуждались в пополнении новыми кадрами. Особенно дело касалось сотрудников, имевших высшее образование, общее количество которых на конец 30-х годов прошлого века составляло чуть более 1,5 %.

Особенно в период подбора в органы, Евгению Петровичу запомнилась ознакомительная беседа с руководителем оперативного подразделения, которая прошла в доброжелательном духе. Питовранов, взвешивая все за и против, спросил тогда

собеседника о том обстоятельстве, что он сын священника. Сотрудник с добной улыбкой ответил, что ещё несколько лет назад И.В. Сталин публично заявил, что сын за отца не отвечает. Это окончательно развеяло все сомнения будущего чекиста.

Молодой инженер был зачислен в кадры Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР и назначен на должность оперативного уполномоченного. Его начальной чекистской школой было наставничество со стороны заместителя начальника 3-го отдела ГУГБ (контрразведка) опытного чекиста Карпенко Трофима Николаевича.

Первые шаги молодого чекиста были успешными. Он глубоко изучил нормативные правовые документы, касающиеся деятельности органов госбезопасности и специальную документацию, познакомился с функциями отдела и его сотрудниками, осуществил первые оперативные мероприятия.

Вспоминая этот период своей работы в органах безопасности, Евгений Петрович особенно тепло отзывался о Трофиме Николаевиче: «Именно этот человек побудил меня по-настоящему полюбить чекистскую профессию и взять на вооружение три принципа её претворения в жизнь», — неоднократно говорил впоследствии Питовранов.

Первый. Сотрудник органов госбезопасности должен быть настоящим патриотом Отечества, любить свою Родину, стойко и преданно её защищать в самых трудных и опасных для жизни условиях обстановки. При этом Трофим Николаевич ссыпался на примеры беззаветного служения своему народу не только таких известных революционеров, как И.В. Сталин и Ф.Э. Дзержинский, но и выдающихся чекистов в лице Р.В. Менжинского, М.Я. Ласиса, И.К. Ксенофон-

това, А.Х. Артузова и других. Он говорил, что чекистам старшего поколения было присуще политическое чутьё, глубокое понимание нужд и чаяний народа, а также высокий профессионализм. За их плечами были сотни удачных оперативных разработок, десятки успешно проведённых операций [1, с. 49].

Второй. Оперативный сотрудник органов госбезопасности должен быть юридически грамотным и исключительно законопослушным. Все его действия должны осуществляться в рамках строгого правового поля, быть тщательно осмыслены и обоснованы. Тогда граждане нашей страны будут верить чекисту и оказывать помощь в решении самых сложных задач [1, с. 49].

Третий. Чекист должен жить одними интересами с людьми, быть общительным, доступным и внимательным к ним. Для этого он должен стать тонким психологом, располагать к себе людей и всегда выполнять свои обещания [1, с. 50].

Уроки опытного наставника попали на благодатную почву и пошли впрок Евгению Петровичу, который день ото дня всё глубже вникал в таинства оперативной работы, отдавая ей свою энергию и силу.

Не из робкого десятка

Евгений Петрович Питовранов был человеком решительным и смелым. Это становится очевидным из его послужной биографии. Вот один из примеров. 20 октября 1941 г. выдался для заместителя начальника УНКВД по Горьковской области старшего майора госбезопасности Е.П. Питовранова не совсем обычным. Несколько часов назад он получил сообщение от московских чекистов об обострении обстановки в столице и введении в ней осадного положения. В это же время на одном из заводов в Горьком,

который недавно освоил выпуск противотанковых орудий, возникли проблемы с поставкой сырья. Кроме того, по неустановленной причине прорвался водопровод и частично затопило один из цехов завода, а в инструментальном цехе не вышли в утреннюю смену несколько рабочих. Напрашивалась поездка на завод руководства Управления для уточнения на месте возникших затруднений и принятия неотложных мер по их устранению.

Разобравшись с дневной текучкой, Евгений Петрович, согласовав вопрос с начальником Управления, решил побывать на заводе после заступления на работу второй смены. В запланированное время, захватив с собой сотрудника отдела безопасности экономики сержанта госбезопасности Манцева, он прибыл на объект. Вместе с оперативными работниками объекта и главным инженером было решено на месте выяснить возникшие затруднения.

Прежде всего, посетив склад сырья, группа Евгения Петровича сумела убедиться в том, что металла на нём есть ещё на несколько суток работы, а очередные поставки задерживаются из-за крушения товарного поезда в 150 км от города. Когда чекисты прибыли в полу затопленный цех, Питовранов сразу обратил внимание на выведенный из строя запорный кран. Евгений Петрович незамедлительно привлёк к выявлению причин аварии опытных следователей-криминалистов Управления. Разобрались и с невыходом в смену рабочими.

Работа Евгения Петровича на объекте приближалась к завершению, когда по заводу был передан сигнал воздушной тревоги. Видимо, к городу прорвались злосчастные фашистские самолёты-одиночки, которые уже около месяца совершали периодические налёты на оборонные пред-

приятия. Главный инженер предложил Евгению Петровичу и его сотрудникам перейти в бомбоубежище, которые с недавнего времени были оборудованы для каждого цеха. Но не успел он произнести последние слова, как раздался сильный взрыв фашистской бомбы рядом с цехом, где они находились. Приподнялась крыша здания, зазвенели стёкла, раздались крики и стоны людей, возник пожар. Евгения Петровича взрывная волна сильно ударила о станок и бросила наземь. Головной убор улетел, разбились очки. Сержант Манцев, которого взрыв отбросил к стенке цеха, приди в себя, осмотрелся, а увидев своего оглушённого начальника, помог ему встать и прийти в себя. Это был своеобразный «передний край» горьковских чекистов [2, с. 23].

Известен и другой случай, произошедший на новом месте службы Евгения Петровича в Кировском УНКВД. Сохранилось спецсообщение от 4 мая 1943 г. № 8–1366, направленное в центральный аппарат наркомата внутренних дел о причинах низкой производительности Белохолуницкого завода. Имея наработанный на этом направлении опыт, Питоврановым и созданной им комиссией были вскрыты причины срыва выпуска корпусов для так необходимых фронту 76-мм и 45-мм снарядов [3, с. 439].

В ходе оперативной, а затем и следственной работы стало очевидным, что на предприятии практически полностью отсутствовал контроль управленческого и производственного аппаратов. Такое состояние привело к несвоевременной переброске необходимых материалов и высокому уровню брака готовой продукции, достигавшему до 75 % [3, с. 440].

Своевременные действия чекистов обеспечили исправление ситуации и нормализации работы, причём безо всякого

репрессивного воздействия на руководство предприятия.

На нелёгком жизненном пути Евгения Петровича были и другие, не менее опасные случаи, где отчётливо проявились его воля, мужество и упорный характер. Вот ещё один из них.

В апреле 1956 г. Евгений Петрович, будучи в то время старшим советником КГБ при СМ СССР при министре госбезопасности ГДР генерале Мильке, с которым они были не только коллегами-профессионалами, но единомышленниками, получил приглашение совершить совместную поездку в Росток, на побережье Балтийского моря. Здесь генералам предстояло разобраться с некоторыми обстоятельствами, связанными с разведывательно-подрывной деятельностью английской разведки.

Оперативная обстановка на территории ГДР, если не считать резкого обострения в июне 1953 г., была в целом благоприятной. Тем не менее, Мильке, отправляясь более чем в 200-километровую поездку на север ГДР, взял с собой охрану из 6 человек, которая должна была следовать в отдельной машине.

Поездка из Берлина до Ростока, началась ранним утром 12 апреля и прошла благополучно. Завершив все намеченные дела, Мильке и Питовранов двинулись обратно. Было решено следовать другой дорогой по причине крупной аварии на основной автомагистрали.

Проследовав от Ростока около пятидесяти километров, машины выехали на дорогу, которая проходила через лесной массив и мимо заброшенных выработок, где в первое время после войны скрывались недобитые банды фашистов. Как раз на это обстоятельство обратил внимание Евгения Петровича Мильке, когда машины, немного сбавив скорость, приблизились к крутому повороту. Вдруг со

стороны разработок раздались выстрелы. Машины остановились. Охрана, высокочив на обочину, открыла ответный огонь. Спешившись, генералы, присоединились к оборонявшимся.

Оказалось, что банда, устроив засаду, намеревалась одновременно воздействовать на обе машины. Внезапно с противоположной стороны появилось два вооружённых бандита. Евгений Петрович не растерялся и выстрелил в автоматчика, сразив его наповал. Второго прикончил водитель Мильке. Не ожидая такого отпора, остальные члены банды, потеряв четверых подельников, ретировались [4, с. 174].

Когда через год после описанного случая Евгений Петрович покидал ГДР и своих добрых друзей, он вспомнил эту короткую схватку и подумал, сколько ещё потребуется усилий, чтобы на этой земле, не однажды ввергавшей Европу в пучину опустошительных войн, пришёл долгожданный и прочный мир.

Немного о биографии

Жизненный путь Евгения Петровича Питовранова — это своеобразная летопись органов госбезопасности нашего государства с 1939 по 1966 годы. Именно на этот период приходятся самые крутые повороты в истории Отечества и его политических институтов. Евгению Петровичу удалось с честью пройти эти сложные жизненные лабиринты.

Питовранов родился 20 марта 1915 г. в селе Князевка Петровского уезда Саратовской губернии в семье сельского священника и местной учительницы. Окончив в 1930 году школу-семилетку, он поступил в железнодорожное фабрично-заводское училище Рязано-Уральской железной дороги. После окончания училища, Евгений два года работал токарем паровозоремонтного завода в Саратове.

Здесь был принят в комсомол. В 1934 г. поступил в Московский электромеханический институт. Ещё до окончания учёбы, в 1938 г., вступил в ВКП(б). Способного и энергичного юношу заметили, и как уже описывалось ранее, Питовранова направляют на службу в органы государственной безопасности, где он получил назначение на должность оперативного уполномоченного 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР. С декабря 1938 г. находится на руководящих должностях оперативных подразделений. С мая 1940 г. — заместитель начальника, с февраля 1941 г. — начальник УНКВД по Горьковской области. В период работы в г. Горьком, будучи членом горкома партии, непосредственно участвовал с самого начала Великой Отечественной войны в переводе экономики города и области на режим работы в условиях военного времени и налаживании выпуска продукции для нужд фронта [5, с. 670].

В декабре 1942 г. Питовранов был назначен начальником УНКВД, а в мае 1943 г. — начальником УКНГБ по Кировской области. В марте 1944 г. он получил назначение на должность начальника УКНГБ по Куйбышевской (ныне Самарской) области. В феврале 1945 г. Евгений Петрович был удостоен поста наркома (с марта 1946 г. — министра) госбезопасности Узбекской ССР. В июне 1946 г. он был переведён в Москву на должность заместителя начальника, а с сентября — начальника Второго главного управления — заместителя министра МГБ СССР.

В конце октября 1951 г. Питовранов был арестован по так называемому делу В. А. Абакумова. Евгений Петрович обвинялся в антисоветской деятельности, предательстве, участии в «сионистском» заговоре в МГБ и до ноября 1952 г. находился под следствием. По указанию И. В. Сталина был освобождён

из заключения и назначен начальником 4-го управления МГБ СССР, а в январе 1953 г. — начальником 1-го Главного Управления (внешняя разведка) МГБ СССР.

В июне 1953 г. Евгений Петрович был направлен в Германскую Демократическую Республику на должность уполномоченного МВД СССР. С мая 1954 г. — заместитель военного комиссара, начальник инспекции по вопросам безопасности в ГДР. В марте 1957 г. Питовранов назначается начальником 4-го Управления КГБ при СМ СССР. Спустя три года, в марте 1960 г., он направляется в Китайскую Народную Республику начальником аппарата представительства КГБ при СМ СССР при внешней разведке КНР. После возвращения в СССР в апреле 1962 г. назначается начальником Высшей школы КГБ им. Ф. Э. Дзержинского, где оставил заметный след в реорганизации высшего образования органов госбезопасности. После ряда необоснованных заявлений в адрес руководства страны со стороны отдельных якобы «потерпевших» от Питовранова сомнительных личностей, он, без серьёзной проверки, в 1966 г. в возрасте всего 51 года, был уволен в запас [5, с. 670].

Много и плодотворно трудился Питовранов на посту сначала заместителя, а затем председателя Президиума Торгово-промышленной палаты СССР. Консультировал Л. И. Брежнева и Ю. В. Андропова по финансово-экономическим вопросам. Оказывал подобную помощь и отделу «Ф» управления «С» (нелегальная разведка) ПГУ КГБ СССР [6, с. 412].

Евгений Петрович был награждён орденами Ленина, Октябрьской революции, двумя — Красного Знамени, двумя — Трудового Красного Знамени,

двумя — Отечественной войны I степени, четырьмя — Красной Звезды, «Знак почёта» и Дружбы народов, а также многими медалями и знаками отличия, в том числе «Почётный сотрудник госбезопасности».

Умер Е.П. Питовранов 2 декабря 1999 г., похоронен на Троекуровском кладбище в Москве.

Одни из ярких...

В многолетней оперативно-служебной деятельности Евгения Петровича Питовранова было немало удачно проведённых операций по ликвидации различного рода преступных организаций, представлявших зачастую угрозу для государства. Вот один из эпизодов [7, с. 150].

Шёл 1943 год, ознаменованный коренным переломом в ходе Великой Отечественной войны в пользу Красной армии. Немецко-фашистские войска всё дальше откатывались на Запад, одновременно усиливая свою шпионскую и диверсионную деятельность в тылу нашей страны.

Усложнилась оперативная обстановка и на территории Кировской области, где увеличилось количество лагерей для военнопленных в связи с ликвидацией крупной группировки немецко-фашистских войск под Сталинградом. Кроме того, возросла численность демобилизованных после излечения в госпиталях военнослужащих; оживилась деятельность банд уголовного и антисоветского толка.

По прибытию в Киров, Евгений Петрович полностью погрузился в решение неотложных оперативных задач. Особенно его беспокоили немногочисленные, но весьма опасные антисоветские банды, руководство частью которых предположительно осуществлялось фашистскими спецслужбами. Одной из самых актив-

ных банд, осуществлявшая подрывную деятельность, действовала на территории Котельнического района. Она предположительно базировалась в крупном лесном массиве, ограниченном тремя населёнными пунктами — Котельнич, Коршин, Сорвики (отсюда произошло и название будущей операции «Треугольник»). На её счету было несколько диверсионных актов на железной дороге Киров-Горький, по которой шли интенсивные перевозки войск и грузов в сторону фронта. Участились также и нападения на магазины, автомашины, происходили теракты против представителей местных властей и сотрудников правоохранительных органов.

Тщательно изучив оперативную обстановку, Евгений Петрович со своими помощниками из Управления организовал оперативную разработку банды, а затем решил возглавить проведение оперативно-войсковой операции по её ликвидации. С этой целью предстояло определить состав банды, её главаря, место базирования, связь банды с фашистскими спецслужбами, пособническую базу, источники снабжения и некоторые другие вопросы.

В этой связи была расширена сеть негласных помощников в районе предполагаемого местонахождения банды и на вероятных маршрутах её передвижения, а также организовано взаимодействие между Котельническим и Молотовским райотделами НКГБ и гарнизоном внутренних войск НКВД в г. Киров.

Вскоре от одного из оперативных источников было получено сообщение, что разрабатываемую группу возглавляет некто Савин Николай (по прозвищу «Лесник»), инвалид войны, сын раскулаченного элемента, а его банды насчитывает около 15 человек. От другого оперативного источника стало известно,

что его дальний родственник, вовлечённый в банду «Лесника» несколько месяцев назад, находясь на побывке, рассказал, что у преступников на вооружении имеется ручной пулемёт, два автомата, семь винтовок, два пистолета «ТТ» и четыре охотничьих ружья.

Параллельно с этим, службой радиоконтрразведки УНКГБ неоднократно фиксировалась работа неизвестной радиостанции в районе дер. Ржавка. Также, за несколько дней до проведения операции, нарядом внутренних войск в районе станции Ежиха (25 км западнее Котельнича), у железнодорожного переезда были задержаны двое неизвестных. При досмотре вещей у одного из них были обнаружены блокнот с условными записями и большая сумма денег. После задержания указанные лица были доставлены в райотдел НКГБ г. Котельнич, где они дали показания о принадлежности к банде «Лесника» [7, с. 151].

На основе оценки полученных данных Евгений Петрович принял решение начать проведение оперативно-войсковой операции 22 мая 1943 г. Поскольку точных данных о местонахождении банды не было получено, мероприятие было решено провести методом сплошного поиска в блокированном районе.

К четырём часам утра 22 мая подразделения внутренних войск блокировали назначенный район и заняли исходный рубеж для поиска. К этому времени, руководитель операции с группой от Управления прибыл на свой командный пункт у развилики лесных дорог в 1,5 км севернее дер. Ржавки.

Вскоре действия поисковых групп дали первые результаты. В одной из землянок западнее дер. Ржавки была обнаружена коротковолновая радиостанция с блоком питания и шифры для связи, что

свидетельствовало о недавнем пребывании в ней людей. Немедленно были задействованы разыскные служебные собаки.

В 6.20 одна из поисковых групп столкнулась с группой бандитов из 4-х человек, которые, отстреливаясь, стали отходить к болоту западнее Ржавки. Своими действиями группа преступников старалась отвлечь внимание чекистов на ложное направление, чтобы основными силами вырваться из западни. Но эту бандитскую уловку Евгений Петрович разгадал. Для преследования бандгруппы, отходящей к болоту, он приказал оставить отделение, а основные силы направить к небольшой, поросшей ельником, высотке, где могло быть оборудовано основное укрытие, но отыскать его там сразу не удалось.

Здесь помог случай. Расстроенный и уставший Евгений Петрович присел на пень, который под ним слегка зашатался. Подошедшие сотрудники, сдёрнув фальшивый пень, обнаружили замаскированный настил. Вскоре обнаружили и искусно сделанный лаз в схрон. Последовала команда блокировать ближние подступы к схрону и открыть люк. Евгений Петрович предложил бандитам сдаться. В ответ послышалась отборная ругань. Было решено забросать схрон гранатами. После двух взрывов раздались стоны раненых. Один за другим из схрона начали выползать контуженные бандиты, среди которых был и их главарь «Лесник». Так успешно завершилась операция «Треугольник» [7, с. 152].

И ещё один эпизод. Евгений Петрович любил общаться с рядовыми сотрудниками, но особое пристрастие он имел к непосредственной работе с агентами. Каким-то образом это дошло до И. В. Сталина. Об этом однажды поведал журнали-

стам сам Евгений Петрович и помощник Сталина А.Н. Поскрёбышев.

В конце 1951 года, после ареста В.С. Абакумова, в МГБ СССР позвонил Поскрёбышев и попросил кого-нибудь из руководителей ведомства решить вопрос, которым лично интересовался И.В. Сталин. Никого из руководителей МГБ в этот момент на месте не оказалось, кроме Питовранова. Пришлось Евгению Петровичу ехать к Сталину самому.

— Не могли бы Вы, товарищ Питовранов, внести мне ясность в работу органов безопасности с агентурным аппаратом, в частности в её подбор, количественный состав? — спросил Сталин.

Евгений Петрович как можно обстоятельнее постарался ответить руководителю государства. Когда Питовранов, уже за полночь, вернулся на Лубянку, ему снова позвонил Поскрёбышев и попросил утром, без четверти двенадцать, быть на Курском вокзале.

В 11.30 Евгений Петрович был уже на перроне, на котором находились министр путей сообщения Борис Павлович Бенешев и несколько человек охраны. Вскоре в сопровождении Н.С. Власика подъехал Сталин, который тепло поздоровался с провожающими.

Возможно, эта короткая, но знаковая встреча Питовранова и И.В. Сталина, а также отсутствие прямых доказательств противоправных действий Евгения Петровича по делам, связанным с деятельностью Абакумова, стали одной из причин его освобождения из заключения [8, с. 341].

В кузнице кадров

Как уже говорилось, Е.П. Питовранов с 1962 г. по 1966 г. трудился в должности начальника Высшей школы КГБ СССР

им. Ф.Э. Дзержинского, ведущего много-профильного вуза органов безопасности.

1963 год. Постепенно охлаждался на-кал в международной обстановке, вызванный Карибским кризисом. Однако США и страны НАТО продолжали свой курс подрыва социалистической системы. Это приводило к тому, что военно-политическая и оперативная обстановка для СССР и других стран социалистического содружества в Европе и на Дальнем Востоке оставалась сложной. Обострилась она и во взаимоотношениях СССР и Китайской Народной Республикой, особенно после оскорбительных волонтаристских заявлений главы советского государства Н.С. Хрущёва в адрес китайского руководства.

В такой непростой обстановке в середине марта 1963 г. состоялась встреча начальника Высшей школы КГБ СССР им. Ф.Э. Дзержинского генерал-лейтенанта Е.П. Питовранова и начальника Пограничных войск КГБ СССР П.И. Зырянова со слушателями-выпускниками, направляемыми на оперативную работу на границу и приграничные территории [9, с. 8].

Первым на встрече выступил Евгений Петрович, который совсем недавно вернулся из длительной командировки в Китай. Он поделился своими впечатлениями об этой стране, заострил внимание выпускников на необходимость усилия охраны рубежей нашей Родины на всех участках государственной границы, в том числе в Забайкалье и на Дальнем Востоке.

В своём выступлении начальник Пограничных войск Павел Иванович Зырянов, отдавший службе непосредственно на границе, в том числе с Китаем, не один десяток лет, обратил внимание выпускников на необходимость укрепления взаимоотношений оперативных работников Пограничных войск с территориальными

органами безопасности, военными контрразведчиками и местным населением, особенно на Дальнем Востоке, где спустя несколько лет обострение противоречий с КНР дошло до вооружённых конфликтов.

Подобные встречи с видными руководителями Евгений Петрович проводил регулярно. Его неутомимая натура всегда звала самого себя и подчинённых сотрудников на поиск новых приёмов и способов в области оперативной работы и подготовки кадров для органов госбезопасности.

В связи с большой популярностью среди сотрудников органов безопасности личности Евгения Петровича Питовранова, нельзя не упомянуть об «ушатах грязи», вылитых в его адрес недальновидными журналистами и некоторыми писателями. Особенно усердствовали в своё время в этом отношении Владимир Молчанов и Игорь Шевелёв. Последний в своей рецензии на книгу Киселёва «Сталинский фаворит с Лубянки» договорился до того, что причислил Питовранова чуть ли не к главным врагам творческой интеллигенции, который повинен в судьбе Соломона Михоэлса, художественного руководителя еврейского театра, погибшего при неизвестных обстоятельствах в Минске в 1948 г. [10, с. 161]. «Кровная месть» недоброжелателей по отношению к Питовранову продолжались вплоть до его увольнения из органов госбезопасности.

Однако десятки чекистов, которым довелось работать вместе с Евгением Петровичем Питоврановым (к счастью, есть ещё живые свидетели), видные работники культуры и деятели искусства, добрым словом вспоминают этого энергичного, законопослушного оперативного работника и руководителя, для которого

не было ничего выше, чем верное служение своему народу, родному Отечеству.

В сфере внешнеэкономической деятельности страны

С развитием научно-технического сотрудничества Советского Союза со многими странами мира, в начале 60-х годов прошлого столетия произошёл стремительный рывок в сфере экономических отношений, что потребовало от Внешнеторговой палаты совершенствования своей деятельности. Именно в этот период на должность заместителя Председателя объединения в 1966 году приходит Е.П. Питовранов.

Евгений Петрович активно включился в организацию защиты советского экспорта, особенно в области технической документации и патентных материалов. Значительное внимание им уделялось процессу экспертизы импортных товаров, необходимых в первую очередь промышленным предприятиям СССР [11, с. 12].

Наряду с этим, Е.П. Питовранов становится одним из активных деятелей по разработке нового Устава объединения, которое в 1972 году было преобразовано в Торгово-промышленную палату СССР. По инициативе Евгения Петровича были созданы новые комитеты, экспертные бюро и другие подразделения внутри этой крупной общественной организации, что позволило ей стать мощным инструментом внешнеэкономической деятельности СССР.

Как вспоминают сотрудники Торгово-промышленной палаты, под руководством Евгения Петровича проводилась значительная по объёму аналитическая работа, в том числе по изучению результатов проходивших выставок промышленных технологий и научно-технических достижений многих отраслей советской

экономики. Эта деятельность определяла в дальнейшем эффективность экономики страны в целом [11, с. 18, 24].

В 1983 году, возглавив указанное объединение, Питовранов стал уделять особое внимание развитию подобных организаций в союзных республиках. Одновременно с этим, им осуществлялся подбор кадров во вновь открываемые подразделения Палаты, в которые Евгений Петрович старался собрать энергичных профессионалов, творчески мыслящих специалистов, способных устанавливать деловые контакты и решать многоуровневые задачи.

Евгений Петрович на посту Председателя проводил широкомасштабную работу и как официальный представитель СССР в международных организациях, в том числе в качестве главы советских делегаций. Его выступления на конгрессах и симпозиумах всегда встречали всеобщее одобрение и полное понимание, что способствовало укреплению международных связей в экономическом пространстве [11, с. 38–39].

Вместо заключения

Как же отзывалась общественность об Евгении Петровиче Питовранове? Учитывая, что его личность была известна

гораздо шире органов госбезопасности, следует остановиться на высказывании известной советской и российской балерины Майи Михайловны Плисецкой, которая в своей автобиографической книге очень тепло и уважительно отзывалась о Евгении Петровиче как человеке, хорошо понимающем запросы общества и интересы отдельной личности [12, с. 320].

Это был настоящий интеллигент, которого в общении с людьми всегда отличали выдержанность, предупредительность, вежливость, такт. Даже, соприкасаясь с отъявленными преступниками, Евгений Петрович никогда не повышал тон, не позволяя никаких проявлений грубости.

Прошло уже почти четверть века, как нет с нами Евгения Петровича Питовранова, верного сына Отечества, которого ценили и любили сослуживцы. Как сейчас видим его приветливое лицо, выверенные манеры общения с различными по характеру людьми. Таким предстаёт перед нами видный руководитель органов безопасности нашего государства — генерал-лейтенант Евгений Петрович Питовранов — настоящий человек, неутомимый труженик, профессионал, мужественный защитник родного Отечества.

Литература и источники

1. Кукарека А.Н., Цветков А.И. Маленькие эпизоды большой жизни. К 100-летию со дня рождения генерал-лейтенанта Евгения Петровича Питовранова // Пограничник. 2015. Март. № 3. С. 48–51.
2. Кукарека А.Н., Цветков А.И. Каким должен быть чекист // Красная Звезда. — 2015. — 3 апреля. — № 57 (26757). — С. 23.
3. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: сборник документов. Т. 4. Кн. 1. Секреты операции «Цитадель». 1 января — 30 июня 1943 года. М.: «Русь», 2003. — 796 с.
4. Абрамов В. Щит и меч против Абвера и ЦРУ. М.: Яуза Эксмо, 2006. — 214 с.
5. Энциклопедия секретных служб России / Авт.-сост. А.И. Колпакиди. М. ООО «Издательство Астrelль», ООО «Издательство АСТ», 2004. — 800 с.
6. Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Внешняя разведка России. (Серия: Досье). СПб.: Нева, 2001. — 511 с.

7. Цветков А.И. Волжский характер // Такими я их помню / А.И. Цветков. М.: Наука, 2012. — 247 с.
8. Терещенко А.С. Фаворит и узник. М.: Аргументы недели, 2020. — 368 с.
9. Кукарека А.Н. Стратег и реформатор // Граница России. — 2022. — 23–29 марта. — № 11 (1321). — С. 8.
10. Киселёв А.В. Сталинский фаворит с Лубянки. М.: Нева, 2003. — 192 с. (Серия — Люди особого назначения).
11. Человек и время. Е.П. Питовранов в торгово-промышленной палате СССР. М.: ООО «Гайдмарк», 2015. — 127 с.
12. Плисецкая М.М. Я, Майя Плисецкая / М. Плисецкая. М.: АСТ [и др.], 2008. — 490 с.

Kukareka A.N.

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
and Russian State Social University,
Moscow*

The Tireless Chekist (on the 110th Anniversary of the Birth of Lieutenant General E.P. Pitovranov)

The article is devoted to Evgeny Petrovich Pitovranov, a prominent leader of the state security agencies of the USSR. The article highlights the most striking episodes that characterize the personality of this employee, both during his work as a Chekist and during his years of activity in the foreign economic field of our country. The article provides assessments of E.P. Pitovranov's business and personal qualities, as well as the main milestones and awards of his military and labor activities.

Keywords: Great Patriotic War; Higher School of the KGB of the USSR; GDR; counterintelligence; NKVD of the USSR; state security agencies, Chekist-military operation

Рудник С.Н.

Кандидат исторических наук, доцент,

Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II,

Санкт-Петербург

Королев Е.В.

Экономист, специалист в области международных экономических отношений,

Санкт-Петербург

Судьба ветерана КГБ Владимира Королева — сотрудника контрразведки Смерш первого «призыва»

Статья посвящена ветерану КГБ Владимиру Ильичу Королеву (27.07.1922–23.09.2000), который в годы Великой Отечественной войны стал контрразведчиком Смерш, а после войны продолжил службу в органах госбезопасности СССР. Важной страницей в его биографии была работа в ГДР советником, старшим офицером по координации и связи с органами госбезопасности этой страны.

Ключевые слова: Смерш; военная контрразведка; органы государственной безопасности; ГДР; Карлсхорст.

Начнём с общеизвестных фактов. 19 апреля 1943 года вышло постановление СНК СССР за № 415–138сс о реорганизации Управления особых отделов НКВД СССР в Главное управление контрразведки Народного комиссариата обороны Смерш. 21 апреля Сталин подписал постановление ГКО № 3222сс/ов, утвердившее Положение о Главном управлении контрразведки НКО Смерш и его органах на местах, в котором, помимо всего прочего, было сказано, что личный состав органов Смерш комплектуется «за счёт оперативного состава бывшего Управления особых отделов НКВД СССР и специального отбора военнослужащих из числа командно-начальствующего и политического состава Красной армии» [1, с. 408].

Среди перспективных офицеров, получивших закалку в боях, и ставших в эти

дни оперативным сотрудником Смерш был 20-летний Владимир Ильич Королев. Он родился 27 июля 1922 г. в деревне Карповское Костромского уезда Костромской губернии (ныне — Сусанинский район Костромской области) в крестьянской семье. Мать — Мария Михайловна (1899 г.р.) умерла в 1937 г. в результате трагического случая. Отец — Илья Иванович (1893 г.р.) умер в блокадном Ленинграде в июне 1942 года. В марте 1942 г. в блокаду от голода умерла и родная сестра Владимира Ильича Клавдия. Похоронены они на Пискаревском кладбище.

В 1937 г. после окончания неполной средней школы, имея за плечами 7 классов образования, Владимир Королев поступил в Костромской техникум водного лесного транспорта. Однако в 1938 г. он перевёлся в Ленинградский техникум точной механики и оптики. После его

окончания с дипломом техника-технолога по холодной обработке металлов в июне 1941 г. Владимир был направлен в г. Загорск Московской области, где работал конструктором штамповочного завода № 367 [2].

Уже на следующий день после начала Великой Отечественной войны В. Королев, несмотря на имевшуюся броню от призыва в армию, явился добровольцем в военкомат. Но военную форму 19-летний Владимир надел не сразу, а в августе 1941 года. Как человека с приличным для того времени образованием он был направлен курсантом в Чебоксарское военно-авиационное училище, в котором проходил военную подготовку до середины декабря 1941 г., а затем продолжил обучение в Астраханской военной авиационной школе механиков [2]. 15 мая 1942 г. курсантский период биографии закончился. На Юго-Западе развернулось сражение на Харьковском направлении, фронту требовались свежие резервы. Авиационная школа была расформирована и в полном составе направлена в действующую армию [3]. В. Королев начал свой ратный путь в составе 9-й мотострелковой бригады 23-го танкового корпуса Юго-Западного фронта. Боевое крещение он получил в мае 1942 г. в ходе боёв за Барвенковский выступ, командуя миномётным расчётом.

Как известно, Харьковская операция завершилась катастрофой для Красной армии. В. Королев часто возвращался к тем трагическим дням, вспоминая, например, как рота автоматчиков его бригады, все бывшие курсанты авиационной школы, «атаковала позиции немцев в районе села Ольховатка Харьковской области», и, «попав под перекрёстный пулемётный огонь», вела «бой до тех пор, пока не погибли все» [4]. В памяти оста-

лись и детали ожесточённого боя в районе города Калача-на-Дону в начале августа 1942 года, когда его миномётный расчёт в составе батареи прикрывал отход наших войск, ведя «огонь по цепям наступавшей немецкой пехоты». «Нас уже настигали автоматные очереди фашистов, — вспоминал В. Королев. — Но свою позицию мы покинули только тогда, когда были израсходованы все до последней мины» [4].

Три месяца 9-я мотострелковая бригада, с июля входившая в состав Сталинградского фронта, не выходила из боёв, отступая к Волге. В начале августа 1942 г. В. Королев выполнил очередное боевое задание — под шквальным огнём противника «установил телефонную связь между батареей и стрелковой ротой, которая имела хороший обзор переднего края» немцев и корректировала огонь советской артиллерии [4]. Шансов выжить было мало — услышав его голос в телефонной трубке, комбат только и произнёс: «Неужели дошли». Через несколько дней, 7 августа, в боях под Сталинградом В.И. Королев был принят кандидатом в члены ВКП(б), а в январе 1943 г. он стал членом партии. Понеся в боях большие потери, в конце сентября 1942 г. 9-я мсбр бригада была отведена в тыл на переформирование.

Именно в это время во фронтовой биографии В.И. Королева произошло событие, определившее всю его дальнейшую жизнь. Как он сам вспоминал, в конце 1942 г. его пригласили в Особый отдел воинской части и в ходе беседы, отмечая его боевые заслуги («Мы за тобой наблюдали, хорошо воюешь»), предложили перейти в контрразведку. Он ответил кратко и уверенно: «Сочту за честь». По его словам, для него это предложение было неожиданным, но по-другому он ответить не мог. Вскоре В. Королев был направлен

на краткосрочные курсы при Особом отделе Приволжского Военного округа, по окончании которых в феврале 1943 г. ему было присвоено воинское звание «младший лейтенант».

С 15 февраля 1943 года он вновь в действующей армии в должности оперуполномоченного Особого отдела НКВД 32-й мотострелковой бригады 18-го танкового корпуса [2]. После реорганизации Управления ОО НКВД СССР в Главное управление контрразведки НКО Смерш В. Королев, уже как оперуполномоченный отдела контрразведки (ОКР) Смерш бригады, в составе этого воинского соединения прошёл фронтовыми дорогами до конца Великой Отечественной войны.

С 12 по 24 марта 1943 г. 32-я мсбр вместе со 170-й бригадой корпуса участвовала в обороне Харькова и подступов к Северному Донцу. 24 марта приказом Ставки ВГК 18-й ТК был выведен на пополнение в район Россоши. В самом начале Курской битвы, 7 июля 1943 г. он вошёл в состав 5-й гвардейской танковой армии [5]. Начальником ОКР Смерш 18-го ТК был подполковник А.Г. Гетман. Начальником ОКР Смерш 5-й гв. ТА был гвардии полковник А.Ф. Фролов. 5 июня 1943 г. Владимиру Королеву было присвоено звание лейтенанта. В семейном архиве сохранилась его фотография того времени, с которой на нас смотрит молодой офицер с аккуратной стрижкой и озорной улыбкой на лице. На плечах красуются офицерские погоны с артиллерийскими эмблемами, на груди медаль «За оборону Сталинграда».

Накануне и в ходе Курской битвы практически все оперативные работники контрразведки были задействованы в проведении разыскных мероприятий с целью выявления вражеской агентуры в войсках Красной армии и в прифронтовой зоне.

Согласно авторитетному мнению крупнейшего специалиста по истории отечественных спецслужб А.А. Здановича, «оперативный розыск был в годы войны самым сложным и масштабным видом деятельности как органов военной контрразведки, так и территориальных аппаратов НКГБ/НКВД, которыми он вёлся в тыловых районах страны» [6, с. 295, 296]. Достаточно сказать, что только за полтора месяца мая — июня 1943 г. на Орловско-курском и Белгородском направлениях враг забросил 128 агентов [6, с. 321].

Одним из направлений разыскной работы было проведение фильтрационных мероприятий. В первую очередь в поле зрения контрразведчиков находились военнослужащие, бывшие в плену, вышедшие из окружения в одиночку, «проживавшие на временно оккупированной территории», «лица, случайно попавшие в части и соединения, а также вновь прибывающие одиночки» и «скрывающие свою национальность — немцы, поляки, финны и т.п.» [7, с. 43–44]. На этих основаниях за июнь — август 1943 г. «в целях предотвращения возможных случаев изменения Родине» контрразведчики Смерша 5-й гв. ТА отчислили из частей 596 человек [7, с. 44, 103, 113].

Лейтенант В. Королев, молодой (21 год), но уже бывалый, закалённый в боях офицер, проводил фильтрационную работу с 1 июня 1943 года и, как сказано в его наградном листе, «положил много труда по очистке личного состава от ненадёжного элемента». В июле–августе 1943 года, т.е. во время Курской битвы, «при его содействии было выявлено и устранено из разведроты 12 вызывающих сомнения человек». Он тщательно проверял всех одиночек, находившихся в районе расположения командного пункта и подразделений 32-й мотострелковой

бригады. В июле в деревне Яковлево Курской области он задержал некоего Болтева, подозреваемого «в принадлежности к германским разведывательным органам и сдал» его в ОКР Смерш 32-й мсбр. В августе в с. Уды Харьковской области В. Королев задержал ещё одного предполагаемого агента немецкой разведслужбы.

При этом, во время боевых действий молодой оперативник не отсиживался в тылу, а находился с бойцами на передовой линии. В боях на Белгородском и Харьковском направлениях «проявил себя смелым и решительным»; участвовал в разведке. В районе г. Богодухова на бронемашине, у хутора Крапивинские Дворы вместе со ст. лейтенантом Рыжовым «вёл разведку переднего края обороны противника», дал точные сведения о нём и, тем самым, предотвратил опасный манёвр «бригады в колонне» к селу Берёзовое Харьковской области. Во время налётов вражеской авиации не терял самообладания, «помогал оказывать помощь раненым и организовывал отправку их в тыл» [8].

Сам В.И. Королев часто вспоминал Прохоровское сражение, в ходе которого 18-й танковый корпус наносил контрудар на правом фланге 5-й гв. ТА. 32-я мсбр находилась во втором эшелоне корпуса [9, с. 34]. В том памятном всем, участвовавшим в нём фронтовикам, танковом сражении 12 июля 5-я гв. ТА потеряла подбитыми и сгоревшими 359 танков и САУ, что составляло 53% всех участвовавших в контрударе бронеединиц. Потери 18-го ТК в тот день составили 84 танка (56%), в том числе сгоревшими — 35, и 471 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести [10, с. 406, 478].

После сражения оперативные работники Смерша осматривали «Прохоровское поле». Картина боя, увиденная

Королёвым, по его словам, глубоко запала ему в душу и часто возвращалась во сне. В жаркий день над местом сражения от гари и трупов стоял невероятный смрад. Искорёженные подбитые танки находились очень близко друг от друга. Никак он не мог забыть глаза погибшего водителя-механика, которые, как будто живые, глядели на него из смотрового окна советского танка. Но как только он прикоснулся к танкисту, тот моментально упал, так как половина его тела оказалась обугленной. От всего этого жуткого зрелища непосредственному начальнику Королева, капитану, много повидавшему на войне офицеру, стало плохо.

Картина увиденного в тот день В.И. Королёвым совпадает с описанием поля битвы, которое оставил в своих воспоминаниях Н.Н. Месяцев, служивший начальником следственного отделения Смерш 5-й гв. ТА: «На поле боя остались сотни искорёженных танков — со сбитыми башнями, порванными гусеницами, пробитой лобовой и бортовой бронёй. Многие танки догорали, некоторые только дымились. День был жаркий. Безветренный. В воздухе стоял приторный запах горелого человеческого мяса. По полу ходили бойцы похоронной команды, подбирая трупы. Вглядываться в сохранившиеся лица погибших не было сил...» [11, с. 162–163].

Дальнейший боевой путь В.И. Королева с бригадой в составе 2-го, а затем 3-го Украинского фронтов пролегал через Украину, Молдавию, Румынию, Венгрию, Югославию, Австрию. По его воспоминаниям, работали они, контрразведчики Смерш, «с колёс», шли с действующей армией. «Сухие» строки наградного документа так кратко отражают фронтовую деятельность старшего лейтенанта В.И. Королева: «беспрерывно наход-

дясь в боевых порядках частей», «работая в спецподразделениях бригады, много поработал по очищению обслуживаемых подразделений от агентуры противника» [8].

Кроме оперативной работы в войсках, В. Королеву приходилось работать в ближайшем тылу, на только что освобождённых территориях, выявляя среди местного населения пособников врагов. Причем он не стремился всех подозреваемых, как говорится, стричь под одну гребёнку. Однажды в одном населённом пункте Украины ему пришлось допрашивать юношу, который выдал немцам местных подпольщиков. Казалось бы, всё ясно, его вина была доказана. Но перед оперуполномоченным Смерша В. Королёвым стоял паренёк лет 15-ти, кожа да кости, которого немцы пытали, прибивая руки гвоздями к столу. И в течение всего допроса за дверью стояла его рыдающая мать. Что было делать с этим невольным пособником врага? В этой ситуации Королев проявил себя тончайшим психологом — он составил протокол допроса и другие документы таким образом, чтобы снять с мальчишки обвинение в пособничестве врагу. Узнав об этом, мать бросилась к ногам Королева со слезами и словами благодарности.

Победный май 1945 года старший лейтенант Владимир Королев встретил в Вене. За годы войны он был награждён Орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Подводя итог фронтовой биографии В.И. Королева, вновь обратимся к воспоминаниям Н.Н. Месяцева, который очень точно сказал о значении работы контр-

разведчиков Смерш: они «не были палачами своего народа. Говорить так — это бесспорно лгать. Они были его щитом и мечом. И подтверждение тому: работа контрразведчиков 5-й Гвардейской танковой армии — одного из многих таких же славных соединений Вооружённых сил Отечества» [11, с. 207].

В 1945–1946 гг. В.И. Королев служил в представительстве контрразведки Смерш в межсоюзной комендатуре г. Вены. После реорганизации в мае 1946 г. ГУКР Смерш в 3-е Главное управление МГБ, он продолжил службу в Управлении МГБ по Ленинградской области. С сентября 1948 г. по апрель 1953 г. работал в 5-м отделе (оперативный и секретно-политический) УМГБ ЛО, в котором прошёл путь от оперуполномоченного до начальника информационно-аналитического отделения. С 1 мая по 15 ноября 1953 г. возглавлял отделение 4-го отдела УМВД ЛО [2]. Коллеги по работе ценили его за умение глубоко анализировать проблемы, а также, что немаловажно, за умение толково и грамотно составлять необходимые отчёты и другие служебные бумаги. В то время он выделялся среди многих сотрудников тем, что имел среднее техническое образование. Кроме того, в эти годы В.И. Королев получил диплом о высшем образовании, окончив в 1954 году юридический факультет ЛГУ им. А.А. Жданова.

16 ноября 1953 г. в биографии В.И. Королева начался новый, Берлинский этап жизни. В этот день он был откомандирован в распоряжение Уполномоченного МВД СССР в ГДР генерал-майора Е.П. Питовранова (1915–1999), который «заслуженно считался одним из самых умных и компетентных руководителей в системе органов госбезопасности» [12, с. 531]. Следует сделать

небольшое отступление. Королева направили в самую горячую точку «холодной войны», поскольку ФРГ и ГДР, образованные в 1949 году, Западный и Восточный Берлин стали главными аренами противостояния двух идеологических лагерей, западных и советских спецслужб. История советских спецслужб на территории Восточной Германии берёт своё начало в июне 1945 года, когда из офицеров разведорганов 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов, а также нескольких политических советников, присланных из Москвы, был образован единый разведорган — резидентура, подчинявшаяся Первому управлению (внешняя разведка) НКГБ СССР. Её первым резидентом стал опытный разведчик, «король нелегалов», полковник А.М. Коротков [12, с. 398]. В дальнейшем аппарат советников-инструкторов МГБ–МВД–КГБ СССР, по признанию Маркуса Вольфа, играл «значительную, если не сказать доминирующую, роль» в период становления Министерства госбезопасности ГДР (Штази) [13, с. 44].

Весной 1953 г. министр внутренних дел СССР Л.П. Берия в рамках своих внешнеполитических инициатив, предполагавших, в том числе, отказ от формированного строительства социализма в Восточной Германии, приказал радикально сократить советский аппарат госбезопасности в ГДР. В результате 1700 сотрудников из 2800 были отозваны из Германии, переведены в другие места или отправлены в отставку. Есть и другие сведения о радикальном сокращении аппарата [14, с. 432]. Со слов Евгения Березина, одного из старших офицеров аппарата в Карлсхорсте, отзванного в Москву, Л.П. Берия так объяснял причину реорганизации аппарата МВД СССР в ГДР: «В Германии изменилась ситуа-

ция, значит, надо менять подход к ней. Мы должны привлечь для работы в Германии наиболее интеллектуально развитых людей» [14, с. 143].

17 июня 1953 г. в Восточном Берлине и других городах ГДР произошли массовые политические забастовки и манифестации против проводимого экономического курса партийного руководства республики во главе с В. Ульбрихтом. Это народное восстание выдвинуло перед советскими сотрудниками госбезопасности в ГДР новые оперативные задачи. Только в ночь с 17 на 18 июня советские органы в ГДР арестовали 3 361 человека, а МГБ ГДР — лишь 909. После того как группы особого назначения советского МВД СССР проверили состояние безопасности в ГДР, новый Уполномоченный МВД СССР в ГДР Е.П. Питовранов, во-первых, в июле 1953 г. увеличил число своих сотрудников до 540 человек [15, с. 48–49], а во-вторых, изменил структуру Аппарата МВД СССР и решил создать отдельную группу советников из квалифицированных, опытных сотрудников. Одним из них стал майор В.И. Королев.

Первая командировка В.И. Королева в ГДР продолжалась до января 1962 года. В течение этого времени он работал в должности советника Первого отдела Аппарата Уполномоченного МВД СССР в ГДР (19.11.1953–19.07.1954); советника Первого отдела Инспекции по вопросам безопасности при Верховном Комиссаре СССР в Германии (20.07.1954–13.01.1956); советника Первого отдела Аппарата старшего советника КГБ при органах госбезопасности ГДР (14.01.1956–01.09.1957); советника зам. начальника Главного отдела Аппарата старшего советника КГБ при МГБ и МВД ГДР (02.09.1957–08.01.1959);

старшего офицера группы Аппарата Уполномоченного КГБ по координации и связи с МГБ и МВД ГДР (09.01.1959–17.01.1962) [2]. Частые изменения должности В.И. Королева были вызваны как выделением структур органов безопасности из МВД СССР в самостоятельное ведомство КГБ (13 марта 1954 г.), так и структурными изменениями в самом Аппарате советников. В 1956 г. В.И. Королеву было присвоено очередное воинское звание «подполковник».

Аппарат Уполномоченного МВД (с 1954 г. — КГБ) СССР находился в Карлсхорсте за большим забором в трехэтажном здании, где раньше размещался немецкий военный госпиталь. Рядом находилось историческое здание военно-инженерного училища, в котором был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Германии в ночь с 8 на 9 мая 1945 года. В Карлсхорсте, который чекисты в шутку называли между собой «деревней Карловкой» [12, с. 532], семья В.И. Королева (он женился в 1947 году) вначале жила в доме на две семьи. С 1958 г. жили в Карлсхорсте на Райнгольт-штрассе в большой 5-ти комнатной квартире. Несмотря на все комфортные бытовые условия, обстановка в ГДР была напряжённой, особенно в 1953 году, когда советским сотрудникам органов госбезопасности приходилось спать, положив личное оружие под подушку, ведь разделённый Берлин, ставший символом «холодной войны», был «полем битвы» разведчиков и контрразведчиков. И, как точно отметил известный историк спецслужб Т. Гладков, советским чекистам «здесь приходилось бороться не с невинными и беззащитными овечками, а с матёрыми профессионалами, представляющими самые опытные, сильные и богатые спецслужбы США, Великобри-

тании, Франции и Федеративной Республики Германии» [12, с. 542].

В 1953–1961 гг. В.И. Королев разрабатывал и участвовал в операциях по ликвидации подрывных центров американской разведки, среди которых особенно выделялись своей агрессивностью пособники ЦРУ так называемые «Группа борьбы против бесчеловечности» и «Следственный комитет свободных юристов». По свидетельству В.И. Королева, в «Группе борьбы», кроме агентов ЦРУ, не последнюю роль играли бывшие офицеры СС и Вермахта, которые перешли к диверсионно-террористическим актам. Эта группа постоянно занималась военным, политическим и экономическим шпионажем, подстрекательством к разного рода экстремистским действиям на территории Восточной Германии. Например, на территорию ГДР забрасывались с помощью агентуры, по почтовым каналам и на воздушных шарах листовки с провокационными призывами. Шпионажем занимался и «Следственный комитет свободных юристов», который, кроме того, при помощи писем с угрозами расправы терроризировал членов правящей партии, руководителей и служащих государственных учреждений ГДР [16].

Совместными усилиями советские и восточногерманские спецслужбы провели операции «Кольцо» (1953), «Стрела» (июль–август 1954) и «Весна» (март–апрель 1955), в результате которых были ликвидированы 12 резидентур иностранных разведок (американской — 4, английской — 5, западногерманской — 3). Было арестовано 598 агентов этих спецслужб. Большая группа обезвреженных боевиков, агитаторов и информаторов принадлежала «Следственному комитету свободных юристов», восточным бюро ведущих политических партий ФРГ. Часть

полученных в ходе следствия материалов была предана гласности на организованной в Восточном Берлине в мае 1955 года пресс-конференции с участием более 140 представителей СМИ [17, с. 108].

Кроме того, как отмечает В.И. Королев, «в результате тщательно спланированных и методично осуществлённых оперативно-политических мероприятий» Аппарата советников КГБ и МГБ ГДР, «в средствах массовой информации ФРГ и Западного Берлина всё более громко звучали требования прекратить на немецкой земле деятельность» «Группы борьбы против бесчеловечности» и «Следственного комитета свободных юристов». В конечном итоге американская разведка была вынуждена прекратить финансирование своих «питомцев», и обе организации «были ликвидированы руками их хозяев» [16].

В.И. Королев особенно гордился тем, что четыре года служил под началом генерал-майора А.М. Короткова, который был назначен 23 марта 1957 года Уполномоченным КГБ по координации и связи со спецслужбами ГДР. Направление легенды разведки в Карлсхорст означало не просто обычную ротацию уполномоченных, а «резкое усиление именно разведывательной работы с территории Германии» [12, с. 533]. А.М. Коротков постоянно привлекал В.И. Королева к составлению аналитических записок об экономическом и политическом положении ГДР, которые минимум два раза в год направлялись, в зависимости от степени важности, в адрес Председателя КГБ СССР или начальника Первого главного управления. Следует также отметить, что Королев прекрасно владел немецким языком, писал на нём документы.

После возвращения на Родину В.И. Королев с января 1962 по ноябрь 1964 года работал заместителем начальника Пер-

вого отдела УКГБ по Ленинградской области. 10 ноября 1964 г. последовала вторая служебная командировка в ГДР, продолжавшаяся до 30 мая 1966 г. В период своего второго пребывания в ГДР В.И. Королев служил старшим офицером связи при окружном управлении МГБ ГДР Аппарата Уполномоченного КГБ по координации и связи с МГБ и МВД ГДР [2]. 22 февраля 1966 года ему было присвоено воинское звание «полковник».

В 1989–1990 гг. В.И. Королев, наблюдавший за событиями в ГДР, падением Берлинской стены и объединением Германии, часто возвращался к своему опыту работы в Восточной Германии. Он категорически был не согласен с мнением, что все эти события были «порождены процессами перестройки в Советском Союзе». С его точки зрения, «драматические события осени 1989 — начала 1990 года» в ГДР «назревали, по крайней мере, в период 1953–1966 гг.». Так, В.И. Королев возвращался к тем аналитическим запискам, которые он составлял по поручению А.М. Короткова и в которых всегда стремился показать объективную картину происходивших в ГДР событий, сказать о явлениях, «ставших хроническими», отражавших «тревожное политическое положение» в стране. Речь в записках шла о массовом бегстве жителей ГДР на Запад, и о недовольстве политикой СЕПГ со стороны «больших масс рабочих, крестьян, интеллигенции, церковнослужителей и верующих». Однако, такая информация, по его словам, «не всегда «стыковалась» с оценками обстановки в ГДР со стороны посольства СССР в Берлине». Во всяком случае, когда в 1959 году на совещании у посла в ГДР М.Г. Первухина В.И. Королев, по поручению А.М. Короткова, «выступил с сообщением о настроениях в среде интеллигенции, молодёжи и полу-

жении дел в “Союзе свободной немецкой молодёжи”, то он услышал от советника посольства В.И. Кочемасова: “Вы нарисовали слишком мрачную картину”. Дипломат тут же стал “подкрашивать” её “светлыми тонами”».

Возвведение Берлинской стены коренным образом политическую ситуацию в ГДР не изменило. В начале 1966 года В.И. Королев получил сведения «о настроениях трудящихся на одном из крупнейших предприятий “Карл Цейсс” в Йене, которые характеризовались компетентным лицом как критические». Этой «неофициальной информацией» он поделился на одном из приёмов в МГБ ГДР с заместителем министра Шрёдером, пообещав подготовить тому официальную справку. Однако болезнь не позволила Королеву сделать это [18].

Работа В.И. Королева была высоко оценена руководством ГДР. Он был на-

граждён Орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени (в серебре), медалями «За верную службу в Национальной народной армии ГДР» в золоте, серебре и бронзе. В Советском Союзе его работу в ГДР отметили боевой наградой — Орденом Красной Звезды (29.09.1958).

Вскоре после возвращения домой, 10 июня 1966 г. полковник В.И. Королев вышел в запас КГБ. В дальнейшем он трудился в различных Научно-исследовательских институтах оборонного значения Ленинграда, принимал активное участие в общественной жизни. Скончался Владимир Ильич 23 сентября 2000 года. Таким был жизненный путь Владимира Ильича Королева — фронтовика, военного разведчика, чекиста, скромного в быту гражданина, хорошего семьянина, любящего мужа, отца сына и дочери, патриота нашей Родины.

Литература и источники

1. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. док. Т. 4. Кн. 1. Секреты операции «Цитадель». 1 января-30 июня 1943 года. М.: Изд-во «Русь», 2008. — 795 с.
2. Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Справка из личного дела Королева В.И.
3. Личный архив В.И. Королева. Автобиография В.И. Королева.
4. Королев В.И. Верили в победу // На трудовой вахте. — 1983. — 27 января.
5. Отчёт о боевых действиях 18 ТК // Память народа [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/warunit/id5535/> (дата обращения: 05.07.2025).
6. Зданович А.А. Тайный удар по «Цитадели»: Органы контрразведки «Смерш» в Курской битве. М.: Кучково поле, 2023. — 544 с.
7. Журахов В.М. Смерш: боевое крещение под Прохоровкой. Военно-историческое издание. Белгород: КОНСТАНТА, 2015. — 148 с.
8. Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=31421550&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 05.07.2025).
9. Егоров П.Я., Кривоборский И.В., Ивлев И.К., Рогалевич А.И. Дорогами побед. Боевой путь 5-й гвардейской танковой армии. М.: Воениздат, 1969. — 352 с.
10. Замулин В.Н. Прохоровка. Неизвестные подробности об известном сражении. М.: Вече, 2023. — 512 с.

11. *Месяцев Н.Н.* Горизонты и лабиринты моей жизни. М.: Вагриус, 2005. — 624 с.
12. *Гладков Т.К.* Лифт в разведку. «Король нелегалов» Александр Коротков. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. — 576 с.
13. *Вольф М.* Игра на чужом поле: тридцать лет во главе разведки. М.: Международные отношения, 2024. — 408 с.
14. *Бейли Дж., Кондрашев С., Мёрфи Д.* ЦРУ против КГБ в «холодной войне». Поле битвы Берлин. М.: Родина, 2021. — 432 с.
15. Аппарат НКВД — МГБ в Германии. 1945–1953: Сборник документов / науч. ред. и сост. Н.В. Петров, Я. Фойтцик. — М.: МФД, 2009. — 544 с.
16. Личный архив В.И. Королева. Памятка, составленная на основании обзора «Из опыта советнической работы в ГДР» от 07.02.1990.
17. Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. — Т. 5. 1945–1965 гг. М.: Международные отношения, 2003. — 768 с.
18. Личный архив В.И. Королева. Письмо в КГБ СССР от 15.04.1990.

Rudnik S.N.

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Empress Catherine II Saint Petersburg Mining University,
Saint-Petersburg*

Korolev E. V.

*Economist, specialist in the field of international economic relations,
Saint-Petersburg*

The fate of Vladimir Korolev, of the KGB veteran — counterintelligence Smersh officer of the first «draft»

The article is dedicated to Vladimir Ilyich Korolev (27.07.1922–23.09.2000), a veteran of the KGB, who became a counterintelligence officer for Smersh during the Second World War. After the war, he continued to serve in the USSR state security agencies. An important page in his biography was his work in the GDR as an adviser and a senior officer for coordination and communication with the state security agencies of the country.

Keywords: Smersh; military counterintelligence; state security organs; GDR; Karlshorst.

М. Уль

Доктор философии

Германия

Генерал-майор ГРУ Дмитрий Ф. Поляков — «бриллиант» ЦРУ в советской военной разведке

Настоящая статья посвящена генерал-майору ГРУ Дмитрию Ф. Полякову, который в 1961 году во время службы в США был завербован ФБР для шпионажа против советской военной разведки. Когда в 1962 году он вернулся в Москву, его перехватило ЦРУ, которое дало ему кодовое имя BOURBON. Около 25 лет, вплоть до своего ареста в 1986 году, Поляков, к тому времени уже генерал, шпионил для американской разведки. Генерал не только выдал сотни агентов советской военной разведки, но и передал американцам тысячи секретных документов. Тем самым он нанёс ГРУ серьёзный ущерб. На сегодняшний день ни один агент ЦРУ не проник так глубоко в военную разведку Москвы, как BOURBON, который превратил ГРУ в открытую книгу для своих противников.

Ключевые слова: ГРУ; ФБР; ЦРУ; шпионаж; Дмитрий Ф. Поляков; «холодная война».

Дмитрий Ф. Поляков родился в небольшом городе Старобельск на востоке Украины в семье бухгалтера в 1921 году. В 1939 году мальчик окончил десятиклассную среднюю школу и в сентябре того же года поступил в Красную армию в качестве курсанта. В Киеве он начал обучение в местном артиллерийском училище, которое, однако, было прервано летом 1941 года в результате нападения вермахта на Советский Союз. В связи с чистками Сталина в 1930-х годах в армии наблюдалась острая нехватка офицеров, поэтому молодой человек был досрочно произведён в лейтенанты и сначала командовал огневым взводом батареи. Вскоре он сам был повышен до командира батареи. В 1943 году молодой офицер был назначен начальником разведки 245-го гаубичного артиллерийского полка и получил звание майора. В конце апреля 1943 года он также получил от 69-й морской стрелковой

бригады свою первую высшую военную награду — орден Красной Звезды [1]. Всего во время Второй мировой войны эта награда была вручена три миллиона раз более чем восемнадцати миллионам солдат Красной армии. В начале марта 1945 года Поляков, к тому времени штабной офицер начальника артиллерийской разведки 26-й армии, был награждён орденом Отечественной войны II степени. Эта высокая награда обычно вручалась артиллеристам, уничтожившим из-под огня своих орудий не менее двух танков или подавившим огонь не менее трёх вражеских батарей [2]. Поэтому неудивительно, что после войны этот перспективный офицер поступил на факультет разведки знаменитой кадровой кузницы Красной армии — Фрунзенского военного училища. После его успешного окончания он прошёл курсы генерального штаба при Генеральном штабе Вооружённых Сил СССР. Затем кадровое управление

Министерства обороны направило его в Главное разведывательное управление Генерального штаба СССР [3, с. 170].

В 1951 году Поляков впервые был направлен на работу за границу. В Нью-Йорке он официально занял должность сотрудника представительства Генерального штаба при Совете Безопасности ООН. Сотрудник спецслужб использовал свою службу в Организации Объединённых Наций для обеспечения деятельности нелегальных агентов ГРУ в США, то есть в основном заполнял и опорожнял «мёртвые» почтовые ящики и обменивался информацией и инструкциями с шпионами во время коротких «случайных» личных встреч. Поскольку ФБР, естественно, следило за его деятельностью, он впервые попал в поле зрения американской контрразведки. Её сотрудники тщательно отмечали, что Поляков, в отличие от многих других советских офицеров, направленных в США, проявлял большой интерес к жизни американцев и был частым «постоянным посетителем» магазинов для рыббалки и охоты. Кроме того, он проявлял неподдельный интерес к технике для домашнего ремонта.

В 1956 году офицер сначала вернулся в Советский Союз, где до осени 1959 года работал в отделе США военной разведки по подготовке новых агентов. В октябре 1959 года он вновь отправился в Нью-Йорк, но на этот раз уже в звании подполковника и в качестве секретаря представительства СССР в Военном-штабном комитете ООН. Однако и на этот раз эта должность служила лишь прикрытием для его деятельности в качестве заместителя начальника Главной резидентуры ГРУ в США. Вновь в его разведывательную деятельность входило сопровождение нелегальных агентов ГРУ в Соединённых Штатах. Здесь, в конце

концов, якобы произошёл инцидент, который заставил Полякова вскоре перейти на другую сторону. Во время пребывания его маленький сын Игорь заболел тяжёлой, но излечимой болезнью. Однако для необходимой операции требовалось 400 долларов, сумма, которой офицер не располагал, поскольку из 10 000 долларов годового оклада в ООН он должен был отчислять 9000 долларов ГРУ. Поэтому Поляков попросил резидента ГРУ в США о соответствующем авансе. Тот был вынужден передать просьбу в центральный аппарат в Москве, который, однако, отказался выделить деньги. Вскоре после этого мальчик скончался. Этот болезненный инцидент, в конечном итоге, побудил офицера перейти на службу к американцам [4, с. 402–403].

Однако эта история слишком хороша, чтобы быть правдой. Очевидно, она была распространена советской контрразведкой после ареста Полякова, чтобы найти приемлемое объяснение переходу офицера ГРУ на другую сторону. На самом деле у Полякова был сын по имени Игорь, но он тяжело заболел полиомиелитом во время первого пребывания в Нью-Йорке летом 1951 года, и в то время ещё не было прививок от этой болезни. Несмотря на то, что мальчик получил всю возможную медицинскую помощь в США, его организм получил серьёзные повреждения, от которых он скончался четырнадцать лет спустя в Москве [5, с. 6–7].

Причина его перехода на другую сторону, скорее всего, заключалась в том, что в 1961 году ФБР раскрыло одного из нелегальных агентов, которым Поляков руководил из Нью-Йорка. Им оказался Каарло Туоми, сын финского иммигранта в США, родившийся в 1916 году в Мичигане, который во время Великой депрессии попытался найти счастье в Советском

Союзе. Туоми сначала работал лесорубом, в 1939 году был призван в Красную армию, а после окончания Второй мировой войны поступил на учёбу, чтобы стать учителем английского языка. Поскольку он всё ещё имел американский паспорт и свободно говорил по-английски, в 1954 году его завербовала ГРУ, где он прошёл подготовку в качестве тайного агента, в том числе у Полякова. В 1958 году советская военная разведка отправила его в Нью-Йорк для наблюдения за военными и военно-промышленными перевозками в порту Бруклина. Для этого он устроился бухгалтером в судоходную компанию A.L. Burbank & Company Ltd.

Однако ещё до его прибытия на него обратило внимание ФБР. Во время обучения в Москве Туоми попросил своего дядю в США прислать ему копию своего свидетельства о рождении. Однако тот, увидев подозрительное письмо, немедленно обратился в контрразведку США, которая теперь терпеливо ждала появления будущего агента. В марте 1959 года шпион был наконец арестован и перевербован ФБР. С этого момента он передавал ГРУ разведывательные материалы американцев. Год спустя ему удалось в одном из своих отчётов включить предупреждение для Полякова, который к тому времени был его куратором в Нью-Йорке, о том, что он является двойным агентом. Однако офицер ГРУ не передал эту информацию в Москву, поскольку понимал, что столь серьёзный инцидент неизбежно положит конец его карьере. Поэтому он сделал вид, что ничего не произошло, и что агент Туоми по-прежнему поставляет секретную информацию. Однако, будучи опытным разведчиком, Поляков должен был понимать, что теперь он стал уязвимым для ФБР. Но вместо того, чтобы ждать вер-

бовки американской службой, он просто перевернул ситуацию. 9 августа 1961 года во время организованного для него приёма он попросил представителя США в Военном комитете Организации Объединённых Наций, генерал-лейтенанта Эдварда О'Нила, о встрече с сотрудником ЦРУ. Однако ФБР не хотело упустить такую добычу и не проинформировало Лэнгли о просьбе советского офицера, так что на второй встрече в резиденции американского генерала 16 ноября 1961 года агент ФБР Джон Мэби представился сотрудником ЦРУ. Оба договорились о встрече в тот же вечер на Колумбус-Серкл. Там Поляков представился офицером ГРУ, а американец потребовал от него список криптографов нью-йоркского резиденции военной разведки, чтобы проверить готовность русского к сотрудничеству. Через неделю новый двойной агент предоставил требуемый список из шести имён. В качестве «утреннего подарка» он также сообщил американской контрразведке имена офицеров ГРУ, работавших под прикрытием в ООН. Затем Поляков предоставил информацию о «нелегальных» агентах советской военной разведки в США. Он не назвал имён, а лишь указал места встреч, тайники и сигналы для связи с их офицерами связи, но для экспертов ФБР последующее раскрытие не представляло особой сложности [6, с. 171–172; 5, с. 28–61].

Капитан ГРУ Мария Д. Доброда заплатила за это предательство жизнью. Белоруска, родившаяся в 1907 году в Минске, после изучения французского и английского языков сначала работала в Ленинграде. После смерти мужа и сына в 1937 году она уехала в Испанию в качестве переводчицы для Красной армии. За свою деятельность в республиканской армии во время гражданской войны

в начале марта 1938 года молодая женщина была награждена орденом Красной Звезды. Во время Второй мировой войны она работала медсестрой в ленинградском госпитале, а с 1944 по 1948 год — переводчицей в Министерстве иностранных дел СССР в Колумбии. После возвращения в Советский Союз она поступила в институт Академии наук, где в 1951 году была завербована ГРУ, которая подготовила её к работе в качестве тайного агента. Затем последовала первая миссия в Европе, в Париже она освоила профессию косметолога в качестве дополнительной маскировки. В мае 1954 года Доброда въехала в США под именем Глен М. Подцески, где агентка выдавала себя за дочь американца с кубинскими корнями и француженки, долгое время прожившей за границей. Сначала она работала помощницей резидента ГРУ, а в 1957 году открыла в Нью-Йорке салон красоты и фитнеса, который вскоре стал посещать множество жён влиятельных политиков и бизнесменов.

Из разговоров с ними агентка добывала первую разведывательную информацию, которая попадала в Москву. Весной 1961 года офицер ГРУ в звании капитана наконец взяла на себя руководство агентом *Дионом*, высокопоставленным сотрудником администрации президента США Кеннеди. От него она получила, среди прочего, информацию о том, что новый президент США в марте дал ЦРУ зелёный свет на высадку кубинских эмигрантов в заливе Свиней. Вероятно, благодаря этому предупреждению операция, проведённая в середине апреля 1961 года, провалилась уже через несколько часов. В конце 1961 года *Дион* был отправлен на высокий дипломатический пост в Западную Африку, в результате чего офицер ГРУ была вынуждена прервать связь

с агентом. Однако к этому моменту она, по всей видимости, уже располагала другими источниками, которые она сама вербовала. Летом 1962 года ФБР наконец смогло арестовать связного ГРУ, полковника Маслова, благодаря информации, полученной от Полякова. Поскольку он имел дипломатический статус, американцы ограничились высылкой разоблачённого офицера советской военной разведки. Доброда, *alias* Подцески, получила соответствующее предупреждение о том, что ФБР находится у неё на хвосте, и бежала в Чикаго, откуда планировала добраться до Канады. Оттуда она должна была отправиться в Амстердам.

Однако американская контрразведка уже начала преследование и контролировала шпионку с помощью многочисленных агентов. В конце концов, в начале 1963 года она была арестована в отеле. Доброда попросила время на размышление, чтобы принять предложение о сотрудничестве с американской контрразведкой. Воспользовавшись моментом невнимательности своих охранников, она выпрыгнула с балкона своей комнаты и разбилась насмерть. До 1967 года ГРУ не имело точных сведений об исчезновении своей агентки. В официальных документах военной разведки она числилась просто «пропавшей без вести». В биографии заместителя директора ФБР Уильяма Салливана, опубликованной в 1979 году, наконец появилась версия, что Доброда ещё два года после ареста сотрудничала с американской контрразведкой. Однако затем сотрудничество было прервано самоубийством агента. Только после ареста Полякова в 1986 году вся трагическая история офицера ГРУ наконец вышла на свет [7, с. 279–297].

В 1962 году Поляков, получивший от ФБР кодовое имя *TOPHAT*, вернулся

из Нью-Йорка в Москву. Здесь он был принят на работу в 1-й отдел 3-го управления ГРУ, ответственный за США, в качестве инструктора агентов. Во время последней встречи со своим куратором из ФБР в США американская контрразведка передала агента в ЦРУ, отвечавшее за зарубежные операции, которое присвоило ему кодовое имя *BOURBON*. Однако в советской столице Поляков, учитывая опыт дел Попова и Пенковского, отказался от любых прямых контактов с американцами и ограничил своё общение с американской разведкой мёртвыми почтовыми ящиками, местонахождение которых он каждый раз менял. Однако в период с 1962 по 1965 год шпион воспользовался этой возможностью передачи информации только шесть раз, поскольку опасался плотной сети слежки КГБ в советской столице. Его расчёт оказался верным, поскольку благодаря своей осторожности офицер разведки не попал в поле зрения контрразведки, которая интенсивно следила за западными дипломатами. Однако офицер ГРУ настаивал у своих начальников на новом назначении за границу, чтобы уйти из-под радара советской контрразведки. В конце 1965 года его усилия наконец увенчались успехом, и он занял должность советского военного атташе в тогдашней Бирме, сегодняшняя Мьянма [8, с. 216–217].

Ещё до этого Поляков из Москвы раскрыл для ФБР личность отставного американского подполковника Уильяма Х. Уэйлена. Тот был завербован весной 1959 года полковником ГРУ Сергеем А. Едемским, с 1955 года помощником советского военного атташе в Вашингтоне. Уэйлен, с 1940 года служивший в армии США, где в основном занимался вопросами шифрования и связи, в то время работал заместителем начальника разведывательного управления

Объединённого комитета начальников штабов вооружённых сил США, а через несколько месяцев был даже повышен до начальника этого небольшого ведомства. Благодаря этому он мог не только добывать для военной разведки Советского Союза документы о местах дислокации и хранения, а также о количестве и характеристиках ядерного оружия, хранящегося в США и за их пределами. За общую сумму более 400 000 долларов США Уильям Х. Уэйлен передал советской разведке списки целей вооружённых сил США, в которых было указано, какие подразделения, оснащённые ядерным оружием, должны уничтожить какие цели в Советском Союзе с помощью какого ядерного оружия. ГРУ также получила от него 17 руководств вооружённых сил США по тактическому ядерному оружию и зенитным ракетам. Когда весной 1960 года Эдемский покинул США, руководство агентом перешло к офицеру ГРУ Михаилу А. Шумаеву, работавшему под прикрытием первого секретаря посольства.

Однако после сердечного приступа, который Уэйлен перенёс 4 июля 1960 года, подполковник был вынужден покинуть армию США в 1961 году. Все его попытки вернуться на службу оказались тщетными, и он больше не мог передавать секретные документы разведывательной службе Советских Вооружённых сил. В 1963 году он окончательно прекратил сотрудничество с ГРУ. После того как его раскрыл Поляков, который видел в Уэйлэне агента, чья информация в случае войны позволила бы Советскому Союзу победить американцев, ФБР, которое следило за шпионом с 1959 года, но не смогло сорвать достаточных доказательств его шпионской деятельности, арестовало полковника в отставке 12 июля 1966 года. Приговорённый к 15 годам тюремного

заключения, самый высокопоставленный офицер США, шпионивший в пользу Советского Союза и России, умер в заключении [9, с. 809]. Кроме того, офицер ГРУ передал американской контрразведке информацию, которая привела к аресту Нельсона Драммонда и Герберта Бокерхаупта. Драммонд, старший боцман военно-морского управления, с середины 1950-х годов поставлял обширные данные о системах вооружения ВМС США и их электронном оборудовании. В 1962 году он был арестован и приговорён к пожизненному заключению. Четыре года спустя агенты ФБР арестовали сержанта ВВС Бокерхаупта, который, будучи экспертом по шифрованию и радиосвязи в Пентагоне, добывал соответствующие строго секретные документы для своих советских офицеров. За это американский суд приговорил его к 30 годам тюремного заключения.

Ещё один подозреваемый, сержант Джек Данлап, работавший в АНБ, избежал ареста, покончив жизнь самоубийством. Кроме того, Поляков дал решающие указания для разоблачения британского агента ГРУ Фрэнка Боссарда, который с 1961 года продавал советской военной разведке информацию о ракетных и радиолокационных исследованиях в Великобритании. В конце концов, в 1965 году Боссард был арестован МИ-5 и приговорён к 21 году тюремного заключения [10, с. 75].

В самой Бирме Поляков быстро установил контакт с двумя сотрудниками ЦРУ, один из которых звался Алвин Капуста. Он сообщил ГРУ, что хочет завербовать одного из них, что официально позволило ему встречаться со своими кураторами. Только в кинозале посольства США до конца своей службы в Бирме офицер разведки более тридцати раз обменивал секретные документы на долларовые ку-

пюры. Летом 1969 года полковник ГРУ вернулся в Москву, чтобы в конце года возглавить отдел Китая во 2-м управлении ГРУ, ответственным за Азию. Руководство советской военной разведки перевело своего эксперта по США в это ведомство, поскольку после публикации в конце сентября 1964 года в *New York Times* статьи о финне Туоми, в которой упоминалось и имя Полякова, он «сгорел» для дальнейшей работы в Америке и Западной Европе.

Вернувшись в Москву, офицер ГРУ продолжил шпионскую деятельность в интересах американцев. Якобы его информация о советско-китайском расколе убедила президента США Ричарда Никсона и его администрацию в том, что конфликт между двумя коммунистическими сверхдержавами перерос в глубокую и не-примиримую вражду, что побудило президента США в 1972 году установить дипломатические отношения с Пекином. Этот шаг позволил США открыть важную главу в политике разрядки между Востоком и Западом.

Однако в советской столице Поляков вновь избегал любых прямых контактов с американскими дипломатами. По этой причине агент теперь получал инструкции от ЦРУ через его радиоцентр во Франкфурте-на-Майне. Однако его имя впервые попало в список лиц, находящихся под наблюдением военной контрразведки КГБ. Ведь она заметила, что вскоре после Полякова Бирму покинул и американский дипломат Капуста. На Лубянке было известно, что он работал на ЦРУ в качестве специалиста по Советскому Союзу и к тому же свободно говорил по-русски. Хотя это ещё не давало повода для недоверия, Поляков попал в круг подозрительных офицеров ГРУ, которые могли сотрудничать с Западом. Под кодовым именем *ДИПЛОМАТ*

в КГБ было заведено досье на офицера ГРУ, в котором собирались все компрометирующие его сведения.

Однако, поскольку до лета 1972 года он избегал прямых встреч с американцами в Москве, ему удалось развеять опасения контрразведки. Затем по приказу начальника ГРУ Петра Иващенко он был вынужден принять участие в официальном приёме в посольстве США, где при прощании замаскированный офицер ЦРУ передал ему небольшой металлический цилиндр с инструкциями по установлению связи и устройство для считывания микроточек. Разгневанный опасными действиями ЦРУ, он бросил компрометирующий пакет в р. Москву, не вскрыв его. В начале 1973 года полковник вновь покинул советскую столицу. На этот раз он направился в Дели, чтобы занять должность военного атташе и главного резидента ГРУ в Индии [11, с. 443–450].

В индийской столице Поляков вскоре вступил в контакт со своим вторым куратором из Бирмы, Полом Л. Диллоном. В начале 1950-х годов этот офицер ЦРУ сначала работал в Кемптене, где среди беженцев из Восточной Европы подбирал кандидатов для шпионской миссии с десантированием за железный занавес, а в конце десятилетия был отправлен ЦРУ в Берлин. Здесь он должен был добывать информацию о советских военных и спецслужбах в восточной части города. После закрытия границ 13 августа 1961 года Диллон был переведён в штаб-квартиру ЦРУ в Лэнгли, а в 1965 году возглавил советский отдел американской внешней разведки в посольстве США в Мехико. Этот город, по крайней мере в сфере спецслужб, напоминал Западный Берлин 1950-х годов и был местом сбора агентов из Востока и Запада. Из Мехико Диллон неоднократно выезжал в Рангун, чтобы организовать встречи с Поляковым.

После того как *TOPHAT/BOURBON* покинул Бирму, Диллон в 1969 году из Мехико отправился в Италию. Однако там офицер ЦРУ пробыл всего год, после чего был вновь откомандирован в штаб-квартиру ЦРУ. Здесь руководство спецслужб назначило его начальником контрразведки в отделе по Советскому Союзу. В 1973 году Диллона снова перевели из Лэнгли, чтобы использовать его в Индии в качестве куратора Полякова [5, с. 100–155]. Официально он был первым секретарём посольства и экономическим экспертом, но неофициально возглавлял отдел по Советскому Союзу и был оперативным руководителем местного отделения ЦРУ. Его единственной задачей было поддерживать связь с *TOPHAT* и получать от него шпионские материалы. Чтобы защитить свой контакт и «узаконить» многочисленные встречи с американцем, Поляков заявил ЦРУ, что хочет завербовать Диллона под кодовым именем *PLAID* для советской военной разведки. Агент, между тем повышенный до генерал-майора, передавал ЦРУ в Индии все материалы, которые ему удавалось добыть.

Однако в конце мая 1975 года их сотрудничество внезапно закончилось. К тому времени бывший сотрудник ЦРУ Филип Эйджи опубликовал свою книгу «Inside the Company: CIA Diary», в которой раскрыл Диллона как бывшего главу отдела ЦРУ по Советскому Союзу в Мехико. «Скомпрометированный» агент был вынужден в спешном порядке покинуть Индию, его снова заменил Капуста [12, с. 528–530]. Для его возвращения в Москву, которое должно было состояться в октябре 1976 года, американская разведка снабдила Полякова электронной системой передачи коротких сообщений. Устройство размером со спичечный коробок могло принимать до четырёх страниц текста на русском языке с клавиатурой,

шифровать его и затем в течение менее трёх секунд передавать по радио на расстояние до 300 метров в пункт отправки и приёма в посольстве США в Москве. Таким же образом Поляков получал новые инструкции для своих агентов. В период с 1976 по 1979 год агент и американской разведки обменялись таким образом в советской столице по меньшей мере 25 сообщениями. Одновременно с этим, после возвращения из Индии, он, будучи деканом факультета № 3 Военно-дипломатической академии Советской армии, регулярно пополнял тайные ящики микрофильмами [13, с. 62–65].

Помимо секретных номеров военного журнала «Военная мысль» и учебных материалов ГРУ, они содержали, прежде всего, фотографии всего курса обучения будущих офицеров разведки Советской армии, поскольку Поляков руководил подготовкой сотрудников спецслужб Вооружённых сил для работы агентами за рубежом. Тем не менее генерал постоянно настаивал на новом назначении за границу, которое, как он должен был предположить, будет последним из-за его возраста. В конце 1979 года его усилия увенчались успехом, и он вновь занял должность советского военного атташе в Индии. Его куратором в ЦРУ на месте стал на 18 лет более молодой Владимир «Скотти» Скотцко, который провёл с Поляковым в Дели не менее десяти конспиративных встреч. Однако летом 1980 года генерал получил приказ немедленно явиться в Москву. Американская разведка опасалась худшего и предложила своему лучшему агенту вместе с женой переехать в Соединённые Штаты. *Бурбон* с благодарностью отклонил это предложение, сказав, что он русский и хочет умереть русским. Когда Скотцко спросил, что его ждёт в случае разоблачения, генерал сухо

ответил: «анонимная братская могила» [8, с. 226–228].

По прибытии в советскую столицу медицинская комиссия сообщила ему, что по состоянию здоровья он не может продолжать службу в тропиках. После короткого промежуточного периода в уже известной Военно-дипломатической академии генерал 25 июля 1981 года официально уволился из Советских Вооружённых сил, одновременно ему удалось получить гражданскую должность в кадровом управлении ГРУ, а в 1985 году Поляков был награждён орденом Отечественной войны I степени. Однако 7 июля 1986 года пенсионер был арестован спецподразделением КГБ. Более чем через год бывший агент ЦРУ был приговорён военным трибуналом к смертной казни, приговор был приведён в исполнение 15 марта 1988 года выстрелом в затылок. Шпион закончил свою жизнь, как и предсказывал в 1980 году, в анонимной братской могиле [1; 14, с. 535].

В настоящее время существует три версии раскрытия личности *TOPHAT/BOURBON*. Версия КГБ гласит, что в конце февраля 1978 года благодаря публикации журналиста Эдварда Дж. Эпштейна в журнале *New York Magazine* о советском шпионе ФБР с кодовым именем *FEDORA*, за которым скрывался полковник КГБ Алексей И. Кулак, были вновь найдены указания на Полякова как на возможного информатора американской разведки. Два месяца спустя в журнале даже появилось кодовое имя Полякова *TOPHAT*, а также информация о том, что агент прибыл из дипломатического представительства СССР в Нью-Йорке [15]. Когда Поляков был вскоре отправлен в Индию, КГБ в его присутствии провёл обыск в его квартире и обнаружил таблетки, которые можно использовать для изготовления се-

крайних чернил. Глава КГБ Юрий В. Андропов проинформировал об этом ГРУ, которая в конечном итоге отстранила Полякова от работы. Однако эта история не даёт ответа на вопрос, почему агент был арестован только в 1986 году. Ясно, однако, что КГБ давно подозревал Полякова, и контрразведка постоянно получала «отказ» от вышестоящих инстанций по этому делу. Даже глава военной контрразведки КГБ, генерал армии Георгий К. Зинев, ответил своим следователям, когда они представили ему дело *ДИПЛОМАТ*: «Генерал разведки не может быть предателем!» [16, с. 212–214]

Кроме того, генерал-майор пользовался покровительством многолетнего начальника политического отдела ГРУ генерал-лейтенанта Григория И. Долина, а также начальника управления кадров генерал-лейтенанта Сергея И. Изотова, которых он неоднократно подкупал дорогими подарками из западных стран. Последний также принимал «подарки» от других сотрудников ГРУ и даже продавал генеральские должности за 25 000 рублей [17].

Поэтому более вероятно, что сотрудник ФБР Роберт Ханссен, который в 1979 году в Нью-Йорке предложил ГРУ свои услуги в качестве информатора, уведомил советскую военную разведку о шпионе в своих рядах. Таким образом он, вероятно, хотел избежать своего возможного разоблачения «кромом» [18, с. 21–24]. Поскольку только ГРУ знало об этом сообщении, чтобы избежать скандала, оно вскоре практически бесшумно устранило Полякова из обращения и оставило его в покое до его ареста КГБ. В пользу этой версии говорит и тот факт, что в рамках дела Полякова летом 1986 года были уволены с должно-

сти многочисленные высокопоставленные офицеры военной разведки.

КГБ смог арестовать Полякова только потому, что сотрудник ЦРУ Олдрич Эймс, глава отдела контрразведки по СССР, в 1985 году выдал офицера ГРУ Комитету государственной безопасности [19, с. 231–235].

Ущерб, нанесённый генералом военной разведке и Советскому Союзу, был огромным. Только в ЦРУ его отчёты занимают 25 папок, содержание которых до сих пор остаётся секретным. За долгие годы своей деятельности в качестве агента он предал по меньшей мере 150–170 человек, которые шпионили на Западе для КГБ и ГРУ. Не менее болезненным для военной разведки Советского Союза было разоблачение 10 нелегалов, то есть советских граждан, которые под чужим именем работали на военную разведку и принадлежали к самому секретному отряду разведки. Но и это ещё не всё. Он также передал ЦРУ и ФБР личности более 1300 сотрудников спецслужб КГБ и ГРУ [8, с. 203].

Кроме того, Поляков передал американцам много технических деталей о советском оружии, например, о противотанковых управляемых ракетах. Американские военные смогли успешно использовать эти знания даже после смерти агента во Второй войне в Персидском заливе в 1991 году, когда его танковые подразделения оказались практически неуязвимыми, что гарантировало быструю победу над Саддамом Хусейном. Не менее важной оказалась передача более 100 секретных номеров военного журнала «Военная мысль», уже известного по делу Пенковского, который дал аналитикам ЦРУ уникальное представление о мышлении руководящей элиты Советских Вооружённых сил. Ещё в 1974 году Поляков

передал ЦРУ список ГРУ, содержащий обширный перечень технологий, которые разведывательная служба советской армии должна была приобрести на Западе.

Таким образом, американская разведка смогла не только понять, в каких областях военной техники Советский Союз отставал от Запада в гонке вооружений. По информации заместителя министра обороны США Ричарда Перла, позже в документе были обнаружены сведения о более чем 5000 советских научно-исследовательских и опытно-конструкторских программах, в которых использовались западные ноу-хау для улучшения военного потенциала СССР. Они должны были побудить президента США Рональда Рейгана значительно ужесточить контроль над экспортом чувствительного оборудования и программного обеспечения в Восточный блок через Координационный комитет по торговой политике между Востоком и Западом, более известный как СОСОМ. Таким образом, США одержали одну из решающих побед в противостоянии между Востоком и Западом [20, с. 313–314].

Не зря сотрудница ЦРУ Сэнди Граймс, которая анализировала многочислен-

ные сведения, полученные от *TOPHAT/BOURBON*, охарактеризовала этого двойного агента как «жемчужину» американской разведки: «Поляков был... лучшим источником, который, насколько я знаю, когда-либо был у американской разведки, и я бы даже сказала, хотя не могу быть в этом уверена, что он был лучшим источником, который когда-либо был у разведки. На самом деле не было никого, с кем его можно было бы сравнить, потому что он проработал для нас столько лет и достиг такого положения, что мы могли не только смотреть на его организацию глазами одного из наших источников снизу вверх, но и с помощью Полякова мы в конечном итоге смогли увидеть эту структуру, ГРУ, её структуру сверху вниз, так же как и КГБ, советский МИД и аппарат Коммунистической партии, опять же глазами Полякова, от верхушки до верхушки других организаций, и это действительно уникально» [21]. На сегодняшний день ни один агент разведывательной службы не проник так глубоко в военную разведку Москвы, как *BOURBON*, который превратил ГРУ в открытую книгу для своих противников.

Литература и источники

1. Центральный архив Министерства обороны РФ. (далее — ЦАМО РФ). Шкаф 69. Картотека 15. Картотека награждений Красной армии, документ 18/н, 30.4.1943 г.
2. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 1984. Л. 2. Приказ № 11 Военного совета 26-й армии, 18.4.1945 г.
3. Колпакиди А.И. Империя ГРУ: Очерки истории рос. воен. разведки / Александр Колпакиди, Дмитрий Прохоров. Кн. 2. М.: ОЛМА-Пресс. 2000. — 446 с.
4. Энциклопедия военной разведки России //Авт.-сост. А.И. Колпакиди. М.: «Издательство Аст». 2004. — 608 с.
5. Dillon Eva Spies in the Family. An American Spymaster, his Russian Crown Jewel and the Friendship, that Helped End The Cold War. — New York: „Harper“. 2017.
6. Bagley Tennet H.: Spy Wars: Moles, Mysteries, and Deadly Games. — Yale: „Yale University Press“. 2007.
7. Болтунов Михаил Е. «Кроты» ГРУ в НАТО. М.: «Алгоритм». 2013. — 304 с.

8. Schmidt Jürgen *Leben und Tod des GRU-Generalmajors Dmitri Poljakov (1921–1988)* // *Spionage, Doppelagenten und Islamistische Bedrohung. Aufsätze zu 130 Jahren Geheimdienstgeschichte*. Hrsg. von Jürgen W. Schmidt. — Ludwigsfelde: „Ludwigsfelder Verlagshaus“. 2017.
9. Hastedt Glenn P. *Spies, Wiretaps, and Secret Operations: An Encyclopedia of American Espionage*. — Santa Barbara, California/Denver/Oxford: „ABC-CLIO“. 2011.
10. Rower Helmut, Schäfer Stefan, Uhl Matthias *Lexikon der Geheimdienste im 20. Jahrhundert*. — München: „Herbig“. 2003.
11. Терещенко, Анатолий С. Наследники СМЕРШа. Охота на американских «кротов» в ГРУ. М.: Яузा: Эксмо, 2010. — 509 с.
12. Agee Philip *Inside the Company: CIA Diary*. — New York: „Penguin Books“. 1975.
13. Grimes Sandy, Vertefeuille Jeanne: *Circle of Treason: A CIA Account of Traitor Aldrich Ames and the Men He Betrayed*. — Annapolis: Naval Institute Press. 2012.
14. Лурье В. М. ГРУ. Дела и люди: [справочник] / В. М. Лурье, В. Я. Кочик. СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: ОЛМА-Пресс. 2003. — 639 с.
15. *The War of the Moles. An interview with Edward Jay Epstein by Susana Duncan* // *New York Magazin*, Vol. 11 (1978), № 9, С. 28–38; *New York Intelligencer* // *New York Magazin*, Vol. 11 (1978), № 17, С. 9.
16. Военная контрразведка: история, события, люди. Кн. 1. М.: «ОЛМА Медиа Групп». 2008. — 253 с.
17. Коваль А., Петров Б. В аквариуме пора менять рыбу, а не воду и мальков // Независимая газета. — 1991. — 17 декабря.
18. Wise David *Spy: The Inside Story of How the FBIs Robert Hanssen Betrayed America*. — New York: „Random House“. 2002.
19. Earley Peter *Confession of a Spy: The Real Story of Aldrich Ames*. — New York: „Putnam“. 1997.
20. Krieger Wolfgang *Geschichte der Geheimdienste. Von den Pharaonen bis zur CIA*. — München: „C. H. Beck“. 2009.
21. Интервью с Сэнди Граймсом. 30.1.1998 // URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/coldwar/interviews/episode-21/grimes1.html> (дата обращения: 16.06.2025).

M. Uhl
Dr. phil.
Germany

Major General Dmitry F. Polyakov of the GRU — the CIA's «diamond» in the Soviet military intelligence

This article examines the case of GRU Major General Dmitry F. Polyakov, who was recruited by the FBI in 1961 while on a mission in the US to spy on Soviet military intelligence. Upon returning to Moscow in 1962, he came under the control of the CIA, who gave him the code name BOURBON. For around 25 years — until his arrest in 1986 — Polyakov, who had since been promoted to general, spied for the American foreign intelligence service. Not only did the general expose hundreds of agents of the Soviet military intelligence service, he also handed over thousands of secret documents to the Americans. In doing so, he caused serious damage to the GRU. To this day, no CIA agent has penetrated Moscow's military intelligence service as deeply as BOURBON, turning the GRU into an open book for its enemies.

Keywords: GRU, FBI, CIA, Espionage, Dmitry F. Polyakov, Cold War.

Мироненко С.В.

Кандидат исторических наук,
Самарская академия для одарённых детей. (Наяновой),
г. Самара

Генерал Д.Ф. Поляков: анатомия предательства

В статье предпринята попытка проанализировать на конкретном историческом материале возможные мотивы и причины, которые привели к реализации изменнических намерений со стороны генерал-майора ГРУ ГШ СССР Полякова Д.Ф.

Ключевые слова: изменники Родине из числа сотрудников спецслужб; психоистория; персонифицированные ситуационные интерпретации; скрытый характер ситуационных влияний.

История отечественных спецслужб хранит имена и описания славных дел многих героев из числа советских разведчиков. Но история имеет и другую сторону. В чекистской среде не менее известны и имена тех сотрудников наших спецслужб, кто перешёл на строну противника, изменил Родине и Присяге. Данная статья представляет собой попытку с современных позиций разобраться в причинах и обстоятельствах феномена предательства на конкретном примере. Полагаем, результаты исторического анализа будут способствовать выявлению и пресечению подобных явлений в современных российских спецслужбах.

Поляков Дмитрий Фёдорович родился в 1921 году на Украине в семье бухгалтера. В 1939 году поступил во 2-е Киевское артиллерийское училище, которое с отличием окончил в июне 1941 года. С самого начала Великой Отечественной войны принимал активное участие в боевых действиях против немецко-фашистских войск. На Западном фронте в районе гор. Ельни был контужен. В 1942 году на фронте принят в ряды партии боль-

шевиков. Являясь лучшим командиром артиллерийской батареи, снайпером артиллерийской стрельбы, преподавал приемы стрельбы из советских миномётов американскими минами.

За участие в войне награждён двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны, медалями.

В июне 1946 года Поляков зачисляется слушателем разведывательного факультета в Военную академию имени М.В. Фрунзе, после окончания которой был зачислен в штат ГРУ. Как отмечали сослуживцы Полякова по академии, это был умный, высоко эрудированный офицер, всегда тянувшийся к знаниям. Он был заботливым сыном, любящим мужем, внимательным отцом. В академии активно занимался партийной работой, был секретарём парторганизации группы и членом партбюро курса.

В мае 1951 года с женой и сыном Игорем 1948 г.р. выехал в командировку в Нью-Йорк в качестве сотрудника резидентуры ГРУ под прикрытием представительства СССР в ООН. Осенью 1951 года в США свирепствовал грипп. У Поля-

ковых тяжело заболел гриппом, давшим осложнение на мозг, Игорь. В больнице, куда поместили Игоря, ему предлагали сделать черепно-мозговую операцию, но согласие представительства на это не было дано, так как предлагаемый путь лечения был очень дорог, порядка нескольких тысяч долларов. В октябре 1951 года было получено заключение о необходимости проведения соответствующих консультаций в Москве, и жена Полякова выехала с больным ребёнком в СССР. За проезд жены с ребёнком и его лечение в США Поляков выплатил представительству 1 тысячу долларов, что по тем временам для сотрудника его уровня было огромной суммой [1, с. 151]. Осложнения после гриппа оказались на здоровье Игоря, он рос болезненным мальчиком и в 1964 году шестнадцати лет от роду умер. Отказ руководства представительства оплатить лечение сына наверняка оставил глубокую рану на душе Полякова.

В октябре 1953 года Поляков допустил промах, чуть не стоивший ему всей дальнейшей карьеры. На партактиве с докладом о позиции советской делегации по вопросам разоружения на 8-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН выступил постоянный представитель СССР в ООН А. Я. Вышинский. В прениях попросил слова и Поляков. В коротком по времени выступлении он заявил, что предложение СССР сократить имеющиеся вооружения на одну треть, высказываемое в течение длительного времени, уже надоели мировой общественности, как он выразился «набили оскомину» и старо в своей основе. Поэтому это предложение нуждалось в изменении, и к решению связанных с разоружением вопросов необходимо подходить уже по-другому, по-новому.

С удивлением смотрел на молодого разведчика А. Я. Вышинский. В глазах советского дипломата стоял вопрос: «Что он говорит? В своём ли он уме?». Сразу же после окончания партактива А. Я. Вышинский вызвал к себе резидента ГРУ и поставил перед ним вопрос, как он выразился «неофициально» о доверии Полякову. Резидент Скляров как мог защищал своего сотрудника. Он сослался, что это выступление не вызвано его настроением, объяснял всё это молодостью, незнанием вопроса и неумением правильно излагать свои мысли. Вышинский согласился с резидентом, но решил побеседовать с Поляковым. На следующий день он вызвал его к себе и долго растолковывал ему мотивы необходимости постановки вопроса о разоружении на одну треть. Поляков понял, что его искренность перед партийцами не нашла отклика у Вышинского, во время разговора ни в чем начальству не перечил и в объяснительной записке написал, что расценивает своё выступление как неуместное и неподготовленное, благодарен товарищам, которые помогли разобраться в этом вопросе.

23 октября 1953 года резидент ГРУ в Нью-Йорке сообщил в центр, что 17 октября с.г. Поляков на партактиве в представительстве выступил с враждебной по форме критикой позиции в вопросе разоружения. Но, осознав свою ошибку, признал своё выступление неуместным. Руководство ГРУ никаких выводов по данному факту не предприняло, чому есть простое объяснение.

Андрей Януарьевич Вышинский был известным государственным деятелем СССР. В период сталинских репрессий являлся Генеральным прокурором СССР. С 1949 по 1953 год — министром иностранных дел СССР, заменив на этом посту попавшего в опалу Молотова.

Но после смерти Сталина Молотов вернул себе пост министра, а Вышинского направили представителем СССР в ООН с явным понижением в должности. Как дипломат он проявил себя не с лучшей стороны. По прокурорской привычке кричал на иностранных дипломатов, не обладал договороспособностью и умением идти на компромиссы. После казни Берии, в мутном омуте постсталинского передела власти, видимо, весьма опасался за свою судьбу с учётом личного участия в репрессиях. В 1954 году по официальной версии умер от инфаркта в помещении представительства в Нью-Йорке. Но существует и другая версия его гибели. В соответствии с ней он застрелился в служебном кабинете из личного оружия, хранившегося в сейфе. Об этом, в частности, в присутствии автора рассказывал профессор КИ КГБ СССР Ф. И. Видясов, работавший в 1940–50-х годах в МИД СССР референтом Молотова [3].

Полякову повезло в том смысле, что его выступление на партактиве, столь негативно воспринятое Вышинским, не имело пагубных последствий для служебной карьеры. К этому времени мнение Вышинского как «хромой утки», растерявшего какое-либо влияние, уже никого не интересовало. Однако фронтовик Поляков, честно выполнивший свой воинский и партийный долг перед Родиной, наверняка был глубоко уязвлен несправедливостью начальства по отношению к себе и общему делу. В начале дипломатической карьеры он ещё не поднаторел в кабинетных интригах среди сотрудников совзагранучреждений.

Осень 1960 года на очередную сессию Генеральной ассамблеи ООН прибыл Первый секретарь КПСС Н. С. Хрущёв. Поляков в числе других сотрудников ГРУ и КГБ, находившихся в Нью-Йорке, был включён в группу по обеспечению без-

опасности, поэтому присутствовал на всех мероприятиях с участием советского лидера. Присутствовал он на скандальном заседании в ООН, где Хрущёв колотил по столу ботинком, сопровождая этот гвалт бранью в отношении политических противников. Вслед за этим, Хрущёв «выступил» перед журналистами и фотокорреспондентами с балкона своей резиденции в Нью-Йорке, перед которым собралась огромная толпа. Небрежно одетый, с присущей ему мимикой и жестикуляцией, под улюлюканье толпы он нёс нечто несуразное. На следующий день все основные американские газеты поместили его карикатурные портреты, сопроводив их ядовитыми комментариями. Поляков, наблюдавший эти сцены, был потрясён. Ведь при И. В. Сталине уважение к вождю Страны Советов и её представителям было безоговорочным, а тут «стараниями» Хрущёва дождались откровенного посмешища.

В 1957 году с поста министра обороны СССР был снят Г. К. Жуков, а с поста начальника ГРУ ГШ Советской армии С. М. Штеменко. Произошло «разоблачение» антипартийной группы во главе с В. М. Молотовым. Вся процедура снятия полководцев Победы с должностей, её лицемерие и лживость предлогов к этому, не могли не подорвать доверие прошедшего войну Полякова к партийной системе того времени. У него возникали закономерные вопросы о том, как в условиях «самого справедливого социалистического общества» на руководящие посты в партии и государстве выдвигаются такие авантюристы и невежды как Хрущёв.

Видимо под влиянием этих событий Поляков в 1961 году инициативно обратился к американцам с предложением своих услуг. 17 июля 1986 года Поляков на допросе в Следственном отделе КГБ СССР показывал, что его внутреннее воз-

мущение достигло такой степени, что он решил принять личное участие в противодействии предпринимаемым советскими руководителями акциям на международной арене. И как следствие, обратился к американцам с предложив сотрудничество [1, с. 161].

На допросах и в судебном заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР Поляков неоднократно подчёркивал, что изменником Родины стал по идейным соображениям.

Что же побудило боевого офицера, снайпера-артиллериста, который не жалея жизни и здоровья защищал Родину на фронте, стать на путь предательства? Попытаемся проанализировать доступные исторические сведения, касающиеся изменения Полякова, с позиции сегодняшней науки.

Интересующая нас отрасль научного знания, изучающая психологическую мотивацию поступков людей в прошлом, известна как психоистория. Однако, ни в отечественной, ни в зарубежной литературе психоисторических работ, посвящённых исследованию феномена изменничества, обнаружить не удалось. В этой связи считаем целесообразным обратиться к соответствующим теоретическим представлениям, существующим в социальной и когнитивной психологии, в отношении интересующего нас объекта, а именно: мотивационной сферы личности. В нашем случае это личность реализовавшего изменнические намерения сотрудника советской разведки, существенные черты которой нашли отражение в исторических материалах.

Многие учёные-психологи убеждены, что предсказуемость персонального поведения в повседневной и профессиональной жизни по большей части реальна и объяснима. По нашему мнению, наиболее подходящей для целей данного

исследования является концепция, предложенная известными американскими психологами Л. Россом и Р. Нисбетом. Пытаясь решить эту задачу, Л. Росс и Р. Нисбет определили в качестве обобщающих представлений, имеющих первостепенное значение для решения вопросов по предсказанию и объяснению социального поведения личности, следующие три принципа. Это нечто вроде трёх китов, служащих основанием для решения поставленной проблемы.

Первый принцип имеет отношение к силе и тонкому, подчас скрытому характеру ситуационных влияний. Второй — обращает внимание на важность персонифицированных ситуационных интерпретаций в конкретных обстоятельствах. Третий — предписывает необходимость рассмотрения индивидуальной психики в качестве напряжённой системы, или «поля», характеризующимся равновесием между побуждающими и сдерживающими силами [4, с. 42].

Следуя положению концепции Л. Росса и Р. Нисбета о важности персонифицированных ситуационных интерпретаций конкретных жизненных обстоятельств, обратим внимание на следующие события в жизни нашего «героя». Полагаем, что обстоятельства, связанные с болезнью сына Полякова и отказа руководства представительства оплатить лечение в США, что, вероятно, стало причиной преждевременной смерти мальчика, оказалось сильное негативное влияние на отношение самого Полякова к советскому строю.

Однозначно как негативная может быть оценена персональная интерпретация Поляковым ситуации с его выступлением на партактиве в 1953 году. Вступив в ряды большевиков на фронте, активно участвуя в партийной жизни коллективов, где ему довелось служить, он наверняка

был глубоко уязвлен реакций Вышинского на его искреннее и деловое сообщение.

Умалению авторитета партийного руководства КПСС и лично Хрущёва в глазах Полякова способствовали и другие партийные и государственные мероприятия того времени: так называемая борьба с «культом личности» И. В. Сталина, увольнение со службы Жукова, Штеменко и других военачальников, завоевавших Победу. Стыдно было и за недостойное поведение Никиты Сергеевича во время визита в США в 1960 году.

Будучи в отпуске в Москве в 1961 году, Поляков стал свидетелем последствий не-продуманных, авантюристических шагов хрущёвского правительства в экономике. В стране ощущался недостаток основных продуктов питания, понизился уровень жизни населения. Вышеозначенные персонально интерпретированные Поляковым жизненные ситуации не могли не вызвать расхождения между официально провозглашаемыми КПСС целями и реальным положением дел. Для обозначения подобного рода напряжённости известный психолог Л. Фестингер ввёл термин «когнитивный диссонанс», который он трактовал максимально широко. В общих чертах под ним подразумевалась любая напряжённость, возникающая в психике личности во множестве ситуаций, когда различные факторы тянут аттитюды человека в разных направлениях [5].

Как мы указывали ранее, Л. Росс и Р. Нисбет предлагают рассматривать индивидуальную психику в качестве напряжённой системы или «поля», характеризующимся равновесием между побуждающими и сдерживающими силами [4, с. 42]. Под влиянием индивидуальной персонификации жизненных ситуаций, равновесное состояние этой системы может быть существенно нарушено. Возникший когнитивный диссо-

нанс требует разрешения, одним из путей, выхода из которого для советского разведчика может стать реализация изменнических намерений.

Американцы считали, что причиной предательства Полякова стало разочарование в советском режиме. Не отрицают эту версию и его бывшие сослуживцы, отмечая, что «идейное и политическое перерождение» происходило на фоне «болезненного самолюбия». В своих показаниях на следствии Поляков указывал, что «В основе моего предательства лежало как моё стремление иметь возможность открыто высказывать свои взгляды и сомнения, так и свойства моего характера — постоянное стремление к работе за гранью риска. И чем больше становилась опасность, тем интереснее становилась моя жизнь... Я привык ходить на острие ножа и не мыслил себе другой жизни» [1, с. 211].

В отличие от большинства других советских офицеров, завербованных ФБР и ЦРУ, Поляков не курил, почти не пил и не изменял жене. Сумму, полученную им от американцев за двадцать четыре года работы, можно назвать маленькой. По приблизительной оценке следствия, она составила около девяноста четырёх тысяч рублей по курсу 1985 года. (По курсу «чёрного рынка» того времени около 10 000 долларов. — *Прим. авт.*).

В начале 1980-х годов американцы предложили Полякову выехать в США. Но он отказался. По словам сотрудника ЦРУ в Дели в ответ на пожелание переехать в Америку в случае опасности, где его ждут с распространёнными объятьями, Поляков ответил: «Не ждите меня. Я никогда не приеду в США. Я делаю это не для вас. Я делаю это для своей страны. Я родился русским и умру русским». А на вопрос, что ждёт его в случае разоблачения, он ответил: «Братская могила».

Всё вышеприведённое говорит о том, что история предательства Полякова сильно отличается от историй большинства изменников послевоенного периода, таких как О.В. Пеньковский, П.С. Попов, Ю. Растворов и т.д. Как правило, последними двигали корыстные мотивы, жаждя «красивой жизни», разврат. Такая тенденция дала повод известному британскому историку разведки Кристофера Эндрю высказать мнение о существовании некого типа личности изменника из числа советских разведчиков. Он пишет, что «путь Олега Пеньковского, сотрудника ГРУ, работавшего на англо-американские спецслужбы и сыгравшего ключевую роль в Карибском кризисе 1962 года, был пройден и другими» [6, с. 21]. Однако, история свидетельствует, что у каждого из измен-

ников и перебежчиков нашёлся свой путь, сформированный их индивидуальными жизненными обстоятельствами и свойствами личности. Феномен Полякова яркий тому пример.

Психоисторический анализ предательства генерал-майора П.Д. Полякова является одной из попыток применения исторического знания в направлении совершенствования работы отечественных спецслужб. Выявление и пресечение изменнических намерений своих сотрудников — приоритетная задача разведки и контрразведки. Полагаем, что междисциплинарные, включая исторические исследования феномена изменничества имеют большую перспективу в решении этой вечной задачи.

Литература и источники

1. Мозохин О.Б., Сафонов В.М. Предатели. М.: Вече, 2023. — 320 с.
2. Прохоров Д.П. Перебежчики. Заочно расстреляны / Д.П. Прохоров. О.И. Лемехов. М.: «Вече». ЗАО «АРИА-АиФ». 2001. — 443 с.
3. *Рассстрелять как собак! Как сокамерник Сталина...* URL: <http://life.ru> (дата обращения: 31.02.2025 г.)
4. Росс Ли, Нисбет Ричард. Человек и ситуация. М.: Аспект Пресс, 2000. — 429 с.
5. Фестингер Леон. Теория когнитивного диссонанса. Спб.: «Ювента», 1999. — 318 с.
6. Эндрю Кристофер, Гордиевский Олег. КГБ, история внешнеполитических операций от Ленина до Горбачёва. М.: «Nota Bene», 1992. — 760 с.

Mironenko S. V.

Candidat of Historical Sciences, Samara Academies for gifted children ((Nayanova), Samara

General D.F. Polyakov: the anatomy of betrayal

The article attempts to analyze on a specific historical material the possible motives and reasons that led to the realization of treasonable intentions on the part of Major General of the GRU General Staff of the USSR D.F. Polyakov.

Keywords: traitors to the Motherland from among the special services; psychohistory; personalized situational interpretations; hidden nature of situational influences.

Бандурин С.Г.

Доктор исторических наук, профессор,
МИРЭА — Российский технологический университет,
Москва

Новое — хорошо забытое старое (о дефиниции «пограничные органы»)

В статье с опорой на архивные источники и современную терминологию сделана попытка исследовать в историческом контексте происхождение, содержание и применение дефиниции «пограничные органы».

Ключевые слова: документ; 5-е подразделения; пограничные войска; пограничные органы; НКВД СССР; ФСБ России; закон.

В советский период истории пограничную разведку осуществляли подразделения пограничных войск (пограничной охраны) СССР с использованием методов агентурно-оперативной деятельности, при наименовании которых применялись исторически сложившиеся, закреплённые в нормативных актах и служебной переписке термины и словосочетания: «секретно-оперативные части», «разведывательные отделы-отделения», «5-е отделы-отделения», «разведывательные аппараты», «оперативные аппараты», «контрразведывательные аппараты», «чекистско-разведывательные органы», «оперативные органы», «оперативные отделы-отделения». В настоящее время систему указанных подразделений принято называть «оперативные органы».

В ходе реформы и оптимизации, начавшихся в 2003 г., пограничные войска (Федеральная пограничная служба) в России были упразднены, что было закреплено юридически [1, 2, 3 и др.]. Новые пограничные структуры вошли в состав органов Федеральной службы безопасности в виде Пограничной службы ФСБ

России (в Центре) и пограничных органов (на местах).

Особо взволновало ветеранов и иных сочувствующих идея отказа от войсковой структуры; переименование застав в отделения, пограничных комендатур — в отделы, пограничных отрядов — в службы и т.п. новации; отказ от призывающего контингента; переход к формату «пограничной милиции» с опорой на агентурно-оперативную работу в сочетании с минимальным силовым блоком, способным задерживать при необходимости лишь нарушителей государственной границы и пограничного режима по принципу «догоним — будем ругать».

Флагманом в проведении подобной реформы выступило украинское и белорусское направления. Но 2022 год показал, что [особенно] на украинском направлении такой подход оказался совершенно нежизнеспособен, а на других операционных направлениях озадачились многими вопросами, что потребовало оперативного реагирования.

Реформа вызвала неоднозначную общественную реакцию. Основное

неприятие вызвала замена понятия «пограничные войска» на дефиницию «пограничные органы».

В контексте данной статьи дефиниция «пограничные органы» за более 20-летний срок основательно вошла в современный российский лексикон. Многим показалось, что это какая-то новация откровенно революционно-подвижнического характера. До определённого момента так думалось и автору этих строк.

Но работая в архивах, совершенно случайно было обращено внимание, что понятие «пограничные органы» фигурировало в ряде документов периода 1940-х годов. Заметим, что специального этициологического исследования не проводилось, но обнаруженные свидетельства располагают к некоторым размышлениям.

Итак, попались на глаза датируемые 1942 г. и изданные типографским способом (!) два документа НКВД СССР: «Розыскные списки агентов и пособников ...» [4, л. 1–2] и «Ориентировка о структуре и деятельности разведывательных и контрразведывательных органов Германии, действующих на Восточном фронте» [5, л. 1].

В частях, указывающих адресатов рассылки этих документов, указано: «Транспортные и пограничные органы НКВД». Заметим, что отдельно были указаны 1-е управление (разведывательное), 2-е управление (контрразведывательное), 3-е управление (секретно-политическое) и т.д.

Указанные документы адресно рассыпались именно в оперативные подразделения органов НКВД СССР, а под пограничными органами НКВД СССР подразумевались 5-е (разведывательные) подразделения пограничных войск. Ещё в ноябре 1938 г. повсеместно в пограничных округах, пограничных отрядах

и отдельных пограничных комендатурах были созданы 5-е (разведывательные) отделы и отделения, а их начальники стали заместителями начальников войск округа (пограничного отряда) или коменданта пограничного участка по разведке [6, л. 159].

В другом случае, в Справке 2-го отделения 2-го отдела 1-го управления (Оперативно-разведывательного) ГУПВ НКВД СССР за 1.03–31.12.1945 г. [7, л. 1–6] было указано, что «пограничные органы передали в территориальные органы безопасности и «СМЕРШ» 517 агентов».

Следовательно, и до 2003 г. существовало понятие «пограничные органы», под которыми подразумевались оперативные подразделения пограничных войск НКВД СССР.

В 1938–1946 гг., исходя из организационно-штатной структуры, 5-е (разведывательные) подразделения пограничных войск НКВД СССР осуществляли свою деятельность по ряду направлений: разведка за кордоном; контрразведка в прикордоне; следственно-фильтрационная работа; спецтехническая разведка и информационно-аналитическая работа.

В настоящее время российский законодатель расширил полномочия пограничных органов и дал им современную интерпретацию, о чём, например, свидетельствует ст. 30 соответствующего Закона [2].

Современные пограничные органы представляют собой структурные подразделения Пограничной службы Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ПС ФСБ России), основными задачами которых является защита и охрана государственной границы Российской Федерации.

Таким образом, дефиниция «пограничные органы» в историческом контексте

не является какой-то новацией и изобретением начала 2000-х годов. Это исторически обусловленный термин, которому

дали «вторую» жизнь, наполнив его новым содержанием, значительно расширив его.

Литература и источники

1. Указ Президента Российской Федерации от 11.03.2003 г. № 308 «О мерах по совершенствованию государственного управления в области безопасности Российской Федерации».
2. Закон Российской Федерации от 01.04.1993 г. № 4730-1 (ред. от 08.08.2024 г.) «О Государственной границе Российской Федерации».
3. Федеральный закон от 03.04.1995 г. № 40-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) «О Федеральной службе безопасности».
4. Центральный архив ФСБ России (далее — ЦА ФСБ России). Ф. 3. Оп. 9. Пор. 1215.
5. ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Пор. 254.
6. Центральный пограничный музей ФСБ России. Документальный фонд. Д.1132. Р.121.
7. ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Пор. 3090.

Bandurin S. G.

*Doctor of Historical Sciences, Professor,
MIREA — Russian Technological University,
Moscow*

New — well-forgotten old (about the definition of «border authorities»)

Based on archival sources and modern terminology, the article attempts to explore the origin, content and application of the definition of «border authorities» in a historical context.

Keywords: document; 5-th division; border troops; border authorities; NKVD of the USSR; FSB of Russia; law.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

АНИСИМОВ Дмитрий Сергеевич, преподаватель ГБПОУ Московской области «Колледж «Подмосковье», аспирант РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, член Общества изучения истории отечественных спецслужб, г.о. Химки.

БАНДУРИН Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор МИРЭА — Российского технологического университета, член Общества изучения истории отечественных спецслужб, Москва.

БАРАНОВ Андрей Владимирович, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета, член Общества изучения истории отечественных спецслужб, г. Краснодар.

БЕКМАН Эркки Йохан, доктор общественно-политических наук, доцент правовой социологии Университета Хельсинки, Финляндия, Хельсинки и доцент, специалист, Петрозаводского государственного университета, Россия, г. Петрозаводск.

БЕРНЕВ Станислав Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда, член Общества изучения истории отечественных спецслужб, Санкт-Петербург.

ВАСИЛЬЕВ Юрий Альбертович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и регионоведения Московского гуманитарного университета, Москва.

ВЕРИГИН Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук ПетрГУ, член Общества изучения истории отечественных спецслужб, г. Петрозаводск.

ВОЙТИКОВ Сергей Сергеевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Центра экономической истории Института российской истории Российской академии наук, член Общества изучения истории отечественных спецслужб, Москва.

ЖАДАН Александр Владимирович, доктор исторических наук, начальник Отдела научно-справочного аппарата Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, г. Владивосток.

ЖАРОВ Сергей Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор Института права Челябинского государственного университета, член Общества изучения истории отечественных спецслужб, г. Челябинск.

ИВАНОВ Вячеслав Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, доцент кафедры истории Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова, г. Симферополь.

ИЗМОЗИК Владлен Семёнович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «История и регионоведение» Санкт-Петербургского университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, член Президиума Общества изучения истории отечественных спецслужб, Санкт-Петербург.

КАЛЮЖНЫЙ Роберт Геннадьевич, курсовой преподаватель Краснодарского высшего военного авиационного училища лётчиков им. Героя Советского Союза А.К. Севрова, г. Краснодар.

КАРИМОВ Олег Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры геополитики и устойчивого развития общества РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, член Общества изучения истории отечественных спецслужб, Москва.

КАШИН Владимир Викторович, историк-исследователь, член Общества изучения истории отечественных спецслужб, г. Нижний Тагил, Свердловская область.

КОЛЕСНИКОВ Сергей Сергеевич, учёный секретарь Центрального музея войск национальной гвардии Российской Федерации, заслуженный работник культуры Российской Федерации, Москва.

КОРОЛЕВ Евгений Владимирович, экономист, специалист в области международных экономических отношений, Санкт-Петербург.

КРАЙ Казимир Иосифович, доктор наук в области безопасности, профессор факультета юридических и общественных наук университета Яна Кохановского, г. Кельце, член Общества изучения истории отечественных спецслужб, Польша, г. Краков.

КУКАРЕКА Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и доцент Российского Государственного социального университета, Москва.

КУРЕНКОВ Геннадий Александрович, кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории, член Общества изучения истории отечественных спецслужб, Москва.

КУТОВОЙ Александр Александрович, доцент, профессор Академии военных наук, Москва.

ЛИМАНСКИЙ Андрей Викторович, кандидат исторических наук, доцент, член военно-исторического общества, Москва.

МАРЧЕНКО Геннадий Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы Санкт-Петербургского университета МВД России, Санкт-Петербург.

МИРОНЕНКО Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Самарской академии для одарённых детей (Наяновой), член Общества изучения истории отечественных спецслужб, г. Самара.

МОЗОХИН Олег Борисович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, член Общества изучения истории отечественных спецслужб, Москва.

ПЛАТОНОВ Юрий Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, Москва.

ПЛЕХАНОВ Андрей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИЦ (фундаментальных военно-исторических проблем) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской

Федерации, профессор Академии военных наук, ответственный секретарь Общества изучения истории отечественных спецслужб, Москва.

ПОЛУЭКТОВ Иван Борисович, заведующий архивом Самарского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации, член Общества изучения истории отечественных спецслужб, г. Самара.

ПОПОВ Денис Александрович, учитель истории ГБОУ «Школа № 887», член Общества изучения истории отечественных спецслужб, Москва.

РАТЬКОВСКИЙ Илья Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры Новейшей истории России Института Истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург.

РОГАЧЕВ Владимир Владимирович, начальник отдела специальных фондов ГКУ РК «Государственный архив Республики Крым», г. Симферополь.

РУДНИК Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Санкт-Петербургского горного университета императрицы Екатерины II, член Общества изучения истории отечественных спецслужб, Санкт-Петербург.

СИДОРЕНКО Василий Павлович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, член Общества изучения истории отечественных спецслужб, Санкт-Петербург.

СЛОБОДЯНЮК Александр Александрович, ветеран боевых действий МИД РФ, член Общества изучения истории отечественных спецслужб, Москва.

СОЛОМОНОВА Виктория Валерьевна, преподаватель Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Липецкий филиал), член Общества изучения истории отечественных спецслужб, г. Липецк.

СТЕПАНОВ Алексей Сергеевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник НИЦ (фундаментальных военно-исторических проблем) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, член Общества изучения истории отечественных спецслужб, Москва.

ТУЖИЛИН Святослав Вячеславович, кандидат исторических наук, член Общества изучения истории отечественных спецслужб, Москва.

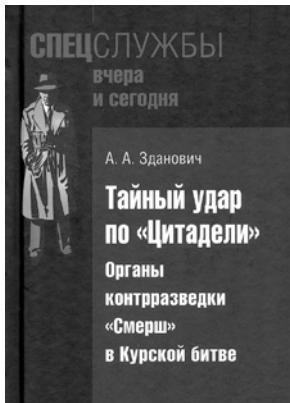
ТУМШИС Михаил Антонасович, исследователь, историк спецслужб, г. Самара.

УЛЬ Маттиас, доктор философии, член Общества изучения истории отечественных спецслужб, Германия.

УСОВ Алексей Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, директор Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, член Российского исторического общества, г. Владивосток.

ХЛОБУСТОВ Олег Максимович, историк, писатель, эксперт Фонда национальной и международной безопасности РУТУБ Красное радио, член Общества изучения истории отечественных спецслужб, Москва.

КНИЖНАЯ ПОЛКА ОБЩЕСТВА

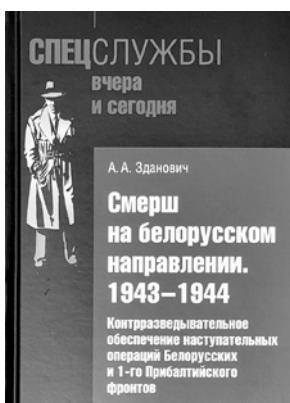
**Зданович А.А. Тайный удар по «Цитадели»:
Органы контрразведки «Смерш» в Курской
битве.**

М.: Кучково поле, 2023. — 544 с.

В новой работе А. А. Здановича всесторонне исследуется вопрос о деятельности особых отделов НКВД, а затем органов Смерша и период подготовки и проведения Курской битвы. На основе архивных документов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, автор рассматривает все аспекты деятельности контрразведчиков, которым удалось добиться значительных успехов в деле контрразведывательного обеспечения войск Красной армии. Путем проведения активных зафронтовых мероприятий и организации оперативного розыска им удалось в серьезной степени нейтрализовать попытки германских разведывательных, контрразведывательных и полицейских органов насадить массовую агентурную сеть в наших

тылах и непосредственно в войсках. С помощью радиоигр с разведорганами противника в штабы неприятеля успешно передавалась дезинформация, что затрудняло последним своевременно вскрывать замыслы и конкретные планы Ставки ВГК, военных советов армий и фронтов.

Книга будет интересна специалистам по истории спецслужб, а также широкому читателю, интересующемуся историей Великой Отечественной войны.

**Зданович А.А. Смерш на белорусском
направлении. 1943–1944. Контрразведывательное
обеспечение наступательных операций
Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов.**

М.: Кучково поле, 2024. — 576 с.

В очередной монографии А. А. Здановича рассматриваются вопросы обеспечения безопасности войск Красной армии на белорусском направлении в период с осени 1943 по август 1944 г., включая стратегическую наступательную операцию «Багратион». Основываясь на впервые вводимых в научный оборот недавно рассекреченных документах управлений Смерш Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов, а также Главного управления контрразведки НКО Смерш, автор монографии отразил все направления работы армейских чекистов по противодействию разведывательно-подрывной деятельности спецслужб Германии, раскрыл много новых успешных операций

сотрудников Смерш, которые позволили сохранять в тайне замыслы и планы командования, обеспечивать внезапность ударов частей и соединений Красной армии на основных направлениях боевых действий.

При этом автор не уходит от рассмотрения сложностей, которые возникали в тайном противоборстве с противником. Много внимания в монографии уделено активным зафронтовым мероприятиям аппаратов Смерш по проникновению в разведывательно-диверсионные школы Абвера и его полевые органы, прианные группе армий «Центр». Должное внимание удалено радиограммам как одному из самых сложных, но эффективных методов снижения активности разведки врага по добыванию необходимой ему информации и дезинформированию относительно планов Ставки ВГК и фронтового командования.

**Тотров Ю.Х. Английская разведка в России.
М.: СПб.: Нестор-История, 2023. — 480 с.**

Автор книги — ветеран внешней разведки Ю.Х. Тотров, который до отставки, помимо ЦРУ, занимался также СИС (Secret Intelligence Service), пользуясь консультациями бывших английских разведчиков Кима Филби и Джорджа Блейка.

Книга является результатом более чем 20-летнего исследования и охватывает период с конца XIX века до 1920 года. Некоторая содержащаяся в ней информация выходит за рамки этого периода. В книге приводятся неизвестные ранее эпизоды деятельности английской военной разведки в России до Первой мировой войны и работы против неё отечественной контрразведки. Впервые рассказывается об открытии официального представительства СИС в России, его постоянно увеличивающемся составе и деятельности. Даётся оценка версии об «английском следе» в убийстве Распутина. Особое место в книге занимает информация о подрывной работе «бывших союзников» против Советской России после ноября 1917 года в Петрограде и Москве, об английской военной интервенции на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке России. В ходе исследования были изучены соответствующие документы из российских, английских, американских и эстонских архивов, а также неопубликованные мемуары и личные архивы некоторых английских разведчиков. Ряд материалов впервые вводится в научный оборот.

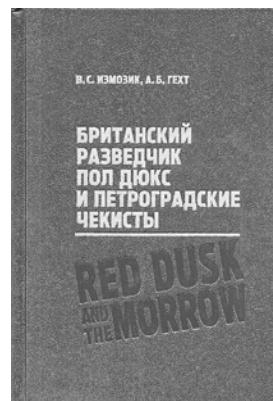
Книга предназначена для всех интересующихся историей России, российско-советско-английских отношений, а также деятельностью иностранных спецслужб.

**Измозик В.С., Гехт А.Б. Британский разведчик
Пол Дюкс и петроградские чекисты.
СПб.: Крига, 2022. — 624 с.**

Книга, подготовленная д.и.н. В.С. Измозиком и к.и.н. А.Б. Гехтом, посвящена борьбе петроградских чекистов с антибольшевистским подпольем, которое поддерживалось британской разведкой в 1918–1919 гг. Исследователи сосредоточили свое внимание на малоизученном сюжете — создании британским разведчиком Полом Дюксом антисоветской организации и ее разоблачении органами ВЧК. Основу издания составляют переведенные на русский язык и откомментированные воспоминания самого П. Дюкса, которому удалось бежать за границу. Не менее обширная и интересная часть книги — написанные на архивных (в первую очередь следственных) материалах очерки, посвященные разоблачению английского разведчика и его сообщников, а также основным героям этой истории — боровшимся со шпионажем петроградским чекистам и их противникам.

Издание снабжено документальными приложениями и предназначено как для широкого круга читателей, так и для специалистов-историков.

**Мозохин О.Б. Борьба с вредительством в СССР.
1927–1941 гг. / Олег Мозохин.
М.: Вече, 2025. — 512 с.**

Книга известного историка спецслужб О.Б. Мозохина посвящена государственной политике СССР в сфере борьбы с вредительством в период от начала индустриализации до начала Великой Отечественной войны, включая время коллективизации и массовых репрессий. Автор подробно, основываясь на архивных материалах, рассказывает о механизмах выявления и пресечения вредительства, о роли государственных органов в проведении репрессивной политики, о влиянии борьбы с вредительством на развитие промышленности и сельского хозяйства, а также о социально-экономических последствиях кампаний борьбы с вредительством.

**Мозохин О.Б., Сафонов В.Н. Синдикат-2.
Неизвестные ходы в лучшей игре советской
контрразведки.
М.: Родина, 2025. — 496 с.**

15 августа 1924 года в СССР из Парижа прибывает один из вождей террористического подполья, лидер «Народного союза защиты родины и свободы» Борис Савинков. Он рассчитывает установить контакт и использовать в борьбе с большевиками могущественную тайную организацию «ЛД». Однако ему невдомёк, что эта организация была полностью виртуальной, сформированной контрразведывательным отделом ГПУ–ОГПУ с единственной целью — заманить его в руки чекистов...

Эта операция, названная «Синдикат-2», считается непревзойдённой в истории спецслужб. О ней писали и раньше — но по сей день не были раскрыты все её секреты. Лишь в этом уникальном исследовании восполнены многие пробелы в её истории, раскрывающие полную картину искусной шахматной партии советской контрразведки — от дебюта до эндшпиля.

Бернев С.К., Хрисанов В.И. Партизаны в битве за Ленинград. Пятая ленинградская партизанская бригада К.Д. Карицкого и её боевой путь. 1943–1944 гг.: монография. Посвящается 80-летию полного снятия блокады Ленинграда и 80-летию Победы в Великой отечественной войне.

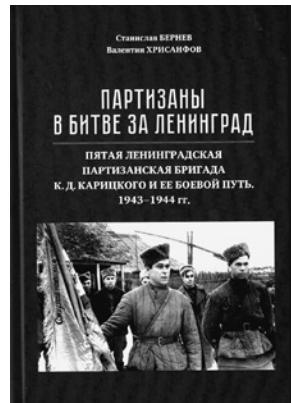
СПб: Арт-Экспресс, 2024. — 340 с.

Книга доктора исторических наук, профессора В.И. Хрисанова и кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда С.К. Бернева посвящена героическим страницам истории 5-й ленинградской партизанской бригады, первого боевого соединения, возникшего в 1943 г. и действовавшего на постоянной основе на территории нескольких районов оккупированной врагом территории Ленинградской области.

Как известно, партизаны, сражаясь в тылу врага, так же, как и бойцы на передовой Ленинградского и Волховского фронтов, вносили свой посильный вклад сначала в оборону осаждённого города, а затем в прорыв и снятие блокады Ленинграда. Вместе с частями и подразделениями Красной Армии они освобождали от врага оккупированные ранее территории Ленинградской области.

Авторы книги не только знакомят читателя с целостной картиной боевого пути прославленной 5-й партизанской бригады, но и, используя новые архивные материалы, вносят дополнения и уточнения в ранее публиковавшиеся сведения о ней.

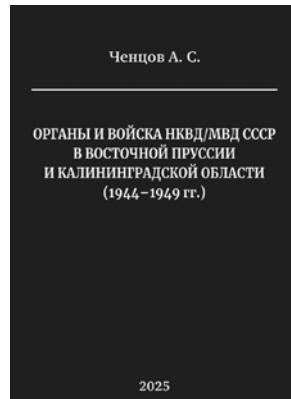
Книга рекомендуется всем, кто интересуется военной историей России, историей партизанского движения в Ленинградской области (в границах 1941 года) и историей обороны и блокады Ленинграда.

Ченцов А.С. Органы и войска НКВД/МВД СССР в Восточной Пруссии и Калининградской области (1944–1949 гг.): монография.

СПб.: Наукоемкие технологии, 2025. — 366 с.

Монография старшего научного сотрудника научно-исследовательского центра (фундаментальных военно-исторических проблем) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации А.С. Ченцова представляет собой обобщенное исследование вопросов деятельности органов и войск НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии и Калининградской области в 1944–1949 гг. На основе архивных источников, значительная часть которых впервые введена в научный оборот, автором выявлены особенности оперативной обстановки, складывавшейся в регионе на различных этапах интеграции северной части германской провинции Восточная Пруссия в состав Советского Союза, ее влияние на состав сил НКВД/МВД СССР, привлекаемых к решению оперативно-служебных задач. Особое внимание в монографии уделено анализу основных направлений деятельности органов НКВД/МВД СССР на территории Восточной Пруссии и Калининградской области в исследуемый период — борьбе с бандитизмом, уголовной преступностью, охране общественного порядка, документированию и прописке населения, фильтрации репатриантов, борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, организации пожарной охраны, а также осуществлению мероприятий по выселению немецкого населения из Калининградской области в советскую зону оккупации Германии в 1947–1948 гг.

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ НА ЛУБЯНКЕ

НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ: ПУТЬ К ПОБЕДЕ

(К 80-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне
и окончания Второй мировой войны)

Материалы XXIX международной научной конференции
(Москва, 4–5 декабря 2025 г.)

Выпускающий редактор *А.А. Плеханов*

Верстка *М.В. Великохатъко*

Дизайн обложки *С.С. Герасимович, Е.С. Благовидова*

Издательство «Фронткнига»
115280, Москва, 3-й Автозаводский проезд, д. 3.
Тел.: 925-700-1000.
E-mail bazaknig@bk.ru
www.frontbook.ru

Подписано в печать 16.10.2025 г. Формат 70x100/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл.-печ.л. . Тираж 300 экз. Зак.

Отпечатано в соответствии с представленным оригинал-макетом

ISBN 978-5-6052926-0-9

A standard 1D barcode representing the ISBN number 978-5-6052926-0-9.

9 785605 292609 >